

Энтони Кидис
Ларри Сломан

Scar Tissue

Посвящается Биллу и Бобу

Hyperion
New York

Благодарности

Предисловие

1 глава, “Я, я из Мичигана”

2 глава, “Паук и Сын”

3 глава, “Средняя школа Фейрфлекс”

4 глава, “Под Нулевым Солнцем”

5 глава, “Deer Kicking”

6 глава, “Красные Горячие”

7 глава, “Год Сурка”

8 глава, “Organic Anti-Beat Box Band”

9 глава, “Реформация”

10 глава, “Funky Monks”

11 глава, “Warped”

12 глава, “Через Стену”

13 глава, “Ничто”

14 глава, “Добро пожаловать в Californication”

15 глава, “Момент ясности”

ЭК (Энтони Кидис) хотел бы поблагодарить:

Ларри Ратсо Сломана за постоянное и искреннее внимание к тем, кто помогал ему составлять эту историю. Его любознательность внесла поистине неоценимый вклад в этот проект, но главное – это его уважение к другим людям. Благодарю Бога этого талантливого человека и его задиристый стиль.

Спасибо моим коллегам по группе, членам семьи, друзьям, врагам, сторонникам, клеветникам, учителям, людям, которые причиняли мне неприятности, и Богу за то, что эта история стала реальностью. Я люблю вас всех.

ЛС (Ларри Сломан) хотел бы поблагодарить:

Энтони за невероятную искренность, откровенность, память и чистосердечность.

Мишель Дюпон за чай, сочувствие и все остальное.

Дэвида Вильяно, Суперагента.

Боба Миллера, Лесли Уэллса, Мюриэль Тебид и Элайзу Ли из Nupregion.

Антонию Ходгсон и Мэдди Могфорд из Англии.

Бо Гарднера и Ванессу Хадибрата за помощь по моему первому зову.

Блэки Дэммета и Пегги Айдему за средне-западную гостеприимность и великодушие.

Гарри и Сэнди Циммерман и Хоуп Ховард за лос-анджелесскую гостеприимность.

Майкла Симмонса за EMS.

Всех друзей и коллег ЭК, которые потратили так много времени на воспоминания, особенно Фли, Джона Фрусчанте, Рика Рубина, Гая О, Луи Матье, Шерри Роджерс, Пита Уэйсса, Боба Форреста, Ким Джонс, Ион Скай, Кармен Хоук, Джейми Ришар, Йохану Логан, Хайди Клум, Линди Готеса, Эрика Гринспэна, Джека Шермана, Джека Айронса, Клиффа Мартинеса, Ди-Эйч Пелигро, Марка Джонсона, Дика Руда, Гэйджа, Брендена Маллена, Джона Почна, Кейта Бэрри, Кейта Морриса, Алана Башара, Гэри Аллена, Дэйва Джердена, Дэйва Ратта, Трипа Брауна, Текилу Мокингберд, Дедушку Теда, Джулии

Симмонс, Дженнифер Корман, Нэйта Оливера, Донда Бастона, Криса Хоя, Плезанта Гехмана, Айрис Берри, Сэт Хари и Аву Стэндер.

Клиффа Бенрштейна, Питера Мэнша и Гэйл Файн из Q-Prime.

Джилл Мэтсон, Акашу Желани и Бернадетт Фьореллу за потрясающее умение транскрибировать.

Langer's за лучшую копченую говядину к западу от Второй Авеню.

Митча Бланка и Джеффа Фридмана за срочный ремонт диктофона.

Люси и Бастера за составленную компанию, хоть и собачью.

Но больше всех благодарю свою восхитительную жену Кристи, которая поддерживала домашний очаг.

В 1983 четверо, называвших себя кулакоголовыми, взорвали состоящую из разных стилей по направленности, панк-рок сцену Лос-Анджелеса, с собственным, космическим, опасным, хард-кор фанком. Спустя 20 лет, RHCP несмотря ни на что стали одной из самых успешных групп в мире. Хотя группа прошла много перевоплощений, Энтони Кидис, автор стихов и динамичный исполнитель, был с группой на протяжении всего пути.

Scar Tissue - это откровенные воспоминания АК о его быстротекущей жизни. В возрасте 11 лет, выросший на среднем западе, АК переехал в Лос-Анджелес, к своему отцу, который был поставщиком таблеток, марихуаны и кокаина элите Голливуда. До 13 лет, он с отцом делил наркотики и девушек, во время разгульных вечеринок, на которых также были такие видные "огни" Сансет бульвара как Keith Moon, Jimmy Page и Alice Cooper. После непродолжительных попыток играть подростка в кино, Энтони бросил Калифорнийский университет, и с головой погрузился в мрак подпольной музыкальной сцены Лос-Анджелеса. Бездомный, он воровал еду, тайком проникал на концерты, принимал кокаин и героин. Кидис каждую ночь после часов проведенных в клубах, отчаянно пытался найти еще место, чтобы оторваться.

Наконец он нашел способ сделать это в музыке. Объединившись со своими тремя школьными приятелями, впервые в жизни у него появилась цель: выпустить на свободу свою сексуальную энергию и распространять Chili Peppers энергичные вечеринки в оригинальном Uplift Mofo Party стиле группы. Путешествуя по стране, Chili Peppers выступали в роли музыкальных первопроходцев, оказавших влияние на целое поколение музыкантов. ST содержит истории со знаменитостями, с которыми пересекались жизненные пути Энтони.

Но за чрезмерность и успех надо платить. В книге Кидис открыто пишет о передозировке его близкого друга и одноклассника Хилела Словака, и его собственную борьбу с наркотической зависимостью, которая сделала его бездомным мультимиллионером принимавшим "колеса" с мексиканской мафией под автомагистралями в латиноамериканских районах Лос-Анджелеса. Достигнув дна, Энтони отправляется в духовное путешествие, которое заведет его в Индию, Борнео, Таиланд и Новую Зеландию, для того чтобы понять, что ключ к просвещению зарыт на его собственном заднем дворе.

Неважно, будь то: воспоминания влияния прекрасной сильной женщины, которой он восхищался; возвращение к его разнообразным путешествиям, как то выступление перед полумиллионной аудиторией на Вудстоке, или встреча со смиренным Далай Ламой. Scar Tissue неотразима при прочтении. Это история о верности и развращенности, интригах и честности, безрассудстве и искуплении. История, которая могла произойти только в Голливуде...

Я сижу на диване в гостиной моего дома на Голливудских Холмах. Сегодня ясный, морозный январский день. Из окна открывается великолепный вид на Долину Сан-Фернандо. Когда я был моложе, я, как и все обитатели Голливудских Холмов, верил, что это место является убежищем для неудачников, которые не смогли пробить себе дорогу в Голливуде. Но чем дольше я живу здесь, тем больше убеждаюсь, что это самое душевное и тихое место в Лос-Анджелесе. И изо дня в день я просыпаюсь и первым делом смотрю на завораживающие горные вершины, покрытые снегом.

Но звонок в дверь возвращает меня к реальности. Несколько минут спустя красивая девушка входит в комнату, держа в руке изящный кожаный портфель. Она открывает его и достает оборудование. Закончив приготовления, она натягивает стерильные резиновые перчатки и садится рядом со мной на диван.

Изящный стеклянный шприц изготовлен в Италии. Он присоединен к пластиковой трубочке с микрофильтром, чтобы в мою кровь не попали какие-либо примеси. Игла новая, стерильная, очень тонкая.

Сегодня девушка забыла медицинский жгут, поэтому она снимает свой розовый в сеточку чулок и перевязывает им мне правую руку. Смазывает смоченным спиртом тампоном вену и втыкает в нее иглу. Кровь начинает просачиваться в пластиковую трубочку, а затем она медленно вводит содержимое шприца в мой кровяной поток.

Я тут же чувствую знакомую тяжесть в середине груди, откидываюсь на спинку дивана и расслабляюсь. Раньше мы делали четыре инъекции за раз, но теперь сократили их количество до двух. После того, как она снова наполнила шприц и сделала мне второй укол, она убирает иглу, достает чистый тампон и прижимает его к месту укола, чтобы избежать появления кровоподтека или шрама. Затем она берет полоску пластыря и приклеивает тампон к моей руке.

Мы сидим и говорим о трезвости.

Три года назад в этом шприце мог оказаться героин China White. Годами я сам наполнял шприцы и вкалывал себе кокаин, амфетамины, героин Black Tar, персидский героин, однажды даже LSD. А сегодня инъекции мне делает симпатичная медсестра, ее зовут Сэт Хари. То, что она вводит мне в кровь – озон, газ с приятным запахом, который уже много лет используют в Европе для лечения всего – от синяков до рака.

Я принимаю озон внутривенно, потому что когда-то, употребляя наркотики, заразился гепатитом С. Когда я узнал о своей болезни, где-то в начале 90-х, я изучил все с ней связанное и нашел режим питания, основанный на травах, с помощью которого можно было очистить печень и истребить гепатит. Это сработало. Мой лечащий врач был шокирован отрицательным результатом моих анализов. А озон – профилактическая мера, чтобы быть уверенным, что вирус не появится снова.

Потребовались годы опыта, самонаблюдения и самоанализа, чтобы втыкать иглы в вены не для введения отравы в организм, а для ее выведения. Но я не сожалею о своей юношеской неосмотрительности. Большую часть жизни я провел в поисках быстрого кайфа и хорошенького пинка. Я принимал наркотики под съездами с автомагистралей с малолетними мексиканскими преступниками и в гостиничных номерах, стоящих тысячу долларов в день. Теперь я пью витаминизированную воду и ем натуральную, а не специально выращенную лососину.

Вот уже двадцать лет я направляю свою любовь к музыке и сочинительству в русло вселенского творчества и духовности, записываясь и выступая в нашем уникальном звуковом стиле с моими братьями, которые со мной сейчас, и теми, которых со мной нет, в Red Hot Chili Peppers. Это мой рассказ о тех временах, история мальчишки из Гранд Рапидс, штат Мичиган, отправившегося в Голливуд, где он приобрел больше, чем мог удержать. Это моя история, мои шрамы.

1. "Я, я из Мичигана"

Я употреблял героин три дня подряд со своим мексиканским наркодилером Марио (Mario), как вдруг я вспомнил о концерте в Аризоне. К тому времени у моей группы Red Hot Chili Peppers был один альбом, и мы вот-вот должны были поехать в Мичиган на запись второго. Но сначала Линди (Lindy), наш менеджер, устроил нам концерт в диско-баре в Аризоне. Промоутером шоу был наш друг, он собирался заплатить нам больше того, чего мы стоили, и нам всем были нужны деньги, поэтому мы согласились играть.

Но я был в отвратительной форме, как впрочем, и всегда, когда я ходил на окраину города и тусовался с Марио. Марио был удивительным персонажем. Он был стройным, костлявым и коварным мексиканцем, который выглядел как немного увеличенная, сильная версия Ганди (Ghandi). Он носил большие очки, поэтому не выглядел таким порочным и вычурным. Но всякий раз, когда мы принимали кокаин или героин, он делал свои признания: "Мне нужно было нанести кому-то вред. Я боец мексиканской мафии. Мне звонят, и я даже не хочу узнавать детали. Я просто делаю свою работу. Загоняю человека в долги, и мне платят". Никогда нельзя было точно знать, была ли это правда или нет.

Марио арендовал квартиру в старом восьмиэтажном доме на окраине. Он делил это запущенное жильё со своей пожилой матерью, которая сидела в углу этой крошечной гостиной, в тишине смотря мексиканские мыльные оперы. Время от времени раздавались вспышки возмущений на испанском, и я спрашивал, будем ли мы принимать наркотики прямо там. У него были груды наркотиков, шприцев, ложек и жгутом прямо на кухонном столе. "Не волнуйся. Она не видит и не слышит, она не знает, что мы делаем", - заверял он меня. И я принимал спидбол, а в соседней комнате была бабушка.

Марио, вообще-то, не продавал наркотики в розницу, он работал напрямую с оптовиками. Поэтому ты получал огромное количество за доллар, но тогда ты должен был разделить свои наркотики с ним. Этим мы и занимались в тот день в его крошечной кухне. Брат Марио только что вышел из тюрьмы, и он тоже был там с нами, сидел на полу и кричал каждый раз, когда пытался, но не находил здоровую вену на своей ноге. Это был первый раз, когда я видел кого-либо без здорового места на руках, опустившегося до того, чтобы колоть себе в ногу, просто для того, что хоть как-то употребить наркотики.

Мы продолжали заниматься этим целыми днями и даже попрошайничали однажды, чтобы найти ещё немного денег на кокаин. Но было четыре-тридцать утра, и я понял, что мы должны были играть тем вечером. "О'кей, пора купить немного наркотиков, потому что мне нужно ехать сегодня в Аризону, а я не очень хорошо себя чувствую", - решил я.

Итак, Марио и я сели в мою небольшую зелёную дрянную развалюху Studebaker Lark и поехали в более страшную, глубокую, тёмную и менее друже-

любную часть окраинного гетто, чем та, где мы уже были. Это были улицы, на которых даже не хотелось находиться, за исключением того, что там были лучшие цены. Мы припарковались, а потом прошли несколько кварталов, пока не добрались до разваливающегося старого здания. “Поверь мне, тебе не нужно заходить, - сказал мне Марио, - Там внутри может случиться всё, что угодно, и это не будет чем-то хорошим. Поэтому просто давай мне деньги, и я достану всё, что нужно”.

Часть меня говорила: “Боже мой, я не хочу быть разорванным на куски здесь. Он никогда этого раньше не делал, и я не допущу, чтобы с ним что-то случилось”. Но другая, большая часть меня, просто хотела героин, поэтому я достал последние сорок долларов, которые я спрятал заранее, и отдал их ему. Он исчез внутри здания.

Я принимал кокаин много дней подряд, поэтому у меня были галлюцинации в странной неопределённости между сознанием и сном. Всё, о чём я мог думать, это о том, что мне действительно было нужно, чтобы он вышел из этого здания с моими наркотиками. Я снял с себя самое дорогое, свою старинную кожаную куртку. Годами ранее мы с Фли потратили все свои деньги на эти одинаковые кожаные куртки, и эта куртка стала для меня домом. В ней хранились мои деньги, ключи и в маленьком узком потайном кармане были мои шприцы.

А тогда я чувствовал себя настолько разбитым и замёрзшим, что просто присел на ограду и накинул куртку себе на грудь как одеяло.

“Давай, Марио, давай. Спустишься сейчас же”, - молил я. Я представлял, как он выходит из здания совершенно разной походкой. От спотыкающегося шага растоптанного парня до торопливой походки беззаботного парня, как бы говорящей: “Давай пойдём и примем это”.

Я только закрыл глаза на один момент, как вдруг почувствовал тень, приближающуюся ко мне. Я оглянулся и увидел направляющего ко мне неповоротливого, большого, грязного, сумасшедшего мексиканского индейца с парой огромных индустриального размера “голову прочь” ножниц. Он практически доставал до меня, поэтому я выгнул свою спину вперёд так, чтобы уйти от его удара. Но внезапно другой тощий маленький безумный мексиканский засранец выпрыгнул и оказался передо мной, держа в руках угрожающе выглядящий раскладной нож.

Я принял мгновенное решение, что ни за что не позволю большому парню вонзить его мне в спину; я лучше попробую разобраться с этим жалким подобием убийцы, который был передо мной. Всё происходило так быстро, но, когда ты можешь вот-вот умереть, ты переходишь в этот режим замедленного действия, где вселенная любезно даёт тебе шанс, раздвигая границы времени. Я подпрыгнул и, прикрывшись своей кожаной курткой, накинулся на тощего парня. Я кинул в него куртку и отвел от себя нож, потом выбил его и убежал так быстро, как только мог.

Я бежал и бежал без остановок пока не добрался до места, где была припаркована моя машина. Но потом я понял, что у меня не было ключей. У меня не было ни ключей, ни денег, ни шприцев и, что хуже всего, не было наркотиков. А Марио был не тем парнем, который бы вышел и искал меня. Поэтому я пешком пошёл назад к его дому. Взошло солнце, и нам нужно было через час ехать в Ари-

зону. Я подошёл к таксофону и нашёл немного мелочи, чтобы позвонить Линди: “Линди, я в районе седьмой улицы и Эльварато, я не спал некоторое время, моя машина здесь, но у меня нет ключей. Можешь подхватить меня по дороге в Аризону?”

Он привык к подобным бедственным звонкам от меня, поэтому через час наш синий фургон с оборудованием и другими парнями вывернул из-за угла. И расстроенный, грустный, разорванный и грязный пассажир забрался внутрь. Я сразу же ощутил холодный приём от остальных членов группы, поэтому я просто растянулся на полу между сиденьями, лёг головой на возвышение между двумя передними сиденьями и вырубился. Спустя часы, я проснулся, пропитанный потом, оттого, что лежал на верхушке двигателя, где температура была около 115 градусов. Но я чувствовал себя прекрасно. Мы с Фли разделили между собой таблетку ЛСД и отлично сыграли в том диско-баре.

Большинство людей рассматривают вопрос продолжения рода как простую биологическую функцию. Но я уверен, что на каком-то этапе духи выбирают родителей, потому что у этих потенциальных родителей есть определённые черты и качества, которые должны ассимилироваться в будущем ребёнке на протяжении его или её жизни. Итак, за двадцать три года до того, как я оказался на углу седьмой улицы и Эльварато, я впервые узнал Джона Майкла Кидиса (John Michael Kiedis) и Пэгги Ноубел (Peggy Nobel), двух прекрасных, но обеспокоенных людей, которые были для меня идеальными родителями. Эксцентричность, творческий потенциал и отрицание истеблишмента моего отца, соединённые со всепоглощающей любовью, теплотой и трудолюбивым постоянством моей матери, составляли оптимальный баланс черт для меня. Итак, по своей воле или нет, я появился на свет третьего февраля 1962 года в ужасно холодную и снежную ночь в крошечном доме на вершине холма в Грэнд Рэпидс, штат Мичиган.

Вообще-то, мои родители оба были бунтарями, каждый в чём-то своём. Семья моего отца иммигрировала в Мичиган из Литвы в начале 1900-х годов. Антон Кидис (Anton Kiedis), мой прадед был невысоким, коренастым, грубым парнем, который держал всё своё хозяйство в ежовых рукавицах. В 1914 году родился мой дед Джон Элден Кидис (John Alden Kiedis), последним из пяти детей. Затем семья переехала в Грэнд Рэпидс, где Джон пошёл в среднюю школу и отлично проявлял себя в учёбе. В юности он был подающим надежды эстрадным певцом а-ля Бинг Кросби (Bing Crosby) и отличным автором-любителем небольших рассказов. Растить в доме Кидисов значило, что мой дед не мог пить, курить сигареты или выражаться. У него не было проблем с соблюдением этого строгого стиля жизни.

В конечном счете, он встретил прекрасную женщину по имени Молли Вэнден-вин (Molly Vanden-veen), чьи корни частично были английскими, ирландскими, французскими и голландскими (и, как мы недавно узнали, в ней текла кровь могикиан, что объясняет мой интерес к культуре коренных американцев и мою связь с Матерью Землёй). Мой отец, Джон Майкл Кидис, родился в Грэнд Рэпидс в 1939 году. Четырьмя годами позже мои дедушка и бабушка развелись, и мой папа остался жить со своим отцом, который работал на фабрике, производящей танки для усиления армии.

Через несколько лет, мой дед снова женился, и у моего папы и его сестры началась более обычная семейная жизнь. Но мой папа не мог терпеть тиранию Джона Элдена. Папа должен был работать в семейном бизнесе (на бензоколонке, а позже в закусочной). Он не мог играть со своими друзьями, не мог поздно ложиться спать, не мог даже и думать о том, чтобы пить или курить сигареты. Во главе всего этого была его мачеха, Эйлин (Eileen), которая набожно придерживалась Голландской Христианской Реформы. Она заставляла моего отца ходить в церковь пять раз в неделю и три раза в воскресенье, этот опыт в будущем вызовет у него озлобление по отношению к организованной религии. В четырнадцать лет он убежал из дома, запрыгнул на автобус, ехавший в Милуоки, где он провёл большую часть времени, без билета пробираясь в кино и выпивая бесплатное пиво в пивных. Через некоторое время он вернулся в Грэнд Рэпидс и поступил в среднюю школу, где встретил Скотта Сэнт Джона (Scott St. John), симпатичного, распутного неудачника, который познакомил его с жизнью мелких преступлений. Я всегда расстраивался, когда слушал истории об их делах, потому что все они были неудачными. Однажды они пошли на близлежащий пляж, разделись до трусов, чтобы слиться с окружающими, а потом украли оставленный без присмотра бумажник. Но на пляже был, по крайней мере, один свидетель их преступления, поэтому немедленно появился офицер полиции, и он пришёл за двумя парнями в трусах-боксерах. Их повязали, и им пришлось провести всё лето в тюрьме.

В то время, как Джек, тогда он был известен под этим именем, и Скотт устраивали заварушки в Грэнд Рэпидс и за его границами, Пэгги Ноубел жила, что называется, обычной жизнью. Самая молодая в семье из пяти человек, моя мама была воплощением среднезападной милашки - миниатюрная и безумно милая брюнетка. Она была очень близка к своему отцу, который работал в Мичиганских Звонках. Она всегда описывала его как самого милого из мужчин - замечательный, любящий, добрый и весёлый. Пэгги не была так близка к своей маме, которая, хоть и была великолепной и независимой, плыла по течению жизни, закончила колледж и стала работать исполнительным секретарём, что, вероятно, делало её немного жёсткой. И, будучи в семье убеждённым педантом, она часто ссорилась с моей мамой, чьё бунтарское поведение приобретало неожиданные повороты. Мою маму приводила в восторг чёрная музыка, она слушала преимущественно Джеймса Брауна (James Brown), а позже Motown. Она также была в восторге от атлета звезды из её класса в средней школе, который, как оказалось был чёрным - довольно запретный роман для Среднего Запада 1958 года.

Вернёмся к Джеку Кидису, недавно вернувшемуся в Грэнд Рэпидс из тюремного заключения за кражу в Огайо. Его кореш Скотт протирал штаны в тюрьме Графства Кент за своё одиночное преступление, поэтому мой папа один пошёл на вечеринку в Восточном Грэнд Рэпидс однажды вечером в мае 1960 года. Он присматривал кого-нибудь подходящего для себя, смотря вглубь прихожей, как вдруг мельком увидел маленького темноволосого ангела, обутого в белые индейские мокасины. Сражённый, он растолкал людей и ринулся к тому месту, где видел её, но она уже ушла. Весь остаток ночи он провёл в попытках найти её, но смог только узнать её имя. Несколькими вечерами позже Джек появился в подъезде Пэгги, одетый в спортивную куртку и узкие джинсы, с огромным букетом

цветов в руках. Она согласилась встретиться с ним и пойти в кино. Через два месяца, получив благословление родителей, всё ещё семнадцатилетняя Пэгги вышла замуж за Джека, которому было двадцать. Это случилось накануне тридцать пятого юбилея свадьбы её родителей. Скотт Сэнт Джон был шафером. Через шесть месяцев отец Пэгги умер от диабетических осложнений. Ещё через несколько недель мой папа начал изменять моей маме.

К концу того года Джек каким-то образом уговорил Пэгги дать ему их новый синий Остин Хили и позволить ему с другом Джоном Ризером (John Reaser) поехать в Голливуд. Ризер хотел встретиться с Аннетт Фуничелло (Annette Funicello), а мой папа хотел открыть себя миру и стать звездой кино. Но больше всего он не хотел быть привязанным к моей маме. После нескольких месяцев несчастных приключений двое друзей остановились в Сан-Диего и жили там до тех пор, пока до Джека не донеслась весть о том, что в Грэнд Рэпидс Пэгги встречалась с мужчиной, у которого была обезьяна. Безумно ревнуя, он ехал со скоростью сто миль в час без остановок и вернулся обратно к моей маме, которая всего лишь невинно дружила с владельцем примата. Через несколько недель, убеждённый в том, что совершил огромную ошибку, Джек вернулся назад в Калифорнию. Весь следующий год мои родители колебались между тем, что были вместе и расставались, были в Калифорнии и Мичигане. Одно из таких согласований привело к сложной поездке на автобусе из солнечной Калифорнии в морозный Мичиган. На следующий день я был зачат.

Я родился в госпитале Святой Марии в Грэнд Рэпидс в пять утра первого ноября 1962 года, весом всего в семь с половиной фунтов и ростом в двадцать один дюйм. Я был почти ребёнком Хэллоуина, но то, что я родился именно первого ноября, было ещё более особенным для меня. По магии цифр единица настолько мощная, что наличие трёх единицы подряд, значит очень хороший отправной пункт в жизни. Моя мама хотела назвать меня в честь моего отца, что сделало бы меня Джоном Кидисом третьим. Но мой отец склонялся к варианту Кларк Гейбл Кидис (Clark Gable Kiedis) или Каридж (Храбрость) Кидис (Courage Kiedis). В итоге, они остановились на имени Энтони Кидис (Anthony Kiedis). Это было данью уважения моему прадеду. Но с самого начала, я был известен как Тони (Tony).

После того, как меня забрали из больницы, я присоединился к своему папе, своей маме и их собаке Пэнзеру (Panzer) в их крошечном, построенном правительством доме в сельской местности за пределами Грэнд Рэпидс. Но в следующие две недели у моего папы проснулось желание сменить обстановку, и он стал крайне раздражительным. В январе 1963 года мой дед Джон Кидис решил переместить корни всей семьи и переехать в более тёплые места, Палм Бич, Флорида. Итак, он продал свой бизнес, упаковал все ценные вещи, взял свою жену и шестерых детей, плюс мою маму и меня. Я не помню, как я жил во Флориде, но моя мама говорит, это было приятное время, особенно когда мы вышли из-под хомута оскорбительного патриарха семьи Кидисов. Поработав в прачечной и накопив немного денег, моя мама нашла маленькую квартиру над винным магазином в Западном Палм Бич, и мы въехали туда. Когда она получила счёт за двухмесячную аренду жилья от бабушки Кидиса, она быстро написала ему: “Я отправила счёт

твоему сыну. Надеюсь, он вскоре даст о себе знать”. Мама тогда работала в Ханиуэлл, зарабатывая шестьдесят пять долларов в неделю, стоимость недельной аренды нашего жилья. И ещё на десять долларов, мне нанимали дневную сиделку. По рассказам моей мамы, я был очень счастливым ребёнком.

Тем временем мой папа был один в его пустом доме в сельской местности. По совпадению, от одного из его лучших друзей ушла жена, поэтому два приятеля решили переехать в Европу. Папа просто оставил дом, машину в гараже, взял свои клюшки для гольфа, печатную машинку и другое его скудное имущество и отправился в Европу на С. С. Франция. После чудесной пятидневной поездки, которая включала завоевание молодой французской женщины, которая была замужем за копом из Нью-Джерси, мой папа и его друг Том поселились в Париже. К тому времени Джек отрастил длинные волосы, и он симпатизировал битникам на Левом Берегу. Они прожили вместе несколько приятных месяцев, сочиняя стихи и выпивая вино в заполненных дымом кафе, но у них кончились деньги. Они поехали автостопом в Германию, где они получили армейские должности, чтобы бесплатно вернуться в Штаты на военном корабле.

Они были как сардины в консервной банке, тряслись на волнах бурных морей, уклоняясь от рвоты и оскорблений типа: “Эй, Иисус, постригись”. Та поездка домой была самым плохим опытом в жизни моего отца. Каким-то образом он уговорил мою маму снова переехать жить к нему. После того, как её мама умерла в трагической автомобильной катастрофе, все мы переехали обратно в Мичиган в конце 1963 года. К тому времени мой отец настроился следовать по дорожке, проторенной Джоном Ризером, и поступил в колледж на двухгодичные курсы, преуспел во всех дисциплинах, получил стипендию на учёбу в хорошем университете а, в конечном счёте, устроился на хорошую работу и занял лучшую позицию, чтобы содержать семью.

Следующие два года он занимался именно этим. Он закончил колледж, получил много стипендий разных университетов, но выбрал стипендию, предложенную Университетом Лос-Анджелеса (UCLA). Он пошёл в кинематографическую школу и реализовал свою мечту жить в Лос-Анджелесе. В июле 1965 года, когда мне было три, мы переехали в Калифорнию. У меня сохранились некоторые неопределённые воспоминания о первой квартире, в которой мы жили втроём. Но менее чем через год мои родители снова расстались и снова из-за других женщин. Мы с мамой переехали в квартиру на улице Огайо, и она устроилась на работу секретарем в юридическую фирму. Даже притом, что она жила обычной жизнью, она всегда утверждала, что в душе она была хиппи. Я хорошо помню, как по выходным она брала меня с собой в Гриффит Парк на новый вид социального выражения, который назывался Время Любви. Зелёная холмистая местность была заполнена людьми, которые устраивали пикники, делали бусы любви и танцевали. Это всё было очень празднично.

Каждые несколько недель мой привычный ход жизни прерывался особой радостью, когда приезжал мой папа и забирал меня на прогулки. Мы шли на пляж и спускались по скалам, папа доставал из кармана расчёску, а крабы хватались прямо за неё. Потом мы ловили морских звёзд. Я приносил их домой и старался

хранить их живыми в ковше с водой, но они быстро умирали и воняли на всю квартиру.

Каждый по-своему, мы процветали в Калифорнии, особенно мой папа. В UCLA у него произошёл творческий взрыв, и он фокусировал на мне каждый свой студенческий фильм. Из-за того, что он был моим отцом, он по-особенному режиссировал мои действия, и все фильмы в итоге выигрывали в конкурсах. Первый фильм, Экспедиция Мальчика, был красивым размышлением мальчика двух с половиной лет, который едет по улице на своём трёхколёсном велосипеде, далее в замедленном действии его взгляд переводится в сторону и останавливается на долларовой купюре. В остальной части фильма я дико катаюсь по окраине Лос-А., хожу в кино, покупаю комиксы, еду на автобусе и встречаю разных людей, благодаря тому доллару, который он нашёл. В конце всё это оказывается моей фантазией, потому что я кладу в карман купюру и уезжаю на моём трёхколёсном велосипеде.

Подающая надежды режиссёрская карьера моего отца была пущена под откос в 1966 году, когда он встретил молодую официантку роллершу, которая познакомила его с травой. Когда мне было четыре, мы с папой были на очередной нашей прогулке, гуляли по Сансет Стрип, как вдруг он внезапно остановился и мягко выдохнул немного дыма от травы мне в лицо. Мы прошли ещё несколько кварталов, и я становился всё более и более возбуждённым. Затем я остановился и спросил: “Папа, я сплю?”

- Нет, ты не спишь, - сказал он.

- О'кей, - я пожал плечами, побежал и влез на светофорный столб как маленькая обезьяна, чувствуя, что моё сознание немного изменилось.

Когда мой папа стал курить траву, он начал тусоваться в музыкальных клубах, которые были частью новой жизни, кипевшей на Сансет Стрип. Соответственно, мы всё меньше и меньше его видели. Каждое лето мы с мамой ездили в Грэнд Рэпидс увидеться с родственниками. Бабушка Молли (Molly) и её муж, Тэд (Ted), брали меня на пляж Грэнд Хэйвен, и мы отлично проводили время. В один из таких приездов летом 1967 года моя мама встретила Скотта Сэнт Джона на пляже Грэнд Хэйвен. После того, как они провели некоторое время вместе, он уговорил её вернуться с ним в Мичиган в декабре 1967 года.

Сам переезд не был таким уж травмирующим, но то, что Скотт вмешивался в нашу жизнь, определённо тревожило меня. В этом хаотичном персонаже не было ничего домашнего, спокойного или комфортного. Он был большим, жёстким, смуглым и скупым, с чёрными сальными волосами. Я знал, что он работал в баре и много дрался. Однажды я проснулся рано утром и пошёл в комнату моей мамы, а он лежал там на кровати. Его лицо было просто размазано: с чёрными глазами, окровавленным носом, порванной губой и порезами. Кровь была повсюду. Моя мама накладывала лёд на одну часть его головы и смывала кровь с другой части его лица, говоря ему, что, вероятно, нужно пойти в больницу. Он просто был грубым, колючим и скупым. Меня тревожил тот факт, что моя мама была влюблена в этого парня. Я знал, что он был другом кому-то в нашей семье, но я не понимал, что он был лучшим другом моего папы.

Скотт был несдержанным, вспыльчивым и физически сильным. Это был первый раз в моей жизни, когда меня довольно серьёзно отшлёпали. Однажды я решил, что мне не нравится этикетка на задней части моей любимой синей куртки, потому что она натирала мне шею. В моей комнате было очень темно, но я знал, где лежали ножницы, поэтому я взял их и начал отрезать этикетку. В итоге я прорезал огромную дыру в куртке. На следующий день Скотт увидел дыру, спустил мои штаны и отшлёпал меня веником.

И на куртке появилась небольшая грубая заплата. Мы жили в очень бедной части Грэнд Рэпидс, и я пошёл в новую школу, чтобы закончить детский сад. Внезапно я перестал заботиться об учёбе и стал маленьким жуликом. Я помню, как шёл по школьному двору и дико матерился, мне было пять. Я выкрикивал сорок ругательств подряд, пытаюсь впечатлить своих новых друзей. Какой-то учитель услышал меня и вызвал моего классного руководителя на совещание, и у меня начало развиваться устойчивое мышление, что властные структуры были против меня.

Другим проявлением моих эмоциональных противоречий был эпизод с леденцами Слим Джим. Я был с другом, и у нас не было денег, поэтому я украл немного этих леденцов из кондитерской. Владелец позвонил моей маме. Я сейчас уже не помню, каким было наказание, но кража леденцов Слим Джим из магазинов не была обычным делом, которым занимаются шестилетние мальчики в Грэнд Рэпидс.

В июне 1968 года моя мама вышла замуж за Скотта Сэнт Джона. Моей задачей было нести кольцо, а на приёме мне подарили фиолетовый велосипед Стингрэй, что привело меня в восторг. Теперь их свадьба ассоциировалась у меня с отличным велосипедом, у которого были прекрасные тренировочные колёса. В то время был период, когда я практически не видел своего отца, потому что он уехал в Лондон и стал хиппи. Но время от времени я получал посылки из Англии, наполненные футболками и бусами. Он писал мне длинные письма и рассказывал о Джими Хендриксе (Jimi Hendrix), Led Zeppelin и многих других группах, которых он видел. Он также упоминал о том, какие отличные были английские девушки. Это было похоже на то, что мой папа в какой-то психоделической диснейлэндской поездке по всему миру, а я застрял в Снежной Заднице, город Нигде, США. Я знал, что там, в мире была вся эта магия и, что мой отец каким-то образом мог быть моим ключом к этому. Но я также, особенно вспоминая сейчас, наслаждался тем, что рос в более спокойном климате.

Тем летом я поехал на несколько недель в Калифорнию увидеться с папой, который вернулся из Лондона. У него была квартира на улице Хилдэйл в Западном Голливуде, но мы провели много времени в Каньоне Топанга, где у его девушки Конни (Connie) был дом. Конни была фантастическим персонажем с длинными вьющимися рыжими волосами, мягкой кожей, она была очень красивой и сумасшедшей. Помимо Конни, друзьями моего папы были все эти отборные, наполненные наркотиками ковбои-хиппи. Среди них был Дэвид Уивер (David Weaver), беспрестанно говорящий человек с волосами до плеч, круглыми усами, одетый как обычный калифорнийский хиппи (но, конечно не так стильно как мой отец). Он был ужасный скандалист, который дрался как росوماха. Последним в

треугольнике друзей моего папы был Алан Башара (Alan Bashara), ветеран войны во Вьетнаме, который носил огромное афро на голове и густые усы. Башара не был мачо или жёстким хипповым парнем. В компании он больше походил на Джорджи Джессела (Jorge Jessel), выдавая кучу шуток в минуту. Итак, с Дэвидом, крутым, жёстким, дерущимся парнем; моим отцом, творческим, интеллектуальным, романтичным; и с Аланом, комиком, у них всё получалось. Им всегда хватало женщин, денег, наркотиков и веселья. С этими парнями вечеринка длилась круглые сутки.

У Уивера и Башары был дом рядом с жилищем Конни, и они управляли просто огромным бизнесом по продаже марихуаны из Каньона Топанга. Когда я впервые туда попал, я не понимал всего этого; всё, что я увидел, это людей, которые постоянно курили траву. Но затем я вошёл в комнату, а Уивер сидел и пересчитывал пачки денег. Я был уверен, что дело было серьёзным. Я подумал: “О'кей, я даже не знаю, хочу ли я находиться в этой комнате, потому что они тут что-то считают”. И я пошёл в следующую комнату, где на огромных непромокаемых брезентах возвышалась маленькая горка марихуаны. Конни постоянно приходила и забирала меня поиграть в каньоне. Она говорила: “Не ходи в эту комнату! Не ходи в ту комнату! Посмотри, убедись, что никто не идёт!” Всегда присутствовал элемент тревоги, что мы делали то, за что нас могли поймать. Это немного волновало ребёнка, но в то же время я думал: “Хмм, что же здесь происходит? Откуда у этих парней столько денег? Что все эти симпатичные девушки здесь делают?”

Я хорошо помню то чувство беспокойства за моего папу. Однажды все его друзья переезжали из одного дома в другой и наполнили большой открытый грузовик всем своим имуществом. Мой папа запрыгнул наверх и поехал на матрасе, который сомнительно балансировал на всех остальных вещах. Мы отправились и сильно наклонялись, спускаясь по этим дорогам каньона, а я смотрел на папу, едва державшегося за матрас, и кричал: “Папа, не упади”.

“О, не волнуйся”, - говорил он, но я волновался. Это было только началом этой темы, потому что многие последующие годы, я до смерти боялся за жизнь моего папы.

Но я также помню, как много веселился. Мой папа, Конни, Уивер и Башара вместе ходили в Загон, небольшой отвязный бар в центре Каньона Топанга, где регулярно играли Линда Ронстдат (Linda Ronstadt), Eagles и Нейл Янг (Neil Young). Я шёл со взрослыми и был единственным ребёнком в толпе. Все были уже никакими от выпивки и наркотиков, а я танцевал до упада на танцполе.

Когда я вернулся в Мичиган, ничего особо не изменилось. Первый класс прошёл без каких-либо примечательных событий. Моя мама днём работала секретарём в юридической фирме, и после школы я оставался с няней. Но в моей жизни произошёл решительный поворот осенью 1969 года, когда мы переехали на улицу Пэрис. Раньше мы жили действительно в бедном загрознённом районе города с множеством картонных домов и трущоб, но улица Пэрис была как на картине Норманна Роквелла (Norman Rockwell). Дома для одной семьи, стриженные лужайки и опрятные, чистые гаражи. К тому времени Скотт практически ушёл из

нашей жизни, но ему хватило того времени, что он провёл с нами, чтобы оплодотворить мою маму.

Внезапно, три прекрасных молодых девочки тинейджеры стали следить за мной после школы. В возрасте семи лет, я был ещё немного молод, чтобы влюбляться, но я обожал этих девочек как брат, боясь их красоты и подающей надежды женственности. Я был очень счастлив, проводить с ними время, смотря телевизор, плавая в местном бассейне или прогуливаясь в небольших лесных зонах. Они показали мне Бухту Пластэр, которая на последующие пять лет станет для меня секретной убежищем, святой землёй вдали от мира взрослых. Там мы с друзьями могли исчезать в лесах, строить лодки, ловить лангустов и прыгать с мостов в воду. Поэтому это определённо было огромным облегчением, переехать в тот район, где всё казалось лучшим, и где росли цветы.

Мне даже нравилась школа. Принимая во внимание то, что моя предыдущая школа казалась тёмной, мрачной и тоскливой, Начальная Школа Бруксайд была приятно выглядящим зданием, у которой были прекрасные земли и атлетические поля, которые простирались около Бухты Пластэр. Я не был модником как остальные мои одноклассники, потому что мы были на пособиях после того, как моя мама родила мою сестру Джули (Julie). Поэтому я носил все подходящие мне вещи, которые мы получали из местных благотворительных учреждений. И по особым случаям я надевал футболку с надписью “Ливерпуль - это круто”, которую мне подарил папа. То, что мы были на пособиях, в принципе, никак не проявлялось. И только около года спустя, когда мы были в продуктовом магазине, и все платили наличными, а моя мама достала эти, похожие на деньги из игры Монополия, карточки, чтобы заплатить за продукты.

Нахождение на пособиях беспокоило её, но меня никогда не тревожило это так называемое клеймо. Жить с одним родителем и видеть, что у всех моих друзей были мамы и папы, жившие вместе, не вызывало у меня зависти. Мы с мамой разрывались на части от дел, и когда появилась Джули, я был безумно счастлив появлению няни. Я действительно был защитой для Джули до тех пор, как через несколько лет она стала субъектом большого количества моих экспериментальных попыток.

К третьему классу у меня сформировалось настоящее недовольство школьной администрацией, потому что, если что-то было не так, если что-то было украдено или сломано, если побили какого-то парня, то меня, как обычно, выгоняли из класса. Я, вероятно, действительно был ответственным за девяносто процентов всех разрушений, но я быстро стал опытным лгуном, обманщиком и настоящим художником жульничества, чтобы выбираться из большинства проблем. Я был просто бедствием, и мне в голову приходили все эти смехотворные идеи, вроде: “А давайте снимем металлические гимнастические кольца, которые висят рядом с трамплинами, используем их как лассо, и запустим их прямо в окно школы, которое выходит во двор”. Мой лучший друг, Джо Уолтерс (Joe Walters) и я тихо вышли из дома однажды поздно ночью и сделали это. А когда пришли люди из администрации школы, мы как лисы сбежали на Бухту Пластэр и нас не смогли поймать (спустя много, много лет я послал в школу Бруксайд анонимный денежный чек, чтобы возместить убытки).

Мои проблемы с представителями власти увеличивались по мере того, как я взрослел. Я терпеть не мог директоров, а они не могли терпеть меня. Я любил своих учителей до пятого класса. Они все были женщинами, добрыми и нежными, я думаю, что они видели мой интерес к учёбе и мою способность перевыполнять нужные требования на тот момент. Но к пятому классу я достал всех преподавателей, даже притом, что они были отличными.

В то время в моей жизни не было ни одного человека мужского пола, который мог бы обуздать моё антиобщественное поведение (как будто кто-либо из мужчин в моей жизни мог это сделать). Когда моей сестре Джули было три месяца, полиция начала наведываться в наш дом в поисках Скотта, потому что он пользовался краденными кредитными картами. Однажды ночью они подошли к двери, и мама отослала меня к соседям, пока они допрашивали её. Через несколько недель пришёл Скотт, ворвался в дом в сильном гневе. Он узнал, что кто-то позвонил моей маме и сказал, что он изменял ей, поэтому он рванул к телефону в гостиной и сорвал его со стены.

Я начал ходить за ним по пятам, как тень, моя мама была напугана, а я нисколько не боялся. Он вошёл в мою комнату, чтобы взять мой телефон, но я бросился преградить ему путь. Я не думаю, что мне что-либо удалось, но я приготовился драться с ним, используя всю технику, которой он меня научил несколькими годами раньше. Моя мама, наконец, послала меня за соседями, но было ясно, что хорошему отношению к Скотту в этом доме пришёл конец.

Тем не менее, примерно через год он попробовал снова наладить отношения с моей мамой. Она полетела в Чикаго с маленькой Джули, но он так и не появился на месте их возможной встречи, его поймали копы. У мамы не было денег на обратную дорогу домой, но представители авиалиний были очень добры и позволили ей долететь домой бесплатно. Мы пошли навестить его в жестокой тюрьме строгого режима, и она показалась довольно интересной, хотя я и немного смущался. На пути домой моя мама сказала: “Это был первый и последний раз”. И вскоре после этого она развелась с ним. К счастью для неё, она работала на юристов, поэтому это ничего ей не стоило.

Тем временем моё восхищение отцом постоянно возрастало. Я каждое лето не мог дождаться тех двух недель, когда я летел в Калифорнию и воссоединялся с ним. Он всё ещё жил на верхнем этаже двойного дома на улице Хилдэйл. Каждое утро я вставал рано, но мой папа спал до двух часов дня после ночных вечеринок, поэтому мне приходилось находить себе развлечения на первую половину дня. Я ходил по квартире и искал, чего бы почитать, и в один из таких поисков, я обнаружил огромную коллекцию журналов Penthouse и Playboy. Я просто прожигал их глазами. Я даже читал статьи. Я не подозревал, что это были “грязные” журналы или в любом случае запретные, потому что папа не выходил и не говорил: “О, Боже, что ты делаешь?” Он скорее подходил, видел, на что я смотрю, и говорил: “Не правда ли эта девушка невероятно сексуальна?”. Он всегда хотел относиться ко мне как к взрослому, поэтому он открыто и свободно говорил о женских гениталиях и о том, чего ожидать, когда я окажусь там внутри.

Его спальня была в конце дома, и прямо под окном росло дерево. Я помню, как он объяснял свою систему раннего обнаружения и план побега. Если копы

придут за ним, он хотел чтобы я остановил их у входной двери, чтобы он смог выпрыгнуть из окна спальни, сползти по дереву на крышу гаража, спуститься на землю за ним около квартирного дома и дальше перебежать на следующую улицу. Это было слишком сложно для меня в мои восемь лет: “А что если копы просто не придут к нашей двери?” Но он рассказал мне, что его уже ловили за хранение травы несколько лет назад, и к тому же копы били его просто за то, что у него были длинные волосы. Эта ситуация до смерти пугала меня. Я, конечно, не хотел, чтобы моего папу били. Всё это только укрепило моё отвращение к властям.

Даже притом, что я беспокоился о благосостоянии моего папы, те поездки в Калифорнию были самым счастливым, беззаботным временем в моей жизни, когда мир был как прекрасная устрица. Я ходил на первые в моей жизни музыкальные концерты и видел таких артистов как Deep Purple и Рода Стюарта (Rod Stewart). Мы ходили смотреть фильмы Вуди Аллена (Woody Allen), раз или два это даже были фильмы для взрослых. Также мы сидели дома и смотрели все эти психоделичные телевизионные шоу, такие как, “Обезьяны” и “Час приключения банановых очистков”. В последнем какие-то парни одевались в собак, ездили на маленьких машинах и ввязывались в приключения. В то время жизнь для меня была психоделичной, весёлой, полной солнечного света, и всё было хорошо.

Довольно часто мой папа, не планируя этого заранее, навещал нас в Мичигане. Он приезжал с множеством тяжёлых чемоданов, которые он хранил в подвале. Во время моих поездок в Калифорнию я понял, что он занимался перевозкой огромных грузовиков, наполненных марихуаной. Но то, что во время своих приездов к нам, он занимался именно этой перевозкой, всегда оставалось тайной. Я просто пребывал в эйфории оттого, что он был рядом. И он очень сильно отличался от всех других людей в штате Мичиган. Все в моём квартале, все, с кем я вступал здесь в контакт, носили короткие волосы и рубашки с короткими рукавами на пуговицах. Мой отец приезжал в туфлях и змеиной кожи с шестидюймовой серебряной платформой и нарисованными радугами, низких джинсах, полностью расшитых сумасшедшим вельветовым узором. Он носил гигантские ремни, покрытые бирюзой, обтягивающие короткие футболки с какими-то отличными эмблемами и тесные маленькие вельветовые рокерские куртки из Лондона. Его немного выпадающие волосы спускались до талии, у него были густые округлые усы и огромные бакенбарды.

Моя мама абсолютно точно не принимала его как лучшего друга, но она понимала, насколько важен он был для меня, поэтому она всегда была с ним очень приятной и облегчала наши взаимоотношения. Он находился в моей комнате, а когда уходил, она садилась рядом со мной, и я писал ему благодарственные записки за любые подарки, которые он мне привозил, говоря в них о том, насколько радостно было видеть его.

К пятому классу у меня стал проявляться талант предпринимателя. Я собирал соседских детей, и мы устраивали шоу в моём подвале. Я ставил запись, обычно это были the Partridge Family, и пели песни, используя заменители инструментов, такие, как метлы и перевёрнутые тазы. Я всегда был Кейтом Пэтриджем (Keith Partridge), мы корчили рожи, танцевали и развлекали других детей, которые не могли принимать участие в представлении.

Конечно, я всегда искал возможность заработать доллар или два, поэтому однажды, мы использовали подвал нашего друга как раз по этому назначению. Я решил, что буду брать с ребят столько, сколько они смогут дать: пять, десять центов, четвертак, за то, чтобы спуститься в гараж моего друга на концерт the Patridge Family. Я подвешивал большой занавес и ставил за ним магнитофон. Затем я обращался к публике: “The Patridge Family весьма застенчивы, и, кроме того, они слишком известны, чтобы находиться в Грэнд Рэпидс, поэтому они сыграют для вас песню из-за этого занавеса”.

Я шёл за занавес и притворялся, что говорил с ними. Затем я включал запись. Все зрители спрашивали: “Они действительно там?”

“О, они там. И им как раз нужно поехать в ещё одно место, поэтому вы, парни, бегите к выходу”, - говорил я. Я получал цели горсти мелочи от этой сделки.

В пятом классе я также изобрёл план издевательств над директорами и школьной администрацией, которых я презирал. Особенно после того, как они выразили недовольство тем, что я проколол ухо. В день самоуправления в классе учитель спросил: “Кто хочет претендовать на роль президента класса?”

Моя рука взмыла в воздух. “Я хочу!”, - сказал я. Затем другой парень поднял руку. Я взглянул на него запугивающим взглядом, но он продолжал настаивать на том, что он тоже хотел претендовать, поэтому после занятий у нас с ним состоялся небольшой разговор об этом. Я сказал ему, что собираюсь стать следующим президентом класса, и если бы он сразу не отклонил бы свою кандидатуру, он мог бы пострадать. Итак, я стал президентом. Директор был сильно встревожен. Я был ответственным за собрания, и всегда, когда к нам в школу приезжали особые высокопоставленные лица, именно я показывал им всё вокруг.

Иногда я правил устрашением, и зачастую я ввязывался в школьные драки, но у меня также была и чуткая сторона. Бруксайд была экспериментальной школой со специальной программой, которая объединяла слепых, глухих и слегка отстающих в развитии старших детей в обычных классах. При всём моём хулиганстве и устрашающем поведении все эти ребята стали моими друзьями. И по причине того, что дети могут быть очень злыми и могут мучить каждого, кто хоть как-то отличается от них, этих особенных студентов били во время каждого перерыва и ланча. Я по собственному желанию стал их защитником. Я следил за слепой девочкой, пока глухой парень заикался. И если какие-нибудь бездельники дразнили их, я подкрадывался к обидчику сзади с веткой в руках и нападал на них. У меня определённо был свой собственный набор моральных правил.

В шестом классе я стал приходить домой на ланч, и мои друзья тоже собирались у меня. Мы играли в бутылочку, и даже притом, что у нас были свои девушки, меняться парами не было проблемой. По большей части мы просто целовались по-французски; иногда мы определяли время продолжительности поцелуя. Я пробовал уговорить свою девушку снять спортивный бюстгальтер и позволить мне ощутить её целиком, но она не соглашалась.

Когда-то в конце шестого класса, я решил, что пришло время жить с папой. Моя мама никак не справлялась со мной, полностью теряя весь контроль. Когда мне не дали зелёный свет на то, чтобы жить с папой, я начал сильно обижаться на

неё. Однажды вечером она послала меня в мою комнату, вероятно, для того, чтобы поговорить со мной. Не думаю, что я хотя бы что-то взял. Я вышел прямо через окно спальни, направился в аэропорт, позвонил своему отцу и выяснил, как сесть на самолёт и полететь прямо в Лос.-А. (ни один из тех полётов не был прямо до Лос.-А., но я не знал этого). Я никогда даже не добирался до аэропорта. В итоге я оказался в доме одной из подружек моей мамы за несколько миль до аэропорта, она позвонила моей маме и отвезла меня домой. Это был тот момент, когда моя мама начала думать о том, чтобы меня отпустить. Важным для финального решения фактором было появление в её жизни Стива Айдимы (Steve Idema). После того, как Скотта Сэнт Джона посадили в тюрьму, моя мама решила, что, возможно, её идея переделать плохих парней не так уж и хороша. Стив был юристом, который обеспечивал бедным легальную помощь. Он был добровольцем ВИСТЫ (VISTA) и работал с бедными людьми на Виргинских островах. Он был полностью честным, умеющим сострадать, готовым к действию парнем с золотым сердцем, и моя мама была без ума от него. Как только я осознал, что он хороший парень, и, что они любили друг друга, я начал сильнее добиваться того, чтобы поехать в Калифорнию и жить со своим папой.

2. "Паук и Сын"

Когда я, двенадцатилетний, в 1974 году покинул Мичиган, я сказал всем своим друзьям, что переезжаю в Калифорнию, чтобы стать звездой кино. Но как только я начал ездить со своим папой в его машине, подпевая поп-песням, звучащим на радио (у меня это не особо получалось), я объявил: "Я стану певцом. Это действительно то, чем я буду заниматься". Даже притом, что я озвучил это, ещё долгие годы не вспоминал об этой клятве.

Я безгранично влюблялся в Калифорнию. Впервые в моей жизни я почувствовал, что это именно то место, где я должен быть. Это были пальмы и ветра Святой Анны, люди, на которых мне нравилось смотреть, и с которыми я любил говорить. Это долгие часы, которые я любил там проводить. Я становился другом своему папе, и эта дружба стремительно росла каждый день. Ему это казалось великолепным, потому что рядом был маленький мальчик, который мог терпеть то, что все друзья и девушки папы любили его. Я нисколько не останавливал его ни в чём. Я был его новой поддержкой. И это все давало нам взаимную выгоду. А я проходил весь этот маршрут с новыми опытами.

Один из самых незабываемых опытов я получил прямо в маленьком бунгало моего папы на Палм Авеню. Он жил в одной половине дома, которая была разделена на две части. Там была странная кухня и обои, сохранившиеся, наверное, из тридцатых годов. В здании вообще не было спален, но мой отец переделал маленькую дополнительную кладовку в спальню для меня. Она была в самом конце дома, и, чтобы попасть туда, нужно было пройти через ванную. Спальня моего папы была настоящим логовом, комнатой, в которой было ещё три сквозные двери, они вели в гостиную, кухню и ванную. В этой спальне были милые чёрные обои с цветами и окно, выходящее на задний двор, который изобилует утренней красотой.

Я пробыл там всего несколько дней, когда мой папа позвал меня на кухню. Он сидел за столом с симпатичной восемнадцатилетней девушкой, с которой он встречался на той неделе. "Хочешь покурить косяк?", - спросил он меня.

Будь я в Мичигане, я бы автоматически ответил нет. Но пребывание в этой новой среде пробуждало во мне страсть к приключениям. И мой папа достал толстую чёрную коробку, сделанную из Большого Американского Словаря. Он открыл её, и она была наполнена травой. Используя обложку книги как поверхность для подготовки, он высыпал немного травы, и семена скатились вниз по страницам. Затем он взял немного бумаги для скрутки и показал мне, как скрутить косяк идеальной формы. Весь этот ритуал показался мне очень завораживающим.

Затем он прикурил косяк и дал его мне. "Будь осторожен, не втягивай слишком много. Ты же не хочешь, чтобы с кашлем из тебя выскочили лёгкие", - порекомендовал он.

Я сделал небольшую затяжку, и потом передал ему косяк обратно. Я обошёл стол несколько раз, и вскоре мы все улыбались, смеялись и чувствовали себя

действительно хорошо. А потом я осознал, что был под кайфом. Мне понравилось это ощущение. Это, казалось, было лекарство для успокоения души и пробуждения чувств. В этом не было ничего странного или пугающего. Я не чувствовал, что потерял контроль. Я, наоборот, чувствовал, что абсолютно всё было под полным контролем.

Затем папа дал мне полароид и сказал: “Я думаю, она хочет, чтобы ты её немного пофотографировал”. Я инстинктивно понял, что какая-то область кожи вот-вот будет обнажена, поэтому я сказал ей: “Давай задерём твою рубашку, и я тебя сфотографирую”.

“Это хорошая идея, но я думаю, будет более артистично, если она обнажит только одну грудь”, - сказал мой папа. Мы все согласились. Я сделал несколько снимков, и никто не чувствовал дискомфорта по этому поводу.

Итак, мой вход в мир курения травы был гладким как шёлк. Когда я курил в следующий раз, я уже был профессионалом и скручивал косяк почти с абсолютной точностью. Но я не пристрастился к этому, даже притом, что мой отец курил траву каждый день. Для меня это было всего лишь ещё одним уникальным калифорнийским опытом.

Моей главной целью той осенью было поступить в хорошую среднюю школу. Предполагалось, что я поступлю в школу Бэнкрофт. Когда мы пошли посмотреть на неё, мы увидели, что она находилась в подозрительном районе, и всё здание было покрыто всеми видами граффити банд Лос-Анджелеса. Это место явно не говорило: “Давай пойдём в школу и повеселимся”. Итак, мой папа повёз нас в школу Эмерсон в районе Уэствуд. Это было классическое Калифорнийское Средиземноморское здание с пышными лужайками, цветущими деревьями и американским флагом, гордо развевающимся на лёгком ветерке. Плюс к этому, куда бы я ни посмотрел, везде ходили эти сексуальные тринадцатилетние девушки в их обтягивающих джинсах от Дитто.

“Что бы это ни потребовало, я хочу пойти в эту школу”, - сказал я.

Это потребовало назвать моим домашним адресом адрес Сонни Боно (Sonny Bono) в Бэл Эйр. Конни (Connie) ушла от моего папы к Сонни, который недавно расстался с Шэр (Cher). Но все остались друзьями. Когда я последний раз приезжал к Сонни, он не нормально воспринял то, что я использовал его адрес, поэтому я поступил в школу.

Теперь нужно было найти способ добираться до школы. Я мог сесть на городской автобус, он шёл 4.2 мили вниз по бульвару Санта Моника. Проблема была в том, что компания РТА была в состоянии забастовки. Мой папа привык к тому, что постоянно ложился спать поздно, поздно просыпался, был большую часть времени под кайфом и всё время развлекал женщин. Поэтому он точно не собирался слишком уж обо мне заботиться, отвозить и забирать меня из школы. Его решением было оставлять пятидолларовую купюру на кухонном столе, чтобы я мог заплатить за такси. А возвращение домой было моей проблемой. Чтобы облегчить эту задачу, он купил мне скейтборд фирмы Чёрный Рыцарь с деревянной поверхностью и каучуковыми колёсами. И я ездил на скейтборде, ездил автостопом или просто шёл четыре мили до дома, одновременно открывая для себя Уэствуд, Беверли Хилз и Западный Голливуд.

Я провёл почти весь первый день в школе Эмерсон и ни с кем не подружился. Я начал волноваться. Всё казалось новым и непонятным. Придя из маленькой школы на среднем западе, я точно не был академиком. Но в конце дня у меня был урок искусства и творчества, там я и познакомился со своим новым другом. Шон (Shawn) был чернокожим парнем с яркими глазами и самой большой улыбкой. Это был как раз тот раз, когда тыходишь к кому-то и говоришь: “Хочешь быть моим другом?”. “Да, я буду твоим другом”. Бум, и вы друзья.

Когда я приходил к Шону домой, это было настоящим приключением. Его папа был музыкантом. Для меня это было чем-то новым, папа, который шёл в гараж и репетировал со своими друзьями. Мама Шона была очень нежной и любящей, она всегда тепло принимала меня в их доме и предлагала мне разную экзотическую пищу, чтобы я мог перекусить после школы. А я родом из самой неизобретательной части света, если говорить о кухне. Мой кулинарный мир состоял из таких вещей, как белый хлеб, сыр Вельвеета и говяжий фарш. А они ели йогурт и пили странное вещество, называемое кефиром. Там, откуда я родом, еда была очень разнообразна.

Но монета образования имела и обратную сторону. Я научил Шона новой технике карманной кражи, которую я изобрёл в том семестре и которую называл “Удар”. Я выбирал жертву, подходил к нему и врезался в него, прежде убедившись, что врежусь именно в тот объект, который хочу украсть. Это мог быть бумажник или просто лежащая в кармане расчёска, обычно цена украденного не превышала пяти долларов, потому что у большинства детей не было больше.

Моё антисоциальное поведение в районе школы неустанно продолжалось и в самом Эмерсоне. В ту же минуту, когда кто-либо противостоял мне, даже просто говоря мне отойти с дороги, я задирался к нему. Я был крошечным парнишкой, но очень шустрым. Поэтому вскоре я стал известен как парень, с которым не стоит связываться. И я всегда придумывал какую-нибудь хорошую историю, чтобы избежать наказания после драки.

Возможно, одной из причин того, что я не хотел быть наказанным, было то, что я бы подвёл одного из немногих людей, которые были моими примерами для подражания в то время, - Сонни Боно. Сонни и Конни заменяли мне родителей. Шоу Сонни и Шэр было, пожалуй, самым значимым явлением в телевидении того времени, и Сонни был очень щедр, предоставляя мне любую дополнительную заботу, в которой я нуждался. В его особняке на Холмби Хиллз всегда находилось место для меня, и мне предоставляли внимательную круглосуточную прислугу, которая готовила для меня всё, что я захочу. Он осыпал меня подарками, включая новый набор лыж, лыжные ботинки, палки и куртку, всё для того, чтобы той зимой я смог поехать покататься на лыжах с ним, Конни и Честити (Chestity), дочкой Сонни и Шэр. Мы сидели на подъёмнике, и Сонни описывал мне свою версию жизненного пути, которая отличалась от версии моего отца и даже от версии Конни. Он определённо придерживался прямого и узкого пути. Я помню, как он учил меня, что единственная неприемлемая вещь это ложь. Не важно, делал ли я ошибки или запутывался в своём пути, я просто должен был быть с ним прямым и честным.

Однажды я был в его особняке в Бэл Эйр на вечеринке, где было очень много знаменитостей. Мне не было дела до разных Тони Кёртисов (Tony Curtises) этого мира на тот момент, поэтому я начал ездить вверх-вниз на старом деревянном лифте. Внезапно я застрял между этажами, и им пришлось использовать гигантский топор пожарника, чтобы освободить меня. Я знал, что у меня были большие проблемы, но Сонни не кричал и не унижал меня перед всеми этими взрослыми, наблюдавшими за моим спасением. Он просто спокойно преподавал мне урок уважения к собственности других людей, чтобы я не играл с вещами, не предназначенными для игр.

Мне никогда не нравилось ожидание того, что я должен вести себя определённым образом, чтобы жить в этом мире. Я был двенадцатилетним парнем, созданным для плохого бесконтрольного поведения. Однажды в том же году, когда мы ходили по дому, Сонни и Конни попросили принести им кофе. “Как насчёт того, чтобы самим сделать себе кофе?”, - несколько заносчиво ответил я. Я мог без проблем приготовить кофе, но мне казалось, что они командовали мной.

Конни отвела меня в сторону. “Это поведение на грани приличия, - сказала она мне, - если ты будешь себя так вести, я буду просто говорить: ”Ты на грани“, и ты будешь знать, что нужно пойти и переосмыслить то, что ты только что сделал”. Я тут же забыл об этом. Там, откуда я приходил, я мог вести себя так, как я хочу. Мы с моим папой отлично уживались вместе, потому что не было никаких правил и инструкций. Он не просил меня готовить ему кофе, и я тоже не просил его готовить мне кофе. Там, откуда я был родом, каждый должен был сам о себе заботиться.

Я быстро вырослел и таким способом, который не был благоприятным для Сонни. Всё больше и больше я находился под кайфом, тусовался со своими друзьями, катался на скейтборде и совершал мелкие преступления. Я всегда незамедлительно делал то, что не должен был. У меня были собственные цели, и в них не входило проведение времени с Сонни. Поэтому мы отдалились друг от друга, и меня это устраивало.

Соответственно моя связь с папой становилась сильнее и сильнее. Как только я переехал обратно к нему, он стал моим примером для подражания и моим героем. Поэтому делать всё, чтобы поддерживать близкие взаимоотношения между нами, было моей миссией. И его миссией тоже. Мы были командой. Естественно, один из объединяющих нас опытов заключался в том, чтобы вместе заниматься этой авантюрной контрабандой травы. Мы брали семь гигантских чемоданов фирмы Сэмсонайт и до краёв наполняли их травой. В аэропорту мы ходили от одной авиалинии к другой, регистрируя эти сумки, потому что в то время на регистрации даже не узнавали, действительно ли ты летишь этим рейсом. Мы приземлялись в главном аэропорту, забирали все чемоданы и ехали на машине в такие места, как, например, Кеноша, штат Висконсин. По пути в Кеношу мы остановились в мотеле, потому что все сделки моего папы должны были занять пару дней. Я очень хотел пойти с ним на заключение сделки, но он имел дело с самыми отъявленными байкерами подонками, поэтому послал меня в кино, где шёл новый фильм о Джеймсе Бонде “Живи и дай умереть”. Его сделки заняли весь трёхднев-

ный выходной, поэтому каждый день нашего пребывания там я ходил в кино, и меня это устраивало.

Нам нужно было вернуться в Лос.-А. с тридцатью тысячами наличными. Мой папа сказал, что деньги понесу я, потому что, если поймают кого-то вроде него с такими деньгами, то его точно посадят. Я согласился. Я предпочитал быть частью действия, чем сидеть в стороне. Мы приготовили сумку-ремень, наполнили её деньгами и приклеили к моему животу. “Если они опробуют арестовать меня, то ты просто исчезни куда-нибудь, - проинструктировал он меня, - просто преворись, что ты не со мной и продолжай идти”.

Мы вернулись в Лос.-А., и позднее я узнал, что мой папа получал всего двести долларов за поездку, чтобы заработать на траву для своих друзей, Уивера и Башары. Я также обнаружил, что он дополнял этот скудный доход хорошим, устойчивым притоком денег из растущего бизнеса по продаже кокаина. В 1974 году кокаин стал очень популярным, особенно в Лос.-А. Мой папа установил связь со старым американским экспатриантом, который привозил кокаин из Мексики. Папа приносил кокаин, делил его и продавал своим клиентам. Он не продавал унциями или килограммами, только граммами, половинами грамма и четвертями грамма. Но через день или два это начало расширяться. Он начал также приносить таблетки. Он рассказывал доктору слезливую историю о том, что не может заснуть, и доктор выписывал ему тысячи снотворных таблеток. Они стоили, может быть, четверть доллара за штуку, но имели реальную рыночную цену в четыре или пять долларов. Поэтому торговля кокаином и таблетками была очень прибыльным бизнесом.

Папа никогда не пытался скрыть от меня то, что он занимался продажей наркотиков. Он, в принципе, и не горел желанием мне об этом рассказывать, но я был его тенью и наблюдал за всеми приготовлениями и сделками. Прямо за кухней была маленькая дополнительная комната, подобная моей спальне. В ней даже была дверь, которая вела на задний двор, и мой папа сделал там магазин.

Центром всех его наркотических дел в той задней комнате были тройные лучевые весы, которые в нашем домашнем хозяйстве были популярнее тостера или блендера. Рабочая поверхность моего отца и место для пробных доз были сделаны из красивой, синей и зелёной мексиканской плитки, идеальной квадратной формы и совершенно плоские. Я смотрел, как он брал немного кокаина и просеивал его, а затем он брал итальянское слабительное манитол и просеивал его через то же сито, чтобы оно имело такую же консистенцию, как и кокаин. Было важно, до конца удостовериться в том, что кокаин был смешан с необходимым количеством слабительного.

К нам приходило много людей, но не настолько много, как вы подумали. Мой папа тщательно скрывал свою деятельность, и он знал, что с расширением бизнеса увеличится и риск. Но то, чего его клиентуре не доставало в количестве, она, несомненно, восполняла в качестве. В её числе были звёзды кино и телевидения, писатели, рок-звёзды и кучи девушек. Однажды на кануне чемпионата Super Bowl к нам даже зашли два известных игрока Oakland Raiders. Они пришли довольно рано, около восьми или девяти вечера. Они выглядели более прямыми, чем привычная клиентура, сидели на самодельной мебели моего папы, беспокой-

ные и напуганные тем фактом, что вокруг бегал ребёнок. Но прошло хорошо. Они получили свои наркотики, пошли и на следующий день выиграли чемпионат Super Bowl.

Во всём этом деле меня раздражало то, что всё происходило поздно ночью. Именно тогда я увидел, какое отчаяние могут вызвать наркотики. Я не осуждал это; по большей части я говорил: “Ого, этому парню действительно нужен этот чёртов кокаин”. Один парень, брат известного актёра, был настоящим жадным мусоропроводом для кокаина. Он приходил каждый час до шести утра, жульничая, договариваясь, трясясь и давая большие обещания. Каждый раз, когда он стучал в дверь, мой папа вылезал из постели, и я слышал, как он вздыхал про себя: “О, нет, только не это опять”.

Иногда мой папа не открывал дверь, он просто говорил с людьми через окно. Я лежал в постели и слушал всё это: “Уже слишком поздно. Убирайся отсюда. Ты всё равно должен мне кучу денег. Ты должен мне двести двадцать долларов”. У моего папа был список того, что ему должны люди. Я смотрел на этот список, и он говорил: “Если бы я мог заставить всех вернуть мне долги, у меня было бы очень много денег”.

Было трудно убедить меня в том, что мы жили скромно, особенно по выходным, когда мой папа брал меня в ночные клубы, где он был известен как Лорд бульвара Сансет Стрип. Он также был известен как Паук, это прозвище он получил в конце шестидесятых, когда он полез вверх по зданию, чтобы попасть в квартиру к девушке, которая ему нравилась.

Сансет Стрип в начале семидесятых был артерией жизни, текущей через Западный Голливуд. Люди постоянно болтались на улице, перемещаясь между лучшими клубами города. Там был клуб Виски Гоу Гоу и клуб Грязного Макнэсти. В двух кварталах от Виски был клуб Рокси, который специализировался на живой музыке. По другую сторону парковки от Рокси были бар Радуга и Гриль. Радуга была любимым местом Паука. Каждый вечер он приходил туда около девяти и встречался со своей командой: Уивером, Конни, Башарой и другими постоянно меняющимися персонажами.

Приготовление к ночи в клубе было настоящим ритуалом для моего отца, так как он очень дотошно относился к своему внешнему виду. Я сидел и смотрел, как он прихорашивался перед зеркалом. Каждый волосок должен был быть на своём месте, нужный одеколон использовался в правильном количестве. Затем он надевал обтягивающую футболку, вельветовую куртку и ботинки на платформе. В итоге, мы шли к частным портным, чтобы скопировать его наряды для меня. Я всё время подражал своему папе.

Частью того ритуала было достижение нужного для начала вечера кайфа. Он, очевидно, оставлял большую часть химического коктейля на гораздо более позднее время. Но он не хотел оставлять дом без соответствующего начала той тусовки, что обычно выражалось в употреблении алкоголя и таблеток. У него были успокоительные и Плацидил, тормозящие средства, которые лишают тебя моторных функций. А когда ты смешиваешь их с алкоголем, они даже сидящего рядом парня лишают моторных функций. Поэтому мой папа выбирал другое средство, Туинал.

Когда я ходил куда-нибудь с ним, он наливал мне маленький бокал пива. Затем он раскрывал капсулу Туинала. Из-за того, что порошок и таблеток Туинала был ужасным на вкус, он разрезал банан и высыпал раскрытую капсулу Туинала внутрь. Он съедал ту часть, где было больше порошка, и давал мне меньшую порцию. После этого мы были готовы идти и тусоваться.

Нам начинали оказывать королевский приём, как только мы походили к двери Радуги. Тони, администратор клуба, приветствовал моего папу так, как будто он был самым ценным клиентом на бульваре Стрип. Конечно, стодолларовая купюра, которую мой папа давал ему на входе, отнюдь не вредила Тони. Он вёл нас к столу моего папы. Это был центральный стол прямо перед огромным камином. С этой удачной точки можно было видеть всех, кто входил в клуб или выходил из клуба. За радугой, который находился внутри самой Радуги. Мой папа невероятно трепетно относился к своей территории. Если человек, которого он не знал, садился за наш стол, Паук не позволял ему этого: “Что это ты тут делаешь?”

- А, я просто тусуюсь и присел сюда, - отвечал парень.

- Очень жаль, приятель. Вон отсюда. Тебе придётся свалить.

Но если приходил кто-то интересный моему отцу, он прибегал и рассаживал всех на места. Мне было некомфортно оттого, как он охранял свой стол. Я, конечно, не хотел, чтобы нарушители нашего пространства садились за наш стол, но я думал, что мой папа мог бы быть добрее и мягче. Особенно, когда алкоголь и наркотики шли вместе, он мог настоящим засранцем. Но он был отличным катализатором, который собирал вместе интересных людей. Если Кейт Мун (Keith Moon), парни из Led Zeppelin или Эллис Купер (Alice Cooper) были в городе, то они сидели рядом с Пауком, потому что он был самым крутым парнем в округе.

Мы были в Радуге большую часть ночи. Он не проводил всё время за столом, он был там достаточное время для того, чтобы прийти и удержать стол за собой. А затем они все по очереди кружили по ресторану, бару и вторым этажом. Мне всегда нравился клуб на втором этаже. Каждый раз, когда девушка моего папы хотела танцевать, она просила меня пойти с ней, потому что Паук не был танцором.

Ночь была неполной без кокаина, и то, насколько незаметно ты сможешь принять его, стало настоящим спортивным соревнованием. Опытных любителей кокаина было легко обнаружить, потому что у них у всех был удлинённый кокаиновый ноготь на правом мизинце. Они растили его, по крайней мере, на полные полдюйма от пальца и придавали ему идеальную форму, этот ноготь всё время служил основной ложечкой для кокаина. Мой папа очень гордился своим тщательно наманикюренным кокаиновым ногтем. Но я также заметил, что один из его ногтей был определённо короче других.

- Что у тебя с этим ногтем? - спросил я.

- Это для того, чтобы не делать больно девушкам между ног, когда я использую свой палец, - ответил он.

О, да, это надолго застряло у меня в голове. Его палец действительно очень нравился девушкам.

Я был единственным ребёнком, присутствовавшим при всём этом безумии. По большей части, взрослые, которые меня не знали, игнорировали меня. Но Кейт Мун, легендарный барабанщик The Who, всегда пытался дать мне почувствовать себя непринуждённо. Среди всей этой хаотической, буйной атмосферы вечеринок, где все орали, кричали, нюхали, вдыхали, пили и танцевали, Мун находил время успокоиться, обнять меня и спросить: “Как дела, парень? Хорошо проводишь время? Тебе разве не нужно быть в школе и всё такое? Ну, я, в любом случае, рад, что ты здесь”. Я навсегда запомнил эти моменты.

Мы обычно оставались до закрытия, которое было в два часа ночи. Затем наступало время собираться на парковке, заполненной девушками и парнями в диковинной глэм-рок одежде. На парковке все брали друг у друга номера телефонов, флиртовали и искали место для продолжения вечеринки. Но иногда случались разные препирательства, и часто в них участвовал мой папа. Он нападал на целые банды байкеров прямо передо мной, я был маленьким мальчиком, который прыгал в середину всего этого месива и кричал: “Это мой папа. Он действительно никакой сейчас. Что бы ни сказал, просто успокойтесь и простите его. Он не хотел этого говорить. И, пожалуйста, не бейте его по лицу, потому что такому парню как я действительно больно смотреть, как его папу бьют по лицу”.

У меня на самом деле было ужасное чувство, что мой папа причинит себе ужасный вред в драке или автокатастрофе. В тот момент ночью он был под таким сильным кайфом, что пройти по комнате было действительно опасно для спотыкающегося, падающего парня, каким-то образом пытающегося устоять на ногах. Он натыкался на мебель, держался за всё, что было устойчивым, нечленораздельно говорил, но всё ещё пытался сесть в машину и поехать на вечеринку. Я думал: “Вот дерьмо, мой папа не может говорить. Это нехорошо”. Когда он перебирал, я был ответственным за его безопасность, что было очень трудно для меня.

Всё это эмоционально выматывало меня так, что я даже не мог членораздельно говорить. Даже притом, что у меня были друзья в школе Эмерсон, а по выходным я в качестве друга ходил с папой в Радугу, я был довольно одиноким и создал свой собственный мир. Каждое утро я вставал, шёл в школу и был парнем, который находился в своём отдельном мыльном пузыре. Я нормально к этому относился, потому что у меня это пространство, где я мог претворяться, творить, думать и наблюдать. Однажды в том году, у одной из кошек нашей соседки появились котята, и я обычно брал одного пушистого белого котёнка на крышу гаража за домом и играл с ним. Он был моим маленьким другом, но время от времени я ругал его без особой причины, просто чтобы проявить свою власть над ним. В один из таких моментов я тыкал пальцами в мордочку котёнку, чтобы напугать его. Это было не смертельно, но это было актом агрессии, что было странно, потому что я всегда очень любил животных.

Один раз я ткнул котёнка слишком сильно, его маленький зуб проткнул его маленькую губу, и пролилась капля крови. Я до смерти перепугался. Я начал чувствовать сильную ненависть к самому себе за то, что причинил вред этому крошечному животному, который даже после такого инцидента остался нежным по отношению ко мне. Я был напуган тем, что моя неспособность останавливаться и предотвращать такие поступки была знаком начинающегося психоза.

Но в целом, я бы ни на что не променял бы свой образ жизни, особенно на некоторые бытовые реалии моих друзей из школы Эмерсон. Я приходил к ним домой и видел, как их папы приходили домой из офисов, и у них не оставалось времени, энергии и нежности для их детей. Они просто сидели, пили виски, курили сигару, читали газету, а затем шли спать. Это не казалось лучшим вариантом.

Пытаясь немного поспать, я отдыхал перед следующим школьным днем, в то время как люди занимались сексом на кровати, употребляли кокаин, и то, что они громко включали стерео, определённо не было мирным существованием. Но это было моё. Во время учёбы я по ночам оставался дома, а Паук был за своим главным столом в Радуге. И в середине ночи вечеринка продолжалась у нас дома. Я спал дома, и внезапно я слышал, как открывалась дверь, и поток маньяков наводнял дом. Потом включали музыку, звучал хохот, сыпались дорожки кокаина, и за всем этим следовал общий погром. Я пытался уснуть в своей задней комнате, которая была связана с одной единственной в доме ванной, люди входили, выходили, писали, орали и принимали наркотики.

Слава Богу, у меня было радио с будильником из семидесятых. Каждое утро в шесть сорок пять, оно будило меня популярной музыкой того дня. Обычно я очень сложно просыпался, но копался в своём шкафу, надевал футболку, шёл в ванную и готовился пойти в школу. Потом я проходил по дому и рассматривал погром. Он всегда выглядел как поле битвы. Иногда там были люди, которые отключились на кровати или на лестнице. Двери в комнату моего папы были всегда закрыты. Обычно он спал с какой-нибудь девушкой, но иногда он всё ещё не спал, закрытый в своей части дома.

Одной из причин того, что я так лелеял тот будильник, было то, что я действительно беспокоился о том, чтобы каждый день ходить в школу. Мне нравились практически все мои занятия. При всём сумасшествии, кайфе и ночных вечеринках, мой папа на сто процентов поддерживал меня во всех моих занятиях. Он сам получил высшее образование, и я думаю, он осознавал важность учёбы, образования и раскрытия себя новым идеям, а особенно в предложенных творческих направлениях. Каждый день он использовал в разговоре какое-нибудь безумное тайное слово, чтобы помочь мне увеличить мой словарный запас. Он также расширял мои вкусы в литературе, от Парней Харди (Hardy Boys) до Эрнеста Хемингуэя (Ernest Hemingway) и других великих писателей. В школе я всегда больше всего ждал своих занятий английским. Моим учителем была Джил Вернон (Jill Vernon), и она была самым глубоко вдохновленным преподавателем, какого я встречал. Она была миниатюрной дамой около пятидесяти лет с короткими чёрными волосами. Она действительно знала, как общаться с детьми, и превращала всё, о чём она говорила, орфографию, чтение, что угодно, во что-то интересное, захватывающее и весёлое.

Каждый день мы тратили первые пятнадцать минут занятия на письменные упражнения. Она писала на доске исходное предложение, а мы должны были продолжить его в любом направлении, как каждому покажется правильным. Некоторые ученики писали пять минут и останавливались, а я мог писать всё занятие.

Миссис Вернон регулярно оставляла меня после занятий, чтобы поговорить об этих письменных упражнениях, потому что она могла видеть, как я вкладывал всё своё сердце в те эссе.

“Я прочитала все твои записи, и я должна сказать, что у тебя особый писательский дар. Я думаю, ты должен знать это и что-то по этому поводу предпринять, - говорила она мне, - Ты должен продолжать писать”.

Когда ты в седьмом классе, и эта действительно прекрасная женщина, которой ты восхищаешься, находит время, чтобы высказать тебе такую идею, это было сладким звоном, который не переставал звучать всю мою жизнь.

Другой звон также начался примерно в то время. Мой папа рассказал мне о своей первой попытке сексуального опыта, которая не была приятной. Он пошёл в публичный дом на окраине Грэнд Рэпидс. Все проститутки были чернокожими. Моего папу отправили в комнату, и через несколько минут вошла дама среднего возраста с небольшим животиком. Она спросила, был ли он готов, но он был так напуган, что еле проговорил: “Мне жаль, но я не могу это сделать”. А как ещё можно было себя повести в тех условиях? Идти в странное место, в итоге, оказаться наедине со странным человеком, абсолютно никак не связанным с тобой, и ещё платить за это? Я думаю, тот его опыт повлиял на его желание того, чтобы у меня был более милый первый сексуальный опыт. Я просто не знаю, предполагал ли он то, что мой первый раз будет с одной из его девушек. Как только я переехал к своему папе, идея заняться сексом стала важнейшей для меня. Фактически, ожидание, желание и безумное увлечение этим неизбежным актом начались задолго до моего приезда в Калифорнию. Но тогда мне было одиннадцать, почти двенадцать, и пришло время действовать. Девушки моего возраста в школе Эмерсон, ничем не хотели со мной заниматься. У моего папы был ряд прекрасных молодых девушек тинейджеров, о которых я, не переставая, фантазировал. Но я не мог совладать с нервами и подойти к ним. Затем он начал встречаться с девушкой по имени Кимберли.

Кимберли была красивой, лёгкой в общении, напористой восемнадцатилетней девушкой с белоснежной кожей и огромной грудью идеальной формы. Она была пространной, мечтательной личностью, которую ещё больше подчёркивал её непреклонный отказ носить очки, несмотря на ужасную близорукость. Однажды я спросил её, может ли она видеть без очков, и она сказала, что тогда вещи становятся нечёткими. И почему же она не носила очки? “Я действительно предпочитаю видеть мир неясным”, - сказала она.

Однажды ночью перед моим двенадцатым днём рождения, мы все были в Радуге. Под кайфом от таблеток, я был как маленький воздушный змей, набрался смелости и написал своему папе записку: “Я знаю, что это твоя девушка, но я уверен, она готова к этому. Поэтому, если ты отнесёшься к этому нормально, то можем мы устроить такую ситуацию, где я, в итоге, сегодня вечером займусь сексом с Кимберли?”

Он тут же помог мне в этом деле. Она была очень игрива, и мы поехали обратно домой, где он сказал мне: “О'кей, вот кровать, вот девушка, делай, что хочешь”. Кровать моего отца была слишком причудливой, чтобы начинать с неё, потому что он положил четыре матраса друг на друга, чтобы создать эффект тро-

на. То, что папа находился в доме, было слишком для меня, и я нервничал от того, как всё происходило, но Кимберли сделала всё. Она всё время вела меня в нужном направлении и была очень любящей и нежной, всё было довольно естественно. Я не помню, сколько это продолжалось, пять минут или час. Это просто был расплывчатый, туманный сексуальный момент.

Мне это очень понравилось, и я тогда не чувствовал себя травмированным, но я думаю, подсознательно это всегда проявлялось во мне странным способом. Проснувшись на следующее утро, я не сказал: “Ого, что, чёрт возьми, это было?”. Я проснулся с желанием пойти и похвастаться своим друзьям, а ещё выяснить, как я мог снова всё устроить. Но это был последний раз, когда мой папа разрешил мне сделать это. Всякий раз, когда у него появлялась новая красивая девушка, я говорил: “Помнишь ту ночь с Кимберли? Что если...”

Он всегда обрывал меня. “О, нет, нет, нет. Это был всего один раз. Даже не поднимай эту тему. Это не произойдёт”.

Летом 1975 года я первый раз с тех пока, как начал жить со своим папой, поехал обратно в Мичиган. Паук дал мне большую, жирную унцию Колумбийского Золота, которое было высшим сортом, когда речь шла о траве, немного Тайских палочек и гигантский, размером с палец брусок Ливанской смеси. Это были мои запасы на лето. Естественно, я в первый раз дал попробовать моим друзьям, Джо (Joe) и Нэйту (Nate). Мы пошли на Бухту Плэстер, выкурили косячок, а потом начали кувыркаться, прыгать и смеяться.

Всё лето я рассказывал людям о чудесах жизни в Голливуде, о разных интересных людях, которых я встречал, и о музыке, которую я слушал. Она вся была из коллекции моего отца, от Roxу Music до Led Zeppelin, Дэвида Боуи (David Bowie), Элиса Купера (Alice Cooper) и The Who.

В июле того лета моя мама вышла замуж за Стива. У них была прекрасная свадьба под ивой на заднем дворе их загородного дома в Лоуэлле. Поэтому я чувствовал, что дела у мамы и моей сестры Джули шли хорошо. Я вернулся в Западный Голливуд в конце лета, желая как можно скорее возобновить свой калифорнийский образ жизни и вернуться к тому человеку, который станет моим новым лучшим другом и партнёром в преступлениях на следующие два года.

Я впервые встретил Джона Эм в конце седьмого класса. К зданию Эмерсон вплотную прилежала Католическая школа для мальчиков, и мы обычно дразнили друг друга через забор. Однажды я пошёл прямо туда и ввязался в словесную перепалку с одним парнем, который заявлял, что знал карате. Он, возможно, изучал приёмы, но понятия не имел об уличных драках, потому что я надрал ему задницу на глазах у всей школы. И как-то во время той схватки я пересёкся с Джоном. Он жил в начале Роскомар Роуд в Бель Эйр. Несмотря на то, что это был ещё город, там были горы, а за домом находился бассейн с гигантским водопадом, который стекал в другой бассейн. Это было отличной игровой площадкой. Папа Джона работал в космической компании и очень много пил, поэтому ничего никогда обсуждалось, никто не говорил о чувствах, все просто притворялись, что всё нормально. Мама Джона была очень милой, у него также была сестра, которая была прикована к инвалидному креслу какой-то лишаяющей движения болезнью.

В начале восьмого класса Джон стал моим лучшим другом. Мы всё время катались на скейтах и курили траву. Иногда мы могли её достать, иногда нет. Но мы всегда могли пойти и покататься на скейтах. В то время скейт был для меня просто уличным средством передвижения, а всякие прыжки я совершал только тогда, когда ехал куда-нибудь с капелькой стиля в пути. На самом деле, скейт был по большей части функциональным, чем каким-либо ещё для меня. В начале семидесятых спорт начал развиваться, и люди катались в канавах для дренажа, вдоль берегов и в опустошённых бассейнах. Как раз в то время в Санта Монике, скейтеры из команды Фунт Собаки поднимали скейтбординг на новый, более высокий полупрофессиональный уровень. Мы же с Джоном занимались этим для веселья и ради спортивного интереса.

Джон выглядел как самый настоящий американский парень. Ему очень нравилось пиво, мы шли тусоваться напротив местного загородного рынка и уговаривали взрослых купить нам пива. Напиваться не было для меня предпочтительным видом кайфа, но терять контроль таким способом было довольно захватывающе, чувствовать, что не знаешь, что произойдёт дальше.

Мы перешли от того, чтобы просить людей купить нам упаковку из шести бутылок, к воровству нашей выпивки. Однажды мы шли через Уэствуд и увидели, как рабочие загружают ящики с пивом на третий этаж склада. Когда они на секунду отлучились, мы залезли на грузовик, схватились за пожарную лестницу, подтянулись на ней, открыли окно и взяли ящик пива Heineken, который мы пили ещё пару дней. Затем мы перешли от воровства пива к воровству виски из супермаркетов Уэствуда. Мы шли в супермаркет, брали бутылку виски, спускали её вниз по штанине, натягивали на неё носок и выходили со слегка распухшей ногой. Виски было ужасного вкуса, но мы заставляли себя выпить его. До того, как мы хорошо его узнали, мы просто с ума сходили по огненной воде. Потом мы катались на скейтах по округе, врезались во всякие вещи и ввязывались в непонятные драки.

В одно время Джон решил вырастить свой собственный сад марихуаны, что показалось мне очень изобретательным с его стороны. Но потом мы поняли, что будет легче находить сады других людей и красть их траву. Однажды после долгих недель безрезультатного поиска мы нашли одно место, охраняемое собаками. Я отвлёк собак, Джон украл траву, и мы отнесли все эти огромные растения обратно в дом его мамы. Мы знали, что должны сначала высушить их в духовке, но Джон беспокоился о том, что его мама придёт домой. Поэтому я предложил использовать чью-то чужую духовку, тем более что большинство людей были всё ещё на работе.

Мы прошли на несколько домов вниз по улице от дома Джона, вломились к кому-то, включили духовку и запихали туда горсти травы. Мы пробыли там час и уже думали, что трава никогда не станет пригодной для курения, но теперь мы знали, как просто вламываться в дома других людей. И мы стали делать это с определённой долей регулярности. Мы не собирались красть у людей телевизоры или рыться в их драгоценностях, мы просто хотели денег, наркотиков или чего-нибудь, что было забавно иметь у себя. Мы рылись в аптечках, потому что к тому времени я повидал уже много разных таблеток и знал, чего искать. Однажды мы

нашли огромный пузырёк таблеток с надписью “Перкодан”. Я никогда не принимал его, но я знал, что они должны были быть каким-то видом болеутоляющих средств. Поэтому я взял пузырёк, и мы пошли обратно к Джону.

“Сколько нам принять?” - спросил он.

“Давай начнём с трёх и посмотрим, что будет”, - предположил я. Мы оба приняли по три таблетки и просидели на месте несколько минут, но ничего не произошло. Поэтому мы приняли ещё по паре. Следующей вещью, которую мы помнили, было то, что нас охватил сильный опиумный кайф, и нам это безумно понравилось. Но это было всего один раз. Мы больше никогда не принимали перкодан. Наши маленькие успехи с кражами ободряли Джона. Он жил прямо напротив своей старой начальной школы и знал, что все деньги, заработанные кафетерием за день, каждую ночь клали в коробку и хранили в холодильнике. Вышло так, что в последний месяц шестого класса Джон украл у технических работников связку ключей от школы.

Мы разработали стратегию, надели маски и перчатки и дождались полуночи. Ключи подошли. Мы пробрались в кафетерий, подошли к холодильнику, и там была та самая коробка. Мы схватили её и побежали из школы прямо через дорогу домой к Джону. В его комнате мы открыли ту коробку и насчитали в ней четырёста пятьдесят долларов. Это, безусловно, была самая успешная наша добыча. Что теперь?

“Давай купим фунт травы, продадим немного, сделаем прибыль и купим столько травы, сколько мы захотим выкурить”, - предложил я. Мне было плохо оттого, что трава кончалась, и нам приходилось вычищать трубы, чтобы найти немного нужной нам смолы. Я знал, что у Алана Башары где-то должен лежать фунт травы, так оно и было. К сожалению, это была дерьмовая трава. У меня была идея продавать её из моего шкафчика в школе Эмерсон, но это было слишком волнительно, поэтому, в итоге, я взял траву домой и продавал её из своей спальни, всё время, копаясь в ней и выкуривая лучшие части. Однажды я попытался продать эту дерьмовую траву паре героиновых наркоманов, живших напротив, но даже они раскритиковали её. Когда они увидели мою бутылку с таблетками перкодана, они предложили мне пять долларов за таблетку. Я махом продал целый пузырёк.

Пиком моих экспериментов с наркотиками в восьмом классе были два раза, когда мы с Джоном, попробовали кислоту. Я не знал никого, кто употреблял ЛСД; казалось, это был наркотик из другого поколения. Однако, это, казалось, более интересным опытом, который не предполагал получение кайфа и флирт с девушками, а был рассчитан на психоделическую поездку к изменённому сознанию. Как раз так я и представлял себе свою жизнь тогда, уходить в эти поездки к неизвестному, к местам в сознании и физическим реальностям, чем другие люди просто не занимались. Мы спросили у всех вокруг, но никто из наших друзей-наркоманов не знал, как употреблять кислоту. Когда я пришёл домой к Башаре, чтобы покурить травы, оказалось, что у него было несколько упаковок с двадцатью желатиновыми таблетками, десятью ярко зелёными и десятью ярко фиолетовыми. Я взял по две штуки каждого цвета и побежал домой к Джону. Мы немедленно запланировали те самые два раза, когда мы примем кислоту. Первый был в наступающий

выходной. А второй раз мы отложили до тех пор, когда Джон и его семья поедут в свой пляжный дом в Энсинаду, Мексика.

Сначала мы приняли фиолетовую кислоту. Она была настолько чистой и сильной, что мы немедленно получили невероятный кайф. Это было так, как будто мы смотрели на мир через новую пару очков. Всё было ярким и замечательным, и мы превратились в паровые двигатели с энергией, бегали по лесам, прыгивали с деревьев и чувствовали себя полностью недостижимыми для любой опасности. Затем вмешался духовный аспект кислоты, и мы занялись самосозерцанием. Мы решили понаблюдать за семьями в их домах, вламывались на разные задние дворы и шпионили за ними через окна, нам казалось, что мы невидимы. Мы заглядывали в окна и смотрели, как семьи ужинали, слушали их беседы.

Солнце начало садиться, и Джон вспомнил, что был ответственным за ужин для всей семьи, и что его отец в тот день возвращался из командировки.

“Я не думаю, что это отличная идея. Они узнают, что мы потеряли рассудок от кислоты”, - сказал я.

“Мы знаем, что мы под сумасшедшим кайфом от кислоты, но я не думаю, что они смогут догадаться”, - ответил Джон.

Я всё ещё сомневался, но мы пошли к нему домой, сели и абсолютно нормально поужинали со строгим папой Джона, его милой мамой и сестрой в инвалидном кресле. Я всего раз взглянул на еду, и у меня начались галлюцинации, я не мог даже и думать о том, чтобы поесть. Затем я начал зачарованно смотреть на то, как открывался рот папы Джона, и эти большие слова выплывали из него. К тому времени, когда родители Джона начали превращаться в животных, мы оба неудержимо смеялись.

Само собой разумеется, что нам обоим это очень понравилось. Это было так красиво, замечательно и галлюциногенно, как мы только могли себе представить. У нас были мягкие галлюцинации от травы, когда мы могли видеть цвета. Но мы никогда до этого не чувствовали, что путешествовали в отдалённую галактику и внезапно поняли все секреты жизни. Мы с нетерпением ждали нашего следующего кислотного путешествия в Мексике.

У предков Джона был красивый дом на белом песочном пляже, который уходил в бесконечность. Мы приняли эту зелёную кислоту утром, нашли небольшой наносной остров и провели в океане семь часов, просто гуляя по мерцающей и искристой воде среди дельфинов и волн. Те два раза были моими лучшими кислотными путешествиями. Позднее, оказалось, что действительно хороший ЛСД просто перестали делать, и кислота стала намного более едкой и ядовитой. У меня всё ещё были дикие галлюцинации, но это никогда не было таким же мирным и чистым чувством.

Я не хочу сказать, что Джон был моим единственным другом в Эмерсоне, потому что это не было бы правдой. Но, тем не менее, большинство моих друзей были аутсайдерами в этой социальной схеме вещей. Иногда у меня возникало случайное чувство, которое я бы назвал “меньше чем”. Я был меньше чем, потому что я не был так богат, как большинство этих детей. Я также чувствовал себя не у дел в том, что касалось девушек. Как любой хороший парень, проходящий этап полового созревания, я фокусировался на каждой сексуальной девушке, которая

попадала в поле моего зрения. Их было полно в Эмерсоне. Они были богатыми маленькими начинающими примадоннами с именами типа Дженнифер и Мишель. Их обтягивающие джинсы от Дитто сверкали несметным количеством пастельных цветов и придавали молодым женским телам что-то действительно чудесное. Просто создавали, формировали, закругляли, подчёркивали изгибы и идеально упаковывали его. Поэтому я не мог отвести от них глаз.

Но всякий раз, когда я подходил к какой-нибудь девушке и предлагал ей встретиться со мной, она говорила: “Ты что, шутишь?”. Они были красивы, сексуальны, но они были снобами. Все те девушки хотели парня, который был бы старше на пару лет, или того, у кого было какое-нибудь дело или машина. Для них я был уродом, которого нужно избегать, и я ненавидел это. С девушками в моей средней школе у меня просто не было того чувства твёрдости и самоуверенности, которое я перенёс в другую мою жизнь, мою клубную жизнь, мою тусовочную жизнь и в жизнь друзей моего отца, где я чувствовал себя непринуждённо, где я всё контролировал и был способен общаться. Они не давали мне ничего для построения уверенности в себе, все за исключением Грэйс (Grace).

До того, как я расскажу об аномалии по имени Грэйс, я должен сделать отступление и протянуть нить моей сексуальной истории. После моей связи с Кимберли, у меня не было сексуальных отношений с женщинами около года. Но примерно в то время, когда у меня был опыт с Кимберли, я открыл для себя искусство и радость мастурбации, благодаря рубрике смешных фотографий в журнале National Lampoon. По какой-то причине мастурбация была той темой, которую мой папа не затрагивал. Он научил меня каждой крохотной частичке женской анатомии, но он никогда не говорил мне, что, если мне было нужно сексуальное удовлетворение, то я мог сделать это сам. National Lampoon вдохновил меня на то, чтобы понять это.

Весь этот эксперимент произошёл однажды днём в моей второй спальне. Я отнюдь не опаздывал в физическом развитии, но и не опережал его. Где-то в первый месяц, когда я уже мог получать оргазм, и у меня была эякуляция, я понял, что мог использовать фотографии, чтобы дойти до самого конца. Удивительно, что я не использовал обширную коллекцию журналов Playboy и Penthouse, которая была у моего папы. Меня привлекал реализм тех девушек в журналах Lampoon, тот факт, что девушки не были в обычных позах, которые считались сексуальными. Они были просто раздетыми девушками. Вскоре после этого в своих похождениях я использовал каждый журнал. Особенно в средней школе, когда это почти стало соревнованием, узнать, сколько раз в день ты мог онанировать, что тебя подогревало, и какие орудия ты использовал в этом процессе. Но это было намного позднее.

Примерно в то время, когда мои гормоны начали бушевать, я получил чудесный опыт быть ребенком, за которым присматривает Шер. Я был в восьмом классе и всё ещё время от времени тусовался с Сонни и Конни. По какой-то причине они изрядно набрались, и Шер вызвалась ночью присмотреть за мной. Мы расположились в её спальне, откровенно разговаривали друг с другом часами и действительно становились друзьями с первого раза.

Через некоторое время Шер повернулась ко мне и сказала: “О'кей, а теперь пора спать. Мы будем спать в одной постели. Это твоя сторона кровати, а это моя”. В моей голове было некоторое напряжение, я отнюдь не собирался совершать какие-то шаги в направлении этой женщины, причиной была просто мысль о том, что буду в одной постели с этим великолепным существом. Но я думал, что с этим всё было в порядке, потому что мы были друзьями.

Затем Шер поднялась в спальню и приготовилась ко сну. Она оставила дверь настежь открытой. В спальне было темно, но в ванной горел свет, поэтому я смотрел, как она снимает свои вещи, всё время притворяясь, что собирался спать. Там было обнажённое женское тело, оно было высоким, стройным, особенным и просто волнующим. У меня не было никаких порывов желать каких-либо физических отношений с ней, но в моих мыслях это был стимулирующий и не совсем невинный момент. Через некоторое время она вернулась обратно в комнату и легла в постель обнажённой. Я помню, как думал: “Это очень неплохо, лежать рядом с этой обнажённой дамой”.

Следующая женщина, продвинувшая вперёд моё сексуальное образование, была также старше меня. Беки (Besky) была бывшей девушкой Алана Башары. Ей было около двадцати четырёх тогда, она была маленькой и красивой с восхитительными волнистыми волосами. Она также принимала таблетки. Я ходил с ней по всяким её делам, и она доставала немного таблеток, а затем мы прыгали в её Фиат и ездили по городу. Наши дни заканчивались тем, что мы были под кайфом, приходили домой и дурачились. Наши с ней тусовки превратились для меня в отличные учебные уроки, потому что она точно показала мне, как доставить девушке удовольствие. Однажды она даже попросила меня сделать ей массаж ягодиц. “Ого, я никогда бы не подумал об этом!” - воскликнул я.

В восьмом классе секс всё ещё оставался для меня чем-то мало изведанным. Но даже тогда я не знал ни одного парня моего возраста, который занимался этим. Каждому из моих друзей предназначалось ещё несколько лет оставаться девственниками, поэтому частью этой радости для меня было то, что я приходил в школу на следующий день и говорил своим друзьям: “Эй, я провёл ночь с девушкой”. А они все отвечали: “Вот это да, это просто за пределами всякого понимания”. Они были даже больше удивлены после моего опыта с Грэйс в Эмерсоне.

Он начался, как и многие мои сексуальные связи того времени, с таблеток. Или с половины таблетки, если быть точным. Я принёс таблетку в школу и поделил с Джоном. Мы планировали встретиться за ланчем и поделиться нашими ощущениями по поводу того, как это быть под кайфом в учебное время. К четвёртому уроку меня полностью забрало. Я был на занятии по журналистике с красивой девушкой по имени Грэйс, которая была отлично физически развита для четырнадцати лет, а особенно притом, что она была японкой. Я знал, что всегда ей очень нравился. Внезапно меня осенило. Я спросил учителя, мог ли я взять Грэйс на задание в кампус, где мы могли бы походить по округе и попробовать придумать какие-нибудь истории для классной газеты. Я был настойчив, потому что находился под кайфом и чувствовал, как таблетки внутри меня принуждали меня к общению. Учитель сказал: “О'кей, только постарайтесь вернуться до конца урока”.

Грэйс и я вышли из кабинета и пошли по коридору прямо в мужскую уборную, которая представляла из себя старую красивую ванную, построенную в тридцатых, со множеством кабинок, высоким потолком и огромными окнами. Я начал ласкать её грудь и целовать её, и ей это очень нравилось. Я был под кайфом, а она нет, но она была также возбуждена, как и я, и также хотела пройти этот опыт. В тот момент, когда я начал удовлетворять её пальцем, маленький мальчик вошёл в ванную, увидел нас в кабинке, закричал и выбежал. Вместо паники и прерывания миссии я был настроен на то, чтобы найти безопасное место. Мы обошли кампус и нашли навес с техническим оборудованием за одним из бунгалов. Мы немедленно разделись и начали делать это. К моему большому удивлению казалось, она точно знает, что делает. Как только я кончил, я встал и, как у любого тинейджера, мой член остался твёрдым. Мгновенно она встала прямо на колени и начала делать мне минет, и я снова кончил. Я был поражён. Откуда она знала, как это делать? Мы оделись и побежали обратно в класс, хихикая всю дорогу. Как только я пришёл на ланч, я рассказал своим друзьям всю историю, они были ошеломлены и полны зависти. А для меня это был всего лишь ещё один обычный день, потому что я всегда хотел заниматься всем, что встретиться у меня на пути.

В июле я поехал в Мичиган и провёл обычное лето в этом расслабляющем месте, полном лесов, озёр и персиковых садов, где я стрелял из своего воздушного ружья и тусовался с Джо и Нейтом. Но когда лето кончилось, мы с мамой решили, что мне следовало остаться в Мичигане на первый семестр девятого класса. Моя мама была беременна третьим ребёнком, и она хотела, чтобы я был рядом и сблизился со своим новым родным братом или сестрой. По причине того, что они со Стивом жили в Лоуэлле, а это был пригород, я ходил в школу в городе с населением меньше двух тысяч.

Большинство ребят не принимали меня. Все популярные в школе парни, тупоголовые сыновья фермеров, называли меня “девчонкой”, “Голливудом” и “лохматым”, потому что у меня были длинные волосы. Когда начались занятия, я пришёл в особенной одежде, с особенной причёской и особым ко всему отношением, эти дикари с фермы хотели меня убить. Моим единственным утешением были мои отношения с девушками, которые, похоже, оценивали меня немного лучше. В том семестре я встречался с одной сексуальной девушкой испанского происхождения и с блондинкой по имени Мэри (Mary), которая была победительницей средне-западного конкурса Длинных и Шелковистых волос, устроенного фирмой Лореаль. Она была очень красивой, и я был на год младше неё, но наши отношения так и не развились в безумный роман, как я предполагал. Мы проводили большую часть времени, держась за руки и развлекаясь, она позволяла мне дотрагиваться до различных частей её тела, но никогда не отдавалась мне полностью. Я не знаю, возможно, она смеялась надо мной, потому что я был младше и на две головы ниже её.

Третьего октября 1976 года моя мама родила мою вторую сестру, Дженнифер Ли Идему (Jennifer Lee Idema). Это было радостное время в семье, и у нас образовался наш действительно милый маленький мир со Стивом, Джули, моей мамой, новорождённой девочкой и собакой по кличке Эшли (Ashley). Кроме того,

что я сближался с Дженни, я иногда неплохо проводил время со Стивом. Он всегда поддерживал меня во всём, что я делал.

Когда я вернулся в школу Эмерсон на вторую половину девятого класса, произошли огромные перемены. Когда я уезжал, я был королём кампуса в этом безумном, неформальном королевстве. А когда я вернулся, всё вокруг как бы говорило: “Тони? Какой Тони?”. Была пара парней, которые считались главными, и у кого-то из них были бакенбарды (а мне было ещё очень далеко до хотя бы первых признаков бакенбард). Поэтому я нашёл себе другое применение. Я собирался стать актёром, по большей части из-за того, что этим занимался мой папа. Паука всегда интересовала актёрская деятельность. К тому времени он начинал уставать от жизни в качестве Короля бульвара Сансет Стрип. Ему надоело продавать наркотики, и надоели кучи людей, вторгавшиеся в дом в любое время ночи. Поэтому, когда Ли Страсберг открыл филиал своего института в Лос-Анджелесе, папа решил поступить. Он приходил домой после занятий в восторге от методов актёрской игры, использования чувственной памяти и от всех этих новых концепций. Всё это действительно казалось делом, которое может занять все твои мысли.

Как часть своего решения начать новую жизнь, мой папа постриг свои длинные волосы. Внезапно он обнаружил в себе нечто новое, этот гангстерский вид из фильмов тридцатых годов с пронзительным взглядом и зачёсанными назад волосами. Через несколько дней я уже сидел в кресле парикмахера и просил сделать мне причёску как у гангстеров тридцатых годов. К тому времени остальные дети начали меня догонять, и длинные волосы уже не были отличительной особенностью бунтаря и индивидуальности. Поэтому я постригся и ошарашил моих школьных друзей и знакомых этим новым видом. Когда мой папа начал носить двубортные пиджаки в тонкую полоску, чёрно-белые туфли и белые рубашки на пуговицах с причудливыми галстуками, первым, что я сделал, было то, что я пошёл и достал себе идентичный наряд. Теперь пришло время поступать в актёрскую школу. Я посещал детские занятия, которые вела Диана Халл (Diane Hull), и они были замечательны. Нас учили, что нужно скорее играть и вживаться в роль, чем просто притворяться. Нужно было разобрать в мыслях и поставить себя на место персонажа, которого ты играл.

После нескольких месяцев учёбы мой папа просто ошарашил меня. Он хотел легально изменить своё имя с Джона Кидиса на Блэки Дэмметта (Blackie Dammett). Свою новую фамилию он составил из имён и фамилий своих любимых писателей, Дэшила Хэмметта (Dashiell Hammett). Он спросил меня: “Какой ты хочешь сценический псевдоним?” В качестве ещё одного жеста солидарности со своим отцом, я ответил: “В нём должно присутствовать Дэмметт, потому что я твой сын”. Так родилось имя Коул Дэмметт (Cole Dammett). Поняли? Коул, сын Блэки.

С того дня, он был известен как Блэки и профессионально, и лично. Ни Джон, ни Джэк, ни Паук. Но у меня было два одновременно существующих образа. Я не мог расстаться с именем Тони в школе. И моя семья не собиралась называть меня Коулом. Но Блэки называл. Он скорее называл меня Коулом, чем как-нибудь ещё, потому что он всегда находился в своей роли.

С готовыми сценическими псевдонимами пришло время искать агентов. Папа нашёл для себя агента, а потом он получил рекомендацию от детского агента для меня. Её звали Тони Келман (Toni Kelman), и она была самым сексуальным детским агентом во всём Голливуде. Ко времени заключения своего контракта, меня уже взяли на роль в фильме. Роджер Корман (Roger Corman) снимал версию для взрослых фильма Американский стиль любви (Love American style), которая называлась “Шутки, которые мои приятели никогда мне не рассказывали” (Jokes my folks never told me). Это был римэйк нашумевшей картины семидесятых с большим количеством обнажённых женщин. Режиссёр фильма учился вместе с моим папой в Университете Лос-Анджелеса, и однажды он навестил нас. Я открыл дверь.

“Я пришёл к твоему папе”, - сказал он дружелюбно.

Я не знал этого парня и уж точно не знал, как он относился к Блэки, поэтому я вытянулся во все пять с чем-то футов своего роста и прошипел: “Так, а вы кто?”

Языком своего тела я говорил: “Я надеру тебе задницу, если ты попробуешь войти в мой дом, несмотря на то, что я только ребёнок”. Он был настолько поражён моей уверенностью в себе, что сразу же взял меня на роль задиристого парня, который всё время грязно шутил в классе.

Меня сразу взяли в шоу. После школы и в детскую передачу на общественной телевизионной сети. Конечно, в обоих проектах я играл роль плохого парня. Но это была работа. И она постоянно накапливалась. Я завёл счёт в банке вместе с папой, а вскоре раскрыл банковскую книгу и увидел там пару тысяч, шокирующую сумму денег для меня.

Меня развращало то, что меня брали на каждую роль, на которую я проходил прослушивание. Однажды днём я был дома у Джона, когда Блэки позвонил, чтобы сказать мне о том, что меня только что взяли на роль сына Сильвестра Сталлоне (Sylvester Stallone) в фильме К.У.Л.А.К. (F.I.S.T.), его следующем фильме после Роки. Я безумно обрадовался, выбежал из дома, крича и распевая заглавный саундтрек Роки, подняв руки в воздух. Я был уверен, что это будет настоящим прорывом, потому что я сыграю в фильме вместе с самим Сталлоне, несмотря на то, что у меня с ним всего лишь одна сцена за обеденным столом.

Когда я пришёл на съёмочную площадку, я подошёл к трейлеру Сталлоне и постучал в дверь, рассчитывая на то, что мы должны сблизиться перед съёмкой нашей важной сцены.

- Кто там? - спросил грубый голос из трейлера.

- Это Коул. Я играю вашего сына в сцене, которую мы сейчас будем снимать, - ответил я.

Он осторожно открыл дверь. “Зачем ты пришёл?” - спросил он.

- Я играю вашего сына, поэтому я думал, что мы должны провести некоторое время вместе, чтобы я мог понять, как...

Сталлоне перебил меня. “Нет, я так не думаю”, - сказал он и осмотрелся в поисках своего личного ассистента. “Кто-нибудь придите и заберите этого ребёнка. Выведите его отсюда”, - прокричал он.

Мы начали снимать сцену, и, когда я произнёс свою большую реплику, “Передай, пожалуйста, молоко”, камера не снимала меня крупным планом. В итоге, получилась роль, которую можно пропустить, если моргнёшь. Но всё же это было ещё одно достижение.

Моё участие в К.У.Л.А.К.Е. помогло мне, когда я пошёл на студию Парамаунт на прослушивание к фильму Горячий американский воск (American hot wax), который был историей Бадди Холли (Buddy Holly) и диджея Алана Фрида (Alan Freed). Это был значимый фильм, и я проходил прослушивание на ключевую роль в фильме, роль президента фан-клуба Бадди Холи. После множества звонков, перезвонов и даже экранного теста, список кандидатов сократился до двух, меня и самого сексуального актёра во всей округе, Музи Драйера (Moosie Drier). Я был уверен, что получу роль, потому что Блэки полностью выложил, чтобы помочь подготовиться к ней. Мы с ним выучили все песни Бадди Холли, и он купил мне большие очки в роговой оправе. Поэтому, когда Тони позвонил мне, чтобы сказать о том, что я не получил роль, я был сокрушён.

Той ночью Кони взяла меня в дом какого-то своего друга, и мы полностью ушли в наркотический загул: нюхали кокаин, курили траву, много пили и говорили о том, как я в следующий раз поставлю их всех на место и стану, в итоге, величайшей кинозвездой в этом городе. И бла, бла, бла, нескончаемый поток бессмысленной кокаиновой болтовни между мальчиком, который только что потерял роль всей своей жизни, девушкой, которая хотела ему помочь, но сама была в некотором роде потеряна, и парнем, который просто хотел затащить девушку в постель. Это продолжалось до раннего утра, когда кокаин, наконец, закончился, в этот момент началась реальность, и она не была хорошей. Химическая депрессия от наркотического похмелья, соединённая с реальным чувством потери, обратилась для меня в жестокие двадцать четыре часа.

Несмотря на мой ранний успех, я не был самым дисциплинированным и прилежным из студентов актёрской школы. Я докапывался до сути, участвовал во всём, учился многому, но я не был настроен на то, чтобы вкладывать всю свою энергию в тот мир. Развлекаться с друзьями, бегать по городу и кататься на скейтборде всё ещё возглавляло мой список приоритетов. Получать кайф также было вверху моего списка.

Я ранее уже раскрыл для себя удовольствия кокаина, ещё до той ночи, когда Конни попробовала ободрить меня. Когда мне было тринадцать, Алана Башара пришёл к нам домой на Палм в середине дня и сказал моему папе, что у него есть немного сногшибательного кокаина. Тогда в семидесятых кокаин был очень сильным и чистым; он не был таким химически тяжёлым, как сейчас. Я полтора года наблюдал за тем, как взрослые у нас дома принимали его, поэтому я сказал им, что хотел присоединиться.

Башара сделал для меня дорожку, и я вдохнул её. Двадцать секунд спустя, моё лицо оцепенело, и я начал чувствовать себя как Супермэн. Это был настоящий невозмутимый эйфоричный порыв, мне казалось, что я видел Бога. Я думал, что это чувство никогда не уйдёт. Но затем, бум, оно начало ослабляться.

“Эй, эй, а мы можем принять ещё?” - ужасался я. Но Алану нужно было уходить, а мой папа стал заниматься своими делами, я был сокрушён. К счастью,

организм мальчика не требует много времени для восстановления. Через час я чувствовал себя отлично и занялся чем-то другим.

Итак, я с первого взгляда влюбился в кокаин. Я всегда осматривал дом, чтобы узнать, осталось ли что-нибудь от прошлой ночи. И очень часто что-то оставалось. Я лезвием счищал остатки с тарелок, проверял пустые стаканы, собирал найденное вместе, а затем нёс это в школу и делил с Джоном. Но мы всегда дожидались окончания занятий. За исключением половины таблетки, я никогда не принимал наркотики в школе.

Кокаин вскоре привёл меня к героину. Мне было четырнадцать, и однажды Конни взяла меня с собой в Малибу. Мы остановились в доме кокаинового дилера, где все взрослые принимали огромные количества белого порошка прямо из большой груды на столе для рисования. Я был там с ними, обезьяна видит, обезьяна повторяет, и мы все были под таким кайфом, который только могли получить. В один момент они решили куда-нибудь пойти. К тому времени на зеркале оставалась всего одна дорожка. “Ты можешь остаться здесь, но что бы ты ни делал, не вдыхай её”, - сказали они. Я просто улыбнулся и сказал: “О'кей”.

В ту же минуту, когда они закрыли входную дверь, шшшик, я вдохнул ту дорожку. Когда они вернулись обратно, то увидели, что дорожка уничтожена.

- Где эта дорожка? - спросил кто-то.

- Ну, я растерялся... - начал я своё алиби.

- Нужно скорее отвезти его в больницу. У него будет передозировка, - ужасались все вокруг.

Я не знал, что в той дорожке был белый китайский героин.

Но мне было хорошо. Очень, очень хорошо. Я понял, что героин мне нравился даже больше, чем кокаин. Я был под кокаиновым кайфом, но я не нервничал и не волновался. Моя челюсть не тряслась. Я не волновался о том, откуда я достану свою следующую дорожку кокаина. Я был во сне, и мне это нравилось. Конечно, по дороге домой меня тошнило, но мне не было очень плохо. Я просто попросил Конни довольно быстро остановить машину, меня вырвало прямо в окно. Они не спускали с меня глаз, уверенные в том, что у меня остановится сердце, но ничего не случилось. Мне нравилось это, но я не настаивал на таком внимании.

К концу девятого класса, было очевидно, что всё идёт хорошо. Блэки изучал актёрское мастерство и глубоко погружался в свои роли, иногда до пугающей степени. Он постоянно участвовал в постановках Голливудского Театра Актёров, некоммерческого театра на девяносто девять мест в конце Голливудского бульвара. Была ли у него второстепенная или главная роль, он полностью погружал себя в свой персонаж. Большое значение в этом имел поиск внешнего образа человека. Он стал великим мастером маскировки, меняя свой гардероб, причёску, очки, позы и поведение. Он украшал свои листы со сценариями рисунками, подписями и знаками, которые представляли его персонаж.

Проблемы начались, когда он действительно превращался в своих персонажей. Обстановка накалилась до предела, когда он получил роль трансвестита в постановке Голливудского Театра Актёров. Блэки было настолько безразлично то, что подумают о нём люди, он был так восхищён идеей перевоплощения в этот персонаж, что он несколько месяцев жил как трансвестит. Он сфотографировал

себя во всём облачении и прикрепил снимки над камином, вместе с диаграммами, таблицами, графиками и плакатами, принадлежащими миру трансвеститов.

Затем мой сильный, определённо гетеросексуальный папа начал носить обтягивающие обрезанные штаны, а всё, что было у него между ног, он держал по одну сторону нейлоновых колготок. Он надевал узкий топ и носил перчатки с кольцами, надетыми на них. У него был безупречный макияж, благодаря сексуальной розовой помаде. Он гордо разгуливал по дому на высоких каблуках, сосал леденец и разговаривал как сумасшедший гей. Стало ещё хуже, когда он начал в таком виде выходить из дома. Он просто гулял взад вперёд по Голливудскому бульвару, разговаривая с прохожими от имени своего персонажа.

Сначала я поддерживал его и гордился тем, как он вкладывался в своё искусство. Но в итоге, я сломался. Всей моей мужественности был брошен вызов. Поэтому, когда однажды он начал кричать на меня из-за какой-то проблемы в школе, я назвал его слащавым пижоном. Не успело второе слово вылететь из моего рта, как он набросился на меня. А мой папа был очень быстрым. Каким-то образом я смог перехватить удар его правой руки до того, как он достиг цели. Я был в секунде от того, чтобы противостоять ему своим собственным ударом. Но я был в середине пути, когда подумал, что проявить насилие в отношении своего отца было плохой идеей. К тому времени он толкнул меня к книжной полке, мы стояли с поднятыми кулаками, и между нами царил сильное напряжение. В конечном счёте, ничья кровь не пролилась, но энергетика была агрессивной и уродливой. Многие будущие десятилетия что-то между нами не было таким как раньше.

3. "Средняя школа Фэйрфэкс"

Я никогда не забуду свой первый день в средней школе. Я приехал к зданию средней школы Юни и встретился со своим куратором, чтобы узнать в какой класс мне идти. И тогда она меня ошарашила.

“Тони, я знаю, что ты три года учился в школе Эмерсон под фальшивым адресом. Ты не живёшь в этом районе, поэтому ты не можешь ходить в школу здесь”.

Я тогда не знал, что это будет одним из самых богатых событиями завихренный судьбы, которые я когда-либо испытывал.

Я пошёл домой, чтобы узнать, какая средняя школа была в моём районе. Оказалось, что это Фэйрфэкс, длинное здание на углу Фэйрфэкс и Мелроуз. Я пошёл туда на следующий день и чувствовал себя там чужаком в море людей, которые уже знали друг друга. Из-за того, что я опоздал на день, многие классы, куда я хотел попасть, были сформированы. Я не знал учеников, не знал учителей, я даже не знал, где находился кафетерий.

Когда я начал заполнять свои классные бланки, меня попросили написать своё имя. Я импульсивно написал “Энтони” вместо “Тони”. И когда оглашали список, все учителя читали “Энтони”, и я не исправлял их. Я просто стал “Энтони”, немного другим парнем, который был более зрелым, взрослым и лучше контролировал себя.

Фэйрфэкс была настоящей смесью. Там были китайские эмигранты, корейские эмигранты, русские эмигранты, еврейские дети и много чернокожих ребят, так же как и белых. И снова я начал дружить с самыми одинокими и нежелательными детьми в школе. Моими первыми друзьями были Бэн Тэнг, худой, нескоординированный парень в огромных очках, и Тони Шур, девяностосемифунтовый слабак с одутловатым лицом. Примерно после месяца учёбы, мы с Тони разговаривали во дворе во время ланча, как вдруг крошечный, сумасшедший, длинноволосый парень, кружась, подошёл к Тони, схватил его за шею и начал трясти. Я не мог сначала понять, было ли это дружеским дурачеством, или этот парень наезжал на моего лучшего в Фэйрфэкс друга. Я ошибался, это не было дружелюбным. Я вмешался, оттащил его от Тони и прошипел: “Если ты ещё раз его тронешь, будешь жалеть об этом всю свою жизнь”.

- О чём ты говоришь? Он мой друг, - протестовал парень.

Странно. Даже притом, что мы начали с агрессивных фраз типа “я надеру тебе задницу”, я почувствовал моментальную связь с этим замечательным маленьким странным созданием. Тони сказал мне, что его зовут Майкл Бэлзари (Michael Balzary), который скоро будет известен как Фли за пределами школы Фэйрфэкс.

Майк был ещё одним изгоем в Фэйрфэкс. Он родился в Австралии. Его отец был таможенным агентом, который вместе с семьёй переехал в Нью-Йорк и наслаждался довольно консервативным, стабильным образом жизни до тех пор, по-

ка мама Майка не завела роман с джазовым музыкантом. Родители Майка расстались, и он вместе со своей сестрой, мамой и новым отчимом переехал в Лос.-А.

Майк был крайне стеснителен, незащищен и более закрыт, чем я, поэтому я играл главную роль в отношениях, которые развивались долгое время и были прекрасными, потому что мы давали друг другу очень много. Хотя для него это также имело сторону негодования, потому что временами я был просто ублюдком и подлым хулиганом.

Майк никогда не ходил никуда без своей трубы. Он был первой трубой в школьном ансамбле, поэтому мы работали вместе – в том году я участвовал в постановке пьесы. Я был поражён его музыкальными навыками и тем, что его губа всегда раздувалась от игры на трубе. Его игра на трубе также открыла мне целый мир – мир джаза. Однажды Майк поставил мне записи Майлза Дэвиса, и я понял, что этот стиль музыки был спонтанным и импровизационным.

Даже притом, что Майк жил в более или менее традиционной семье, ситуация в его доме казалась такой же хаотичной, как и у меня. Он завораживал меня историями о своём бесконтрольном отчине, Уолтэре. Долгие годы у Уолтэра были проблемы с алкоголем. Он отчистился, в то время я ничего не знал об этом процессе, но тогда он был настоящим отшельником. Я очень редко видел его, а в те редкие дни, когда мне это удавалось, он был очень грубым и кричал, потому что Майк один раз забыл выбросить мусор в нужный день. Каждый раз Майк говорил: “О, о, я забыл, что сегодня четверг. Мне сильно попадёт”.

Мама Майка была очень милой, несмотря на её причудливый австралийский акцент. Но в первые месяцы нашего с Майком знакомства, он всё время говорил о своей старшей сестре, Карен, которая была в Австралии. “Она просто сумасшедшая”, - говорил он мне. “Она очень сексуальна. У неё миллион парней, и она лучшая гимнастка Голливудской средней школы”. Я должен был встретиться с этой сестрой Бэлзари.

Позже в том учебном году, Карен, наконец, приехала. Она была молода, привлекательна и невероятно прямолинейна. Тогда мы с Майком часто оставались на ночь друг у друга. На самом деле в комнате Майка стояли две крошечные кровати, одна для него, одна для меня. Также у родителей Майка было горячее джакузи на заднем дворе, и однажды ночью Майк, Карен и я сидели в этом джакузи и пили вино. Рука Карен непрерывно скользила ко мне под этими пузырями, и когда Майк сказал, что уже пора спать, и я практически сказал то же самое, Карен схватила меня. “Останься”, - попросила она. Пришло время встретиться с сестрой один на один.

Карен немедленно взяла инициативу на себя. Она начала ласкать меня, потом отвела к себе в спальню, и следующие три часа она представляла мне множество различных сторон секса, о возможности которых я даже не подозревал. Она играла в свою игру, делая многие вещи, например, подходила к раковине, возвращалась назад с наполненным горячей водой ртом и делала мне минет. Что, Господи, я сделал, чтобы заслужить этот прекрасный голос?

На следующий день Майк спросил: “Как тебе моя сестра?”. Я рассказал ему всё в деталях, потому что, в конце концов, она была его сестрой, и я горячо поблагодарил его за то, что он представил нас друг другу. Спустя много-много лет

он подошёл ко мне и сказал: “Мы действительно хорошие друзья, но есть что-то, что беспокоило меня эти годы. Когда ты был в комнате с моей сестрой, я вышел из дома и заглянул в окно на несколько секунд”. В те давние времена мне было бы всё равно, но вероятно это хорошо, что он сказал мне это, выждав именно столько.

Майк много курил траву, когда я впервые встретил его, поэтому я начал всё чаще и чаще заглядывать в запасы своего папы, чтобы удовлетворить наши потребности. Я знал тайники над книжными полками, где он хранил свои недокуренные косяки. Но он запирали свои основные запасы в том же шкафу, где хранил весы. Однажды мы с Майком тусовались в подвале, в мастерской его отца, и я нашёл огромную связку отмычек. Шанс был один на миллион, но я спросил Майка, могу ли попробовать эти ключи для шкафа Блэки. Уверенный в том, что я делаю, я нашёл именно тот, который подходил. И я стал аккуратно растаскивать отцовские запасы травы, таблеток и кокаина. Майк был впечатлён, что я мог взять горсть и оставить всё таким неповреждённым, что Блэки никогда не понимал, что чего-то не хватало.

В том семестре Фли и я впервые поехали отдыхать вместе, мы поехали покататься на лыжах на гору Мэммот. Поездка на автобусе в Грэйхаунд была классическим смешанным разнообразием угнетённых и несчастных людей: девочка с чёрным глазом, только что уволенный с работы наркоман, сидящий на спице, вся автобусная культура странных людей и мы, два зелёных ребёнка.

В автобусе я сразу же пошёл в задний туалет, выкурил полкосяка и передал его Майку, и он повторил ритуал. К тому времени, как мы приехали в Мэммот, началась снежная буря, и она была чёрной как смоль. Нашим планом было провести ночь в прачечной отелей, эту уловку подсказал мне один из моих друзей в школе Эмерсон. Но автобус, ехавший в Грэйхаунд высадил нас в середине ничего. Мы пошли в примерном направлении отелей, и внезапно у Майка ужасно заболел живот. Мы шли и шли, замерзали, а Майк почти плакал от боли. Когда обморожение уже практически началось, мы повернули наугад и нашли отели. Войдя в прачечную, мы достали спальные мешки и разложили один под хрупкой фанерной полкой, а другой на ней. Я сунул несколько четвертаков в сушилку, чтобы включить её, и свернулся на полу, а Майк спал на той хрупкой полке, которая была предназначена держать несколько фунтов одежды.

На следующее утро мы пошли взять на прокат лыжи. Мы выбрали себе всё оборудование, и Майк попытался расплатиться кредиткой, которую ему дала его мама, но семнадцатилетняя девушка за прилавком не принимала её. Она настаивала на том, что мама Майка должна была лично присутствовать там, чтобы авторизовать использование карты.

Майк попробовал объяснить, что его мама уже на спуске с горы, но девушка была непреклонной. Я должен был спасти эту поездку, поэтому я вышел на улицу и обратился к леди, которая готовилась покататься на лыжах со своими детьми. Я попросил её дать мне на время куртку, лыжи и очки. Каким-то образом я убедил её, надел её меховую куртку, шапку и большие квадратные солнечные очки. Я взял наши варежки и шапки и запихал их в куртку, чтобы сделать грудь. Я вспом-

нил голос мамы Майка, пошёл обратно в лыжный магазин и направился прямо к девушке за прилавком.

“Поверить не могу, что из-за этого мне пришлось спускаться с гор. Это моя карта, и я дала её своему сыну. В чём проблема?” - сказал я.

Девушка безумно испугалась голоса этой сумасшедшей женщины, доносившегося из за лыжной маски, и мы получили свое оборудование. Мы отлично проводили время, ловя кайф на бесплатном подъёмнике и устраивая везде суматоху. Мы были настоящими маленькими засранцами, и нам это нравилось. Майк вообще не умел кататься на лыжах; впервые спускаясь с горы, он упал около пятидесяти раз. А в третий раз он уже не отставал от меня. Он просто заставил себя научиться кататься на лыжах за один час.

Тем вечером мы вернулись в прачечную и, включив сушилку, провели там ещё одну ночь. Прошёл второй день катания на лыжах, и настало время ехать домой. По какой-то причине я решил, что в лыжном магазине была плохая система работы с инвентарём, поэтому эти лыжи теперь наши. Мы пошли на станцию Грэйхаунд и погрузили эти арендованные лыжи на автобус вместе с другими лыжами. Мы почти сели в автобус, когда подъехала машина шерифа. Шериф вышел и сказал: “Вы двое. Быстро сюда”.

- В чём проблема? - спросил я невинно.

- Эти лыжи краденая собственность. Мне нужны ваши документы, - сказал он.

- О, нет, нет, нет, нет, мы не брали их. Вы думаете, мы забрали эти лыжи себе? Нет, нет, мы взяли их в аренду, и мы как раз хотели отнести их обратно. На самом деле мы, наверное, можем просто оставить их здесь и пойти, - отчаянно оправдывался я.

Наконец, мы убедили этого парня только оштрафовать нас, и мы пообещали вернуться и решить эту проблему. Мы приехали обратно в Голливуд. Наша поездка удалась на все сто, даже с небольшим плохим привкусом от истории с шерифом в конце. Прошло некоторое время, не было ни звонка, ни вызова, ни плохих новостей с севера. А потом в один день это произошло. Майк и я, оба следили за почтой, но в один и тот же день, когда мы были в школе, и Блэки, и Уолтер получили письма.

Теперь у нас были серьёзные проблемы. Уолтер был строгим, и у моего папы не было в жизни никаких дополнительных неудобств до этого момента, когда дети должны были прийти в суд в Мэммоте вместе с родителями. Теперь этим парням пришлось взять на себя эти проблемы. Мы думали, что это просто конец света, но довольно странно, что оба наших папы использовали эту поездку в суд как возможность сблизиться со своими сыновьями. В конечном счёте, мы отделались лёгким наказанием, всё, что нам нужно было делать, это в течение полугода каждые два месяца писать им письма о том, чем мы занимались.

Но моя лыжная авантюра с властями была мелочью по сравнению с тем, что случилось с Блэки той осенью.

Был отличный осенний калифорнийский день, солнечный и прекрасный. Я пришёл домой из школы около половины четвёртого, как и в любой другой день, но мой папа, казалось, был чем-то расстроен. Мы были в гостиной, где было ми-

лое красивое окно, которое выходило на наш передний двор, когда вдруг Блэки замер. Я выглянул и увидел этих похожих на медведей гризли, больших, как дровосеки, парней, скрывающихся на нашем дворе. Мой папа положил руку мне на плечо и сказал: “Я думаю, у этих парней может быть прикрытие”.

Как только он сказал это, они выбили нашу входную дверь из цельного дуба. В ту же секунду, они вскрыли заднюю дверь, и отряд парней с дробовиками, пистолетами, в бронежилетах ворвался внутрь. Их дробовики были заряжены, подняты и направлены прямо на моего папу и меня. Они все кричали: “Стоять! Стоять! На пол!”, как будто это били какой-то огромной операцией. Одно неосторожное движение пальца, и мы были бы наполнены свинцом. Они пристегнули нас друг к другу наручниками, посадили на диван и начали систематично разрушать наш дом.

Оказалось, что несколько ночей назад мой папа вызвал проститутку, но когда она приехала, моему папе она не понравилась. Ради спортивного интереса он предложил ей немного кокаина. Она выбежала из дома, позвонила в полицию и сказала им, что Блэки мог быть тем наркодилером голливудских холмов, который в то время терроризировал весь Лос.-А.

Следующие два часа копы провели, разрывая матрасы, просматривая каждый дюйм одежды в шкафу и воруя красивые раскладные ножи, которые я купил в Тихуане, чтобы, придя домой, подарить их своим детям. К счастью, они не находили наркотиков. В тот момент, когда я подумал, что они не обнаружат сокровищницу моего папы, один из этих тупоголовых засранцев проделал отверстие в потолке в заднем туалете и всё нашёл. В тот момент мой отец и я поняли, что игра окончена. Они вытащили оттуда большие горы кокаина, сумки травы и огромную флягу таблеток.

Они думали, что делать со мной. Они говорили о том, чтобы отправить меня в тюрьму для несовершеннолетних, но я знал, что мне нельзя было попадать туда, чтобы я мог помочь Блэки заплатить залог. Я убедил их, что был непричастен ко всему этому и, что утром мне нужно быть в школе. Наконец, они решили, что я мог остаться в перерытой квартире, и забрали Блэки.

Мы оба были сокрушены. У меня были видения моего папы, которого забирали на долгие годы. Я позвонил Конни (Connie), и она уговорила своего нового парня представить свой дом как имущественный залог. На следующий день Блэки вышел из тюрьмы. У него осталось около семи тысяч, на которые ему нужно было немедленно нанять хорошего адвоката; это было слишком тяжело для наших финансов, поэтому ему пришлось приостановить свой дилерский бизнес и больше заниматься актёрской игрой.

К счастью для нас несколько месяцев назад я получил роль в рекламе Кока-Колы, и это было довольно хорошим заработком для пятнадцатилетнего подростка. Но это вызвало некоторые трения с моим отцом, потому что я зарабатывал больше денег, чем он. Он даже попытался заставить меня платить часть за жильё, что стало явным раздором между нами, потому что он уже забирал двадцать процентов моего актёрского дохода, и я говорил: “Ну, нет, наверное, так не получится”. Вместо этого я дарил Хайе (Haуa) цветы и читал ей стихи. Все охали и ахали, а учитель постоянно прощал мне мои слабости. Хайа смущалась, но она

понимала, что парень сходит по ней с ума. Это сигнализировало начало наших с ней отношений, но это было скалистое начало, которое растянулось в следующий учебный год.

Ко второй половине десятого класса, у меня закончились все деньги, которые я накопил, благодаря моей актёрской карьере, которой я больше не занимался, потому что хотел сконцентрироваться на том, чтобы быть обычным парнем из средней школы. Поскольку доход Блэки был скудным, я устроился на полставки разносчиком в высокочеловеческий винный магазин John and Pete's. Я любил эту работу. Я ездил, как попало, нарушая все правила, превышая скорость, двигаясь по неверной стороне улицы и мешая движению, чтобы выполнять свои доставки и экономить время на обратный путь к магазину. Спустя несколько недель, я понял, что если я прятал бутылку вина или упаковку из шести бутылок в складском мусоре, я мог позже вернуться туда, достать их и напиваться всю ночь. Кроме того, тридцать баксов, которые я зарабатывал за смену, когда работал несколько дней в неделю, были моими деньгами на расходы.

Но мой первый год в Фэйрфэкс был по большей части оазисом вдали от ответственности. У меня было отличное свободное время, чтобы бродить, играть и бесцельно гулять, находить что-то новое, разговаривать, вредить, воровать, разрушать, встречаться с друзьями, пытаться найти немного травы и, может быть, поиграть в баскетбол. Действительно не было никакого давления, никакого беспокойства. У меня могла быть домашняя работа, но делал я её после обеда.

Майк постоянно был со мной. Во время тех долгих прогулок мы проходили мимо этих одно-, двух-, трёх-, а иногда четырёх- и пятиэтажных квартирных домов, которые были построены вокруг центрального бассейна. Однажды у меня возникла удивительная идея. Я посмотрел на здание и сказал: "Это же трамплин для прыжков в воду, друг мой".

У меня в Мичигане некоторый опыт прыжков в водоёмы с железнодорожных эстакад. Иногда мы ждали, прямо пока не пойдёт поезд, это было безумным приключением. Майк ко всему относился как к игре, поэтому мы начали с прыжков в воду с двухэтажных зданий. Нам было всё равно, что вокруг бассейна загорали люди; это было даже веселее, быть парнем, который вылетел с небес и приземлился рядом с ничего не подозревающим загоравшим там человеком.

Если был шанс быть пойманными, то мы прыгали и тут же уносились как летучие мыши из ада, продираясь сквозь задние дворы. Но были случаи, когда мы выплывали из воды и видели, что опасности быть пойманными не было, и это давало нам ещё одну возможность свергнуть кого-нибудь в шок, вопя, танцуя или корчась.

Мы, наконец, добрались и до пятиэтажных зданий. Нашим любимым было то, что находилось на Кингз Роуд. Мы залезли на крышу, посмотрели вниз и увидели бассейн размером с почтовую марку, и мы решили сделать это. Затем я начал экспериментировать с разными стилями прыжков, я не нырял в бассейн, сначала я просто прыгал на крыше здания, выполняя разные движения супермена. Потом я разбежался и вместо того, чтобы прыгнуть далеко вперёд, я прыгнул прямо вверх, описал дугу, перевернулся вниз, а затем опустился точно в бассейн.

Глубина бассейнов не имела значения. Чтобы приземлиться, не нужно много воды. Если бассейн мелкий, то в момент касания воды, тело нужно направить в бок, чтобы использовать и ширину, и глубину воды.

Мой папа знал о наших прыжках, и он далеко не был фанатом этого. Он не пытался положить этому конец, но время от времени читал мне лекции: “Не надо прыгать. Ты же знаешь, что всё время куришь траву. Это плохая комбинация”. В то время мы не обсуждали многие вещи. Он жаловался, а я игнорировал его и говорил: “А мне всё равно. Пошёл ты”.

В один июньский день в тот год Майк и я осматривали один квартирный дом ниже по улице в квартале от моего дома. Бассейн был маленьким и в форме слезы, и самая глубокая точка была в самой маленькой части слезы. Чтобы залезть на здание, нужно было использовать наружную лестницу, мы навели много волнения, взбираясь, и кто-то начал орать на нас, чтобы мы спустились.

Мы даже и не думали о том, чтобы остановиться. Я сказал Майку начинать, и он прыгнул, я услышал всплеск воды. Потом я влез на лестницу. Я даже не посмотрел вниз, чтобы измерить угол - я был больше обеспокоен людьми, которые орали.

Я прыгнул и, когда был в воздухе, понял, что переусердствовал с прыжком и промахнусь мимо бассейна, но я ничего не мог с этим поделать. Бетонный пол приближался ко мне, я с ударом приземлился на пятки и промахнулся где-то на десять дюймов. Я был ошеломлён, упал назад в бассейн и начал тонуть. Каким-то образом, несмотря на состояние паралитического шока, я смог вытолкнуть себя из бассейна, перекатиться на участок бетона и издать этот нечеловеческий звук, который, казалось, исходил из глубин ада.

Я осмотрелся и увидел Майка, но я не мог пошевелиться. Кто-то вызвал скорую помощь, и медики неуклюже закатили меня на носилки, почти роняя меня в процессе. Они не зафиксировали носилки в машине скорой, поэтому я бился в агонии весь путь до больницы. Были боль, шок и ужас, я знал, что что-то серьёзно повреждено, потому что я всё ещё не мог двигаться.

Они отвезли меня в госпиталь Синайский Кедр, я прошел рентген, и, спустя некоторое время, доктор вошёл в палату и сказал: “Вы сломали спину, и всё не очень хорошо”. Я сохранял достаточно оптимистичный и бесслезный взгляд на всё это, но, когда он дал мне прогноз, я начал плакать: “А как же моё лето? Как же мой атлетизм? Как же моя жизнь?”.

Я начал отчаянно уговаривать каждую проходящую мимо медсестру дать мне обезболивающее, но они ничего мне не давали без разрешения доктора. Затем, крича, ворвался Блэки: “Что я тебе говорил? Кто теперь прав? Разве я не говорил тебе, что это когда-нибудь произойдёт? Ты куришь траву. Ты прыгаешь с этих крыш. Это должно было случиться”. А я просто посмотрел на медсестру и сказал: “Кто-нибудь заберите его отсюда. Ему нельзя находиться здесь”. Наконец, они стали меня лечить, присоединили ремнём искусственную дыхательную систему с поясом вокруг груди. Мне сказали, что мой позвоночник был сплюснен как блины, и месяц растяжек поможет вернуть его в нормальное положение.

В первую неделю в госпитале меня навещали Майк, Хиллел и ещё несколько друзей. К тому времени я завоевал Хайю, и она была типа моей подругой. Од-

нажды она навестила меня, прилегла на кровать и дала мне почувствовать её сверху, и это было реальным удовольствием: “О’кей, я сломал спину, но зато мои руки на груди этой девушки, в которую я влюблён со своего первого урока испанского”.

После двух месяцев растяжки я начал сходить с ума от отсутствия движения. Однажды пришёл Хиллел, и я сказал ему: “Я не могу здесь больше здесь находиться. Ты должен забрать меня отсюда”. Он спустился вниз, чтобы приготовить машину, а я развязал пояс, перевернулся и встал на две ослабленные ноги. Сверкая своей голой задницей из больничного халата, я стал, как Франкенштейн красться по коридору. Все медсёстры обезумели и кричали, что мне нельзя никуда уходить ещё две недели, но мне было всё равно. Каким-то образом я спустился по лестнице, и Хиллел помог мне залезть в машину. До того, как я пошёл домой, я уговорил его отвезти меня к зданию, где я разбился, чтобы я смог понять, что я сделал не так.

Я провёл следующие несколько недель в своей постели в горизонтальном положении. Отлично, что меня навещала подруга моего отца по имени Ларк, красивая, относительно успешная, двадцати с небольшим лет актриса. Она приходила в любое время: в течение дня, поздно вечером, когда угодно, чтобы сексуально лечить меня. Я снова надел свой пояс, и приходилось всё время говорить ей, быть очень аккуратной, но на мне безумно прыгала этот дикий призрак нимфоманки. Это делало время выздоровления немного более приятным.

Тем летом я поехал назад в Мичиган, но у меня всё ещё были проблемы со спиной. Каждый раз, когда я делал рентген, врачи всегда говорили, что она не выглядела хорошо – она была изогнута, позвоночник всё ещё был сжат. Это были плохие новости. Но через какое-то время моя спина постепенно улучшалась. Однажды Майк приехал ко мне в Мичиган. Он пришёл ко мне домой после этой утомительной поездки, абсолютно измученный и лишённый сна, потому что всю дорогу он был зажат между огромным храпящим индейцем и кем-то, кто постоянно вскакивал. С собой него был журнал Пентхаус, я помню, как открывал его, и все страницы были склеены. “А, это так и было, когда я купил его”, - врал Майк.

Но он был счастлив как кролик, когда вселился. Моя мама относилась к нему как к своему собственному сыну, а Стив дал нам свою машину, чтобы посмотреть Мичиган. Мы взяли палатки и поехали на Верхний Полуостров, навестили мою тётю и двоюродных братьев с сёстрами, а потом катались на водных лыжах. Мы были двумя парнями, взрослыми с одной стороны и детьми с другой, но, конечно, не воспринимавшие себя детьми, а считая себя Хозяевами Вселенной и всех форм жизни, включая взрослых. Мы были хипповее, круче, красивее, мы знали больше, чем они, обо всём, о чём можно знать больше. И нам это нравилось. Юность – такое весёлое время жизни, потому что ты думаешь, что всё знаешь, и ты ещё не добрался до той точки, когда понимаешь, что не знаешь практически ничего. Наше лето было весёлым, и, когда Майк был готов вернуться назад, я помню, как моя мама пришла с огромным количеством сумок с едой для этого бедного парня, которому приходилось ехать обратно домой на автобусе. Она испекла ему ореховый пирог, дала ему огромную, промышленных размеров сумку с карасями из Фермы Пепперидж и относилась к нему как к маленькому принцу.

Я вернулся к началу своего второго года в Фэйрфэкс, но дома возникало всё больше и больше проблем. После ареста, пока мой папа ожидал приговора, он стал намного более осторожным. Он полностью прекратил продавать наркотики и стал типичным голодающим актёром. Мы воевали из-за самых бытовых вещей. Однажды он был взбешён тем, что я съел тарелку его супа; в другой раз я разозлил его, когда съел из холодильника сэндвич, который он весь день хотел съесть сам.

В то время Блэки также попробовал установить для меня комендантский час. Он самостоятельно решил, что я должен быть дома к двенадцати. Если я нарушал комендантский час, меня не пускали домой. Однажды вечером я пошёл покататься на скейте и вернулся домой несколькими минутами позже полуночи, и дверь была заперта. Наконец, он подошёл к двери сильно рассерженный: “Что я тебе говорил? Вход сюда закрыт после двенадцати”. Он жаловался на то, что ему нужно было рано вставать, чтобы идти на актёрские курсы, а я прерывал его сон. И это говорил парень, который не давал мне уснуть до шести утра, когда я учился в младшей школе.

Когда это снова повторилось, вышел мой сосед и разрешил мне переночевать на его диване, но я отказался. Я попробовал оставить своё окно немного приоткрытым, чтобы я смог прокрасться обратно, но мой отец уделял много внимания безопасности, поэтому проверял, всё ли в порядке с домом, перед тем как идти спать. И мне пришлось снова разбудить Блэки, он был ещё более зол в этот раз. Он затолкал меня на кухню и сказал, что-либо я следую его правилам, либо проваливаю.

Это было безумием. Я позвонил Донди Бастону, своему другу, и спросил, не нужен ли ему сосед по комнате. Я встретил Донди в свой первый год в Фэйрфэкс, но к одиннадцатому классу, он бросил учёбу и продавал траву из своего собственного дома на Уилкоксе. Он был единственным шестнадцатилетним парнем, кого я знал, у которого были средства на собственное жильё и отличную маленькую машину. Он согласился, чтобы я переехал к нему, но он сразу точно выложил мне, сколько я должен был платить за жильё, и какие у меня были обязанности по дому.

В середине дня в своей огромной машине приехала Хайа, и мы начали загружать мои вещи. Они представляли собой немного одежды, мою стереосистему и большую неоновую вывеску Билиард Шэмрок, которую мне подарил мой отец. К сожалению, когда я выезжал на дорогу, Блэки пришёл домой.

- Эй, эй, эй. Куда это ты собрался? – спросил он.

- Я уезжаю. Ты меня в последний раз видишь.

- Что это за вещи в машине? – спросил Блэки.

- Это мои вещи, - продолжал я.

- Это не твои, это мои вещи.

- Ты подарил мне всё это, - напомнил я ему.

- Я подарил тебе всё это, потому что ты в моём доме. Если ты не в моём доме, это не твои вещи.

У нас произошла эта большая сора с аргументами и доказательствами, которую я проиграл, но в тот момент мне было всё равно. Я просто хотел уехать.

Я переехал к Донди и сразу же понял, что он опережал это время во многих вещах. Во-первых, у него была экстраординарная коллекция записей (большая, со специальными полками, построенными для них) и действительно отличная аудиосистема. Одним из его занятий, кроме того, что он был безумным парнем и курил траву, была музыка, он слушал её весь день и всю ночь. Каждый час, когда он не спал, в доме крутились пластинки. К счастью, у него у него был невероятный музыкальный вкус. Он не был одним из тех парней, который увлекались только ска, панк-роком или старым блюзом, ему нравилось всё. У него были друзья в звукозаписывающих компаниях, поэтому он всегда получал дополнительные копии альбомов Дэвида Боуи или Talking Heads.

Наш дом также превратился в место для вечеринок, и мы устраивали эти праздники каждые выходные. Это был один из периодов, когда наркотики и алкоголь действовали совершенно, не мешая выполнению работы, и никто не сидел ни на чём прочно. Донди всегда приносил немного кокаина на эти вечеринки, и тогда он был удовольствием, у нас не всегда он был, поэтому он не сносил нам крышу.

В то время наши с Хиллелом отношения улучшались. У меня был курс здоровья в двух кабинетах от занятий Хиллела рисованием. Его учитель рисования был очень либеральным, поэтому я просился выйти с занятия в туалет, шёл и долго разговаривал с Хиллелом, пока он делал свои анатомические рисунки. Майк и Хиллел также становились друзьями и развивали интересную музыкальную связь. У Anthym намечался ряд концертов в других школах, и вдруг, как бы из ничего Хиллел начал тайно учить Майка играть на бас-гитаре. Тодд, тогдашний басист Anthym, не был хорошим музыкантом, хотя он обеспечивал группу оборудованием. Но Хиллел, Алан Мишулски (Alan Mishulsky), другой гитарист Anthym, и Джек Айронс (Jack Irins), барабанщик, обладали подлинными музыкальными талантами, поэтому Хиллел искал подходящего человека на роль басиста. Когда Тодд однажды пришёл на репетицию и увидел Майка, играющим песни Anthym на басу Тодда, через усилитель Тодда, он взял своё оборудование и ушёл из группы. А Майка приняли.

Перед тем, как они начали играть на концертах, я подошёл к Хиллелу и спросил, могу ли я объявлять их выход на сцену. Вообще-то, я позаимствовал эту идею от Блэки, который долгое время представлял группы своих друзей комичными и ироничными речами а-ля Лас-Вегас. Хиллел согласился, и для своего первого конференса я переработал одну из классических фишек Блэки. Я использовал образ Кэла Уорthingтона (Cal Worthington), известного в Лос.-А. своими привязчивыми ночными рекламами использованных автомобилей.

“Леди и джентльмены, Кэл Уорthingтон называет их самыми горячими рокерами в Лос.-А. Их родители называют их сумасшедшими, а девушки просто всё время зовут их к себе, а я называю их так, как вижу, я называю их Anthym”, - прокричал я. Затем я прыгнул со сцены в зрителей и танцевал на протяжении всего шоу. То, что я был единственным танцующим, не значило абсолютно ничего. Я просто самозабвенно поддерживал искусство своих друзей.

Но кроме того, что я был фанатом всей группы, Майк и Хиллел были мне наиболее близки. Хиллел знал Джека и Алана (Alan) намного дольше, но когда он встретил нас, он почувствовал, что мы действительно его люди. Во-первых, Хил-

лел много курил траву, а те парни нет. Мы были сумасшедшими и делали безумные вещи, а Алан и Джек были больше маменькиными сынками. Поэтому Майк, Хиллел и я стали настоящими Тремя Мушкетёрами на следующие два года средней школы. Для развлечения мы придумали себе альтернативные роли, трёх мексиканцев, которые говорили на стилизованном акценте Чича и Чонга. Я был Фуэртэ (Fuerte, сильный), Майк был Поко (Poco, маленький), а Хиллел – Флако (Flaco, стройный). Вместе мы назывались Los Faces. Мы были бандой, но не хулиганской, а комедийной. Мы часами играли эти три роли, и это помогло нам развить дух товарищества, который сохранился на долгие годы.

Тем временем мои отношения с Хайей прогрессировали, но не так гладко, как моя связь с Майком и Хиллелом. У нас была одна главная проблема – я не был еврейским парнем, которого предполагали для Хайи её родители. Я никогда не забуду то, как она разъяснила мне ситуацию: “Всё так, как оно есть. Я люблю тебя. Ты мой человек. Но мои родители никогда об этом не узнают, потому что они не хотят, чтобы я встречалась с кем-либо, кто не еврей. Поэтому они полагают, что ты и я – лучшие друзья, мы делаем вместе школьные задания, и на этом всё. Не будь таким нежным со мной, когда приходишь ко мне. Веди себя просто как мой друг”.

Это было тяжело. Её отец едва ли говорил мне хоть слово. Её мама была более открыта, но они оба чувствовали что-то некомфортное в их жизнях, и этим чем-то был я. Я всегда мог видеть, как их репрессии выражались в её душе. Несмотря на то, что она пыталась оторваться от ограниченного мира своих родителей, они всё ещё сильно удерживали её той связью, с которой она боролась, но, когда ситуация накалялась, она никогда не разрывала эту связь. Она ведь была их дочерью.

Я знал, что она любила меня, но боялась зайти слишком далеко с этой любовью. В одиннадцатом классе, я с ума сходил от желания заняться с ней любовью. У меня были различные сексуальные опыты, но ни один из них не был основан на настоящей любви. Я знал, как клёво было трахаться, но тогда был шанс сделать это всё по-настоящему. Я пытался уговорить её спать со мной, но она не соглашалась: “Нет. Дай мне время. Есть проблема предохранения”. Она продолжала откладывать это, и всё переросло в постоянное: “Ты ещё не готова?”. Тем временем она удовлетворяла меня рукой, и в этом она была великолепна, но я хотел держать эту девушку в руках и быть внутри неё.

Это сводило меня с ума. Она была моим миром. Я обожал её. Я бы сделал для неё всё. Но она не сдавалась. После семи месяцев отношений мы пошли на свидание, я надел свои лучшие вещи и уложил волосы так хорошо, как только мог. В итоге мы пошли ко мне в комнату без намерения чем-либо заниматься и стали целоваться. Мы разделись и находились в атмосфере любви, света и тепла, весь остальной мир исчез. Это было лучшее, о чём я мог мечтать, это было то, чего я искал, любовь, смешанная с экстазом секса.

С тех пор, когда мы с Хайей начали регулярные сексуальные отношения, я был счастливее, чем когда-либо. Я хотел заниматься с ней сексом весь день и всю ночь, каждый день и каждую ночь. Если я некоторое время её не видел, всё, о чём я мог думать, это о том, чтобы быть с ней. Когда я ездил в Мичиган, я не мог до-

ждать, чтобы снова увидеть её. Каждая песня, которую я слушал, была о ней. У нас были наши особенные песни: Heroes Дэвида Боуи и Here, There and Everywhere the Beatles.

Мой выпускной год в Фэйрфэкс изобилует противоречиями. Я и мои друзья были настоящими изгоями, живущими по своим собственным моральным принципам, одним из которых был “Ты должен украсть свою еду”. Майк и я разработали метод воровства еды, который оставался непобедимым около двух лет, до тех пор, пока в супермаркетах, наконец, его раскрыли. Я шёл туда и наполнял маленькую красную корзину лучшей провизией, которую они предлагали: свежее филе, лобстеры, коньяк, всё в этом духе. Затем я шёл со своей корзиной к стойке с журналами, который прилегал к выходу. Я выбирал журнал и ставил корзину на пол. Пока я просматривал журнал, я незаметно двигал корзину под хромированными воротами выхода. Затем Майк, который ждал снаружи, заглядывал внутрь, хватал корзину и выходил прямо в дверь. Вскоре у нас появилась восьмифутовая горка пустых красных корзин за моим домом, говорившая о том, что мы могли прокормить себя в своём стиле.

Мы также пользовались нашим давно проверенным и надёжным методом кражи выпивки «Бутылка в штанах». Однажды я даже повесил планку и украл пару лыж. Я пошёл в заднюю часть спортивного магазина и спросил: «Какие здесь самые лучшие лыжи моего размера?» Продавец сказал: “Ну, вот эти гоночные лыжи”. Я дождался, когда он уйдёт, взял лыжи и вышел прямо во входную дверь. Я решил, что, если смело пройду мимо кассира, они подумают: “Он взял то, за что уже заплатил, потому что он не останавливается”.

В некотором отношении наши антисоциальные выпады поддерживались музыкой, которую мы слушали. Когда я начал учиться в Фэйрфэкс в 1977, панк-рок только начал проявлять себя в Лос-Анджелесе. Но это была крошечная субкультура. А Блэки, в свою очередь, был в центре новой музыкальной сцены. Он был одним из первых, кто регулярно посещал панк-рок клуб Маска, который находился на Голливудском бульваре. Когда панк-рок группы из Нью-Йорка приезжали в город, они играли в клубе Виски, а мы с Блэки всё время крутились в мотеле Тропикана, захудалом старом классическом рае на бульваре Санта Моника. Там останавливались группы, и проходили вечеринки после концертов. В то время моим любимым альбомом была первая пластинка Blondie. Каждая из тех песен несмыслаемо отпечатавалась на моей душе, и я был без памяти влюблён в Дэбору Гари.

Поэтому когда Blondie приехали к нам в город, мы направились на вечеринку в Тропикану. У них был люкс, и Дебби была в первой комнате. Мы начали разговаривать, и я был сражён, полностью растаял. В этом бредовом состоянии я думал: “Это единственный в жизни шанс. Ты, возможно, больше никогда не увидишь эту женщину. Давай, лучше делай что-нибудь”. С полной серьёзностью я сказал: “Я знаю, что мы совсем немного знакомы, но ты выйдешь за меня замуж?”.

Она улыбнулась и сказала: “Как мило, что ты спросил об этом. Я думаю, ты отличный парень. Но я не знаю, в курсе ли ты, что этот гитарист, с которым я играла сегодня вечером, и который сейчас в спальне...ну, это мой муж. Мы очень

счастливы в браке, и в моей жизни на самом деле больше нет места для другого мужчины”. Я был сокрушён.

Мы с Майком начали постоянно тусоваться на панк сцене. Вскоре после того, как мы начали учиться в Фэйрфэкс, я привёл Майка в клуб Радуга однажды вечером. Перед тем, как прийти туда, мы выпили много крепкого пива Mische. Я был сдержанным в отношении алкоголя, но очевидно, что он не был. Мы сидели за столом Блэки, там были девочки, и играла музыка. Майк посмотрел на меня и сказал: “Мне нехорошо”. Он ринулся к выходу, но не прошёл он и двух футов, как его начало тошнить по всему клубу. Они не хотели этого от двух несовершеннолетних ребят в их заведении. Его тошнило всю дорогу до парковки, куда они его выкинули. Затем они пришли за мной и сказали: “Проваливай вместе с ним. Ты больше сюда не придёшь”. Я продолжал совершать попытки приходить туда весь год, но они действительно отказывались меня впускать. Пришло время найти действительно своё место.

Мой первый панк концерт был в дневное время в Палладиуме. Devo играли вместе с the Germs. Я стоял позади, просто очарованный. Эта музыка была охренительно крутой, эти люди выглядели невероятно, почти слишком круто для меня. Я никак не мог быть принят этой толпой, потому что они опережали меня на множество световых лет в том, что касалось стиля. Я помню, как подошёл к сцене, где люди входили и выходили из за кулис. Там была эта девушка с безумной панк-рок причёской. Она брала гигантские английские булавки и прокалывала ими щеку, одной за другой. Это было чем-то новым для меня.

Мы с Майком начали проделывать свой путь к этой новой сцене, где, в отличие от Радуги, меня не вышибали вон. В то время в Лос.-А. был всплеск удивительных групп: X, the Circle Jerks, Black Flag, China White, и список всё продолжался. Эта энергия была необузданная, более творческая, волнующая и претенциозная, чем кто-либо когда-либо видел. Мода, энергия, танцы, музыка, это было как Эпоха Возрождения в моём городе. Рок стал старым скучным животным, готовым умереть, а появилась свежая, безумная кровь, текущая по улицам Голливуда. Первая волна панк-рока прошла, но вторая приближалась. Это была сильная, хардкор сцена, как, например, группы из Оранж Каунти. В Голливуде больше развивались творчество и оригинальность. The Screamers и the Weirdos были двумя первыми Голливудскими панк-рок группами, и они звучали как никто другой.

То, что было общим у всех этих групп, так это элемент анархии и нонконформизма. Тот первый альбом X, или все записи Black Flag того времени были шедеврами. Стихи Дарби Крэша (Darby Crash) из the Germs были лучшими из того, что было в мире панк-рока. Он был на абсолютно новом уровне развития.

Мы с Майком тусовались на парковке Старвуда, вероятно, лучшего тогда панк-рок клуба. И мы начали совать свои носы в дверь этого мира. В Старвуд было сложно пробраться, но была боковая дверь рядом с парковкой, которую охранял огромный вышибала. Если начиналась драка, и он на неё отвлекался, мы прокрадывались внутрь так быстро, как только могли. Иногда, если группа людей входила внутрь, мы пытались ползти использовать их как прикрытие. Когда не получалось пробраться внутрь, мы оставались на парковке. Но всем нам нечем

было заняться, и мы следили за происходящим вокруг. Никто не приглашал нас тусоваться.

Однажды мы с Майком пробрались в Старвуд на концерт Black Flag. Мы были явно не в своей тарелке. Мы любили все эти группы, но мы неправильно одевались, носили неправильные причёски, неправильную обувь, и мы даже танцевали не как панки. У тех парней были действительно крутые ботинки с обмотанными вокруг них цепями и правильная комбинация рваной одежды и беспорядочных причёсок. Мы с Майком были счастливы, иметь одну на двоих кожаную куртку.

Black Flag отыграли отличное шоу. Там на сцене был парень по имени Маггер, который был ответственен за безопасность. Каждый раз, когда кто-нибудь пытался запрыгнуть на сцену, потанцевать немного, а потом спрыгнуть, Маггер просто нападал на этого человека и втягивал его в зверскую драку на кулаках. Во время всего этого группа не допускала ни одной ошибки. Одному парню удалось пройти мимо Маггера и спрыгнуть со сцены в толпу. Он пролетел прямо мимо меня и задел мою голову тяжёлым ботинком со стальным носом. Я почти потерял сознание.

Одной из причин того, что мы не сразу погрузились в эту атмосферу, было то, что мы всё ещё были образцовыми студентами в Фэйрфэкс. По крайней мере, я. Это было странное противоречие. Я курил тонны травы, принимал таблетки и пил по выходным. Но я никогда не терял контроль. Я никогда не пропускал школу. Для меня было важно учить только на “пять”. Каким-то образом, я был бунтарём в получении хороших отметок, потому что большинство пьяниц и наркоманов не получали отметок вообще. Я не хотел быть как они. Когда я учился в младшей школе, мне выдали карту успеваемости, и там были только пятёрки, и это мне нравилось. Я хотел быть лучшим во всём, чем занимался. По своим принципам. Я не хотел именно учиться часами, чтобы добиться этого, но я хотел сделать всё, что нужно в последнюю минуту.

В то время мы все думали о колледже. В конце моего выпускного года мои отметки съехали вниз, и мне пришлось идти к миссис Лопез, моему учителю испанского, и просить, уговаривать и склонять её поставить мне четвёрку. У Майка были свои проблемы с отметками. Он всегда колебался между тем, что был великолепным учеником и абсолютно сумасшедшим. В наш последний семестр он вместе с Хайей посещал курс истории наград Дона Платта. Платт был сугубо деловым генералом, который полностью командовал своим классом. Он был лысым, но в отличной физической форме, с идеальным загаром, учтивым типом Гэвина Маклауда.

Мы тусовались повсюду, как маньяки за неделю до его большого финального теста, и Майк не готовился к нему, поэтому списывал. Дон Платт был последним человеком на Земле, кем ты хотел быть пойманным за списывание. Он не боялся вызвать тебя перед всем классом и оскорбить. Как раз это он и сделал с Майком, который в тот день вышел из класса белый как призрак. Двойка по предмету Платта стала довольно большим препятствием для шансов Майка получить хороший средний балл.

Но это было не моё беспокойство. Я уже был одной ногой в колледже с моими отметками. На самом деле я хотел пойти к Дону Платту за одной из моих рекомендаций, чтобы я смог потом поступить в Университет Лос-Анджелеса (UCLA). Я был учеником Платта три года и присутствовал на каждом уроке, поэтому я знал, что он даст мне самую лучшую из всех рекомендаций. Несколькими днями позже я пошёл к нему после школы, и у него на лице был очень недоброжелательный взгляд. Я попросил его написать мне рекомендацию, и он как будто заготовил речь: “Каждый, кто ассоциируется с Майклом Бэлзари, не мой друг, и не получит от меня рекомендацию. К тому же я знаю, что вы с Майклом всё время списывали на моих уроках”.

Это было абсурдом. Я, вероятно, был лучшим его студентом за десять лет. Единственный раз, когда я был всего лишь близок к тому, чтобы рассердить его, был в первом семестре. Меня выбрали делать доклад о Юрае Пи. Леви, великом американском офицере флота. В процессе моего исследования я открыл происхождение слова “fuck”. Оно происходило от ранних регистрационных журналов, которые хранил у себя капитан. Если члена команды наказывали за половое сношение, оно заносилось в журнал словом “FUCK” (оно означало незаконное половое сношение). Это был слишком примечательный факт, чтобы не поделиться им с классом.

И я стоял там и разглагольствовал о Юрае Пи. Леви и флоте, всё это было похоже на цирк Монти Пайтона. Я дошёл до наказуемых нарушений, подошёл к доске и написал “F, U, C, K” огромными буквами. Я посмотрел на мистера Плата, и кровь подошла к макушке его лысой голове, но я ни разу не улыбнулся и продолжил объяснять эту концепцию. Тем временем Майк и остальная часть класса совсем распустилась, и Платт ничего не мог поделать. Я победил его.

А теперь он думал, что победил меня. Я попробовал уговорить его написать мне рекомендацию, но он не соглашался. “Дверь там”, - сказал он. Я вышел оттуда в шоке. В итоге, я пошёл к учителю геометрии, он был очень добр и написал мне отличную рекомендацию. Но мне ещё нужно было свести счёты с Платтом.

Когда-то в том семестре я наткнулся на несколько картонных коробок с красивыми, большими чёрными и красными пластмассовыми декоративными буквами. Думая, что они могут понадобиться для занятия искусством, я оставил их себе. В конце выходных того Дня Памяти, в ночь перед тем, как мы должны были снова пойти в школу, Майк и я ездили по округе, под кайфом от травы. Мы слушали музыку, и ко мне в голову пришла великолепная идея.

Мы подъехали к шатру перед школой Фэйрфэкс и начали забираться на его верхушку, вооружённые вырезанными нужными буквами. Затем мы написали “Дэнди Дон Платт лижет задницу”, полили моторным маслом верх шатра и платформу со словами, чтобы предотвратить снятие кем-либо нашего послания.

Мы посмотрели на этот знак, поздравили друг друга, пошли домой и уснули. На следующий день, когда мы пришли в школу, вокруг этого шатра был целый шквал активности. Люди фотографировали его, а рабочие пытались обойти моторное масло и снять эти буквы.

Никто не подходил ко мне и Майку с расспросами. Мы даже не были подозреваемыми. Может быть, Платт вывел из себя достаточно ребят, чтобы нашлось

множество людей с поводом для этого. Но конец этому всему ещё не пришёл. В конце того лета мы решили оставить послание для новых учеников в Фэйрфэкс. И мы снова вернулись к той коробке с буквами, влезли на верхушку шатра и написали “Дэнди Дон продолжает лизать задницу”.

Я был поражён тому, что меня взяли в UCLA (Университет Лос-Анджелеса). Я не только учился в том же университете, что и мой отец, но ещё и Хайа (Науа), выбрала остаться дома и пойти в колледж со мной. Это было так, как будто планеты встали на одну линию.

Но я вернулся на землю довольно быстро. В UCLA я никогда не чувствовал себя дома. В студенческом крыле то и дело сновали ботаники или азиатские дети, которым было вообще не до разговоров и смеха. Все там были всё время заняты. Я не подружился там абсолютно ни с кем за всё время. Кроме клубов и тусовок дома у Донди (Donde), встречаться с Хиллелом и Майком было гораздо важнее, чем изучать китайскую историю, которая была, и не спрашивайте почему, одним из предметов, на которые я подписался.

Вершиной этих несчастий было то, что мои финансы были полностью на нуле. У меня не было дохода, кроме двадцати долларов в месяц, которые моя мама присылала мне. Поэтому я вернулся к моим старым методам. Когда нужно было доставать учебники, которые были невероятно дорогими, я шёл в книжный магазин при кампусе, заполнял свою корзину, направлялся к выходу, проталкивал её мимо сенсоров, потом покупал жвачку и подбирал мои "бесплатные" книги на выходе. Когда дело доходило до еды, я шёл в школьный кафетерий, где был большой выбор горячих и холодных блюд, и заполнял поднос. Вместо того чтобы подойти к кассе, я шёл в обратную сторону в очереди, как будто я забыл что-то взять, так я доходил до её начала. А потом я выходил с едой. Меня никогда не ловили. Хилел часто приходил и присоединялся ко мне, потому что тоже был на мели. Те обеды вместе с ним были, пожалуй, самыми радостными моментами моей карьеры в колледже.

В тот год Хилел, Майк и я придумали то, что мы называли "обедать и смыться". Мы выбирали ресторан, где было много посетителей и официанток, например Канторс на Фэйрфэкс. Мы съедали нашу еду и выскакивали в дверь. Грустно было то, что мы не переставали думать, что эти официантки имели проблемы с чеком. И даже если ресторан не заставлял их платить за нашу еду, они не получали своих чаевых. Так было до тех пор, когда я осознал некоторые последствия моего прошлого поведения. И годы спустя я начал делать компенсации, возвращаясь в эти места и оставляя немного денег на их прилавках.

У Хилела было много свободного времени в тот первый семестр, потому что он не пошёл в колледж после школы Фэйрфэкс. Я встречался с ним после занятий, тусовался с ним по выходным и курил траву. Он поздно начал принимать наркотики, но трава ему очень нравилась.

Я наслаждался временем, которое проводил с ним, и я, конечно, не хотел учиться. Я ненавидел все мои занятия кроме одного: уроки описательного сочинения, которые преподавала молодая женщина-профессор. Каждую неделю мы должны были писать сочинение, которое она анализировала. Даже притом, что я

был великим лентяем и дотягивал до самой ночи, прежде чем начать хотя бы думать о работе, мне нравились эти занятия. Я получал пятёрки за каждое сочинение, и мне нравилась Джилл Вернон (Jill Vernon), она оставляла меня после занятий и вдохновляла меня написать ещё.

Если бы одним из моих предметов было Региональное Употребление Наркотиков, или ещё лучше Продвинутое Употребление Кокаина, мои дела в UCLA могли бы идти лучше. Мне было четырнадцать, когда я попробовал кокаин. Я был на одной из вечеринок моего отца на Палм Стрит и наблюдал за тем, как все взрослые употребляют, и я уломал их сделать маленькую дозу для меня и помочь мне принять. В конце моего выпускного года в школе Фэйрфэкс, я начал снова употреблять. В один из первых случаев я был один дома и почувствовал себя так одиноко, что позвал Хайю. Я сказал ей: “Это самое лучшее чувство. Мы должны сделать это вместе”. Я не понимал, что это дорога к смерти и безумию, я просто воспринимал это как прекрасное, прекрасное чувство.

Насколько это чувство наполнено эйфорией, настолько кокаиновое похмелье наполнено ужасом. Десять кругов ада Данте. Ты попадаешь в тёмное и демоническое, угнетающее место в агонии дискомфорта, потому что все те химические элементы, которые обычно медленно выходят из организма, чтобы поддерживать тебя в комфорте в твоей коже, теперь исчезли, и у тебя нет ничего внутри, что бы могло поддерживать тебя в нормальном состоянии. Это одна из причин, почему я принял героин через несколько лет. Он стал восьмидесятифутовой подушкой, чтобы подавить кокаиновую пытку.

Я никогда не терялся, используя иглы для введения наркотиков. Однажды я даже превратил приём наркотиков в странный арт-проект. Я был ещё в Фэйрфэкс, и у меня с Хайей была ссора. Она игнорировала меня пару дней, поэтому я приехал в магазин её отца, где она работала. Я встал перед её машиной и среди бела дня воткнул пустой шприц себе в руку и вытянул несколько кубических сантиметров свежей крови. Потом я подошёл к её машине, впрыснул кровь прямо на ладонь, размазал её по рту и оставил кровавые поцелуи по всему её лобовому стеклу и боковому водителскому стеклу. Мой маленький романтичный кровавый проект сработал. Я пошёл домой, и позже тем же днём она мне позвонила: “Я получила твоё послание. Это было так мило. Я тебя очень люблю”. К сожалению, кровь оставила пятна на стекле, и, несмотря на повторные мойки, мы никак не могли стереть все следы тех кровавых поцелуев.

Я умел обращаться со шприцами, но проблема была в том, как их достать. Я понял это однажды, когда шёл по супермаркету, где была аптека. Я увидел рекламу инсулина, и в моей голове возникла идея. Я понял, что если я подойду к прилавку, изображу больного диабетом и сначала закажу инсулин, то, когда я попрошу шприцы, они даже ничего не спросят. Я подошёл и попросил инсулин Ленте Ю. Аптекарь пошёл к холодильнику и взял коробку с пузырьками инсулина, и, когда он возвращался, я бесцеремонно сказал: “Добавьте-ка ещё пачку микро шприцов, троек”. Без тени сомнения, он захватил немного шприцов. Такое жульничество срабатывало долгие годы.

Моё употребление наркотиков уверенно учащалось в тот первый в UCLA год. Я осознавал это, жизнь проходила в сплошных сейшенах, туда я ходил полу-

чать своё образование, которое включало посещение любого концерта, который я мог себе позволить. Я видел the Talking Heads и the Police. Я даже ездил в Нью-Йорк с Донди, чтобы навестить её семью и сходить на некоторые концерты. Был день рождения Донди, поэтому мы приняли немного кислоты и пошли в Трекс, чтобы увидеть Джона Лури (John Lurie) и the Lounge Lizards, а потом в Боттом Лайн на Артура Блита (Arthur Blythe). К нашему удивлению, с Блитом играл Келвин Белл (Kelvyn Bell), великолепный гитарист из Defunkt. То шоу было невероятным, и после того, как всё закончилось, я пошёл в бар и поговорил с Келвином Беллом о музыке, о его гитарной игре и записях, на которых он играл. Он был очень счастлив обсудить музыку с восемнадцатилетним подростком из Голливуда, который был накачан кислотой.

Я был в восторге, потому что Келвин был одним из тех людей, которые серьёзно погружали меня в музыку. У Донди был альбом Defunkt, и когда к нам домой приходили люди, он включал его и говорил: “Все в круг. Энтони будет танцевать”. И я выделял всякие движения. Танцы стали таким игровым соревнованием для нас, и однажды мы все начали ходить на танцевальные конкурсы. Мы ходили в Оскоз, хиппи-панк-рок дискотеку на Ля Синеге, и Хиллел, Майк и я принимали участие в конкурсе. Мы были безбашенными. Большинство людей делали обычные движения, которые все видели раньше, но мы выходили и придумывали новые ходы. Кроме постоянного прослушивания записей, у Донди была ещё и дорогая электрогитара и усилитель. По выходным, когда не работал секретарём на телефоне своего отца, он сидел и отрывался со своей гитарой. Он знал немного аккордов, но много играл мимо нот, поэтому, когда он начинал лажать, я обычно выходил из дома. Тем не менее, однажды Донди предложил мне, Майку и ему создать группу. Он играл на гитаре. Я пел, а Майк играл на басу. Даже при том, что это была больше шутка, нежели что-то ещё, мы репетировали несколько раз в театре его отца в Голливуде. Самым большим вкладом в этот проект было его название. Наш друг Патрик Инглиш (Patrick English) обычно называл свой член “затычкой”, и я думал, что это было фантастическое прозвище. Поэтому я стал Затычкой-Пузырём. Донди назвал себя Тормозным Марком. Я забываю имя Майка. Мы называли себя Затычка-Пузырь и Сутенёры Груды (Spigot Blister and the Chest Pimps). Сутенёрами груди были прыщи, которые проживали на достигшей половой зрелости груди Майка. Наши репетиции состояли в основном из шума. Если вспомнить, это было больше становлением личности, чем становлением музыки. Мы не писали песен и даже слов, мы просто создавали отвратительный шум, орали и ломали вещи вокруг. В конечном счёте мы потеряли интерес во всём этом проекте.

Но видеть Келвина Белла было вдохновенным для меня, и у меня было чёткое чувство, хотя у меня не было конкретных средств достижения, что чем бы я ни занимался в итоге в жизни, я хотел дать людям почувствовать себя так, как эта музыка давала мне себя почувствовать. Единственной проблемой было то, что я не был гитаристом, не был басистом, не был барабанщиком и не был вокалистом. Я был танцором и маньяком вечеринок, и я не знал, как воплотить это в работу.

Каждая моя попытка хотя бы задержаться на работе заканчивалась мрачным провалом. Ещё в Фэйрфэкс я прошёл через ряд дерьмовых работёнок, которые яв-

но показали, насколько неспособным я был влиться в общество. Я работал в агентстве коллекций, я работал в пригородном магазине, я даже работал несовершеннолетним официантом в Импрове, но меня быстро доставали все эти занятия. В UCLA мне были так нужны деньги, что я читал на стенде “для дрянных объявлений, где мы можем эксплуатировать студентов и заставлять их работать ни за что” объявление, что богатая семья в Хэнкок Парке нуждалась в человеке для выгула собак, двоих Шепардов. Я был не прочь ежедневно прогуливаться и ходить с собаками, но эта была какой-то жертвой, выгуливать этих собак всего за двадцать пять долларов в неделю.

В одно время в тот первый год я не мог больше платить Донди за аренду, поэтому мне пришлось выехать. Я вернулся всё к тому же стенду с объявлениями и нашёл одно, где было написано: “Жильё и питание для молодого человека, желающего принять участие в заботе о девятилетнем мальчике. Матери-одиночке нужна помощь: отводить и забирать мальчика из школы”. Женщина жила в маленьком и странном доме в Беверлиуде. Она была молодой матерью, которая была обманута каким-то чуваком и теперь жила одна с так называемым гиперактивным, испытывающим недостаток внимания ребёнком, которого лечили Реталином. Я сразу ей понравился. Мои обязанности были не особо большими, в основном делать все для того, чтобы парень попадал в школу утром, и забирать его днём, покормив.

Для меня это было идеально. У меня была крыша над головой, какая-никакая еда в желудке и милая комната, куда регулярно приходила Хайа, и мы громко занимались любовью. Через некоторое время я подружился с маленьким парнем. Возможно, к нему было психологически сложно найти подход, но он не был гиперактивным и не страдал от недостатка внимания. Когда мы были вместе, он не был нервным или бесконтрольным. Я читал, что, когда взрослые принимают Реталин, то вместо успокаивающего эффекта, он стимулировал активный химический баланс. Однажды вечером пришли Хиллел и Майк, и мы решили проверить эту теорию. Вместе с отличной украденной бутылкой финской водки мы были готовы к этой гонке. Мы съели горсти Риталина и превратились в три пьяные кометы, носящиеся по дому. Мальчик отлично провёл время, и, когда его мама и её парень подвыпившие вернулись домой, она стала с нами тусоваться, не подозревая, что мы были под кайфом от лекарств её сына. Тем не менее, в итоге она уволила меня.

В университете я тоже был почти историей. С первых недель, я почувствовал себя отчуждённо в жизни кампуса, настолько посторонним, что я увековечил это чувство рваной причудливой стрижкой. Я решил постричь все мои волосы очень коротко, кроме затылка, где они были длинными до плеч. Я не подражал хоккеистам или канадцам, это была просто моя идея панк-рокерской стрижки. Вообще на неё меня вдохновил Дэвид Боуи (David Bowie) в эру Pinups, но моя причёска не была огненно красной, и я не ставил волосы спереди, они были взлохмачены. Для людей в UCLA это было отвратительно. Даже мои друзья были ошарашены ей. А Майк одобрил. Он всегда говорил, что одним из моих величайших достижений было изобретение этой причёски.

Верх моего отчуждения в UCLA наступил позже в тот год. Майк, Хиллел и я только что закончили одну из наших Канторовских акций “обедать и смывать-

ся”. Мы были под кислотой и слонялись по улицам. Мы проходили по аллее, и я наткнулся на все эти вещи, выброшенные какой-то задницей. У меня сразу же наступил кислотный момент ясности, и я полностью разделся и напялил эту огромную, странную, неподходящую одежду. В некотором смысле она даже была красивой и королевской; на штанах даже был какой-то переливающийся шёлковый узор, стремящийся вниз. На эту одежду, объединённую с причёской Затычки-Пузыря, стоило посмотреть. Я не ложился спать всю ночь, а утром пошёл на занятия в этом мистическом костюме задницы. Но у меня всё ещё было похмелье от кислоты, поэтому я вышел и лёг на газон.

Хайа нашла меня.

- Что с тобой случилось? - спросила она.

- Я был под кислотой и не спал всю ночь, сейчас я не могу врубиться в мой урок астрономии, - сказал я.

- Ты выглядишь ужасно, - сказала она.

Она была права. Я выглядел ужасно и чувствовал себя ужасно, и это был момент, когда я осознал, что я не собирался продолжать всё это вокруг меня. Но в то же время я не осознавал, что для Хайи и меня всё также не могло продолжаться.

У меня было два прискорбных случая измены в тот год в UCLA. Первый был с хорошо обеспеченной девочкой-тусовщицей. Она постоянно приходила ко мне домой и не оставляла меня одного. До того, как мы однажды вечером пошли танцевать, я объяснил ей, что у меня есть другие серьёзные отношения. Но у меня есть лёгкое подозрение, что мы разрешили все проблемы в один момент той ночью и пошли обратно в её квартиру. Она начала соблазнять меня, и я помню, что я думал: “Я собираюсь сделать это. Я сейчас пересплю с этой девушкой, и я буду вечно сожалеть об этом, я не могу остановить себя”.

Она разделась, я потерял весь контроль и переспал с ней. Я отлично провёл время, а потом чувствовал себя сокрушённо, деморализовано и отвратительно. Ты инстинктивно знаешь, что всё будет совсем по-другому, и тебе придётся носиться с этой ношей как с огромным весом. В следующий раз, когда ты видишь свою девушку, ты не можешь смотреть ей прямо в глаза, так же как смотрел все эти годы.

Вторая измена была даже хуже. Я написал работу к одному из моих занятий, и мне нужна была помощь. Как оказалось, Карен (Karen), сестра Майка немного разбиралась в этом. У меня начинаются животные колики, когда я думаю об этом. У Карен был маленький дом в Лорен Кэньон, и Хайа высадила меня там. Снова я ставил себя в опасное положение, потому что связываться с Карен было рискованно. К моему приезду, Карен была уже пьяна от бутылки вина, и она только что съела чесночный суп, и это точно не заводило меня. Но была неизменно настойчива, а когда тебе восемнадцать, не нужно много провокаций, чтобы довести тебя до такого состояния, когда невозможно себя остановить. В итоге мы предались очень, для меня, мучительной сексуальной игре. А за этим последовало очень много вины, стыда и разочарования в себе.

Я не имею в виду, что эти случаи уничтожили мои отношения с Хайей. Я мог разложить их по полкам, просмотреть как негатив и понять, что они ничего не значили, несмотря на мои чувства. Но кроме этого было достаточно другого ба-

гажа в наших отношениях, который, в конечном счёте, разрушил их. Тем не менее, главной проблемой был конфликт её лояльности к родителям и чувствами ко мне. Неодобрительные голоса её родителей всегда были у неё на уме. И кстати, отношение их родителей становилось нестигаемым, потому что наши отношения прогрессировали. Однажды вечером, когда я всё ещё жил в доме Донди, Хайа и я провели несколько великолепных часов вместе. Мы были под впечатлением от того, что её родители думали, что она где-то в другом месте, а не со мной. Поэтому она была очень счастлива. Мы лежали в постели, разговаривали и смеялись, становилось поздно, и зазвонил телефон.

Я поднял трубку в надежде, что это звонил Донди, но мужской голос на другом конце был холоден как лёд и серьёзен как камень. Он очень походил на палача.

- Энтони, передай Хайе трубку.

Я смотрел на неё, и она знала, что нужно было ответить. Она начала слушать его тираду о том, какая она плохая, и что он от неё откажется. И она начала плакать. Я пытался сказать её, что люблю её, и, что они не думали о её важных интересах. Но она только вздохнула и сказала: “Нет, это моя семья. Я не могу отвернуться от них”. И она пошла домой к людям, которые делали ей всё это.

К концу того первого года в UCLA, Хайа и я начали говорить о том, чем мы собираемся заниматься. Однажды Хиллел подарил мне чей, еврейскую букву, означающую жизнь, и я носил её на цепочке вокруг шеи. Я думаю, это настолько расстроило папу Хайи, что он позвал меня в свой дом и спросил меня о моём происхождении. Я объяснил, что я был практически полностью литовец, и ему это понравилось.

- Знаешь ли ты, что до Второй Мировой Войны десять процентов населения Литвы были евреями? - спросил он.

Потом он пошёл к своей библиотеке, взял несколько литовских книг по генеалогии и отчаянно пытался обнаружить, каковы были мои шансы иметь связь с еврейской родословной. Я пошутил над ним, но я знал, что эта связь просто была утеряна.

Итак, Хайа и я говорили об этом, и эти разговоры становились всё серьёзнее и печальнее, потому что её отвозили на учёбу при полном доминировании её семьи. Но мы были безумно влюблены друг в друга. Стресс от колледжа и её уникальной семьи приносил вред нашей сексуальной жизни.

Я был ужасно травмирован и растерян, и моё эго и сексуальная уверенность начали убывать. Мало помалу наши отношения распадались не понемногу, а довольно резко. И мы оба спокойно поняли, что наши миры, должно быть, были слишком несоизмеримы, и для нас не могло быть никакого будущего. Мы закончили всё, окончательно поговорив в доме Хиллела. Этот разговор был частицей святости для меня в течение этого неуправляемого года. Хиллел предоставил нам свою комнату. Хайа и я посмотрели друг на друга и сказали: “Ты знаешь, всё это действительно не может продолжаться”. Потом мы легли в кровать Хиллела, крепко обнимая друг друга и плача. Это, казалось, длилось часами, потому что мы оба знали, что эта огромная любовь заканчивалась.

Я принял решение уйти из UCLA в конце моего первого года. Мои занятия закончились, и снова я пошёл к тому же стенду с объявлениями о работе, но в этот раз я нашёл кое-что действительно интересное. Это была работа разнорабочего в кинокомпании графического искусства, и они платили десять долларов в час, что было больше минимальной зарплаты. У компании был компактная офисная площадь на Ля Бреа. Офисы были современными и высокотехнологичными, а владелец компании Дэвид (David) был очень наманикюренным, очень старомодно выглядящим, определённо, геем. Только из наблюдений я мог сказать, что он управлял напряжённым, эффективным делом. Моё собеседование прошло хорошо (я уверен, что мне не повредило то, что я был восемнадцатилетним парнем), и я начал работать на следующий день.

Моя работа состояла из того, что я относил фильм разработчикам, был ответственен за мелкие наличные деньги и делал всё, что захочет Дэвид. Это была одна из первых компаний, специализирующихся на графической анимации для рекламы и логотипов в сети. Дэвид занял “первый этаж” компьютерной анимации и делал на этом состояние. Даже по той причине, что я был всего лишь посыльным, он проникся ко мне и начал объяснять все эти сложные графические редакторы. Это не было чем-то сексуальным; с первого дня мы начали дискуссии гетеросексуал-гомосексуалист о предпочтении мужчин, а не женщин. Даже, несмотря на то, что я был воплощением того мальчика, которого он постоянно искал, он никогда не домогался меня и не давал мне почувствовать себя некомфортно на рабочем месте.

У меня не отняло много времени применить жизненный навык использовать ситуации в своих интересах. И когда шеф посылал купить какие-нибудь личные вещи для его дома, например стёганое одеяло, я обычно заказывал два одинаковых предмета и оставлял один себе. Никто никогда не замечал этого, а притом, что у него был дом на холмах, Феррари и Порше Каррера, я не думал, что ему чего-то не хватало. Он, должно быть, видел многое из того, что я думал, он не замечал, потому что он не был куклой, но спускал мне всё с рук.

Для меня это было как летние каникулы, и я зарабатывал деньги быстрее, чем я мог тратить их. Майк работал в ветеринарной лечебнице, а наш друг Джонни Карсон (Johnny Carson), который встречался с Хайей в средней школе, работал в Уорнер Бразерс. Долгие годы Майк и я мечтали о нашем собственном доме в Голливуде, поэтому мы втроём решили объединить наши ресурсы и сняли маленький милый дом прямо рядом с кафе Формоза. Мы заселились в дом, но тремя неделями позже даже более хороший дом в конце квартала освободился для аренды. Двор там был больше, и он был дешевле на пару сотен долларов в месяц. И изменили решение, добились возвращения нашей депозитной предоплаты и переехали ниже по улице.

Довольно скоро стало очевидным, что ДжейКей превратился в очень странного человека из-за того, что вся его жизнь длилась с девяти до пяти в Уорнер. Майк и я не позволяли своей работе мешать вечеринкам, которые даже в первом доме состояли из частого употребления кокаина. Мы включали на полную Би-сайд Police “Fall out”, затем Майк и я принимали кокаин и бегали по дому, охваченные временной эйфорией мега-счастья. Мы поднимали руки высоко в воздух,

чтобы остановить кровь, и начинали распевать: “Oh my God, oh my God, oh my God, this is a good one, this is the big one, this might be too much, oh no, it's not too much, I'm good, I'm good, oh this is incredible”, и мы пели вместе с песней. А одному нормальному, не принимающему кокаин гражданину, приходилось иметь дело с этими двумя сумасшедшими, которые обращали больше внимания на свой собственный мир, чем на внешний.

Когда ДжейКей решил поехать покататься на лыжах в Мэмоте на несколько дней, Майк, Хиллел и я лучшую из вечеринок вечеринку. Майк и я украли много алкоголя и скоро заполнили им весь дом. Потом мы вынесли из дома всю мебель, чтобы было больше места для танцев. Хиллел помог нам распространить флайеры, а я приклеил к полу в гостиной огромные буквы “ТАНЦУЙ”.

Майк регулярно прибирал к рукам эти красочные таблетки из ветеринарной лечебницы не для того, чтобы принимать, а как сувениры. У нас была дощатая поверхность высотой по грудь вокруг всего дома, и мы сложили узоры из синих, жёлтых и красных таблеток вдоль этой поверхности, создав эффект такого японского рок-сада.

Потом пришла просто орда народа. Выпивка полилась рекой, громко играла музыка, люди танцевали, исчезали в спальнях, уходили в кусты. И это была лучшая вечеринка, на которой мы когда-либо были, не говоря уж о том, что мы её сделали. Позднее ночью все стали принимать те сувенирные таблетки, не понимая, что они были от собачьего запора, или кошачьего психоза, или чего-то в этом роде.

В какой-то момент дом начал жить своей жизнью так, как будто бы его энергия пульсировала из окон во внешний мир. Мы отрубились рано утром, а когда пришли в себя, Майк и я осмотрели местность. Это была военная зона. Полы были на дюйм покрыты слоем всякого дерьма; там была еда, сорванные со стен таблетки, рвота, пустые пивные бутылки, сигаретные окурки, и вообще повсюду были развалины. Я знал, что ДжейКей должен был приехать домой тем вечером, поэтому я взял швабры, ведро, воду, мыло, ходил целый день по дому и вычистил каждый укромный уголок и каждую трещину. К тому времени, как я закончил, дом выглядел так, как будто никто никогда и не приходил.

Даже, несмотря на то, что я мог справляться со своей работой в графической компании, я определённо стал зависимым от кокаина. Мы покупали его довольно регулярно, потому что и Майк и я зарабатывали. Майк мог частично оплачивать то, что мы покупали, торгуя уроками игры на басу за кокаин от одного дилера в Топанга Каньоне. Я с нетерпением ждал дней, когда он давал уроки, потому что сразу после окончания урока мы принимали кокаин. Этого никогда не хватало больше чем на час, но мне действительно было нужно, чтобы наркотики были во мне. Психологическая зависимость достигла своего пика. Я не был физически слаб, но психологически я постоянно хотел кокаин.

Моё процветающее употребление выливалось в некоторые эпизоды абсолютно безумного кокаинового психоза. Однажды у меня было много кокаина, и я употреблял его всю ночь и следующий день. Я был в своей спальне, и я был абсолютно уверен в том, что кто-то ворвался в дом прямо среди бела дня. А потом у меня начали появляться визуальные галлюцинации этого злоумышленника, пере-

двигающегося по дому. Я врывался в каждую комнату, уверенный в том, что он выпрыгнул из окна как раз перед тем, как я вошёл в эту комнату. И я думал: “О'кей, я знаю, как справиться с этим”. Я забрался на крышу дома, держа в руках старую автомобильную шину и думая, что я отвлеку парня, а потом брошу в него шину так, что она наденется точно на него и остановит его, прямо как в мультфильмах. К счастью Майк пришёл домой и уговорил меня спуститься.

Я принимал не только кокаин. В то время я встретил панк-рок девушку, которая спросила меня, зачем я употреблял кокаин, когда за двадцать долларов я мог принять спид и быть под кайфом два дня. В итоге я провёл с ней ночь, принимая спид и получая сумасшедший кайф. Каждый раз, когда я принимал спид, кокаин или даже спидбол, что-то щёлкало в моей голове, и что бы я ни делал, и с кем бы я ни был, я хватал карандаш, маркер или какую-нибудь краску и начинал рисовать на бумаге, картоне или стенах, неважно. Мне просто нужно было рисовать именно в ту минуту, когда наркотики ударяли в меня. А если я не рисовал, то занимался сексом.

В то лето 1981 года героин был не особо заметен в мире наркотиков. Я помню, как мы с Майком в баре Элс на окраине видели, как целый стол панк-роkers принимал его, и это выглядело совсем не весело. Но был и другой голос в моей голове, который время от времени говорил со мной. Он говорил: “Ты должен найти немного этого героина. Люди боятся этого наркотика, значит, он должен быть лучшим”. Я несколько не оглядывался на мой опыт в четырнадцать с той дорожкой китайского порошка; мной больше владела идея принять действительно подрывной наркотик.

Однажды на мою работу пришёл новый парень. Он был похож на певца рокабилли, с высокой чёрной причёской, в тёмных очках а-ля Рой Орбисон (Roy Orbison), супер-бледной кожей и причудливым поведением. Я спросил своего коллегу Билла (Bill), что с этим парнем.

- Именно так ты выглядишь, когда принимаешь героин, - сказал он.

Точно. Вот моя связь с миром героина.

Через несколько дней я подошёл к этому парню и спросил: “Ты можешь достать для меня немного этого чёртова героина?”. Он сказал: “Конечно, конечно”. Героинщики всегда хотят достать наркотики новым парням, потому что они могут их разорить. Итак, мы договорились принять героин тем вечером у меня дома. Я был настолько взволнован, что помчался домой и сказал Майку и Джей-Кей, что я собираюсь принять героин тем вечером.

“Что? Ты не можешь принимать героин. Ты умрёшь!”, - предостерегали они. Но я сказал им, что этот парень уже некоторое время принимал его, и они были так заинтригованы, что мы решили, что они должны смотреть, как я его принимаю.

Тем вечером парень пришёл и был озадачен, увидев зрителей, сидящих на стульях вокруг кухонного стола. Но он приготовил ложки и проделал весь ритуал приготовления этого персидского наркотика, которого я никогда раньше не видел. Потому что он был на основе масла, ему нужен был лимон, чтобы приготовить его с ним. Сначала он вколол себе и немного замер, а потом сказал: “Теперь твоя очередь”. Он приготовил шприц, который был наполнен чем-то коричневым. Я

никогда раньше не принимал ничего коричневого. Все ужасно нервничали и следили за тем, не умирал ли я. Я принял, но не почувствовал ничего особенного. Я попросил у него ещё, и он согласился, но наркотиков больше не оставалось. Он дал мне ещё дозу, и всё равно не было этой великой, мечтательной “давай нырни в кровать и проспидь двенадцать часов” опиумной лихорадки. Позже я обнаружил, что наркотики, которые он употреблял, были довольно слабыми. Они решительно не давали большого кайфа и не подожгли меня на поиски другой героиновой связи. Это была трата денег, и великий спектакль принятия этого перед моими друзьями окончился неудачей, и все ушли.

К осени 1981 года, даже притом, что я не принимал сознательного решения, я не был студентом UCLA больше. Учёба не вписывалась в этот бушующий, наркотически-клубный стиль жизни, который я вёл. Я естественно не выглядел как студент. Я поменял свою странную причёску Затычки-Пузыря на флэттоп. Я видел флэттопы в клубах, мне казалось, что они выглядят круто. Поэтому я пошёл в болгарскую парикмахерскую Бадз Флэттопс на Мелруз Авеню, и за четыре бакса они сбрили все волосы по бокам и сзади и оставил полдюйма волос, прямо стоящих на макушке. Когда я сделал это, было похоже на то, что я полностью стёр все свои связи с прошлым. Теперь я был сумасшедшим, бесконтрольным панк-рокером. Когда я пришёл на работу на следующий день, Дэвид был поражён. “О, Боже, ты состриг все свои волосы”, - сказал он.

В тот момент песню группы Devo зазвучала по радио, и я включил громкость на всю и начал танцевать по всему офису. “Это очень жестокий стиль танцев”, - с раздражением сказал он. Но отключился и бежал к моему новому я.

Всё время, что я работал, я опускался в долговую яму, тратя всё больше на употребление кокаина, алкоголя и кучи таблеток. Я не видел этого, но всё шло под откос. Мне было плевать на работу, на здоровье, на такие обязанности, как плата за жильё, я как будто бы уезжал от всего этого на безумно быстром поезде. Ужасно ироническая космическая уловка наркотической зависимости состоит в том, что наркотики это очень весело, когда ты только начинаешь их принимать. Но ко времени, когда последствия проявляются, ты уже не в том положении, чтобы говорить: “Эй, я просто не буду принимать и всё”. Вы потеряли эту способность и создали механизм поддержания и укрепления этого состояния. Абсолютно ничего не сходит с рук, когда дело касается наркотиков.

После того, как много раз приходил не в кондиции, Дэвид уволил меня. Мне было очень грустно, что я подвёл его. Было также грустно, что я потерял курицу, несущую золотые яйца. Затем я получил ещё порцию плохих новостей. Похоже, что ДжейКей отнёс напечатанную нами копию флаера на вечеринку нашему арендатору. Он сказал ему, что мы распространили флаеры в аудио магазинах на Мелроуз и устроили дикую вечеринку, которая подвергала дом опасности. Тем временем ДжейКей поставил в очередь на заезд в дом двух других своих друзей. К тому времени, как его процедура выселения заработала, мы уже были готовы уходить. Наши жизни начали саморазрушаться до той точки, когда мы не могли платить за жильё регулярно.

До того, как мы покинули дом, я всё-таки смог накопить немного денег и купить себе подержанную машину. Раньше я ездил на Капри, которую Стив

(Steve) и Пеги (Peggy) подарили мне на окончание средней школы. Я никогда не ремонтировал её, поэтому за прошлый год у неё не стало кашне, и были нулевые тормоза. Я по обыкновению врезался в ограждения, когда хотел остановиться. Однажды утром машина просто встала, и когда я проверил масло, оно было абсолютно сухим. Весь двигатель превратился в камень, поэтому я попрощался со своей машиной, поблагодарил её за пару лет преданной службы без аварий, и оставил её на улице. Я взял номер журнала The Recycler и нашёл красивую T-Bird шестьдесят второго года за шестьсот долларов. Она была просто огромной и достаточно скоро стала для меня передвижной спальней.

По некоторым причинам Майк и меня не беспокоило то, что мы оказались на улице. Само понятие сна не имело тогда для нас особого смысла. Повсюду открывались новые клубы, и вся пост-панк сцена развивалась в Голливуде. Там был клуб Ласа, ночной бар Нулевой и клуб Кэш, который был известен как творческое пространство для художников Голливуда. В итоге мы оказывались в этих местах, потому что мы тусовались всю ночь, каждую ночь, двигаясь вместе с этим невидимым потоком вечеринок.

Майк был чуть в лучшей форме, чем я. Он не принимал наркотики так отчаянно и всё ещё имел доход от своей работы в ветеринарной клинике. Когда мы покинули дом Формозы, всё закончилось тем, что он остановился в клубе Кэш. Этим клубом управляла женщина по имени Дженет Каннингем (Janet Cunningham), у которой была легальная работа директора по подбору дополнительных актёров в киноиндустрии. И если ты актёр, художник или музыкант, то Дженет разрешила бы остановиться в этом укромном месте на чердаке бесплатно. Днём это было просто место для тусовок, а по вечерам там проходили концерты. В то время, как туда заехал Майк, там жил Ларри Фишбёрн (Larry Fishburn), а также отличный барабанщик из Гваделупы по имени Джоэль (Joelle), французский художник по имени Фаб-рис (Fab-ric) и настоящий панк-рокер по имени Энимал Бонер (Animal Boner). По-моему у этого парня были одни из первых татуировок, которые я видел на ком-то кроме старых моряков, у него они были на коленных чашечках, и на них было написано “МЕТАЛЛ”.

ФАБРИКА КОЛЕННЫХ ЧАШЕЧЕК.

Майк остановился там, поэтому я, бывало, время от времени тоже проводил там время. Именно тогда мы начали употреблять героин. Фаб (Fab), кроме того, что он был художником, заимел постоянный источник китайского героина. Он был настолько чистым, что можно было вдохнуть одну дорожку и полностью накачаться. Майк тоже начал его принимать, но он всегда был в категории лёгкого веса в том, что касалось героина. Прикол был в том, что достаточно было показать ему щепотку героина, и его начинало тошнить.

К тому времени моя причёска начала отрастать, поэтому однажды, когда мы тусовались на вечеринке в Вэлли, я попросил Хиллела сделать мне ирокез. Я знал, что он умел обращаться с формами и измерениями, поэтому мы пошли в ванную, и он выстриг мне ирокез. Моя прежняя причёска уже была приучена стоять, поэтому мне не нужно было использовать яйца, гель или что-либо ещё, что другие панки использовали для выпрямления ирокезов. Мой просто стоял сам по себе, как конский волос, который торчал из старых боевых шлемов.

Ирокез дал мне новую личность и новую энергию. Даже притом, что у меня не было жилья и работы, это ничего не значило, потому что у меня была эта новая броня и хорошее самоощущение. Я надевал белое платье без нижнего белья, чёрные военные ботинки и шёл танцевать. Одним из новых отличных мест, которые я для себя открыл, был Радио клуб, первых хип-хоп клуб в Лос.-А. Я ходил туда с Майком и Гэри Элленом (Gary Allen), нашим безумным, чернокожим дизайнером гей-моды, который был родом из Арканзаса и был вокалистом в группе Neighbor's Voices. Мы танцевали пять часов подряд, и тратили все свои силы.

Когда приходило время сна, я не был придирчивым. Всё было, как было. Если я был с Майком, то я оставался там же, где и он. Но Хиллел был моим любимым пунктом в моем кроватном туре. Его семья всегда тепло принимала меня и никогда не давала мне чувствовать себя неудачником, каким я на самом деле был, даже, несмотря на то, что однажды я превысил лимит гостеприимства. Хиллел подошёл ко мне и сказал: “Я думаю, если ты останешься сегодня на ночь, это будет немного больше, чем моя мама может выдержать. У неё тоже были трудные времена”. В итоге, я спал в моей T-Bird, припаркованной перед домом Хиллела. Мне не было комфортно между передними сиденьями и металлической коробкой передач, поэтому я вылезал из машины и располагался прямо на их переднем газоне. Утром соседские дети выходили поиграть и видели фрика с ирокезом в одежде со склада, отрубившегося на траве. В итоге Хиллел пригласил меня на кофе и тосты.

Когда я был не у Хиллела, я оставался у моего друга Кейта Барри (Keith Barry). Он жил со своим отцом в маленьком доме с двумя спальнями в Голливуде. Он был известен тем, что курил траву каждый день, поэтому это стало ещё одной остановкой, чтобы получить кайф. Кевин всегда был изгоем, поэтому он был в тени моей персоны с ирокезом. Он также был отличным музыкантом и приобщил меня к некоторому звёздному старому джазу. Он разрешал мне спать на полу в его спальне, и мне это замечательно подходило. Я скручивал полотенце, клал его под голову и устраивался. Но, как и дома у Хиллела, отец Кевина начал чувствовать себя немного стеснённым моим присутствием, поэтому в итоге я спал на их крошечном заднем дворе. Его едва хватало, чтобы разместить два стула для газона, но это было всё, что мне нужно, чтобы свернуться.

Всякий раз, когда у меня были какие-то деньги, я уходил в наркотические загулы. Проблема была в том, что у меня не было места, где бы я мог принимать наркотики. Поэтому я начал принимать у кого-либо дома, и когда наркотики заканчивались, я шёл и покупал ещё. Я начал употреблять как бродяга, когда у меня были наркотики, я шёл в подземные парковки, прятался за углом и чьим-то грузовиком, приготавливал всё и принимал их. Я был под сильным кайфом и шёл гулять по улицам, а потом находил аллею, школьный двор, или шёл за куст и принимал ещё.

Однажды весной моему бездомному периоду пришёл конец. Я переехал к Биллу Стобогу (Bill Stobaugh), моему другу со старой работы в графической компании. Он был белым парнем, но у него была копна огромных кучерявых волос на голове. Психоделическое творчество Билла дало ему прозвище “Галлюциногенный”. Он был особым человеком ренессанса, создателем фильмов, гитаристом,

коллекционером прекрасных старых двенадцатиструнных гитар. Он также занимался графическими проектами нескольких других домов и помогал мне в поисках работы на полставки, чтобы заработать хотя бы какие-то гроши.

Одним из таких мест был Средний Океан. Им владел огромный шестифутовый, достигающий всего сверх уровня, ирландец по имени Рэй (Ray). Он был способен делать двадцать дел одновременно и заканчивать их все. Его миниатюрная жена блондинка управляла финансовой стороной бизнеса. Они занимались финальным монтажом мультфильмов, включая всю анимацию к Blade Runner.

Рэй и его жена практически усыновили меня, и снова я получил роль разно-рабочего. Но снова я начал принимать героин. Я не спал всю ночь, принимая наркотики, а потом я шёл на работу, и мне нужно было относить плёнки на обработку в Оранж Каунти. Я водил их маленький красный грузовик пикап, петляя по трассе. Это удивительно, что я не погиб в автомобильной аварии.

Когда я был в Среднем Океане, Билл понял, что у меня не было дома, поэтому он спросил, не хотел ли я переехать к нему. У него был великолепный огромный тёмный первый этаж с множеством окон, выходящими на тротуар. Он был в классическом старом голливудском квартирном доме практически только с мексиканскими арендаторами. Место было необжитым, без стен, но он предложил мне угол, если я помогу ему поставить защитные решётки на окна, чтобы отпугнуть всякую шушеру.

Однажды вечером прямо после моего заезда, я решил уйти в ещё один мой бесславный кокаиновый загул. У меня была одна из тех странных прогулочных ночей, когда я гулял вверх и вниз по голливудскому бульвару, заглядывая в порно-магазины, занимаясь странным дерьмом. Я, наверное, только один раз приходил домой спокойно в такие ночи, чтобы взять деньги или тёплые вещи, но чаще я был на ногах всю ночь.

На следующий день я пришёл в Средний Океан, и Билл окинул меня таким взглядом, какой я раньше не видел: “Я убью тебя, сволочь”. Он всегда был таким простым и открытым парнем, поэтому я спросил его, в чём было дело. Он замер, может, потому что видел в моих глазах что-то, чего не ожидал. Но он сказал мне, что его ограбили прошлой ночью, что его драгоценные гитары все до единой пропали, и что я был единственным, кто мог сделать это.

“Бил, я знаю, что я сумасшедший. Я знаю, что принимаю наркотики, занимаюсь странным дерьмом и исчезаю. И я знаю, когда ты меня можешь винить в чём-то таком, но лучше думай в другом направлении, потому что я этого не делал. Если ты не сфокусируешься на том, кто это сделал, они уйдут безнаказанными”, - сказал я. Я не мог донести до него то, что это мог сделать кто угодно другой. Ключи были только у меня. Но я был уверен в том, что это была работа изнутри, и что обслуживающий персонал здания ограбил его.

Это был конец моего проживания с Биллом. Я никак не мог жить с парнем, который думал, что я ограбил его. Теперь мне нужно было найти новое место, чтобы остановиться. В Среднем Океане они выделили маленькое пространство на чердаке над выставочным залом, на него вела лестница, и там была пара матрасов. Я стал ночевать там и просыпаться довольно рано, и никто не знал, что я не был первым в очереди за утренней работой.

К тому времени Майк (которого называли “Фли” в поездке в Маммот, куда он отправился с Кейтом Бэтри (Keith Batry) и ДжейКей) переехал в квартиру в место, которое мы называли Уилтон Хилтон. Это было отличное классическое здание на улицах Уилтона и Франклина. Оно было наполнено художниками и музыкантами, и им управляла супер-сумасшедшая, похожая на пожарный насос, семидесятилетняя домовладелица. Фли жил с Джоелом и Фабрисом, его друзьями из клуба Кэш. В одно время Хиллел тоже наполовину жил там. Поэтому, когда время моего пребывания с Биллом закончилось, я часто останавливался там. В течение всего этого времени What Is This? (это новое, более зрелое название группы An-thym) продолжали играть на концертах и расширять культ своих последователей. Я всё ещё объявлял их на концертах, но к тому времени я писал мои собственные стихи для этих представлений. Однажды я даже зарифмовал “столицу” с “кислотой и шприцем”. Чем больше они играли, тем больше Фли становился признанной звездой группы. Всякий раз, когда они давали ему место для басового соло, это становилось кульминационным моментом всего вечера.

В то время Fear была самой известной панк-рок группой в Лос.-А. Они получили национальное внимание, когда Джон Белуши (John Belushi) взял их под свою опеку, и они появились в телешоу Концерт Субботним Вечером (Saturday Night Live). И когда их басист покинул группу, было естественно, что они попытались заполучить Фли ему на замену. Однажды Фли пришёл ко мне и поставил меня в тупик тем, что его пригласили на прослушивание для Fear. Это была рискованная ситуация, потому что Фли и Хиллел были моими самыми лучшими в мире друзьями. Но мы поговорили, и оказалось, что если бы Фли выбирал из двух музыкальных стилей, то он выбрал бы Fear. Поэтому я посоветовал ему пойти на прослушивание.

Он вернулся с прослушивания, его приняли, но ему нужно было встретиться с Хиллелом, парнем, который научил его играть на басу. Фли так нервничал перед их встречей, что весь дёргался. А Хиллел не принял эти новости хорошо. “Мне нечего тебе сказать”, - сказал он и вышел из комнаты. What Is This? меняли Фли на ряд посредственных басистов; а тем временем Фли втягивался в миниславу панк-рока. После нескольких месяцев без общения, Хиллел должен был простить Фли. Что-то в нём знало, что даже если он был обижен, это была судьба Фли, и Хиллел должен был немного подавить своё эго и позволить Фли цвести. Это было сложно, потому что ни у кого из нас не было отца, с кем бы мы могли посоветоваться по этим тяжёлым проблемам. В конечном счете, они снова стали друзьями и снова стали джемовать вместе.

Я всё ещё работал в Среднем Океане и водил тот грузовик пикап всё лето 1982 года. Чудесная песня звучала по радио, которое было у меня на панели приборов. Она называлась The Message, и её исполняла рэп-группа из Нью-Йорка Grandmaster Flash and the Furious Five. Я пошёл, купил кассету и слушал её снова, снова и снова. Несколькими неделями позже они приехали в Лос.-А. и играли в месте под названием Кантри клуб, и они были невероятны. Их сценическое искусство было вдохновенным, у каждого была своя индивидуальная личность, и их рэп был фантастичным. Грандмастер Флэш (Grandmaster Flash) был запредельным

человеком; звуки, ритмы, фанк и крутость, которые этот парень выпускал со сцены, были действительно внушительными.

Но кроме всего The Message начать заставлять меня задумываться. Эти парни все писали рифмы, это то, во что Хиллел и я были долгое время влюблены. Мы с ним забирались на верхний этаж Континентального Дома Хиятт (Continental Hyatt House) на бульваре Сансет. Там был частный клуб, а мы использовали его для себя и смотрели на этот захватывающий вид города. И мы курили траву, придумывали этих сумасшедших персонажей и спонтанно начинали эти рифмующие сессии. Это был первый раз, когда я попробовал рэповать.

Итак, когда The Message стала самой горячей песней того лета, мне в голову стало приходить мысль, что не нужно быть Элом Грином (Al Green), или иметь невероятный голос Фредди Меркьюри (Freddie Mercury), чтобы занять место в мировой музыке. Рифмовать и придумывать персонаж было ещё одним путём к этому.

5. "Deep Kicking"

Некоторым образом я обязан своей карьерой своему другу Гэри Эллену (Gary Allen). В феврале 1983 года у Гари и его группы Neighbor's Voices было намечено выступление в Зале Ритма в клубе Большая Комната на Мелроуз. За несколько дней до концерта он предложил Фли, Хиллелу и мне выступить на разогреве у его группы и сыграть одну песню со мной в роли фронтмена.

Хотя Хиллел и Фли первоначально отнеслись к этому скептически, потому что я не был вокалистом, Гари признал мой потенциал как исполнителя, по большей части из-за моего маниакального скакания на танцполах в различных клубах города. Мы решили кое-что придумать, и, благодаря Grandmaster Flash, мне сразу стало ясно, что мне не обязательно было петь песню. Я мог выйти туда прочитать рэпом мои стихи. Все мы были во власти энергии группы Defunkt, сырой остроты the Gang of Four и, конечно, космической нечёткости свободы гитары Джими Хендрикса (Jimi Hendrix). Поэтому мы соединили все эти влияния. Но главным образом, мы хотели делать что-то, основанное на фанке, потому что у What Is This? не было вообще ничего общего с фанком.

У нас не было места для репетиций, и мы не относились к этому концерту серьёзно, поэтому мы решили, что всё, что надо, это собраться вместе в гостиной Фли в Уилтон Хилтон на репетицию а-капелла. Между Фли и Хиллелом была такая сильная телепатическая связь, что они могли просто посмотреть друг на друга и уже знали, что играть. Итак, Фли играл басовую партию, Хиллел придумал фанковый гитарный риф, а Джек Айронс (Jack Irons), барабанщик из What Is This? сочинил бит. Потом я вышел, чтобы написать какую-нибудь лирику.

У меня получилось. Я решил написать то, о чём я хорошо знал – мои безумно яркие друзья и наши дикие сцены ночной жизни. Я назвал песню Out in L.A., там были упомянуты Фли, Три (Tree, прозвище Кейта Бэрри) и Слим, так мы называли Хиллела. В великих традициях рэпа я написал куплет о моём сексуальном мастерстве и назвал себя Антуан Лебедь (Antoine the Swan), ни по какой другой причине кроме хорошей рифмы. Годы и годы люди подходят ко мне и спрашивают: "Что на самом деле значит лебедь? У тебя неровный член?". Где-то это было ироническое прозвище, потому что мой танцевальный стиль был таким неизящным и непохожим на лебедя. Я пытался воспроизвести физические манёвры приемы балерины, и всё заканчивалось тем, что я падал, бился об стол или срывал занавески.

Это была достаточно амбициозная первая песня. Я выделил места для басового соло, гитарного соло и акапелльного вокального брейка. После того, как мы отрепетировали её и чувствовали себя уверенно, я придумал нам название. Мы не искали постоянного названия, потому что это всё было одноразовым, поэтому я назвал нас Tony Flow and the Miraculous Masters of Mayhem. Это отражало то, как мы хотели играть – величественно и хаотично.

Мы вышли на концерт в Зале Ритма, в клубе было около тридцати человек, все они пришли на Neighbor's Voices. Я был одет в вельветовую рубашку пейсли с рукавом на три четверти и оранжевую флуоресцентную охотничью кепку. Достаточно странно то, что я был трезвым. Я не знал, какие чувства даст мне выступление; всё, что я знал – когда мы поднялись на сцену, появилось это странное ощущение силового поля между нами. Я видел Фли и Хиллела играющими миллионы раз, но я никогда не видел так много интенсивности в их лицах и цели в их языке тела. Фли выглядел как цилиндр пылающей энергии. Без моего ведома он принял героин перед шоу.

Сцена была микроскопическая. Я мог протянуть руку в любом направлении и дотронуться до Хиллела или Фли. Нас даже не объявили, как следует, но люди стали нас замечать, когда мы подключались. Меня поразило всё ожидание момента, и я инстинктивно знал, что чудо управления энергией, соединение с бесконечным источником силы и использование его в этом маленьком месте с моими друзьями, было тем, для чего я появился на этой Земле.

А потом Джек Айронс, благослови Бог его сердце, отклонился назад, постукал палочками и отсчитал: “Раз, два, три, четыре”. Когда музыка началась, я не знал, что мне делать, но сквозь меня текло столько энергии, что я подпрыгнул в этом тесном месте и упал на сцену. И нас просто понесло. Мы абсолютно не знали, что мы хотели делать до того момента, но с этой песни мы поняли, что мы хотели взрывать и отдавать всё, что мы имели, ради этого. Когда мы отыграли, все в этом зале, кто не обращал внимания, уставились на сцену. Когда мы закончили, зрители застыли, были полностью ошарашены и потеряли дар речи.

Соломон (Solomon), французский парень, который был промоутером этого шоу, выбежал из своей диджейской будки и с типичными страстными французскими жестами дотронулся до меня и спросил: “Пожалуйста, вы можете снова прийти и сыграть на следующей неделе в моём клубе? Может, у вас появятся две песни к тому времени?”. Хотя мы не планировали снова играть, я сказал: “Конечно, мы придём на следующей неделе, и у нас будет ещё одна песня для вас”. Мы были под таким кайфом от этого шоу, что идея играть на следующей неделе казалась абсолютно естественной.

Мы собрались вместе на неделе и написали песню Get Up and Jump. Фли долгое время работал над басовой партией, которая была синкопированной, переплетенной, сложной, совмещающей игру пальцами и слэп странным и красивым фанковым образом. Мне нужно было написать лирику, и я придумал стихи с персонажем. Я выбрал тему прыжков и написал куплеты о разных мультяшных версиях прыжков: скакалка, мексиканские скачущие бобы. Но самой незабываемой строчкой в той песне была о Роне Фрампкине (Rona Frampkin), девушке, в которую был без памяти влюблён Хиллел.

Одной из самых выдающихся характеристик Хиллела была его большая красная сумка с орехами, которой он очень гордился и выставлял на показ практически при любой возможности. Мы обычно подшучивали над его сумкой, потому что, когда он носил её рядом со своим членом, это создавало форму тыквы в его штанах, которая становилась более явной, когда он был рядом с Роной. Я в одном куплете я написал: “Хиллел прыгает на этой малышке Фрампкин/Скажи,

что, у тебя тыква в штанах?” (“Hillel be jumping on that little baby Frumpkin/Say what, you got a pumpkin in your pants?”).

Мы решили, что будем более театральными на втором шоу, поэтому мы придумали забавный танец к популярной песне Рас Jam. В вечер концерта клуб был забит до потолка, и мы начали наше выступление, войдя в главную дверь и проталкивая себе путь в толпе с песней Рас Jam, звучащей из бум-бокса. Когда мы поднялись на сцену, мы начали этот сумасшедший танец роботов. Джек не мог синхронно двигаться, поэтому мы оборвали танец на половине и сразу начали Out in L.A., а потом Get Up and Jump.

Я думаю, моя лирика о Фрампкин сработала, потому что она была среди зрителей, и позднее тем вечером Хиллелу наконец удалось переспать с ней. Поэтому, когда у кого-то в группе возникали проблемы с тем, чтобы переспать с какой-либо девушкой, я вставлял её имя, и бум, это было как часовой механизм, не проходило и двадцати четырёх часов, прежде чем эта девушка попадала под чары.

После второго шоу мы поняли, что было слишком весело, чтобы это бросать. Наконец у меня было занятие со значением и целью. Я чувствовал, что я мог вложить каждую идею и глупую маленькую философию, которая у меня есть, в песню. Одним признаком того, что мы становились серьёзнее, было то, что мы чувствовали, что нужно было придумать название группе. Мы начали просматривать эти огромные черновые списки идиотских, бессмысленных, скучных названий. До сегодняшнего дня и Три, и Фли утверждают, что это они придумали название Red Hot Chili Peppers. Оно происходит от названий групп американского блюза или джаза старой школы. Был Луи Армстронг (Louis Armstrong) с его Hot Five, и были также другие группы с Red Hot или Chili в названиях. Была даже английская группа под названием Chillli Willi and the Red Hot Peppers, которые позже подумали, что мы украли их название. Но никогда не было группы Red Hot Chili Peppers, это название, которое всегда будет счастьем и несчастьем одновременно. Если думать о Red Hot Chili Peppers с точки зрения чувств, ощущений или энергии, это отлично объясняет смысл нашей группы. Но если думать об этом с точки зрения овощей, то появляются все эти ложные толкования. Есть сеть ресторанов, имеющих в названии этот овощ. И перцы чили продавались во всех наборах украшений для дома, даже для рождественской ели. Достаточно сказать, что для нас было странно, когда люди начали приносить на наши шоу перцы чили как символ.

В то время Хиллел, Фли и я объединил наши накопления и нашли невероятно недорогой дом с тремя спальнями на бесславной улице Лилэнд Уэй. Это была многоквартирная улица, которая была также известна как Аллея Травки, потому что мексиканская мафия торговала травой на этой улице. Это было опасное, сомнительное соседство, полное наркодилерами и шлюхами, но нам было всё равно. На самом деле это давало материал для наших песен. Каждый вечер я выглядывал из окна моей спальни и смотрел на вертолёты полицейского департамента Лос.-А., кружившие и парившие над нашим кварталом, освещая своими лучами этот водоворот торговли травой.

Из **Police Helicopter**:

Police Helicopter sharking through the sky
Police Helicopter landing on my eye
Police Helicopter takes a nosedive
Police Helicopter no he ain't shy

(перевод):

Полицейский Вертолёт рыщет по небу
Полицейский Вертолёт приземляется на мой глаз
Полицейский Вертолёт опускает вниз нос
Полицейский Вертолёт, нет, он не стесняется

Этот дом превратился в улей музыкальной деятельности. Хиллел всегда играл на гитаре. Я приходил домой, а Фли играл в подъезде. Он вероятно должен был практиковать игру медиатором для Fear, но вместо этого он сочинял все эти проникновенные и эмоциональные фанковые рисунки. Я сидел там, слушал и вставлял замечания: «Да, вот оно! Я могу поработать с этим». И я бежал в свою комнату, брал блокнот, и мы писали песню. Это та же формула, которую мы используем при написании песен сейчас, которая вообще-то не предполагает никакой чёткой формулы. Мы просто собираемся и начинаем импровизировать, а я начинаю записывать. Это то, что отделяет нас от многих других групп, потому что у нас всё рождается из джема. Мы просто начинаем играть и смотрим, что получается.

Наше третье шоу было незабываемым. Это было в клубе Кэтэй де Гранде, который, в отличие от Зала Ритма, был реальным местом для живых концертов. Промоутером того вечера был человек сцены по имени Уайзата Кэмерон (Wayzata Camerone), который предложил нам двести долларов, что было практически вдвое больше нашего заработка от прошлого шоу. К сожалению, тем вечером в клубе было немного людей, может тридцать человек, но у нас была поддержка. Я встречался с прекрасной французской девушкой по имени Патриция (Patricia), которая была среди зрителей вместе с девушкой Фли, Три и моим папой, который тоже пришёл посмотреть. Шоу было таким же волнующим, энергичным, взрывным и бесконтрольным, как и первые два. Мы сыграли четыре песни - две, которые у нас уже были, и две новые: Police Helicopter и Never Mind. В Never Mind мы смело опустили ряд других групп (Gap Band, Duran Duran, Soft Cell, Men at Work, Hall and Oates), говоря миру забыть о них, потому что мы были теми, кого люди должны были любить тогда.

В один момент этого сета я пил пиво на сцене, спустился на пустой танцпол рядом со сценой и стал кружиться как вращающееся колесо с пивом в руках, поэтому каждый, кто был в радиусе десяти футов от меня, был облит. Между песнями тем вечером мы исполнили несколько акапелльных кричалок, которые мы взяли из песен школьного двора и лагеря. Хиллел рассказал нам одну, которая на-

зывалась Stranded (Сжатый), и мы придумали какую-то простецкую хореографию к этой песне. Мы поднимали руки вверх и пели: “Stranded, stranded, stranded on the toilet bowl/What do you do when you're stranded and there ain't nothing on the roll?/To prove you're a man, you must wipe with your hand/Stranded, stranded, stranded on the toilet bowl” (“Сжатый, сжатый, сжатый на унитазе/Что ты делаешь, когда тебя поджигает, а на рулоне ничего нет?/Чтобы доказать, что ты мужчина, ты должен потереться своей рукой/Сжатый, сжатый, сжатый на унитазе”)

Даже притом, что там было немного людей, всем понравилось шоу. Но в конце вечера Уайзата стал странно пытаться сбежать. Я нашёл его и попробовал взять наши деньги, но он начал что-то мямлить о маленьком количестве людей.

- Это действительно плохо, но были гарантии, и как промоутер клуба ты берёшь на себя этот риск, - сказал я.

Он полез в карман и достал немного денег. “Вот сорок долларов. Возможно в следующий раз, когда мы сделаем шоу вместе, мы сможем восстановить баланс”, - сказал он и заскочил в туалет, чтобы избежать меня.

Я рванулся прямо за ним, и всё кончилось тем, что я схватил его и окунал в унитаз, выбивая из него любую наличность, которая у него была, хотя она и не соответствовала нужной сумме. Я просто не мог терпеть, когда разрывают сделку, а потом пробуют ускользнуть.

Ещё одним признаком того, что мы создали шумиху на сцене, было то, что о нас упомянули в разделе газеты L.A. Weekly “L.A. Dee Dah”, который был социальной полосой, где отмечались события музыкальной сцены Лос.-А. Фли и я стали звёздами этой колонки сплетен, не потому что мы пытались, а из-за того, что мы были абсолютно сумасшедшими и тусовались каждый вечер до пяти утра в любом существующем андеграундном клубе. Когда о нас стали много упоминать, я был шокирован.

Одним из первых упоминаний обо мне было в маленькой статье, которая связывала меня с “бескомпромиссно авангардной немецкой певицей” Ниной Хаген (Nina Hagen). Я не особо много знал о Нине, когда встретил её на том шоу в Кэтэй, но я знал, что она очаровательная немецкая певица, у которой были местные поклонники на голливудской панк сцене. Мы всё ещё были за кулисами после шоу, когда Нина вошла в крошечную ванную-гримёрку и начала безумно смотреть на меня. Она отвела меня в сторону и стала разглагольствовать на этом сочном восточногерманском акценте о том, как сильно ей нравилась наша группа. Это переросло в “нострадамусовские” предсказания: “Сейчас вы самая прекрасная группа в мире, которую я видела, и через пять лет весь мир узнает о вас, а через семь лет вы станете самой великой в мире группой”. Я отшучивался: “Хорошо, леди, как угодно”.

Но у неё был такой стиль и грация, и она была такой подавляющей и очаровательной, что я помню, как злилась Патриция, когда я получал всю эту любовь от этой немецкой девушки. Нина дала мне свой номер телефона, и я быстро дезертировал с корабля.

Я позвонил ей на следующий день, и она пригласила меня на завтрак. У неё был скромный, но милый домик с бассейном. У неё также была маленькая дочка по имени Косма Шива (Cosma Shiva). Мы ели завтрак, и Нина была явно привер-

женцем более здоровой и органической кухни, чем я. В тот день мы много гуляли, и Нина рассказала мне о своей жизни в Восточной Германии и разных мужчинах, которые были в её жизни. О сумасшедшем героинщике, который был отцом её ребёнка, и о её новом парне, который уехал из города на месяц. Я находил её абсолютно интригующей, и она была настолько любящей, что мы начали безумной горячий роман с того дня и дальше. Это продолжалось около месяца, но мы остались хорошими друзьями, и она продолжала энергично поддерживать нашу музыку. Сразу после окончания нашего романа, она попросила нас с Фли написать песню для альбома, над которым она работала, и мы сочинили What It Is?.

Тем временем мы непрерывно расширяли наш собственный репертуар. Одной из ранних песен, которые мы написали в доме на Лилэнд Уэй, была Green Heaven. Я читал много книг о китах и дельфинах, и я всегда чётко знал о социальной несправедливости. В Лос.-А. в восьмидесятых среди полиции была распространена коррупция. И я начал писать песню, которая бы показала контраст между жизнью над водой и под водой. Я упоминал остатки времён Рейгана (Reagan) и сравнивал их с идиллическим Ла Шангри-ла, тем, что происходило ниже уровня моря с животными, силу ума которых я считал равной нашей.

Из Green Heaven:

*Here above land man has laid his plan
And yes it does include the Ku Klux Klan
We got a government so twisted and bent
Bombs, tanks and guns is how our money is spent. . .*

*Time now to take you to a different place
Where peace-loving whales flow through liquid outer space
Groovin' and glidin' as graceful as lace
Never losing touch with the ocean's embrace. . .*

*Back to the land of the policeman
Where he does whatever he says he can
Including hating you because you're a Jew
Or beating black ass that's nothing new*

(перевод):

*Здесь на земле человек придумал план
И, да, это включает Ку Клуks Клан
Наше правительство такое кривое и согнутое
Бомбы, танки и ружья – так тратятся наши деньги*

*Настало время отвести тебя в другое место
Где миролюбивые киты плывут через жидкий открытый космос
Двигаются и скользят, изящные, как лента*

Никогда не теряющие контакт с объятиями океана

А здесь на земле полицейского

Он делает всё, что хочет

Ненавидит тебя, потому что ты еврей

Или избивает чёрные задницы, что тоже не ново

В итоге мы двадцать четыре часа писали Green Heaven, и она стала эпическим краеугольным камнем наших шоу. Хиллел придумал удивительное вступление с эффектом talk-box для песни: он устанавливал большую пластиковую трубку из его гитарных эффектов рядом с микрофоном. Затем он клал эту трубку в рот и играл на гитаре. Звуки из его гитары шли ему в рот, и, изменяя форму губ, он мог формировать слова из гитарного звука. Это было крайне психоделично, в искреннем смысле этого слова. Не поп-психоделика, не телевизионное неверное толкование психоделики, а реально сердечно-душевная психоделика путешествия в открытый космос.

Хотя эта лирика была политическая, я никогда не считал the Red Hot Chili Peppers социополитически ориентированной группой как, скажем, Dead Kennedys. Я просто чувствовал, что мы призваны создавать красоту, вызывать радость и смешить людей, а если лирика включала политические или социальные комментарии, то пусть будет так. Но мы никогда не были ответственны за то, чтобы быть U2 нашего поколения.

Даже притом, что мы теперь были группой, Фли всё ещё продолжал репетировать с Fear, а Хиллел и Джек с What Is This, и насчёт этого не было конфликтов. Мы рассматривали исполнение наших песен как весёлое занятие, а не как путь к карьере. Никто из парней не думал о том, чтобы бросать свою повседневную работу и заниматься the Red Hot Chili Peppers, и это было нормально. Я был просто счастлив готовиться к нашему следующему шоу, потому что каждое было монументальным для меня. Я не мог спать в ночь накануне. Я лежал в кровати и думал о выступлении. А если я всё-таки засыпал, мне сразу начинало сниться шоу. Когда я просыпался, первой мыслью, которая приходила мне в голову, была: “Это вечер шоу! Сегодня вечером будет шоу!”. И весь день был посвящён подготовке к концерту.

Вскоре после того, как Фли, Хиллел и я переехали жить вместе, Хиллел влюбился в новую девушку. Когда Хиллел влюблялся, он исчезал. Он твой лучший друг, он с тобой днём и ночью, но он влюбляется, и всё: увидимся в следующем году. А Фли и я тусовались по клубам, и мы всегда приходили в Зеро, который переехал из Кахуэнги в отличное новое место рядом с Уилкокс и Голливудским Бульваром. В одну особенную ночь Фли и я приобрели немного китайского порошка и таблеток. Мы приняли наркотики, и это была уникальная комбинация. Нас пустили в Зеро, и я начал чувствовать себя действительно хорошо и уверенно. Это было ранним вечером, и людей в клубе было немного, но одна индейская девушка с алебастровой кожей и голубыми глазами всё ходила и ходила взад вперёд передо мной. Она была в старом комбинезоне без нижнего белья под ним, поэтому её грудь была видна практически со всех углов. Я не мог оторвать от неё глаз,

и я наткнулся прямо на неё с уверенностью от тех химикатов, которые гнали через мой мозг, и сказал: “Привет!”. Она сказала: “Привет!”, и начала тереться об меня как кошка на жаре. Мы немедленно пошли к лестнице и направились на крышу, но мы так туда и не добрались.

Она сорвала с себя одежду, упала на пол, и мы начали заниматься сексом. Я даже не знал её имени, но я знал, что она хотела трахаться. И я был полностью готов начать это, когда она развернулась, взяла мой член и ввела его себе прямо в задницу. Это не было как в порно, она очень нежно к этому относилась, но она хотела именно так. Мы наслаждались этим несколько минут, когда этот огромный идиот вышибала поднялся по лестнице и вмешался. Я думаю, позже она сказала мне, что он слишком резко отреагировал, потому что она ему нравилась. А она никогда не давала ему возможности, но какой бы ни была причина, он сбросил нас с лестницы.

Она предложила пойти к ней домой в двух кварталах оттуда. К тому времени она сказала мне своё имя, Джермэйн (Germaine), и то, что она жила в семи-этажном квартирном доме. Когда мы зашли в лифт, вместо того, чтобы подниматься в её квартиру, мы поехали прямо на крышу, где занимались сексом всю ночь напролёт. Я был всё ещё под кайфом от героина, поэтому всё это время я не мог кончить. Когда солнце начало всходить, она села на архаичный механизм лифта, и мы начали следующий раунд нашего общения. Я всё продолжал и взял другой ритм, солнце начало светить, и она начала кричать. Как раз тогда кто-то нажал на кнопку лифта, электричество начало проходить по этому старому механизму, детали заработали, моторы загрохотали, и я, наконец, кончил. Это было драматичной концовкой сюрреалистичной ночи. Я пожелал ей спокойной ночи и побежал сквозь рассвет прямо домой, уверенный в то, что жизнь хороша. И хотя тот сволочной вышибала пробовал навсегда вышибить меня из клуба, его владелец Джон Почна (John Pochna) устроил его, и я проводил там ещё много приятных ночей, таких, как та, с Джермэйн.

Спустя пару месяцев после того, как наша группа начала выступать, мы решили сделать демо-запись наших песен. Мы назначили Спит Стикса (Spit Stix), барабанщика Fear, звукоинженером нашей записи, и мы на три часа арендовали звукозаписывающую студию Дыра в стене на голливудском Бульваре. Чтобы дать вам представление о том уровне профессионализма, о котором здесь идёт речь, стоит сказать, что весь бюджет составлял триста долларов. И это включало время на студии, инженера и плёнку. По некоторым причинам только у меня на той неделе были деньги, поэтому я с радостью отдал их на пользу дела.

Те демо-сессии были, безусловно, самыми продуктивными и вдохновенными, какие у нас только были. За последние двадцать лет мы никогда не чувствовали момента, который был бы более волшебным и исключительным. Мы поймали нашу волну. Всё было записано за один дубль, и всё было идеально. Мы закончили наши шесть песен так быстро, что у нас ещё оставалось время записать акапелльные кричалки, мы не планировали этого.

Мы вышли оттуда с главной плёнкой и несколькими кассетными дубликатами. Когда мы пришли домой и послушали музыку, мы были в шоке. Люди всегда говорили, что мы концертная группа, которая никогда не может всё перенести

на плёнку. А теперь у нас было доказательство – запись была полным дерьмом. Фли и я взяли кассеты, написали свои имена на пластиковых кейсах и начали ходить повсюду, чтобы получить приглашение сыграть где-нибудь. Мы даже и не думали о заключении контракта на запись. Для меня весь процесс делился на две части. Ты пишешь и репетируешь песни, а потом ты играешь концерты. А мы хотели играть на всё больших и больших концертах.

Мы также хотели распространить славу о Chili Peppers в Нью-Йорке. Спустя где-то неделю после записи плёнки наш друг Пит Уайс предложил отвести нас туда. Пит был коренным лос-анджелесцем, который познакомился с Фли на съёмках фильма Пригород (Suburbia). Это фильм о панк-рок сцене в Лос.-А., где снимался Фли. Пит отлично заводил толпу, был музыкантом и крутящимся повсюду человеком Возрождения, который был на полтора года старше нас. У него была квартира на первом этаже в Голливуде, которая стала клубом на дому для нас. У него также была красивая старая американская машина, на которой мы ездили к пляжу или просто разъезжали по округе, куря траву и цепляя девушек.

Пит работал на сценариста Пола Шрэйдера (Paul Schraider), который переезжал в Нью-Йорк и нанял Пита отвезти огромный грузовик Райдер, наполненный его вещами, на его новую квартиру на Пятой Авеню. Фли и я зацепились за шанс. У нас было наше секретное оружие, наша кассета, и мы представляли, как будем ставить её людям в Нью-Йорке. Когда они услышат весь её блеск, двери откроются, моря разделятся, а люди будут танцевать на улице. Для нас не было сомнения, что нас пригласят играть в каждый клуб Нью-Йорка.

Наш хороший друг Фэб также присоединился к поездке, это было отлично для меня, потому что где-то в калифорнийской пустыне он подошёл ко мне с хитрым видом и сказал, что у него было немного героина. Мы приняли этот китайский порошок и получили хороший кайф. Исключая несколько стычек с сумасшедшими водителями грузовиков, поездка прошла без инцидентов. Пит высадил нас в СоХо, а потом поехал обратно на Пятую Авеню, чтобы разгрузить багаж Пола. Нам с Фли не терпелось показать кому-нибудь нашу запись, но нам также предстояло решить проблему проживания. Нам негде было остановиться, но Фэб знал двух моделей, которые жили на улице Брум. И когда мы подошли к их дому, он сказал: “Я остаюсь с этими двумя моделями, но я точно не могу привести вас, парни”.

- О'кей, но что если мы просто зайдём помыться и всё такое? – предложил я.

Мы зашли к ним и в итоге полностью переехали. Четыре дня подряд эти прекрасные модели постоянно выгоняли Фли и меня из своих постелей и спален. Мы были пиявками.

Мы занялись тем, что давали разным работникам клубов нашу запись. Конечно, у нас не было никаких знакомых или тактики. Мы шли в клуб и спрашивали менеджера. Они указывали на его офис, мы шли прямо туда, включали нашу плёнку и дико танцевали под свою собственную музыку, крича, чтобы продать себя. Единственная проблема была в том, что никто не покупал. Самый тёплый приём нам оказал один курящий сигары итальянский жеребец, который управлял клубом Зал Мяты. Он дал нам несколько минут. А большинство людей указывали нам на дверь и говорили: “Валите отсюда на хрен со своей плёнкой”. После не-

скольких отказов, я мог сказать, что это было плохим способом наняться для концертов в клуб.

Поэтому Фли и я провели день, посещая достопримечательности. Мы пошли в Центральный Парк, сели на скамейку, вставили плёнку в бум-бокс и включили нашу музыку. Мы хотели, чтобы хотя бы кто-то узнал, что мы сделали эту грёбанную запись. Мы получили много презрительных взглядов от людей, которые думали, что мы ужасно неприятные, и что мы слишком громко включили музыку. Но удивительно, что каждый ребёнок, который был в пределах слышимости, полностью отрывался под неё. Это было интересно. Когда мы вернулись в Лос.-А., мы написали песню Baby Arpeal, и она стала основой нашего раннего творчества.

Почти сразу после того, как мы вернулись из Нью-Йорка, Хиллел переехал жить к своей девушке. Нужно было платить аренду, а у нас с Фли было по примерно двести баксов у каждого. У нас был выбор: наскрести вместе достаточно денег, чтобы заплатить арендную плату за следующий месяц, или пойти и купить кожаные куртки отличного качества, абсолютно требуемый этикетом каждого уважающего себя панка предмет. И мы направились на Мелроуз Авеню, который становился центром клёвой старинной одежды. Там был парень из Нью-Йорка по имени Дэнни, который недавно открыл маленький магазин с серией отличных старинных кожаных курток а-ля Джеймс Дин.

Мы с Фли выбрали идеальные куртки, но когда мы пошли их покупать, оказалось, что Дэнни установил на них астрономические цены. По меньшей мере на сто долларов больше, чем было у каждого из нас.

- Послушай, у меня сто пятьдесят, а у моего друга сто семьдесят. Так почему бы тебе ни продать нам куртки за эти деньги? – предложил я.

- Ты с ума сошёл? Проваливай из моего магазина, - закричал он.

Но, увидев эти куртки, мы не могли и думать о том, что их у нас не будет, поэтому предложил пикетировать магазин. Мы написали плакаты с надписями: НЕЧЕСТНЫЙ БИЗНЕС, ДЭННИ – ЖАДНЫЙ МОНСТР. Я полагал, что он будет удивлён путями, какими мы идём, чтобы получить эти куртки. Мы начали расхаживать вокруг его магазина с нашими плакатами, Дэнни выбежал.

- Какого хрена вы, маленькие панки, делаете? Валите отсюда, пока я не разбил эти плакаты вам об головы, - орал он.

Я поймал себя на мысли, что обнаружил нотку развлечения в его голосе, поэтому я придумал другой план. Мы организуем голодовку у его магазина и не закончим её до тех пор, пока он не согласится продать нам те куртки. Мы вернулись и легли на тротуар.

Дэнни выбежал, чтобы противостоять нам: “Теперь что?”.

- Это голодовка. Мы не будем двигаться, есть и пить, пока ты не отдашь нам те куртки, - сказал я.

- О, Господи, парни. Сколько у вас денег? – спросил он.

Мы, наконец, победили его. Он завёл нас внутрь и попытался склонить к более дешёвым курткам, но мы не сдавались и отдали ему все наши деньги за те две прекрасные куртки.

Позже тем же днём мы гордо шли по Голливудскому Бульвару в совершенно новых куртках, не осознавая той иронии, что мы были в самой горячей панк-фанк группе Лос-Анджелеса, но не имели жилья и денег. И в этот момент к нам подошёл этот безумный, длинноволосый, похожий на книжного червя, панк в очках и сказал: “Эй, парни, вы ведь играете в the Red Hot Chili Peppers!”. Он видел Фли однажды вечером, когда работал диджеем в клубе и крутил пластинку Defunkt. Фли запрыгнул в его будку и выключил громкость, потому что ему казалось, что этот парень крутил не ту сторону.

Его звали Боб Форрест (Bob Forrest), и кроме случайной работы диджея, он также управлял клубом Воскресение, который был одним из самых горячих мест для живых выступлений. Боб спросил нас, как дела, и мы рассказали ему нашу горестную историю о новых куртках и отсутствии дома.

- Это сумасшествие. Полчаса назад моя жена навсегда ушла от меня, - сказал он, - если хотите, парни, вы можете остановиться у меня.

Форрест жил на третьем этаже классического квартирного дома, который назывался Ла Лейенда, который раньше был довольно хорошим, особенно до притока туда панк-рокеров. У него была квартира с одной спальней, заполненная до краёв тоннами книг и пластинок. Фли устроился в гостиной, а я занял уголок на кухне.

Боб ходил в колледж несколько лет до того, как бросил учёбу. Он работал в книжном магазине за минимальную зарплату, когда мы встретили его. Но эта работа стала отличным источником дохода для нас, потому что старые книги хорошо продавались. Фли и я шли и крали книги из частных коллекций или библиотек. Стопка книг стоила десять долларов, а на десять долларов мы могли купить наркотики, принять их и получить кайф. Мы обычно покупали кокаин, который был неподходящим наркотиком, если у тебя было немного денег, потому что в следующую же минуту после того, как он заканчивается, хочется ещё. Но мы бежали обратно домой к Бобу, высыпали кокаин в стакан, добавляли необходимое количество воды, втягивали это в шприцы и принимали жидкий кокаин. Мы делали это пару раз, пока он не закончился. Потом мы валились на пол, чувствовали себя рвано и разрушено. Мы бежали в клуб Зеро, чтобы залить боль алкоголем, найти девушку, чтобы заглушить боль или найти ещё немного кокаина.

Тем летом у нас появился надёжный поставщик СПИДа, парень со Среднего Востока, который владел репетиционной базой. И мы начали принимать спид, и это намного отличалось от кокаина. Кокаин даёт чистые ультра-эйфоричные, слишком хорошие, чтобы быть правдой ощущения на три минуты. Уши звенят, челюсти раскрываются, и эти три минуты ты чувствуешь себя полностью одним целым с вселенной. Спид намного более грязный, менее эйфоричный и чуть больше затрагивает физическую сторону. Каждый дюйм кожи начинает покалывать и превращается в кожу цыплёнка.

Мы начали уходить втроём в эти спидовые загулы, мы не спали целыми днями, играя всякую фигню. Мы даже организовали группу вместе, the La Leyenda Tweakers. Я сожалею, что мы решили сыграть за пределами нашей квартиры. Во время шоу мы были под сильным кайфом от СПИДа, поэтому мы напоминали трёх пациентов психотерапевта. В L.A. Weekly появился первый плохой

обзор о нас. Мы знали, что наносили ущерб нашим телам, но мы были в таком сильном бреду, что думали, если мы просто будем есть арбузы, то это очистит и наши тела, и наши души от этой отвратительной химической пытки, которую мы были неспособны остановить. Мы покупали арбузы в огромных количествах, возвращались обратно домой и резали каждый на три части. Когда мы доедали арбуз, мы шли на крышу Ла Лейенды, проводили церемонию сброса этих больших арбузных корок и смотрели, как они разбивались внизу на парковке. Потом мы шли и пробовали поспать, затем просыпались и начинали всё заново. Однажды в середине июля мы смогли взять себя в руки и сыграть на концерте, который станет легендарным для Chili Peppers. Мы были хедлайнерами в клубе Кит Кэт, который был классическим стрип-клубом, который проводил рок концерты. Мы все вчетвером упорно трудились, чтобы подготовиться к шоу. По просьбе Хиллела мы сделали кавер на Fire Джими Хендрикса. Мы пришли в клуб тем вечером, и они дали нам огромную гримёрку, которую обычно использовали стриптизёрши. Я убедился, что всё было в порядке с лирикой, и написал сетлист. Я взял на себя эту ответственность в ранние годы группы. У нас был особый дополнительный сюрприз тем вечером. Так как мы играли в стрип-клубе, и на сцене с нами танцевали девушки, то мы решили, что подходящим выходом на бис будет выйти голыми, только с длинными спортивными носками, надетыми на причинные места. До этого мы уже играли без футболок и осознали силу и красоту наготы на сцене.

Я придумал использовать носки, потому что, когда я жил с Донди Бастоном (Donde Bastone), у него была покупательница травы, которая серьёзно влюбилась в меня. Она была симпатичная, но я сопротивлялся её поползновениям, которые включали посланные мне ошеломительные открытки со вложенными линейками для измерения члена и даже фотографиями, где она делала минет какому-нибудь моряку. Однажды она пришла ко мне домой, и я решил открыть дверь полностью голым, кроме носка, надетого на мой член и яйца.

Мы были в отличном настроении, чтобы играть. Наше взаимодействие становилось лучше и лучше. Прежде наши шоу были одним большим фейерверком от начала до конца; теперь мы начали развивать различную динамику на сцене. За десять минут до начала концерта кто-то принёс косяк. Мы никогда не курили траву перед шоу, но мы передали его по кругу и затянулись, даже Джек. Как только меня забрало от травы, меня охватила паранойя и страх, что весь этот тяжёлый труд и отличные чувства могли легко разрушиться из-за кайфа от травы. Хиллел и Фли начали чувствовать себя так же. Я пробежался по кварталу, чтобы освежить голову, и это сработало. Мы должны были играть после фантастического выступления анархически выглядящих эксцентричных умников, которые назывались Roid Rogers and the Whirling Butt Cherries. Но это только заставляло меня идти выше, потому что я хотел показать всем, что мы были сильнее. Мы отлично выступили тем вечером, мы просто вопили. Джек и Фли были в отличной связке, и Хиллел был в другом измерении. У меня был отличный вокальный монитор, поэтому я хорошо себя слышал, что не всегда было так на наших шоу. Мы закончили сет и побежали за кулисы, и мы все немного волновались. Джек хихикал, потому что, когда он нервничал, он просто начинал смеяться.

Когда мы вернулись на сцену в одних только носках, зрители внятно и громко вздохнули. Нас ни на минуту не остановил этот коллективный шок, который испытывала толпа. Мы начали играть Fire, а наша подруга Элисон По По (Alison Po Po) пробилась к переднему ряду и начала хвататься за мой носок. Я был сфокусирован на песне и на моём выступлении, но другая часть моего мозга начала говорить мне, сколько между моим носком и той точкой, где могла достать его. Когда я увидел группу наших друзей, которые рванулись к сцене и хватались за носки, я ощутил полное чувство свободы и силы. Ты молод и ещё не утомлён, поэтому идея обнажённым играть эту прекрасную музыку со своими лучшими друзьями и производить в момент обнажения так много энергии и любви, просто великолепна. Но ты не просто обнажён, у тебя также есть огромный образ фаллоса, работающий на тебя. Это были длинные носки. Обычно, когда играешь, член находится в защитном положении, поэтому ты не напряжён, расслаблен и спокоен. Ты более собран, как будто на матче по боксу. Поэтому иметь дополнение в виде носка было отличным чувством. Но мы никогда не думали, что эти носки станут символом, который ассоциируется с нами. Мы никогда не думали об этом в том ключе, что мы сделаем это ещё раз, и промоутеры захотят добавить к нашим контрактам райдеры с носками, чтобы убедиться в том, что мы сделаем это и на их сцене. Это оставило более продолжительное впечатление, чем мы предполагали.

Одним человеком, кто был реально впечатлён, был тридцатилетний менеджер по имени Линди Гоэтц (Lindy Goetz). Линди работал промоутером в звукозаписывающей компании MCA и был менеджером the Ohio Players, одной из наших любимых групп. Фли и я собрали достаточно денег, чтобы доехать до Вэлли, где находились офисы Линди. Ростом пять футов и шесть дюймов, он был напористым усатым еврейским парнем из Бруклина, который как-то переехал в Лос.-А. в поздних шестидесятих. Тем днём мы покурили немного травы, приняли две дорожки кокаина и рассказывали друг другу истории. Я не думаю, что мы понимали это тогда, но Линди был в кризисе от своих мотовских “плати всем подряд” дней. Он был менеджером the Ohio Players, но это было тогда, когда их карьера шла под откос.

Он пытался сохранить лицо и видимость того, что дела идут, но счета не были оплачены, и деньги не приходили. Линди казался приятным парнем, даже притом, что он работал с некоторыми кошмарными однодневками. После нашего долгого разговора, мы с Фли попросили минуту, чтобы посоветоваться.

- Давай спросим его, отведёт ли он нас на ланч, - сказал Фли, - если отведёт, мы заключим контракт.

Мы вернулись. “О’кей, если ты возьмёшь нас в китайский ресторан прямо сейчас, то ты можешь быть нашим менеджером”, - сказал я.

Мы получили свинину Му Шу и нового менеджера. А также абонемент на еду. Следующие несколько месяцев мы просыпались и думали: “Что на ланч? Ничего? Пойдём, навестим Линди”. Он жил в шикарном квартирном доме в Западном Голливуде и был женат на девушке из Атланты по имени Пэтти (Patty). Одним приятным вечером мы приняли немного кокаина, покурили немного травы и говорили о будущем. Линди сказал, что его первой задачей было найти нам кон-

тракт на запись, о чём я вообще ничего не знал. Это казалось крутой и волнующей вещью. Я думал, это как раз и делают группы, но я не знал абсолютно ничего о создании записи.

Если мы собирались попробовать заключить контракт на запись, нам нужен был юрист. Кто-то дал нам рекомендацию на парня по имени Эрик Гринспэн (Eric Greenspan). Мы пошли в его юридическую фирму, которая была в богатом здании на Бульваре Уилшир. Когда мы вошли в прихожую, мы думали, что мы в Храме Мормонов. Эта фирма представляла и Израиль и Египет. Мы поднялись на лифте на этаж Эрика, а затем подошли к даме в приёмной.

- Мы Red Hot Chili Peppers, и мы пришли встретиться с Эриком Гринспэном, - сказал я.

- Ну, я даже не знаю, позвольте мне... - она казалась озадаченной.

По какой-то неизвестной причине мы решили ошарашить её. Мы развернулись, крикнули: "Мы Red Hot Chili Peppers, чёрт возьми, и мы хотим увидеть Эрика", и сняли штаны. Прямо в тот момент выбежал Эрик и пригласил нас в свой офис. У него на стенах были отличные картины Гэри Пэнтера (Gary Panter). Он сказал, что работал с Гэри и также с некоторыми регги исполнителями как Burning Spear.

Я начал прямо в лоб: "У нас нет контракта на запись, у нас нет денег. У нас только есть менеджер, и нам нужен юрист".

Эрик даже не вздрогнул: "О'кей, я буду вашим юристом, вам не нужно мне платить, пока вы не заработаете реальных денег, и потом мы сможем заключить стандартную пятипроцентную сделку". Итак, он стал нашим юристом, и не заработал ни гроша до тех пор, пока мы не начали делать реальные деньги. Он до сих пор наш юрист. Этот парень большая редкость в деле, которым он занимается. Мы ни для кого не выглядели дойной коровой на том этапе. Самыми популярными и зарабатывающими деньги в тот момент были такие группы как Poison, Warrant и RATT. Вот, что было у кассовых аппаратов. Мы были просто анти-всем. И мы, вероятно, анти-зарабатывали деньги в то время.

За пять месяцев мы уже отметились в музыкальной жизни Лос.-А. О нас писали в L.A. Times, и мы играли на таких уважаемых площадках, как клуб Линжерри. Чем более известными мы становились, тем более Ли Винг (Lee Ving) упрекал Фли за то, что он играл в двух группах. Я помню, как он однажды позвонил и спросил: "Ты будешь в моей группе, или ты останешься с другой группой?" Фли сказал: "Ну, я собирался быть в обеих, но если ты так ставишь вопрос, тогда я просто останусь в своей".

Однажды в августе мы с Фли пошли на вечеринку какого-то претендующего на тонкий вкус журнала в доме на Голливудских Холмах. Я надел рваный фланелевый верх от пижамы, и мой ирокез отрос и упал на одну сторону. Мы отлично проводили время, тусуясь на заднем дворе, когда я посмотрел в дом и увидел это космическое существо, молодую девушку. Она двигалась как какая-то принцесса, медленно, со сложенными по бокам руками. На ней был гигантский диск шляпы с большими переливающимися драгоценностями вокруг короны. Она была одета в неподходящее футуристически выглядящее мешковатое платье, сделанное из бумаги. Она была немного полновата, но красива.

И у неё был это чудесный магнетизм, ходить вокруг и разговаривать целеустремленно, но медленно, как будто она была Алисой в Стране Чудес, а остальной мир не существовал. Но в ней также чувствовалась панк-рок версия Мэй Уэст (Mae West), испускающая эту яркость и вызывающую, нахальную, неосязаемую энергию. Как раз тот тип девушки, который мне нравился – в общем, странное создание.

Я вошёл в дом и дёрнул её за хвостик или сделал ещё что-то, что делают парни, когда видят нравящуюся им девушку и не знают, как с ней поговорить.

“О, Господи, ты кто?” - спросила она. Мы начали разговаривать, и она говорила загадками, не давала мне прямых ответов. Оказалось, что её зовут Дженнифер Брюс (Jennifer Bruce), она была модным дизайнером и спроектировала собственную модель шляпы Зорро. За несколько минут меня унесло её присутствием, её аурой и её взглядами на моду. В городе, где среди людей было распространено пытаться быть разными, вести себя по-разному и быть всем этим и всем тем, жила личность, которая справлялась с этим с лёгкостью, потому что она была прирождённым супер-фриком, чьей тенденцией в жизни было выглядеть как внутренняя сторона ракушки.

Она не таяла в моих руках; она держала меня на расстоянии. Не думаю, что она дала мне свой номер телефона, но я настаивал. “Давай, у тебя нет выбора. Ты будешь моей девушкой, нравится тебе это или нет”, - сказал я.

Она должно быть что-то почувствовала, потому что она позволяла мне продолжать процесс, но потом она исчезла, и я ушёл в новом направлении. Однако она полностью отпечаталась в моём сознании.

Я посещал и другие события, одним из которых было открытие группы Oingo Boingo в Амфитеатре Universal. Oingo Boingo происходили из той же клубной сцены, где были мы, и просто продолжали развиваться. Они не были нашей самой любимой в мире группой, но у них были некоторые интересные инструментальные произведения. Мы знали их трубача, и он предложил нам место в открытии их большого шоу. И вот мы были здесь без контракта на запись, с репертуаром в десять песен, и мы собирались играть не в клубе перед двумястами зрителями, а перед четырёхтысячной аудиторией.

Мы вышли на сцену тем вечером, одеты в наши самые странные вещи. Прямо в середине первой песни, Фли порвал струну на басу. Внезапно возникла пауза, и мне нужно было говорить с залом, пока Фли менял струну. Через несколько секунд толпа начала недовольно кричать, чем-то бросать в нас и скандировать: “Мы хотим Oingo Boingo”. Но это только подогревало и давало нам энергию. Мы начали снова, и Фли так разошёлся, что порвал другую струну. В этот момент Дэнни Элфман (Danny Elfman), вокалист Oingo Boingo, а также наш фанат, вышел на сцену в купальном костюме с измазанным пеной для бритья лицом, как будто он шёл прямо из гримёрки. Он взял микрофон и сказал толпе, что мы ему действительно нравились и, что нужно быть уважительными, а потом он ушёл, но несколько непослушных парней в толпе не учли его просьбу. Мы настроились и начали играть, и к тому времени, как мы закончили, я думаю, что мы дали им знать, что мы настоящие. И они только что были поражены тем, что они скоро не забудут.

После шоу мы отмечали это за кулисами, когда Блэки (Blackie), который был одним из наших ранних фанатов, подошёл к нам с Фли. На нём были тугие чёрные перчатки, и он достал два конверта с билетами на самолёт.

- Это для тебя, Энтони, и я хочу, чтобы ты взял с собой Фли, - сказал он.

“Взять его куда?”. Я был озадачен. Я посмотрел в конверт и увидел два билета туда и обратно в Лондон, Англия. Настало время для моего обрядового похода в Европу.

Нам нужно было сделать несколько дел до отъезда в Европу, одним из которых были осложнения, которые появились при заключении контракта на запись. Мы подозревали, что нами интересуются звукозаписывающие компании, особенно после наших шоу в Линжери и Амфитеатре Universal, и после триумфального возвращения в клуб Кит Кэт в сентябре. Один управляющий из EMI/Enigma, Джэйми Коэн (Jamie Cohen), был особенно агрессивным в охоте за нами. Однажды вечером, когда Фли и я тусовались в Ла Лейенда, нам позвонил Линди. Он сказал нам, что с нами заключили контракт на запись EMI/Enigma. Я был настолько рад, что последнее, о чём я думал, это о возможных проблемах. Я помню, как мы отмечали это и думали, что всё идёт по плану, и что нам только нужно собраться, быть прилежными и приниматься за работу.

Я всё ещё был в эйфории от этого контракта, когда телефон снова зазвонил. Фли поднял трубку. Издалека я услышал, что он говорил: “Ты уверен? Ого, ого, это действительно плохие новости”. Я сидел и думал: “Что? Что? Что?”, когда Фли повесил трубку и посмотрел на меня.

“Джек и Хиллел только что ушли из группы. У What It Is? появился свой контракт на запись, и они выбрали остаться в той группе”, - сказал он.

Я был безмолвен и шокирован, чувствовал себя так, как будто на моё сердце свалился рояль. Я уткнулся в кровать и начал плакать. Так не могло быть. Мы изобрели что-то как группа, мы создали то, что мир должен услышать. И внезапно всё произошло, как будто мы сделали аборт на шестом месяце. Фли сидел и говорил: “Всё испорчено, всё испорчено”.

Наш звук основывался на барабанах Джека Айронса и гитаре Хиллела Словака. Они не были просто случайными парнями, они составляли нашу суть. Мы были друзьями со средней школы, мы были командой. Нельзя купить себе новых маму и папу, так не бывает. Я думал: “О’кей, моя жизнь закончилась, весь смысл потерян, и некуда идти”, когда Фли сказал мне: “Нам нужно найти двух других парней”. Я перестал быть мёртвым поникшим цветком: “Ха, другие парни? Это возможно?”.

“Да, я знаю некоторых хороших музыкантов”, - сказал он.

Как только я начал думать об этом, я осознал, что у нас были песни, контракт на запись, Фли, я, и мы по-прежнему любили то, что мы делали. Мы просто пока ничего не сделали, поэтому мы должны были найти способ претворить всё это в жизнь. Фли сразу же предложил взять Клиффа Мартинеза (Cliff Martinez) на роль нашего барабанщика. Он играл в the Dickies и the Weirdos, с Ройдом Роджерсом и Captain Beefheart. Я не много знал о Beefheart, но знал, что он легендарен. Фли и я пошли поговорить с Клиффом. Он жил в причудливой однокомнатной квартире, в которую нужно было входить через подземную парковку на улице

Харпер. Это не было по-настоящему квартирой, просто переделанное складское помещение. Он играл в the Weirdos, поэтому его чувство стиля в группе состояло в том, что ты берёшь стиральную доску и делаешь из неё рубашку, потом берёшь чайник и делаешь из него шляпу. Когда он играл с Ройдом Роджерсом, он выступал с тампоном, свисающим из его задницы. Он сильно опережал всех нас по эксцентричности. Я думал, я знал некоторых причудливых личностей, но Клифф был на новом уровне, ещё и очень приятном.

Когда мы попросили его присоединиться к группе, он дурачился от радости, улыбаясь, смеясь и говоря: “Давайте сделаем это. Я надеюсь, я то, что вы ищете, потому что это может быть отличным приключением”. У нас был наш первый джем, и стало понятно с самого начала, что Клифф Мартинез не только мог играть сумасшедшие фанковые и супер-изобретательные, единственные в своём роде, авангардные, художественные ритмы, но и хорошо справлялся с большим разнообразием других стилей.

Теперь нам нужно было найти гитариста. Когда мы джемовали с Клиффом, мы обсуждали гитаристов, и он предложил Дикса Дэнни (Dix Denney), парня, который играл с ним в the Weirdos. Фли раньше джемовал с Диксом, и я когда-то тусовался с этим привлекательным парнем. Нам было комфортно оттого, что мы хорошо ладили с этими двумя парнями. И мы с Фли могли поехать в Европу.

Мы отлично провели время в Европе, посмотрев Лондон, Париж и затем Амстердам. В Париже я вероломно оставил Фли на несколько дней, чтобы побыть с прекрасной датской девушкой. Он встретил меня молчанием, когда я вернулся, но потом я принёс красивые разрисованные матово-синие жестяные чашки от уличного торговца и вставил их в эполеты наших кожаных курток. Мы сразу же стали Братьями Чашками (Brothers Cup). Мы съездили в Амстердам и провели ещё немного дней в Лондоне до возвращения домой. Но я осознал, что во время всей поездки я не мог выбросить Дженнифер из головы, несмотря на моё увлечение датской девушкой и кратковременную влюблённость во французскую проститутку.

Мы вернулись в очень интересную ситуацию в нашей квартире в Ла Лейенда. Мы месяцы напролёт боролись с домовладелицей из-за платы за жильё, которую мы не платили, она посылала нам много уведомлений о выселении, но мы их игнорировали. За несколько месяцев до нашего отъезда в Европу, она даже сняла с квартиры дверь. Но и это нас не остановило. Мы всё равно продолжали жить там, как будто отсутствие в нашей квартире входной двери особо ничего не значило. Мы понимали, что там нечего было воровать. Дошло до того, что мы не могли войти к себе, потому что она слышала нас из соседней квартиры и выкрикивала обвинения, поэтому мы начали залезать по пожарной лестнице и входить через окно. Затем она врывалась во входную дверь, видела Фли, спящего голым, и была в бешенстве. Когда мы вернулись из Европы, она наконец-то убедила полицейских прийти, и они оставили уведомления о том, что нас сразу посадят в тюрьму, если мы снова займём помещение.

Фли переехал к своей сестре, у которой была однокомнатная квартира над гаражом в мексиканском районе города на Восточном Мелроуз. Вскоре я тоже отправился туда, и мы втроём делили её кровать королевского размера. Я не ос-

тался там надолго, но на достаточное время, чтобы встать на ноги и найти Дженнифер.

Вполне уверенный в себе, я прибежал к ней однажды ночью, и мы воссоединились. Она жила далеко в Вэлли в Энсино со своим отцом, который был бывшим моряком и стал страховым агентом, и сестрой. Они жили в классическом для мегаполиса квартирном доме в Вэлли, который не имел ни характера, ни обаяния. Лучшей подругой Дженнифер была её двоюродная сестра, обе они были обесцвеченными белокурыми девушками из Вэлли с чрезвычайным талантом к персонифицированному модному самовыражению, дивами, которые проводили часы, разрисовывая свои лица безумным макияжем и создавая сумасшедшие костюмы, перед тем, как идти в клуб.

Они любили Kamikazes и курили Шермы (Sherms), сигареты Нэта Шермана, которые были впитаны в ОПТРОН. Они были парой глупышек, но что-то было в Дженнифер, что я находил очаровательным, не только эстетически, но и духовно – что-то в её глазах, что-то в её душе, что-то в её существе, что привлекало меня. Я верил ей.

Едва мы начали тусоваться вместе, как мы стали парой. Теперь у меня в жизни был новый человек, которому я начал отдавать много своего времени и энергии, но она уравнивала это, будучи отличной музой и отдавая всю себя. Дженнифер было всего семнадцать, но она уже была в отношениях с известным голливудским панк-рокером. Я был его фанатом, поэтому я немного ревновал, слушая эти истории. Но тоже спускал ей с рук то, что она была девушкой этого парня. Она была цветком панк-рока, не перенимала всякое дерьмо от кого-либо и была очень уверенной в себе и очень опытной для молодой личности. Она училась в Институте Моды в Лос-Анджелесе, где мы и встретились. У неё была своя машина, жёлтый хэтчбэк MG.

Как и я, Дженнифер была очень сексуальным существом, хотя у неё был очень маленький сексуальный опыт. Я сдерживался некоторое время и испытывал к ней сильное сексуальное влечение. Когда мы впервые стали заниматься любовью, я спросил, был ли у неё когда-нибудь оргазм, и она сказала, что не было. Она была близка к этому, когда была в ванной и использовала душ, но она не испытывала его в сексе. Я пообещал, что мы будем работать над этим, и я начал опускаться на неё, что казалось очень долгим. Она была всё ближе и ближе, и мы, наконец, начали делать это. Она вся превратилась в оргазм, что было великим достижением, но также и великим облегчением.

Однажды в начале наших отношений она захотела принять со мной кислоту. Мы приняли и начали ездить по округе в её машине, умирая от желания секса, и я отвёз её к сестре Фли. Я решил, что вместо секса в кровати Карен, что было хорошей идеей, нам лучше пойти в ванную и заняться сексом в душе. Мы провели там много времени и были довольно громкими. Это стало чистым духовным опытом, полным радужных галлюцинаций. Затем Карен пришла домой. Карен сама была очень сексуальной личностью, и мы были как друзья по сексу, которые делились своими сексуальными авантюрами. Поэтому я думал, она будет не против того, что я занимался сексом в её душевой. Но я был не прав, ой, как не прав. Когда я вышел из этой ванной, Фли отвёл меня в сторону и предупредил, что Карен

была очень расстроена, и то, что я сделал, было отнюдь не круто. Итак, это был конец моего пребывания у Фли и его сестры.

Я начал проводить время в Энсино, и отец Дженнифер был не особо этим доволен. Но он действительно любил своих дочерей, и если это означало, что ему приходилось мириться с хулиганом, то было так. Для меня дом в Энсино был ещё одним холодильником, источником еды и местом, где обо мне могли позаботиться, особенно когда я заболел той осенью. Я внезапно утерял всю свою силу, и даже чтобы встать с постели, требовались усилия. Когда я наконец-то пошёл к врачу, он сказал мне, что у меня гепатит. По иронии это не был тип гепатита, который получают от игл, это был гепатит от съеденного испорченного моллюска. После недели в постели, мне было уже хорошо.

Теперь, когда я завладел сердцем девушки, которая мне безумно нравилась, настало время вернуться к делам группы. Одной из наших проблем было то, что Дикс не справлялся с игрой на гитаре. Клифф сразу же выучил все песни. Он шёл домой, практиковался всю ночь и был точно уверен в том, что надо играть. Дикс был отличным музыкантом, который не мог заставить себя играть партии других людей. Если его просили написать песню, он был волшебником. А когда пришло время выучить экспериментальные фанковые рифы Хиллела, это просто было не его. Мы не могли толком понять это; мы думали, что каждый должен уметь выучить всё, что угодно.

Он приходил на репетицию, и у нас были отличные джемы, но потом мы говорили: “Давайте сыграем Get Up and Jump”, и у Дикса ничего не получалось. Это было главной проблемой, потому что мы планировали записать все наши ранние песни. Поэтому мы с Фли решили уволить Дикса. Но как уволить этого нежного, привлекательного, спокойного человека? Мы придумали пригласить его поиграть в крокет. Мы хотели цивилизованно объяснить ему, что наши стили не сочетались нужным образом, поэтому и он, и мы должны быть свободны, чтобы продолжать выражать себя в наших собственных стилях.

Через дорогу от дома Фли был маленький двор, и мы устроили там матч по крокету, даже не договорившись с его соседями. Мы раскатывали шары, и я спросил: “Ну что Дикс, как твои дела?”

- Хорошо, - сказал он.

- Мы тут думали, и, в общем, думали о том, что...э-э-э, Фли, почему бы тебе ни сказать ему, о чём мы думали, - продолжал я.

- Ну, мы думали строго о музыкальных вещах...э-э-э, Энтони, я думаю, ты вероятно лучше это скажешь, - перестраховался Фли.

- Ну, говоря о музыке, скажем, мы рассуждали в следующем направлении и, Фли, почему бы тебе ни продолжить с этого момента.

- Ты музыкальный гений в своём роде, и ты вроде двигаешься в своём направлении... - сказал Фли.

- И, похоже, что направления нашего движения не пересекаются. Нам очень жаль, - вместе закончили мы.

Мы продолжали говорить о том, насколько разными были наши музыкальные направления, а Дикс слушал, как обычно, и вообще ничего не говорил. После того, как мы сказали ему (по крайней мере, думали, что сказали) о том, что наши

дороги не пересекались, Дикс повернулся к нам и спросил: “О’кей. Так репетиция завтра в то же время?”.

Нам пришлось обстоятельно объяснить, что мы не могли больше играть с ним в группе, наконец, он понял это, собрал свои вещи, сел в машину и уехал. Это было первое из многих душераздирающих увольнений, которые нам с Фли приходилось проводить. Мы думали, что всегда будем бесшабашной четвёркой из Голливуда, но тогда мы понимали, что нам придётся иметь дело с реалиями жизни.

Мы устраивали прослушивания на роль гитариста и видели множество людей, но в итоге выделили двух парней: Марка Найна (Mark Nine), хиппового авангардного креативного, сбежавшего из школы парня, который играл с Клиффом в группе Two Balls and a Bat; и Джека Шермана. Я ничего не знал о его (Джека Шермана) происхождении и о том, как он попал на репетицию, но с первой минуты, когда он вошёл на прослушивание, я знал, что он сумасшедший. Тогда это было совсем не плохо, в то время в нас было много сумасшедшей энергии. Но этот парень был сумасшедшим и даже не подозревал об этом. У него были ровно зачёсанные назад волосы, которые нигде не путались, и он был опрятным и чистым. Он вошёл, широко улыбаясь, и не очень круто смотрелся, когда джемовал. Но его игра хорошо сочеталась с Фли и Клиффом, ориентироваться друг в друге не было для них проблемой или борьбой, это был просто поток музыки. Плюс, у этого парня были сумасшедшие мозги, и самые сложные вещи естественно приходили в голову именно к нему. Мы сыграли некоторые наши песни, и хотя у него не было этого низкого, грязного и безбашенного элемента в его игре, он был технически эффективен и играл все ноты в нужное время. Его игра не имела похожего на Хиллела духа, но, по крайней мере, он играл все партии.

Итак, всё сводилось к двоим: хипповому парню и обыкновенному чуваку. Когда мы шли из репетиционной базы тем вечером, Джек повторял: “О, это был действительно удивительный джем, и вы, парни, по-настоящему крутые. Я не играл такого фанка с 1975 года, когда был в группе Top Forty...”. Мы сказали ему, что нашим первым шагом было записать альбом, а потом поехать в тур.

“О, супер, записать альбом, это будет отлично”, - сказал Джек. Затем он заговорил: “Но если вы хотите, чтобы я был в вашей группе, мне нужно проконсультироваться с моим астрологом перед тем, как ехать в тур. Потому что я не могу ехать в тур, когда третья луна находится в Венере, которая может возвышаться с задней стороны проекции Юпитера на пятую вселенную”.

Мы ждали, что он скажет: “Да я просто шучу”, но он продолжал говорить об этих соединениях, старинных связях и о чём-то ещё, поэтому в итоге мы вынуждены были спросить его, действительно ли он так думал.

“Да, я серьёзно к этому отношусь. Всё будет о’кей, но мне обязательно нужно проконсультироваться с моим астрологом”, - сказал он.

Мы сказали ему, что свяжемся с ним, и он ушёл. Мы всё обдумали и, в общем, решили попробовать с этим сумасшедшим. Мы считали, что у него много опыта, и, что по-своему он был удивительным гитаристом. Он не был сырым, взрывчатым дикарём фанка, которого мы искали, но он определённо был способен пойти в студию и сыграть все эти партии, поэтому мы приняли его. Это был

ещё один момент, который нужно было отметить, потому что теперь все части были на местах.

Приведя в порядок группу, я нуждался в жилье. Мы с Бобом Форрестом слышали, что эти помещения в классическом старом двухэтажном офисном здании на Голливудском Бульваре сдавались в аренду, и были дешёвыми. Тогда район Голливудского Бульвара был в плохом состоянии. Это здание называлось Заставой, и оно, вероятно, было там с двадцатых годов. Такой тип здания, где обычно работали частные детективы. Оно было красивым, с изящными лестницами, прихожими с высокими потолками, старыми лёгкими креплениями, большими высокими окнами и с теми старомодными ванными с десятью унитазами, всё из хорошего материала и плитки. Я уже накопил несколько сотен долларов и сказал домовладельцу, что я был писателем, и мне нужно было место для работы. Мы знали, что не могли сказать им, что хотим жить в этом офисном здании, даже при том, что там жила пара людей; ты просто не говоришь этого, а спокойно делаешь, и они не знают, и всё о'кей. Они показали мне несколько разных помещений, и я выбрал самое большое и красивое. Там был высокий потолок и несколько огромных окон, выходящих на Голливудский Бульвар. Это была одна большая комната без ванной, с хорошим деревянным полом. Бюджет Боба был меньше, поэтому он выбрал самое дешёвое помещение, которой выходило на парковку на заднем дворе. Я платил за жильё 135 долларов в месяц, а Боб, вероятно, 85 долларов, просто очень дёшево. Мы не могли не обращать внимания на то, что в наших помещениях не было ванн; нам приходилось мыться в раковинах.

Те комнаты в Заставе стали сценой для большого упадка, распущенности и кризиса молодых умов. Вскоре после того, как мы переехали, Грэг, причудливый старый друг Боба из Орандж Каунти, въехал в соседнюю комнату. Он был кокаиновым другом, кокаиновым дилером и хотел стать гитаристом. А рядом со мной поселилась дизайнер, которая жила со своим парнем, огромным, злобным гитаристом по имени Карлос Ги-тарлос, с которым я раньше принимал наркотики. Я занялся украшением своего нового дома. Я поставил кровать в угол, в стиле комнаты на чердаке, и принёс стол. Девушка Карлоса предложила мне этот маленький круглый диван, покрытый пушистой леопардовой шкурой, что было абсолютной находкой.

То, что Боб жил так близко, было и благословением, и проклятием. Он всегда приходил, и мы собирали любые скудные суммы денег, какие только могли, чтобы пойти и купить наркотики. Мы потеряли наш героиновый источник, поэтому мы принимали кокаин, а потом пытались напиться до полного забытья. Конечно, наш новый сосед Грэг, казалось, был бесконечным источником. Однажды ночью я принимал наркотики и покупал всё у Грэга, я не мог остановиться, и он не мог остановиться, поэтому он начал снова предлагать мне наркотики. Я продолжал ходить к нему и покупать ещё и ещё. Я даже отдал ему в качестве имущественного залога дорогие лыжи, а потом пообещал принести ему гитару под залог, что было полной ложью для того, чтобы продолжать брать у него белый порошок, потому что у меня не было ни денег, ни гитары. Я думал, что Грэг упадёт в обморок, проспит пять дней и не будет меня доставать.

Вечеринка, наконец, подошла к концу, и я отключился в угловатом состоянии дискомфорта. Проспав несколько часов, я услышал громкий стук в дверь. Это был Грэг, и он хотел получить свои деньги. Я думал, что если я не открою дверь, он уйдёт, я мог перетерпеть его. Но нет. Он продолжал периодически приходить, всё сильнее ударяя в дверь. В итоге я услышал звук, ломающегося дерева. Я посмотрел со своей кровати и увидел большой топор, прорубавший насквозь мою красивую толстую деревянную дверь. Хмм. Нехорошо. Я подумал, что я мог остаться прямо здесь в кровати, и он ворвался бы и разрубил меня этим топором, потому что у меня не было денег и гитары под залог, или я мог обвинить его, попробовать перевернуть всё с ног на голову и сохранить шанс на выживание.

Я подлетел к двери, распахнул её и закричал: “Ты ублюдок! Смотри, что ты сделал с моей дверью!”

Воздух, казалось, вышел из этого разгневанного кокаинового друга. Он посмотрел на дверь, а потом на меня и сказал: “О, Господи, прости меня, пожалуйста. Я почию эту дверь прямо сейчас”.

Я решил использовать своё преимущество. “О чём ты думал?”, - спросил я, - “Теперь ты должен мне деньги за это”.

Грэг выглядел запутанным: “Нет, это ты должен мне деньги”.

- Должен тебе деньги? Посмотри, что ты сделал с моей дверью, друг мой. Я думаю, мы просто должны разойтись полюбовно.

- Я не знаю... Я должен все эти деньги моему поставщику...

- Слушай, оставь себе лыжи. Проваливай отсюда, ты уничтожил мою дверь.

Грэг развернулся и ушёл как щенок с топором в руке. Большая доска была вырублена из моей двери, и можно было заглянуть прямо ко мне в квартиру, поэтому я взял немного картона и заделал её. А потом я снова лёг спать.

К сожалению, это был типичный день в Заставе. Многие мои дни проходили рядом с Бобом, когда мы ночью принимали наркотики, просыпаясь на следующий день без денег и собирая по углам девяносто девять центов, чтобы спуститься вниз и купить кусок пиццы.

Фли больше не участвовал в нашем безумстве. Когда мы ещё жили в Ла Лейенда, он прочитал о группе Minor Threat из Округа Колумбия, которые провозглашали анти-наркотическую философию в своей песне Straight Edge. Фли был настолько деморализован и доведён до отчаяния всеми этими наркотиками, которые мы принимали, что вырвал страницу с их стихами из журнала, побрил голову и попробовал следовать этой анти-наркотической философии. Это не удерживало его, но действительно остановило в дальнейшем движении вниз. Он выровнялся и принимал намного меньше наркотиков, тогда как мы с Бобом потеряли контроль. Однажды в Заставе я принимал кокаин и спид, и у меня всё закончилось. Но приходит момент, когда хочется принимать хотя бы что-то, даже если ты под кайфом, просто чтобы начать всё снова. Кто-то дал мне дозу кислоты, а у меня была бутылка водки, поэтому я взял кислоту, положил её на ложку, налил туда немного водки, растворил эту густую кислоту так хорошо, как мог, и принял ЛСД, смешанный с водкой. Это было впервые, когда я получил кайф от кислоты в первую же секунду. А вместо вкуса героина, кокаина или спиды, на задней стенке рта был вкус водки.

Когда-то в то же время я снова начал употреблять китайский героин. Я помню, как тратил все свои деньги на кокаин и лежал в постели, не в состоянии спать. Я звонил Дженнифер в Вэлли и просил её прийти и позаботиться обо мне, что означало принести мне немного денег, чтобы мог достать героин для успокоения. Обычно было четыре утра, и Голливудский Бульвар был мертвецки спокоен, а я был пустой душой, лежащей на матрасе в ожидании звука её MG. Я настолько сильно хотел наркотиков, что мог слышать этот отличительный звук её машины, когда она съезжала с трассы за десять минут до её появления. И она давала мне двадцать, сорок или шестьдесят долларов, столько, сколько у неё было. У неё тогда не было проблем с наркотиками, поэтому она была рядом, чтобы спасти меня. Это была нашей постоянной процедурой, я слушал, когда подъедет машина, и наступало это ощущение абсолютного облегчения, когда я знал, что она паркуется внизу.

К тому времени мои наркотические авантюры начинали отражаться на группе. Я пропускал репетиции, потом шёл на некоторое время в AWOL, и я начинал отдаляться от Фли. У нас был контракт на запись и много работы, а я лежал на полу в моей квартире в Заставе, завёрнутый в какие-то одеяла, после несчастной ночи приёма наркотиков, стараясь заснуть. Однажды я был как раз в такой ситуации, и в дверь постучали. Это был Фли. Он вошёл в комнату, где царил запущенный беспорядок, и посмотрел на меня: “Энтони, вставай!”.

Я сел.

- Я не могу больше справляться с тобой. Ты слишком испорчен. Я должен уйти из группы.

Я проснулся, потому что это было не то, что я ожидал от него услышать. Я думал, ты скажешь: “Чувак, ты не в порядке, мы должны поговорить о том, чтобы ты больше не принимал так много”. Но когда он сказал, что он должен уйти из группы, все мои клетки затряслись, и я был в ужасе. Это было первое ощущение того факта, что я мог разрушить созданную нами мечту об этой удивительной фанк-группе, которая танцевала, излучала энергию и секс. Я больше всего хотел быть в этой группе с Фли. Но как мне донести это до него? И вдруг мне в голову пришла идея.

“Фли, ты не можешь уйти”, - умолял я, - “Я собираюсь быть Джеймсом Брауном (James Brown) восьмидесятых”.

Ну как он мог спорить с этим?

6. "Красные и горячие"

После того, как мы подписали контракт со звукозаписывающим лейблом, Фли и я сделали офисы ЕМІ нашим домом вне дома. Немного людей там относились к нам хорошо, и у нас было определённое чувство, что если бы там был избранный круг групп на их лейбле, мы бы не были в нем, а были бы оставлены на его дне. У нас даже были проблемы с проходом мимо охранников на главном входе. Каждый раз, когда мы шли туда, мы проходили мимо огромного Роллс-ройса, припаркованного у входа. Мы спрашивали, чья это машина, и они отвечали: "О, это машина Джима Мазы (Jim Mazza). Он глава компании". И когда бы мы ни просили о встрече с ним, нам всё время говорили, что нам не стоит этого делать. Он не занимался каждодневным ведением дел каждой группы. Я могу вам гарантировать, что он даже не знал, что группа Red Hot Chili Peppers вообще существовала на его лейбле.

Однажды Фли и я пошли туда днём, и Джэйми Коэна (Jamie Cohen), который и подписал нас на лейбл, не было на месте. Мы потребовали увидеть босса, и его секретарша вышла и сказала: "Его нет сейчас. Он на очень важном собрании правления со всем персоналом ЕМІ International. Они все туда ушли".

Мы с Фли выглянули за угол, посоветовались и решили, во что бы то ни стало, привлечь к себе внимание в ЕМІ. Мы пошли в небольшую ванную, разделись и направились прямо к двери, за которой проходило собрание. Мы ворвались туда, запрыгнули на стол, бегали туда-сюда, орали и бесились. А потом мы обернулись и поняли, что на собрании были не просто люди. Это была целая интернациональная команда ЕМІ со всего мира. И у них были эти их дипломаты и бумаги, и графики, и таблицы, и ручки с карандашами, а мы всё это разнесли к чертям. Когда всё успокоилось, мы спрыгнули со стола, выбежали из комнаты и с трудом надели трусы, отбиваясь от охранников, которым сообщили о нашем вторжении.

Мы рванулись вперед как две капли ртути и смылись от охраны через парковку и вверх по Голливудскому бульвару, после чего мы примчались в Уэдлз парк. Там мы присели и забили огромный, толстый косяк зелёной Гавайской травки, чтобы отметить то, что мы дали знать ЕМІ, кто мы такие. Где-то на половине косяка, меня начало хорошенько забирать.

"Хорошая была идея, правда?", спросил я Фли "Но вдруг они вышибут нас с лейбла? Им всё это явно не понравилось. Ты только подумай, как они на нас орали. О боже, что если у нас никогда больше не будет контракта?". Когда нас отпустило, мы позвонили Линди (Lindy Goets, менеджер RHCP) узнать, не выкинули ли нас ещё.

Но это всё в результате по-тихому развеялось, и мы готовились к записи нашего первого альбома. Джэйми и Линди хотели знать, кого мы хотели видеть в роли продюсера альбома. Фли и я без сомнений предложили Энди Гилла (Andy Gill), гитариста Gang of four. Их первый альбом Entertainment вдохновил меня снова начать танцевать, когда я жил с Донди (Donde). Их музыка была такой уг-

ловатой, жёсткой и резкой, воплощением такого художественного английского фанка. И лирика Гилла была великолепной и социополитичной. Но всё указывало на то, что они не воспринимали себя слишком серьёзно.

Линди связался с менеджером Гилла, и Энди согласился нас продюсировать, и мы считали это своей победой. Когда мы встретились с ним, и он сделал нелестные комментарии к своей предыдущей работе, нам нужно было заметить дурное предзнаменование. Но мы начали предпродюсирование альбома в студии SIR на Санта Монике прямо рядом с Вайн, в паре кварталов от нашего с Дженифер нового дома. У меня было немного денег, Дженифер продала её MG, и мы наскребли вместе достаточную сумму, чтобы снять маленький домик на проспекте Лексингтон. Это было в довольно gnarly районе Голливуда, который приютил всех возможных проституток: от транссексуалов до маленьких мальчиков.

Энди Гилл начал работу над предпродюсированием с Клиффом, Джеком, Фли и мной, но для меня это ни черта не значило. Я вообще не врубался, какого хрена этот продюсер делает? Это была странная, некомфортная для меня ситуация, и это давление реально начало влиять на меня. Я уходил в ужасные наркотические разгулы, окончательно исчезая целыми днями. В основном я принимал кокаин, потому что у меня была пара неплохих кокаиновых дилеров. Боб Форест (Bob Forest) познакомил меня с парнем, который играл в известной рок-группе в Л-А. Он жил в огромной высотке в Голливуде. Я был таким жуликом и хитрецом, что он наотрез отказывался даже подпускать меня к своей квартире. Когда я приходил, он скидывал с балкона банку на веревке, куда я должен был положить деньги. И только после этого он сбрасывал мне кокаин. Но самым надёжным источником кокаина операция на парковке рядом с торговым центром. Кто-то сказал мне, что когда ты паркуешь свою машину, тебе лишь нужно сказать: “Мне нужен билет, - или – Мне нужно полбилета”. Это был код к покупке кокаина. Я ходил туда утром, днём и вечером и употреблял кучи таких “билетов”.

Ко всему прибавился и героин. Дженифер ненавидела меня, когда я принимал кокаин, потому что я исчезал, вёл себя странно и не был самым тёплым и доступным человеком. Она не боялась врезать мне, орать и набрасываться на меня. Но однажды вечером мы были в клубе Power Tools на окраине города, и я побежал к Фабу (Fab), который недавно переехал в огромный чердак дома в квартале от клуба. Мы пришли к нему, и он продал мне маленький, крошечный, миниатюрный микро-пакетик сильнейшего китайского героина, такого сильного, что его даже не нужно было вкалывать.

Мы вдохнули немного, и это было, как нырнуть в небо. Дженифер это понравилось, мы пришли домой и занимались сексом двенадцать часов подряд. Это было началом нескончаемой героиновой, сексуальной карусели, в которой она и я приняли участие. Но этот первый кайф – это чувство, которое вы обречены искать всю свою жизнь, потому что, когда принимаешь в следующий раз, это хорошо, но всё же не так. Тем не менее, китайский порошок был очень дешёвым и казался таким безвредным. Это не было вроде того, что я был на улице, занимаясь странным дерьмом, или вкалывая иглы в руки, оставаясь в итоге с сотнями ушибов и каплюющей повсюду кровью. Это казалось гораздо более изящным, тусоваться на этом чердаке среди картин, французов, вдохнуть немного и чувствовать эйфорию.

Это длилось и длилось, и когда ты просыпался утром, у тебя ещё было в кармане немного денег. Китайский порошок был очень лживым организмом. Сначала он показывал тебе рай, но не показывал ад.

Дженифер и я начали принимать больше героина, но я всё ещё продолжал свои маниакальные кокаиновые разгулы. Когда я мог, я крал новую машину Дженифер, старое такси, которое она называла Цирковой арахис (Circus Peanut), потому что он был цвета тех зефирных конфет. А когда я не мог, мне приходилось идти пешком к моему новому дилеру, писателю, который жил в паре миль от меня. Он занимался и героином, и кокаином, что было довольно удобно для меня. Но у меня с ним не было хороших сделок, с тех пор как он тоже стал принимать. И конечно, я сам был таким клиентом с шилом в заднице, который всегда будил его или просто тормозил, пока он меня не впустит.

Однажды я принимал кокаин у него, но я настолько обезумел, что он вышвырнул меня вон. Я всегда был скрупулёзен по поводу использования стерильных шприцов и стерильной ткани, когда начинал принимать, но сейчас мне было всё равно. Если было нужно, я использовал шприц, который находил на улице. Вместо стерилизованной ткани я использовал часть носка или чаще фильтр от сигареты. Сначала я пользовался только стерилизованной водой из источников, чтобы рассветить порошок, но тогда я просто открывал крышку бачка в туалете, искал разбрызгиватель для газона или даже лужу.

Это сумасшедшее поведение начало вторгаться в мою профессиональную жизнь. Я стал пропускать репетиции и сессии записи. А потом я даже начал пропускать некоторые концерты, включая большое панк-рок шоу в Olympic Auditorium на окраине города, где мы играли с нашими друзьями The Circle Jerks и Suicidal Tendencies.

Я ушёл в разгул за пару дней до этого. И когда день шоу пришёл, я не мог остановиться принимать. Я всё говорил себе: “О’кей, это последний грамм, который я приму, а потом я поеду на шоу”. То, что я так подвёл группу, было самым мучительным чувством, которое у меня когда-либо было. Но Кейт Моррис (Keith Morris), мой друг из The Circle Jerks, заменил меня. Он пел одну и ту же строчку, “Ты получаешь то, что видишь” (“What you see is what you get”), в каждой песне. И это был не единственный раз, когда я пропускал концерт, потому что я постоянно принимал. Мы играли одними из первых в Long Beach, и я был никакой, поэтому подростков из толпы пригласили спеть вместо меня. А в другой раз пел брат Линди.

Мы решили записывать альбом на студии El Dorado, который был прямо в Голливуде, на Вайне. El Dorado была классической старой голливудской студией с отличным старинным оборудованием. На роль инженера мы наняли Дэйва Джердэна (Dave Jerden), легко идущего на контакт, опытного и знающего человека за микшерным пультом. Энди Гилл был далеко не таким, каким мы его представляли. Он был доступным, но был и очень английским, полуотстранённым, абсолютно умным, но безбашенным. Мы были теми агрессивными, изменчивыми индивидуалистами, а теперь рядом был этот мягкий английский парень в красивых брюках. Даже, несмотря на то, что нам всем он нравился, и он был заинтересован в нас, он не становился нашей правой рукой. Он, конечно, не разделял нашу

музыкальную эстетику и идеологию. Они находились как бы ниже него. Он уже был там, делал это, это было отлично, но давайте двигаться дальше, идти куда-то ещё. А мы думали: “Куда-то ещё? Это то, кем мы являемся!”. Поэтому было небольшое напряжение.

Однажды я заглянул в блокнот Гилла, и рядом с песней Police Helicopter он написал “дерьмо”. Я был уничтожен тем, что он отклонил её как дерьмо. Police Helicopter была бриллиантом в нашей короне. Она воплощала дух того, кем мы были, это было движущей, колющей, угловатой, шокирующей атакой звука и энергии. Чтение его заметок закрепило в наших головах мнение: “О’кей, теперь мы работаем с врагом”. Это стало как бы “он против нас”, особенно против Фли и меня. Создание этого альбома стало реальной битвой.

Стилем Энди было создать хит любой ценой, но это было такой ошибкой иметь какой-либо план. Он должен был всего лишь сделать нас лучшей группой, какой мы могли быть. Мы создавали все эти реально красивые, жёсткие, интересные мелодии, а он говорил: “О, нет, нет, вы никогда не попадёте на радио с такой музыкой”. Мы отвечали: “А ты что думаешь? Мы не делаем это, чтобы попасть на радио”. Он говорил: “А я делаю. Я стараюсь, чтобы что-то здесь могло попасть на радио”. Джек Шерман (Jack Sherman) также не разделял нашу с Фли точку зрения. Он был новичком в группе и гораздо больше сотрудничал с Энди, чем Фли и мной, для получения этого чистого, подходящего для радио звука.

Если эти двое объединились, это было из-за того, что Энди видел Джека в качестве своей марионетки, которую он мог контролировать в студии. Мы всё время спорили о звуке гитары Джека. Энди пытался смягчить его, а мы сделать безбашенным. “Это слабо, мягко и хрупко, а это панк-рок песня, и звук должен быть грязным и жёстким”, кричали мы.

Часть нашего расстройств, связанного с Джеком было то, что он был отполированным гитаристом, у которого не было панк-рок происхождения. Плюс к этому он был таким аккуратным в отличие от Фли и меня. Однажды Джек готовился играть в студии, и я пришёл туда рано. У него в руках была маленькая тряпочка, которой он мягко чистил гриф своей гитары. А потом он полез в свою древнюю докторскую сумку со всяким барахлом и достал оттуда то, что выглядело как освежитель воздуха. И он начал ловко разбрызгивать спрей по грифу своей гитары.

- Что это, чёрт возьми, такое? Что ты делаешь со своей гитарой? - спросил я.

- О, это Fingerease. Он помогает пальцам легче скользить вверх-вниз по грифу, - сказал он.

Я привык к Хиллелу (Hillel), который играл так жёстко, что его пальцы начинали отваливаться. Он знал, что вечер удался, если его гитара покрыта кровью. А здесь был этот парень, который по-пидорски разбрызгивал спрей на свой гриф, чтобы пальцы легче скользили. Я начал подкалывать его: “А у тебя есть Fingerease? Выходя из дома, не забудь свой Fingerease.” А он ответил: “О, да ты неверное и не знаешь, что такое уменьшенный септаккорд”.

Первые пару дней на студии всё было прекрасно. Но скоро я понял, что Энди рассчитывает на звук, который нам никак не подходил. В конце сессий записи Фли и я буквально вырывались из студии в аппаратную, сворачивали все регуля-

торы на пульте и орали: “Иди на хрен! Мы тебя ненавидим! Это полное дерьмо!”. Энди всегда был абсолютно спокоен. А Дэйв Джердэн был как одна из тех кукол с кивающей головой на заднем сидении машины: “Мы должны слушать Энди. Мы должны слушать Энди”.

Мы записали некоторый лёгкий материал тоже. Однажды вечером в студии мы были в середине горячего спора с Энди, когда Фли сказал: “Ладно, подождите. Мне нужно выпустить из себя моё большое блистательное дерьмо”.

- О, да. Обязательно принеси это потом мне, - сказал Энди шутливо.

- О’кей, - ответил Фли.

- Я не забуду, что ты пообещал, - сказал Энди.

Я вышел вместе с Фли из комнаты. И всю дорогу в ванную мы говорили: “Давай на самом деле принесём ему дерьмо”.

Итак, Фли облегчился, и мы положили это в пустую коробку из-под пиццы, которую нашли в студии. Мы побежали обратно по коридору и принесли эту дерьмовую пиццу Энди.

Он просто закатил глаза и сказал: “Как предсказуемо”.

По сей день Фли указывает на тот случай чтобы показать, почему мы были такой хорошей группой: потому что принесли дерьмо Энди Гиллу.

Я, конечно, помню взрывы счастья того периода. Новые песни, такие как Buckle Down, True men, Mommy, Where’s Daddy и Grand Pappy DuPlenty, все звучали волнующе и великолепно. Но я был ужасно расстроен, когда услышал финальные миксы Get Up and Jump, Green Heaven и Police Helicopter. Все эти песни звучали так, как будто они были пропущены через стерилизующую машину Goody Two. Когда мы играли их, они звучали так жёстко, а тогда они звучали как попсовая жвачка.

Всё это давление повлияло на Дейва Джердэна, он лечился от язвы желудка и пропустил неделю работы. Потом Энди пришлось лечь в клинику, чтобы удалить раковую опухоль. Пока он был в госпитале, Фли и я пытались уговорить Дейва Джердэна переделать альбом, но он не пошёл на это.

Альбом был выпущен, но не особо хотелось это отмечать. Я чувствовал, что мы приземлились между двух вершин в аллею компромисса. Мне не было стыдно за него, но его нельзя было поставить рядом с нашей демо-записью. Нашей реакцией было: “О’кей, это наш альбом, и давайте двигаться дальше”. Особенно после того, как я прочитал первый обзор. Я взял ВАРМ, маленький музыкальный журнал из Bay Area, и они просто убили альбом. Меня это очень ранило, но я осознал, что иногда людям нравится, иногда – нет. Я не мог придавать слишком много значения тому, что журналисты говорили о нашей музыке. Потом у нас был совершенно отвязный обзор в одном из первых выпусков журнала Spin, то есть мы получили инь и янь в музыкальных обзорах. В любом случае, о нас написали хоть где-то кроме раздела L.A. Dee Dah.

Прямо перед выходом альбома, мы позировали для нашего первого постера. У нас уже были фотосессии в носках до этого, и она было неизвестной, но это был наш первый официальный промо-постер. Перед фотосессией я взял маркер и стал рисовать на груди, животе и плечах Фли. Это были просто линии, загогулины и точки, но это смотрелось отлично. Тогда мы часто носили всякие безумные шля-

пы, но пришёл Клиф (Cliff), и он обставил нас всех. У него была огромная маска, с большой шляпой и такими перчатками, что невозможно было увидеть ни дюйма его кожи. Он выглядел как покрытый тканью робот. Потом Фли обнял мою голову и мы сделали этот постер.

Мы вели себя перед камерой как придурки на всех снимках. Группа родилась в эру, когда позёрство, статичность и симпатичная мальчуковость была повсюду. Все старались выглядеть так красиво, насколько это возможно, делая при этом худую и пустую музыку. А мы были анти ко всему, что было популярно. Поэтому вести себя как придурки и корчиться было нашим естественным ответом всем этим людям, объявляющим себя совершенством.

Мы также сняли первое видео. Enigma\EMI дали немного денег, и мы наняли Грэхэма Уиффлера (Graham Wiffer), который снял клипы для этой странной группы из Сан-Франциско The Residents, которую мы очень любили. Он создал видео для True Men Dont Kill Coyotes. Мы пришли и провели восемнадцатичасовой день съёмок, выскакивая из-под сцены сквозь норы в песке, потому что какой-то фермер поливал своё кукурузное поле. Мы полностью пожертвовали своими телами. Если нужно было десять раз подряд переклинивать своё тело, мы делали это. Я помню, как на следующий день ходил и чувствовал себя столетним. Мне нравилось видео, хотя было странно смотреть на некоторые вещи и видеть Джека Шермана вместо Хиллела.

Наверное, неделю спустя после выхода альбома, без моего ведома, Фли позвонил Джонни Лидону (Johnny Lydon) из Sex Pistols и пригласил пройти прослушивание на роль басиста его новой группы Public Image. Фли спокойно пошёл и прошёл прослушивание, не так как это было на его прослушивании для Fear, когда он играл в What Is This. Прослушивание для Public Image прошло хорошо, и его сразу выбрали. Затем он посоветовался с Хиллелом, как это было со мной, когда его хотели получить Fear. Они послушали обе группы, и Хиллел спросил Фли, хотел ли он всего лишь помогать Линдону играть или хотел быть креативным звеном чего-то нового. Фли решил остаться с нашей группой. Спасибо Богу за это, потому что тогда я был рваной тряпичной куклой человека. Я уверен, что Фли постоянно думал: “О, Господи, я не могу полагаться на этого уродца. Он умирает здесь, покрытый следами уколов. Черный и синий с головы до ног. Угоняет машины, пропадает, садится в тюрьму. Просто долбаный псих. Как я могу мириться с этим?”.

Однажды у нас должна была быть репетиция, но я не пришёл. Джеку Шерману не терпелось чем-то заняться, но Фли сидел с басом на коленях и опущенной головой.

- Эй, давай сделаем что-нибудь, - сказал Джек.

- Заткнись, - прорычал Фли.

- Что с тобой? Чем ты так расстроен? Почему мы не можем заняться делом? – жаловался Джек.

- Если бы твой друг мог умереть в любую минуту, ты бы тоже был расстроен, - сказал Фли.

Я не слышал о такой его реакции. Тогда давно, насколько я помню, Фли никогда не выражал ничего подобного по отношению ко мне. Когда бы мы ни гово-

рили об этом, никогда не было ничего такого: “Я волнуюсь за тебя. Я думаю, у тебя могут быть проблемы, или ты можешь подвести себя к тому, что умрёшь молодым”. Всегда было так: “Я не могу так. Ты просто оставил меня. Мне нужен тот, на кого я могу положиться”. Я думал, что он был больше похож на Джека и не воспринимал себя хранителем своего брата, а целенаправленным профессионалом, которому было нужно надёжное сотрудничество.

Альбом был выпущен летом, и чтобы продвинуть его, мы запланировали поехать в Нью-Йорк и сыграть на Новом Музыкальном Семинаре СМЖ, который являлся самым важным событием для раскрутки альтернативных групп.

Я практически не мог играть в Нью-Йорке, не из-за кокаина и героина, а потому что злоупотреблял другим наркотиком – алкоголем. Я был дома в Мичигане на ежегодном летнем визите. Я привёз с собой Дженифер, которая приехала со своей обычной причёской канареечно-жёлтого цвета с розовыми перьями, торчащими из головы. Когда я представил её своей семье, они не знали, как к ней подойти. Она была похожа на гигантское поле цветущих нарциссов. И первым, что она сделала, было то, что она пошла прямо на персиковое поле за домом и построила вигвам. Я думал, она хотела построить игрушечный вигвам, но у неё была эта законная страсть к исконной американской культуре, поэтому она провела весь день и часть ночи в лесу в поисках прутьев для вигвама. Я не знал, взяла ли она материал с собой, потому что у неё всегда были с собой сумки полные вещей и рваной ткани, но она закончила строительство пятнадцатифутового в высоту добротного вигвама, который выстоял следующую резкую мичиганскую зиму.

До того, как я уехал из Лос.-А, я принимал гораздо больше героина, чем хотел бы. Я начал вводить эти правила, что я буду принимать всего раз в неделю, потому что, если ты сделаешь это больше одного раза в неделю, ты будешь в опасности быть битым с ног. А потом это было вроде того: “Я сделаю это дважды на неделе, но я не буду делать это всю следующую неделю”. Подходит третий день, и ты думаешь: “Я просто буду делать перерыв на день между двумя днями, когда я принимаю, потому что так я никогда не протяну ноги”. А потом это было так: “Если я сделаю это два дня подряд, а потом не буду два дня, а потом только один день буду это делать, я не протяну ноги”. Я проигрывал эту битву.

Тем временем Дженифер отлично подружилась с моими сёстрами. Моя мама понятия не имела, что и думать об этой симпатичной, сумасшедшей птичке. Конечно, как и все мамы, она не осознавала, что самой сумасшедшей птицей в доме был её собственный сын. Однажды вечером мне было плохо, потому что у меня закончился мой крошечный запас наркотиков, который я взял с собой. Интуитивно я знал, что мне нужно было лекарство, чтобы снять боль, поэтому я оставил Дженифер дома с моей мамой и встретился с моим другом Нэйтом (Nate), который был в баре с кучкой прямых и скрытных парней со среднего запада. Они все были одинаково одеты, пили то же самое, они водили одинаковые машины, работали в похожих местах и жили в одинаковых домах. И они много пили. Алкоголь никогда не был моим наркотиком номер один, два и даже три. Я пил регулярно, я просто никогда не мирился с происходящим. Но мне было плохо, и я плыл по течению в этом баре, который был безумным и кривым, без особого духа. Так я начал пить пиво из чего-то, похожего на большое ведро для попкорна. Я пил

и пил там со всеми, и мы напивались, и это срабатывало для меня, заменяя все те запасы, которые у меня закончились. Я думал, всё было нормально, но я даже не знал, насколько меня унесло.

Дорога обратно к дому моей мамы занимала около двадцати миль по прямой загородной дороге. Я никогда не надеваю ремни безопасности даже сейчас. Но тогда, когда я прощался с Нэйтом, я, шутя, придавал ремню огромное значение. Итак, я вдавил педаль в полфургона Субару моей мамы, что понесло меня со скоростью 80-90 миль в час. Я реально уставал и начал засыпать и резко вздрагивать от этого. Так было несколько раз, и потом я решил, что просто закрою глаза не секунды. Я был так пьян, что мои силы угасли.

Я отрубился, и машина выехала на встречную линию, скатилась в кювет, врезалась, и в тот момент я очнулся и увидел огромную стену деревьев передо мной: “Деревья? Какого...”. Бум – машину сплющило о ствол вяза, и двигатель уже был рядом со мной на сидении водителя, а руль сломался и попал мне в лицо. Я бы остался там без сознания и в крови неизвестно насколько, если бы не тот факт, что один человек издалека услышал аварию. По счастливой случайности этот человек был парамедиком, у которого, как оказалось, на дороге стояла машина реанимации.

Через несколько минут мы позвонили пожарникам, они приехали, вытащили меня из машины и спасли мне жизнь. Парамедики кружили вокруг меня, спрашивая, кто был президентом страны. Я отвечал на все вопросы отлично, хотя и не понимал, почему они проверяли меня на предмет повреждения мозга. Я не осознавал, что вся моя голова широко раскололась, и я напоминал тарелку спагетти с фрикадельками.

Меня, сломя голову, повезли в ближайший госпиталь, и моей бедной маме сообщили обо всём. Она была дома и помогала своему мужу Стиву восстановиться после четырёхэтапной общей операции. Но уже через несколько минут моя мама и моя сестра Дженни входили в операционную. Они смотрели на меня как на привидение. Я спросил, могу ли я воспользоваться ванной, и медсёстры неохотно позволили мне это. Я пошёл прямо к зеркалу, и из него на меня смотрел Человек - слон. Моя верхняя губа настолько распухла, что почти покрывала мой нос. Мой нос выглядел, как миска с цветной капустой, распластанная по всему моему лицу. Мой левый глаз был полностью закрыт, но выглядел так, как будто в нём застрял бильярдный шар. И повсюду была кровь. Я постоянно думал: “О, боже, я никогда снова не буду выглядеть как человек”. Я мог видеть только одним глазом, но я видел достаточно, чтобы узнать, какой была другая часть моего лица, если это можно было назвать лицом.

Я пробыл в госпитале неделю, принимая Петкодан (обезболивающее) каждый день и явно перевыполняя план по его приёму, полюбив этот новый заменитель героина. Доктор в итоге разгадал мою игру и запретил мне эти препараты. Спустя несколько дней, буря утихла, и меня вылечили от переломов. У меня был сломан череп, глазница, была раздроблена околоорбитная поверхность, тончайшая кость, поддерживающая глаз. Пластическому хирургу пришлось работать с фотографией, которую принесла моя мама. Но с помощью небольшого количества титана и Тефлона он вернул меня к моему привычному образу.

Я позвонил Линди, извинился и сказал, что, вероятно, не восстановлюсь к СМТ шоу. Но Фли спросил, смогу ли я выступить. Тогда на мне была специальная маска, которая выглядела довольно круто, так что мы решили, что я буду выступать в ней. Дженифер сделала для меня фиолетовую футуристическую, угловатую ковбойскую шляпу, итак я сел в самолёт с маской на лице, в фиолетовой ковбойской шляпе и в моей кожаной куртке с чашками (его знаменитая куртка с чашками на плечах). Группа сыграла как нельзя лучше на этом выступлении. Я помню, как я нервничал, боялся, ужасался и заводился, и это было впервые, когда я осознал, что мне нужно каким-либо образом взять этот адреналин и этот страх, и эти мысли и воплотить их в выступлении. Это было то чувство, которое осталось со мной на всю жизнь, потому что я уже не испытываю всего того перед шоу, я уже не так волнуюсь.

После шоу Фли и я ворвались в медиа-комнату MTV. Джордж Клинтон (George Clinton), Мадонна (Madonna), Лу Рид (Lou Reed) и Джеймс Браун (James Brown) были на съёмках, но Фли и я заняли место для интервью. Это было началом нашей обычной рутины “двуглавого монстра”; в отличие от других групп, у нас не было единственного человека, который бы говорил. Мы были двумя крикунами с самого начала, когда сидели на одном стуле и делили один микрофон. Это то, что со временем, к сожалению, рассеялось, потому что мы с лёгкостью поддерживали друг друга и настраивали друг друга, заканчивая предложения друг друга как можно лучше. Странное чувство соревнования, которое всегда было между нами двумя, не мешало нашей единственной цели тогда. Мы просто были счастливы быть в центре внимания и делиться этим. Я думаю, что это плохо, если симбиоз пропадает со временем. Это грустно. Мы приходили в клуб Zero довольно рано и представлялись людям именами Внутри и Снаружи. И мы начинали эту фишку Эбботта (Abbott) и Костелло (Costello): “Я Снаружи? Я думал, я Внутри”. “О, я снова Внутри?”. Мы спали рядом на ж\д вокзалах. А сейчас вы не увидите нас, живущими в одном доме.

Мы чувствовали себя самой великой и успешной группой в мире. Мы не считали группы, продавшие много альбомов и игравшие на стадионах, более успешными, чем мы. ЕМТ был разочарован нашими продажами, и когда они сказали нам, что наш альбом не продавался, я ответил: “О’кей. А в чём проблема?”. Я не был одним из тех парней, которые вырастали с мечтами о золотых альбомах. Для меня моя была здесь передо мной: гастроли по Америке в синем минивэне Шевроле. Каждый раз, когда мы играли, приходили люди, им было не всё равно, мы зажигали для них и отдавали для этого всё.

Ничто не может описать, каким неподготовленным я был для всего этого. Линди сказал: “Мы едем в тур”. И мы ответили: “О’кей. Куда мы едем?”. Именно тогда мы встретились с Трипом Брауном (Trip Brown), нашим первым музыкальным агентом. Я даже не знал, что такое музыкальный агент, но оказалось, что кроме менеджера, нужно иметь ещё другого чувака-пронюру – не то чтобы наши парни были пронюрами, но, вобщем-то, они из рода пронюры. Итак, Трип подписал нас на этот тур, который состоял из шестидесяти концертов по всей Америке за шестьдесят четыре дня. Нам даже в голову не приходило сказать: “Эй, так много концертов и без выходных!”.

Перед отъездом, группа купила красивый синий, с белыми полосками, минивэн Шевроле. Линди получил его от церковной группы, он был большой и мощной полноприводной тачкой, от которой срывало крышу. Несколько раз, когда Линди давал мне сесть за руль, я почти взлетал. Боб Форест вёл минивэн на наш первый концерт в Детройт. Боб был талантливым автором песен и артистом, но он предложил сопровождать нас в дороге, поэтому мы наняли его. Но Боб за рулём нашего минивэна на дорогах страны это не так просто, как кажется. Это был парень, который не мог накопить и пяти долларов. Он случайно растрачивал любые деньги, которые ему давали, на самые бесполезные вещи, которые никак не были связаны с бензином, маслом или местом проживания. Поэтому по приезду в Детройт он был пьяной развалиной.

- Как так вышло, парни, что вы летели, а мне пришлось ехать? – спрашивал он.

- Потому что мы наняли тебя везти оборудование. Это твоя работа, - говорили мы ему.

И нам постоянно приходилось выслушивать от него: “Я, конечно, счастлив быть здесь, но идите на хрен, парни, я должен выступить”.

Наше первое шоу было в прекрасном старом месте, которое называлось St.Andrews Hall. Тогда мы проводили саунд-чек почти перед каждым шоу, если всё это было реально возможно. Джек был настолько дотошным, насколько можно. Он придирчиво указывал на каждую мыслимую проблему. “Этот шнур только восемь футов в длину, а должен быть двенадцать, потому что мне нужно стоять здесь и слышать нужный звук из моих мониторов, и мне нужно найти мой Fingerease, потому что в дороге струны стали сухими”. Мы были готовы сойти с ума и разнести это место, а он стоял там и протира лады на гитаре.

Мы начали проверять звук True Men, и, несмотря на то, что публики не было, я начал отрываться с первой ноты, просто чтобы настроиться. Должно быть, я сделал движение в танце так, что выдернул штекер или толкнул гитару, или толкнул его, или вырубил его педаль. Это было не специально, но он ушёл. Он ушёл со сцены и сказал: “Я не могу быть в группе, где так проходят саунд-чеки. Мне билет на самолёт до дома”. Линди сгладил всё это, и он сыграл тем вечером.

Джек обвинил меня в том, что я специально пытался выдернуть шнур из его педали. Но невозможно контролировать танец, ты крутишься как волчок. Я никогда не проявлял физическую агрессию по отношению к нему. Для меня и Фли неотъемлемой частью сценического опыта было испытать боль. То есть, если было больно, то это знак, что выступление было значимым. Если спускаешься со сцены с кровью на голове или теле, то ты выполнил свою работу, ты пошёл туда и выложился на все сто. Сцена – это сцена, это не место для ограничений. А Джек один раз даже провёл линию на сцене и сказал мне не нарушать его пространство. Но зачем отрезать себя от своего друга и музыканта духовно или физически?

Прямо в начале тура, я знал, что наши отношения с Джеком не сложатся. Мы набивались в синий минивэн, ездили из города в город, вообще не зарабатывая денег. Фли рвал струны на басу каждый вечер, а басовые струны довольно дорогие. И он сказал: “Я бы хотел обсудить кое-что в группе. Мне приходится мять струны на басу перед каждым концертом, это слишком много в день, и я ду-

маю, это должно быть общим расходом группы”. Джек затрезвонил: “Это не расходы группы. Ты выбрал этот инструмент. Я не буду скидываться на басовые струны”. Фли почти напал на него там в фургоне.

Во время тура случалось много странностей. Мы играли в Grand Rapids, и старый друг моего папы Алан Башара (Alan Bashara) был промоутером. Он организовал нам концерт в месте под названием Громовой Цыпленок (Thunder Chicken) где-то на окраине. Это была большая провинциальная лачуга, где обычно проходили концерты кантри или кавер-групп REO Speedwagon. Даже то, что вся моя семья и родственники были там, не останавливало нас в нашем привычном шоу. Тем вечером Фли выпил пару бутылок пива перед концетом, а также он не совладал с ликёром, поэтому прямо на сцене он вынул свой член из штанов. Это было не просто высунутым из штанов членом, это было восклицательным знаком в конце песни. Но родители закрыли детям глаза, и люди ринулись к выходу.

Мы уехали из города, и на следующий день в местной газете появилась статья с огромным заголовком: “ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ ТАКОЙ СЫН, Я БЫ ЕГО ЗАСТРЕЛИЛ”. Все местные резиденты христианской реформы говорили о том, насколько ужасными мы были, что мы были дьявольским семенем. Моя мама не оставила это просто так. Она ответила с горячим материнским сердцем и написала письмо редактору: “Вы не знаете моего сына. Он один из лучших людей на Земле. Его способность сострадать и помогать его ближнему выше всего, что вы делали в жизни. Я настаиваю на том, чтобы вы взяли назад все негативные слова, которые вы сказали о моём мальчике”.

Спустя пару недель в дороге, стало ясно, что Боб не был самым ответственным водителем в мире. Поэтому Линди нанял парня по имени Бен (Ben), и ещё один человек втиснулся в синий фургон. И Бен, и Боб получали что-то около двадцати долларов в день на еду, и Боб заключил с Беном сделку. Он отдавал ему половину его дневной зарплаты, если Бен выполнял все его обязанности в дороге. А оставшиеся деньги Боб тратил на пиво.

И наркотики. Каждый вечер мы по возможности что-то принимали. У меня не было героиновой зависимости, но была постоянная тяга к кокаину, особенно когда я был пьян. Спустя ещё немного времени в дороге, я превратился в радар по поиску наркотиков. Мы играли в каком-нибудь замшелом клубе, и я находил человека, который, по-моему, должен был быть дилером или хотя бы должен знать дилера. Люди, принимающие наркотики, найдут их по запаху даже в пустыне, если нужно. И они найдут кодеиновый сироп от кашля или человека, у которого есть рецепт на то, что лучше всего напоминает наркотик. Это странно, но я оставался в живых и очень хотел быть частью жизни, в то время как разрушал эту жизнь внутри себя. У меня была эта двойственность: убивать себя наркотиками, а потом есть действительно хорошую пищу, упражняться, плавать и стараться быть частью жизни. Я всегда двигался взад-вперёд на каком-либо уровне.

Иногда у нас были наркотики, но не было шприцов, чтобы вколоть их. Мы остановились на безумной окраине Кливленда однажды, и я ужасно не хотел выходить из мотеля, чтобы найти наркотики, поэтому я послал Боба. Прошёл час. Два часа. От Боба ни звука. Я вышел в ту страшно холодную ночь и спросил про-

хожего, где кто-нибудь может найти наркотики в Кливленде. Он направил меня в работающую всю ночь кофейню около трёх кварталов оттуда. Вдалеке я увидел неоновый свет, и это был маяк надежды. Я вошёл и осмотрел помещение. И точно. Там за одним из задних столиков сидел Боб в своём рваном пиджаке, со спутанными волосами и с двумя сумасшедшими большими чёрными девками.

Я подошёл к ним и увидел, что одна из этих огромных девок сидела по другую сторону стола. Похоже, она взяла Боб в оборот. Я подумал, что она выглядит как чёрный кливлендский трансвестит. Но потом я присмотрелся и увидел за всей этой помадой, ресницами и флуоресцентной одеждой серьёзную мускулатуру, и я понял, что она точно чёрный кливлендский трансвестит. А потом я увидел, как она вся была на Бобе, положила руку ему на член, соблазняя его. Я начал кричать: “Отвали от моего друга! Отвали от моего друга!”. Я уже был готов полезть в драку, но потом понял, что Боб улыбался, ему было хорошо. Они сидели там часами и покупали ему выпить. А мы так и не достали наркотики в ту ночь.

Но мы достали их в Чикаго. Мы играли в полном зале, и я вышел на сцену в колпаке палача, который я носил в клипе True Men. Затем я снял маску и нырнул в зрителей, в то время как пел. Группа отлично зажигала, а одна сексуальная, миниатюрная, клубная девочка, которая была безумно симпатичной, схватила меня, бросила к своим коленям, сдёрнула мои штаны-стретч и начала делать мне минет прямо там. Я оценил этот шаг, но у меня не было времени и намерения заниматься сексом именно тогда. Я хотел круто зажечь в этом месте.

Мы закончили шоу, и каким-то образом Боб сумел достать внушительное количество кокаина. Мы остановились в маленьком огороженном районе Travelodge в старой части города с колючей проволокой вокруг. Но нам было всё равно, потому что у нас был кокаин, таблетки и немного пива. Мы пошли к себе в комнату и начали принимать огромные количества купленного в клубе кокаина. Бедный Бобби постоянно был в кокаиновом психозе и постоянно говорил, как он должен остановиться, потому что полицейские вертолёты шли на посадку за окном. Он приклеился к окну, уверенный, что видит вертолеты. Я точно не помню, были ли вообще вертолёты, но если бы они были, им было бы наплевать на двух парней принимающих кокаин в Travelodge.

Боб просто обезумел и был готов побежать на стоянку и сдать полиции. Я пытался его успокоить. Он вроде собирался, но потом снова начинал: “Они идут. Они идут снова”. Он часами сжимался от страха, пока кокаин не закончился, как это обычно выходит. Потом мы проснулись в пять утра, и наш мозг требовал ещё допамина. Мы нашли немного выпивки, выпили и загнали себя в эту полусонную палату пыток, где птички Сатаны поют за окном. Это было далеко не весело. Одни из самых угнетающих ощущений, известных человечеству, приходят в этот утренний ад, когда кончается кокаин, и ты находишься в каком-то захудалом отеле, а солнце поднимается, и нужно куда-то идти. Несколько раз в том туре, я проводил эту ночь наркотиков и потом садился в фургон, спал на полу под сидениями всю дорогу до места концерта, а, когда нужно было вставать и как-то находить силы для шоу, чувствовал себя как восковая фигура с ядром из пенополистирола.

Прошёл месяц тура, когда мы приехали в Нью-Йорк, и для Боба это было слишком. Мы остановились в отеле Iroquois на Таймс Сквер, которая была в шаге

от роскошного отеля. Фли, я и Боб жили в одной комнате, и я пошёл к пожарному выходу, чтобы прорепетировать песни, потому что это был Нью-Йорк, и я на самом деле хотел сделать всё в лучшем виде. Я собирался показать в Нью-Йорке новый имидж: женская шапочка для купания, реально большие солнечные очки, мой привычная Пэйсли-куртка, и для этого шоу в клубе Pyramid надувной жилет, который я украл, когда летел в Детройт. В нужный момент, я включил патроны с углекислым газом и надулся.

Тем вечером у нас была самая фантастическая публика – смесь из оттягивающихся королев, хиппи, конченных наркоманов, готов и панк-рокеров. Мы зажигали и выполнили нашу миссию, а потом пошли на разные вечеринки. На следующий день мы собрались пред нашим отелем, рядом с фургоном. Мы должны были играть в Maxwell's в Хобокене, Нью-Джерси. Боб не спал всю ночь, и реально для него эта история подошла к концу. Он толкал свой чемодан на тротуар, ударяя ногами в землю, вопил и орал: “Со мной не будут так обращаться!”.

- Обращаться как? Ты ешь три раза в день, тебе дают жильё и платят. Бен делает всю работу за тебя, итак, всё, что тебе остаётся делать – только пить, а ты всё равно куда-то пропадаешь. Так как мы к тебе относимся? – спросили мы.

- Это всё насмешки. Разве вы не знаете, кто я? Я смогу ничего, если Бен будет здесь. Я уйду. Я уйду из этого из этого грёбанного тура, - сказал он.

- О'кей, отлично, а нам нужно ехать, в общем, увидимся в Лос.-А.

- Нет, я действительно больше не поеду с вами, настаивал он.

Нам стало порядком свободнее, когда он ушел. Мы всегда заботились о нём, наслаждались анархией его общества, но к тому времени, когда мы приехали в Нью-Йорк, это перестало быть веселым. Поэтому мы уехали и оставили его там. Он орал, кричал и шипел всё время, что мы уезжали. Мы поехали заканчивать наш тур, а он остался в Нью-Йорке и начал работать дилером наркоты, чтобы как-то жить, до возвращения в Лос.-А.

Когда принимаешь много алкоголя или кокаина, мышление становится искажённым и хочется делать много вещей, которые ты бы обычно не делал. Хотя не знаю, из-за наркотиков ли я спал с разными девушками более чем половину тура, пока любовь всей моей жизни была где-то в Лос.-А. В то время моей жизни у меня вообще не было морали. Даже притом, что я никогда не переставал любить Дженнифер, думал о ней каждый день и звонил ей при любой возможности, я легко ей изменял. Это стало импульсом. Если ты не ищешь женщин активно, ты теряешь этот импульс, и даже если ты передумываешь и думаешь, что не прочь, был бы заняться сексом, становится уже сложно. Но если это происходит каждый вечер, и ты в этой зоне, то это становится лёгким, особенно если ты в центре внимания. Это как раз то, чего я хотел на тот момент в моей жизни.

Это изменилось через несколько лет. В один момент эта энергия изменилась, и не нужно было усилий, чтобы заняться сексом с этими девушками, потому что я был в известной группе. Это и было моментом, когда я перестал хотеть заниматься с ними сексом. Когда мы были панк-рок группой, о которой никто не знал, я хотел завладеть вниманием людей и показать им, кто я. Это было весело, в этом был смысл, и я не видел в этом ничего странного. Конечно, я говорил Дженнифер, что я был верным, так что я не просто изменял, я ещё и лгал. Но я был бескон-

трольным, эгоистичным эгоманьяком, всегда хотевшим получить своё утром, днём и ночью.

Иногда требовалась хитрость, чтобы получить своё, особенно, когда нас селили хотя бы по двое в комнату. Нужно было быть изобретательным. Иногда можно было использовать ванную за сценой или комнату на вечеринке после шоу. Когда я жил с Линди, это было от случая к случаю, не было проблем. Однажды вечером я столкнулся с одной девушкой из Небраски. Это было иронично, потому что Небраска – кукурузный штат, а её лобковые волосы напоминали точную структуру кукурузного шёлка. В жизни встречаются много разных лобковых волос: густые, длинные, короткие, бритые, какие угодно. А у этой девушки рос чёрный кукурузный шёлк на лобке. Она была милой, кроткой, не девкой, не шлюхой, не какой-то девкой, слоняющейся за кулисами. Я привёл её в нашу комнату, а Линди был невозмутим. Он просто лежал в своей кровати, вставил затычки в уши, надел маску на глаза и отключился.

Иногда я объединял мою страсть к наркотикам и девушкам. Мы только что отыграли в Южной Каролине, и я был немного пьян, поэтому сразу отправился на охоту за кокаином. Бармен в клубе нашёл для меня полграмма, и я быстро с ним расправился. Поэтому я был бесконтрольно возбуждённым, когда одна толстая девушка подошла ко мне. У неё был где-то пятьдесят третий размер, с необычной короткой формой. Её талия была довольно большой, а её грудь была как огромные ракеты, которые располагались от локтей вверх до конца рук. Она была симпатичной, хотя вовсе не тот тип, на который я когда-либо западал. Но у неё был наш альбом, и она сказала мне, что я её любимый поэт всех времён. Она дала мне письмо, в котором среди прочего говорила, что мой член – это дельфин, а её киска – океан, и что я должен поплавать в этом океане. Она также написала, что поклоняется даже земле, по которой я ходил, и что она – мой слуга и сделает всё, что угодно для меня.

- Можешь найти для меня кокаин? – спросил я.

Конечно, она могла. Нам просто нужно было поехать в трейлер её дяди в соседний район. Мы приехали туда, там были пушки, пивные бутылки, сигареты, карты для покера, это было настоящий южный наркодилерский трейлер-парк-сообщество. Она достала кокаин, и мы пошли в её маленькую квартирку и сделали абсолютно всё. Когда закончился кокаин, вся одежда слетела с нас сразу же, и у меня был лучший секс в туре с наименее вероятным кандидатом. Потому что она не была типично сексуальной, не было давления, случилось то, что случилось. И мы занимались этим всю ночь с её большой, красивой, похожей на подушки грудью и её безумными экстра-большими формами. Всё время, что мы трахались, она говорила мне, что её мечта сбывалась и к тому же в самом лучшем виде. Позже я обнаружил, что она положила в письмо для меня двадцать таблеток кислоты, так что я смог обменять их в следующем городе на немного кокаина.

К нашему приезду в Новый Орлеан тур уже сворачивался, но уровень удовольствия и взволнованности возрастал. Мы играли в одном из зданий старой Мировой Ярмарки, и у нас были шикарные комнаты за кулисами, с душевыми, кроватями и коврами от стены к стене. Мы закончили сет, когда прекрасная молодая женщина зашла в нашу гримёрку. У неё были обесцвеченные белокурые во-

лосы, красные как пожарная машина губы и гигантские ресницы, которые делали её похожей на перевоплощённую южную версию Мэрилин Монро. Так как я был склонен заниматься этим всё время, я сделал первый шаг до тех пор, пока кто-либо смог с ней заговорить. Я схватил её за руку, завёл в ванную и спросил, не могла ли она побыть рядом, пока я принимал душ.

Как только я начал принимать душ, она начала безупречно исполнять роль Мэрилин, поющей *Happy Birthday* Джону Ф. Кеннеди. Я вышел из душа, готовый начать. Она тут же сбросила свою одежду, и мы занялись любовью на полу. Я знал эту девушку пять минут, но был уверен, что привязался к ней. Мы провели ночь вместе, и я узнал больше о ней, включая то, что она посещала Католическую школу (позже она станет вдохновением для песни *Catholic School Girls Rule*).

На следующий день мы поехали в Батон Руж, и, конечно, она поехала с нами. Когда мы спустились со сцены, она подошла ко мне и сказала: “Мне нужно сказать тебе кое-что. Мой папа - шеф полиции, и весь штат Луизиана ищет меня, потому что я исчезла. О, и кроме этого мне всего лишь четырнадцать”. Я не был ужасно напуган, из-за моего слегка введённого в заблуждения разума, в глубине которого я знал, что даже если бы она сказала шефу полиции, что влюблена в меня, то он не застрелил бы меня ни за что. Но я очень хотел отправить её домой ко всем чертям. Итак, у нас был секс ещё раз, и она сделала мне интересный комплимент, который я никогда не забывал. Она сказала: “Ты занимаешься со мной любовью как профессионал”. Я сказал ей, что она должна дать себе немного времени и понять, что это всё было так, потому что ей особо не с чем было сравнить. Я посадил её на автобус и отправил назад в Новый Орлеан.

А с Джеком Шерманом всё дошло до предела предыдущей ночью в Новом Орлеане. Мы прошли через все круги ада с ним по всей стране, и он несколько раз почти уходил. Но тогда мы играли довольно хорошо, и шоу становились лучше и лучше. Всякие шутки между песнями были огромной частью наших выступлений. Это было в порядке вещей для нас, выделять время на разговор со зрителями. Эти перерывы бесили Шермана. В Новом Орлеане Фли порвал струну во время первой песни, и я начал дурачиться. Джек бросал на меня грязные взгляды или говорил мне продолжать шоу, в общем, высказывался негативно. На это я ответил, вылив на него несколько кувшинов ледяной воды, пока он играл соло. Это не было актом ненависти, это было больше театрально, то есть то, чем ты занимаешься, если ты вокалист.

Джек в шоке посмотрел на меня и схватил свой микрофон: “Я хочу, чтобы вы все знали, что это историческое шоу, потому что это последний вечер, когда я играю с *Chili Peppers*”.

Затем я подошёл к микрофону: “Я хочу, чтобы вы все знали, что это шоу исторических пропорций, потому что это последний вечер, когда нам нужно играть с этим засранцем”.

Это было высоко театрально. Зрители были все в наших руках. Они повторяли: “Это часть шоу? Это по-настоящему?”. И все молчали. Джек и я уставились друг на друга. Он подошёл к микрофону и сказал: “Я думаю, ты должен передо мной извиниться, чувак...”.

Ещё одна пауза, и потом я подошёл к микрофону: "Я думаю, это ты должен извиниться, чувак».

К тому времени Фли сменил струну, он пришёл, и мы продолжили играть, и всё это прошло. Но это была одна из самых зрелищных взбучек, потому что она вызывала эту внутреннюю суматоху и делала из этого шоу-бизнес.

Джек был крайне прямым человеком, ну просто очень прямым. Он это даже не играл. Это и было тем, что нравилось в нас людям. Отзывы после шоу были такими: "Музыка действительно интересная. Мы отлично потанцевали. И вы, парни, самые забавные и всех, что мы видели".

Да благословит Бог Джека за то, что он не оставил группу в подвешенном состоянии. Несмотря на то, какими нелепыми, боевыми и озлобленными были наши с ним отношения, это было важным временем. Даже на том бесконтрольном туре каждый раз, когда я спускался со сцены, я чувствовал себя на подъёме. Это было самым лучшим кайфом. Не играло роли даже то, что на улице холодно, а нашим закулисьем был открытый внутренний дворик. Мы всё рано шли в этот холод, истекая потом и говоря: "Вы можете в это поверить? Им понравилось. Давайте выйдем на бис и сыграем новую песню".

Мы вернулись из этого тура, имея около пятисот долларов каждый, поэтому Дженнифер и мне пришлось покинуть дом в Лексингтоне. Дженнифер пошла жить к своей маме, а моей первичной целью в жизни стало скорее накачаться наркотиками. Я всё больше и больше пристрастился к спидболам. Весь смысл спидболов в том, что ты идёшь в двух направлениях одновременно, и это безумно божественное чувство. Вместо чистого, лёгкого, белого кокаинового эффекта ты также получаешь мягкий героиновый эффект, поэтому это не просто суперпрозрачное кристальное чувство, в этом есть и что-то от тёмного логова опиума. Ты получаешь лучшее из обоих миров; ваш серетонин и ваш дофамин высвобождаются одновременно.

Когда мы вернулись из тура, мы поняли, что нужно отпустить Джека Шермана, и это было грустно. Мы знали насколько трудно для любого человека, который находится на разных с нами страницах, было пройти через всё. Но мы также знали, что настало время вернуться к чему-то более жёсткому, что было привычным для нас.

Итак, мы втроём пошли на квартиру к Джеку в Санта Монику, где он жил со своей новой женой. Фли и я спорили снаружи.

- О'кей, кто это скажет? Я думаю, ты должен говорить.

- Почему я должен? Я говорил в прошлый раз.

По-моему, в итоге Фли взял на себя обязанность сказать донести эту новость. Но сначала нам нужно было пройти по длинной дороге к дому Джека. И как только мы пошли с точным намерением, мы начали истерично смеяться от волнительного возбуждения и острых ощущений рассвета новой и незнакомой нам эры. И чем больше мы понимали, что нужно было быть серьёзными, отрезать всё начисто и двигаться дальше, тем больше смеялись и не могли остановиться.

Мы подошли к двери, безуспешно пытаюсь подавить смех. Мы вошли и сказали ему: "Всё кончено. Мы увольняем тебя. Ты больше не в группе". Он был ошеломлён и зол. Мы развернулись и ушли.

Однажды после того, как мы уволили Джека, Фли подошёл ко мне и сказал: “Что бы ты подумал, если бы Хиллел захотел снова вернуться в группу?”. Я спросил: “Что?”, потому что я знал, что Фли бы не предложил такого, не поговорив с Хиллелом. Я сказал ему: “Что бы я подумал? Да я бы своего первенца отдал для того, чтобы вернуть его в группу. Без вопросов. Пошли”.

Когда Хиллел (Hillel) вернулся в группу в 1985, в воздухе витало монументальное чувство, что мы снова были на своей волне. Наконец-то у нас появился гитарист, который знал, какие песни нам подходят, и какие песни я мог петь. Плюс, Хиллел был нашим братом. И, как подобает брату, он волновался о количестве наркотиков, которое я принимал. Я часто опаздывал на репетиции, а иногда вообще не приходил. В то время я жил на Кауенге бок о бок с Голливудским Шоссе в квартире с двумя спальнями, принадлежавшей маме Дженнифер (Jennifer). Да благословит Бог её маму за то, что она приняла меня, несмотря на то, что я был абсолютной развалиной. Я был ужасным парнем-нахлебником без цента в кармане, жил в её доме, ел попкорн на её кухне и никогда не переставлял ничего с места на место, потому что не имел никаких прав.

Я исчезал на долгое время в свои кокаиновые загулы, а потом возвращался, как побитый щенок, и пытался тихо прокрасться в дом, чтобы немного отдохнуть. Но Дженнифер не собиралась это терпеть. Однажды она открыла мне дверь, и у неё в руке была пара ножниц для резки кожи, которые она использовала для дизайна одежды. Я знал, когда она блефовала, а когда была готова вклепить мне, как следует. В тот раз она бы с радостью вонзила ножницы в мой череп, если бы я подошёл поближе.

- Где ты был? С кем ты спал? – кричала она мне.

- Ты шутишь? Я ни с кем не спал. Я просто хотел найти наркотики. Ты меня знаешь, - умолял я.

В итоге я упрямил её впустить меня обратно в дом.

Чем больше Дженнифер подсаживалась на героин, тем легче для меня было попасть в дом. Ей нужен был напарник, который бы прикрыл её, а мне были нужны её деньги. Она не противилась тому, чтобы я принимал наркотики, потому что, когда я делал это, я был спокоен. В эти моменты мы могли быть вместе, таять в объятиях друг друга и, запутанные в блаженную и смертельную эйфорию опиума, расслабившись, смотреть старые чёрно-белые фильмы в четыре утра. Но она ужасно ненавидела, когда я употреблял кокаин. Тогда я превращался в безумца и исчезал. Конечно, я не хотел принимать только героин. Поэтому, когда мы употребляли героин в её комнате, я тихо выходил, чтобы принять дозу кокаина. Но она всё замечала своим орлиным взглядом. "Нет, постой. Отдай мне кокаин. Давай сюда шприц. Ты не будешь принимать кокаин!"

Я выдумывал всякие ужасные обманные пути, чтобы принять его. К тому времени у меня были очень длинные и спутанные волосы, я прятал шприцы прямо под них и соглашался на полный досмотр остального тела. Раньше я прятал кокаин в коробке из-под кукурузных хлопьев на кухне, поэтому, сломя голову, бежал вниз принять его до того, как Дженнифер, её сестра или мама приходили домой. Я даже не могу представить, какие эмоциональные страдания я причинял

этим людям. Я потерялся в своей зависимости. И до первых изменений к лучшему, всё становилось всё хуже и хуже.

Я абсолютно не осознавал, насколько становился зависимым от героина. Его источник, казалось, был бесконечным. Все эти странные дилеры заполнили весь Голливуд. Был русский дилер, который жил в отвратительной квартире со своей русской женой и с трудом говорил по-английски, зато у него всегда был Китайский Порошок. Был дилер-мулат из Голливуда на углу Бульвара Сансет. Было пять или шесть разных французов, и мой старый друг Фабрис (Fabrice), и Доминик (Dominique), и Франсуа (Francois), и ещё пять их знакомых.

Если я покупал у Фаба, то мог прийти к нему домой с пятьюдесятью баксами и получить дозу, которой мне хватало на день, примерно одна десятая грамма. Но если мне приходилось идти к русскому парню, который был довольно скуп, то я давал ему пятьдесят баксов, и этого хватало только на один укол. Конечно, я не шёл туда с пятьюдесятью баксами, а брал двадцать два и просил дать мне пятидесятидолларовую дозу, предлагая взять мои кроссовки. Русские не любили переговоров, но я продолжал преследовать их, просить, спорить и торговаться. Я сидел там и выводил эту суку, чтобы он начал страдать ещё раньше, чем я.

Другие французские парни были напыщенными, высокомерными, бессердечными дилерами. Хотя с ними не было особых препирательств. Они все тоже употребляли наркотики, поэтому знали, что означала эта потребность в небольшой дозе для улучшения состояния. Но если ты не был девушкой, и у тебя не было денег, удачи и до свидания. Поэтому мне приходилось искать всевозможные подходы. Бывало, я даже приходил к ним с копией нашего первого альбома.

“Не знаю, видели ли вы этот диск, но это моя группа. Да, да, это я. У моего менеджера сейчас как раз есть пара тысяч долларов для меня. Я позже свяжусь с ним. Не знаю, захочешь ли ты пойти на наш концерт на следующей неделе. Конечно, мы будем рады видеть тебя и твою девушку”. Любое жульничество, любая ложь и всякая дерьмовая тактика, не важно. Это было ужасное и чрезвычайно оскорбительное положение.

Каким-то образом я ещё мог держать себя в форме, писал музыку и приходил на репетиции чаще, чем обычно. Но я не замечал, как жизнь начинала покидать меня. Я стал худым как швабра. Затем копы схватили старого Фабстера, и его бизнесу пришёл конец. Он перестал быть дилером, зато научился вдыхать громадные полоски кокаина. Он привык к тому, что наркотиков всегда не хватало, не было денег, покупателей, и появилась сильная зависимость. Следующей новостью для меня было то, что Фаб связался с молодым мексиканским парнем. Я называл его Джонни Дьявол (Johnny Devil), потому что он был настоящим воплощением дьявола на планете Земля. У Джонни был шарм, побуждающий тебя тусоваться с ним, и вместе с этим достаточно ума и потворства, чтобы ты видел и другие его маски. Но он мне нравился. Он никогда не подводил меня, был честен, благороден и добр в своих злых дьявольских происках.

Моя зависимость становилась всё хуже и хуже, а деньги стремительно исчезали, поэтому мне приходилось обращаться в ломбард. Каждый день я просыпался, чем позднее, тем лучше, потому что знал, что мне будет плохо. Я просил у

Дженнифер двадцать долларов. Никаких двадцати долларов я, конечно, не получал.

- Ну, может быть, мы можем что-нибудь продать? – умолял я.

- Мы уже всё продали.

- Мы можем продать эту картину? А этот огнетушитель? А коврик? Может быть, есть какой-нибудь старый радиоприёмник, которым никто не пользуется?

Я все ходил и ходил в ломбард со всем, что мог найти для того, чтобы получить двадцать или тридцать баксов. Затем я шёл к нужному человеку, был ли это русский, француз, или парень мулат. Я покупал всё, что нужно, и шёл к маленькому холму у Аргайла и Франклина, с которого открывался вид на шоссе. Там я насыпал наркотики в ложку, добавлял воду и сразу принимал их. Когда эффект настигал меня, я чувствовал себя иссушенной губкой, на которую выливалась вода. От больного, несчастного, слабого и безжизненного состояния я переходил к игривому и разговорчивому. После дозы я сразу возбуждался, и мне хотелось заняться сексом с Дженнифер прямо в тот самый момент. Но она злилась на меня из-за всей этой процедуры: достать, купить, продать, сдать и получить.

Однажды я проснулся, и все шкафы были буквально пусты. Я взял велосипед у сестры Дженнифер. Я не хотел сдавать его в ломбард, я просто безумно хотел хотя бы что-то достать. У меня не было времени ехать на окраину города к дому Дьявола обычным уличным маршрутом, поэтому я понадеялся на то, что доберусь туда одним стремительным рывком. Я выехал из жилого района, по крутому подъёму поднялся на Голливудское Шоссе в правую линию движения и направился из Голливуда на окраину Лос-Анджелеса.

Наконец, я добрался до Джонни Дьявола, но деньги у него были на исходе, наркотики тоже заканчивались. Сначала мы попробовали растопить немного капсул Туинала в ложке и принять это, но как только порошок соприкоснулся с водой, он начал пениться. Мы попытались затолкать немного этой пены в шприц, чтобы хоть немного облегчить своё состояние, но это не сработало.

“Мы с тобой обязательно что-нибудь найдём”, - пообещал он. Мы сели в его машину и отправились в долину Сан Бернардино. Мы остановились в районе, который, казалось, был перенесён сюда из беднейших кварталов Тихуаны. Везде стояли одноэтажные лачуги с грязными дворами. Повсюду стояли пылающие огнём баки. В домах не было ни окон, ни дверей. Это было похоже на Бейрут военного времени.

Джонни припарковался и вышел из машины. “Жди здесь и не двигайся”, - сказал он и исчез в этом лабиринте улиц и домов. Я был настолько слаб, что не смог бы пошевелиться, даже если бы захотел. Я сидел там и был уверен, что кто-нибудь подойдёт, прикончит меня, сядет в машину и уедет. Наконец, Дьявол появился из тени, намного дальше того места, где он вошёл в район. Он подошёл своей целенаправленной походкой и сел в машину.

“Ты достал, достал, достал?”

Он взволнованно посмотрел на меня: “Просто расслабься. Всё будет нормально. Ни о чём не спрашивай”. Было очевидно, что он в плохом настроении. Я не знал, может быть, он пошёл туда и убил какую-нибудь семью из-за этого дерьма, он вёл себя очень странно. Но как только мы выехали из района, он достал из

плаща что-то, по размеру напоминающее бейсбольный мяч. Это был чистый герой Чёрная Смола. Он оторвал от него кусок размером со жвачку и передал его мне, а остальное убрал в карман.

“А, ты собираешься всё остальное оставить себе? Это ведь довольно много. Может, я могу взять часть себе”, - предложил я.

“Это как раз столько, сколько мне нужно”, - ответил он. Мы поехали в Голливуд, в дом какой-то девушки, и он стал плавить этот чёртов бейсбольный мяч укол за укол, пока он практически не закончился. Всё время он ни разу не забывался, не передозировал и не терял рассудка. Он просто растворился в своей демонической неге. Несколько дней спустя он исчез, и я никогда больше не видел его и не слышал о нём.

Несмотря на мою наркотическую зависимость, написание песен для второго альбома шло полным ходом. Я смотрел, как Хиллел и Фли играли вместе, и понимал, что музыка вызвана их телепатической связью. Так, как будто ты стоишь рядом со своим близким другом с гитарой в руках, а он с басом, и ты знаешь, о чём думает этот парень, и можешь общаться с ним с помощью игры на инструменте. Хиллел определённо вырос как гитарист за то время, что он не играл с нами. Он начинал под влиянием Kiss и некоторых элементов прогрессивного рока. Затем он экспериментировал с ранними Red Hot Chili Peppers, и, наконец, он вернулся в группу с особым насыщенным стилем. Это не был только безумный, синкопированный фанк, в его стиле также было нечто мягкое и текучее.

Во время нашего пребывания на репетиционной базе EMI на Сансет, нам позвонили и сказали, что легендарный продюсер Малкольм Макларен хочет поговорить с нами. Макларен был человеком-тайной, который создал Sex Pistols и Bow Wow Wow. Теперь он искал новую сенсацию, и если нам повезёт, то создатель звёзд осыплет нас своей пылью. Он пришёл на репетицию с несколькими своими друзьями, и мы сыграли для него пару наших сумасшедших запутанных песен, быстрых, хаотичных, плотных и многослойных, без рифм и смысла, зато с большим чувством и фанком.

Он явно не был впечатлён: “Хорошо, мы можем где-нибудь поговорить, парни?”

Мы пошли в крошечную комнату, прилегающую к помещению для репетиций. Кто-то начал передавать по кругу косяк размером с гаванскую сигару.

“О’кей, вы играете отличную музыку, но в ней нет смысла. Я полагаю, что всем будет наплевать на такую музыку...”

Он начал бросаться словами вроде, “какофония”, “беспорядок”, а мы всё больше теряли голову от травки, и спрашивали друг друга: “Что он имеет в виду под этой какофонией звуков?”

Наконец, мы дошли до сути. По ходу своей речи, он показал нам несколько фотографий сёрферов, одетых в яркие розовые панковские цвета.

“Я хочу сделать такую группу и упростить всю музыку. Сделать из неё рок’н’ролл пятидесятых, настолько простой, насколько это возможно. Бас: основные ноты аккордов, гитара: простые рифы, бит – элементарный. А из Энтони я хочу сделать звезду, фронтмена, чтобы не было никакого беспорядка. Публика сможет сосредоточиться на одном центральном персонаже, а остальная часть

группы на заднем плане будет играть самый простой рок'н'ролл, известный человеку”.

Он остановился, чтобы получить нашу реакцию, а я посмотрел на Фли.

Он просто рухнул на пол без сознания.

Думаю, Малкольм понял, что его идея была плохо воспринята. Хотя мне где-то даже польстило, что он расценивал меня в качестве потенциального фронтмена, но все остальные его слова напрочь отрицали то, что было для нас незыблемо и дорого. Как будто с нами говорил Волшебник из страны Оз, и его речь была слишком смешной, чтобы быть воспринятой серьёзно.

Тем временем настала пора делать второй альбом. Руководство ЕМІ спросило нас, кого мы хотим видеть в качестве продюсера. Без сомнений мы сказали: “Джордж Клинтон (George Clinton)”. Ещё после первого альбома люди подходили к нам и говорили: “Вы, должно быть, выросли на Р Funk”, а это была легендарная фанк-группа Джорджа. Мы не застали эру Parliament/Funkadelic и не знали о Джордже так много, как могли знать и позже узнали. Но мы понимали, что если Джэймса Брауна (James Brown) считали Крёстным Отцом, то Джордж был Пракрёстным Дядей Фанка.

Итак, ЕМІ связались с Джорджем по телефону, и мы сказали: “Джордж, мы Red Hot Chili Peppers, мы из Голливуда, Калифорния, мы абсолютно сумасшедшие, безумные рокеры, и мы думаем, вы должны продюсировать наш альбом”. Мы послали ему наш альбом и демо записи, они ему понравились. После того, как Фли и Линди (Lindy) съездили в Детройт, чтобы встретиться с ним, он согласился работать с нами. Даже сейчас, когда люди спрашивают, как мы заполучили Джорджа Клинтона, я отвечаю, что договорились по телефону, а Фли всегда говорит: “Двадцать пять тысяч”. Именно эту сумму ЕМІ согласились заплатить ему. Я не верю, что он делал это только ради денег. Я думаю, он также видел нечто особенное, прекрасное и замечательное в этих четырёх парнях, которые пытались сохранить дух жёсткой фанк музыки, не в претенциозном или подражательном виде, а создавая новый жанр фанка.

Мы поехали в Детройт, когда уже около семидесяти процентов песен было закончено. У нас была Jungle man, моя ода Фли, этому получеловеку, полуживотному, родившемуся в чреве вулкана в Австралии, пришедшему в мир и использующему свой большой палец для создания грома на своём басы. American ghost dance, Catholic school girls rule и Battleship (припев этой песни, blow job park, был вдохновлён правдивыми приключениями Клиффа (Cliff), который отвергал просьбы о минете в скверах Малхолланда, где он брал уроки вокала). Nevermind и Sex rap были песни из нашей первой демо записи, а 30 dirty birds была старой лагерной песней Хиллела. Джордж хотел, чтобы мы тусовались с ним в Детройте около месяца перед тем, как отправиться в студию, так что у нас всегда оставалось время для написания новых песен.

Мы записывались на студии Джорджа United Sound, которая представляла собой двухэтажное здание в середине бесплодного пустыря, в который превратилась старая часть Детройта в середине 80-х. Когда-то в 70-х Джордж выкупил студию у Motown, именно там он записал всю эту классику, альбомы Parliament/Funkadelic. Это была отличная студия с большими аналоговыми пуль-

тами, прекрасной комнатой для барабанов, и отдельными помещениями для записи духовых.

Сначала планировалось, что мы переедем в дом к Джорджу где-то на неделю, пока не найдём отдельный жильё для группы. Мы нашли дом у озера Уэбик, который находился в самой глубокой трущобе. В итоге, у нас был целый треугольник противоречий: жить с Джорджем за городом, репетировать на окраине города, где земля могла стоить больше десяти центов за квадратный метр, и жить с богатыми белыми парнями рядом с полем для гольфа. Джордж жил в современном загородном доме на пятидесяти акрах в месте под названием Бруклин, которое было примерное в часе езды от Детройта. Несмотря на то, что это не было самой привлекательной сельской местностью (с его владений можно было услышать проходящие рядом автогонки Мичиган 500), это было его святилищем. Там был пруд с рыбами и милые холмы, а его дом был наполнен изяществом от присутствия прекрасной жены Джорджа. Она была очень приветливой и по-матерински доброй, абсолютно непохожей на подружку фанкового суперфрика, с которой, как бы вы могли подумать, встречался Джордж. Вместо этого она была типом женщины “О, боже, была бы она моей мамой”.

В одной комнате жили мы с Хиллелом, в другой Клифф и Фли, у Линди была отдельная комната, а Джордж с женой жили в своей спальне хозяев. Мы специально хотели начать всё вдалеке от города, чтобы наркотики не пустили сессии записи под откос. Но как только я въехал туда, у меня начались симптомы ужасного пищевого отравления. Меня тошнило, кожа стала странного цвета, и я не мог есть. Я не понимал, что со мной происходит, а Фли сказал: “У тебя чёртова ломка”. Я был просто немощным и не осознавал, что прохожу через хорошую очистку от героина.

По какой-то глупой затее, мы попросили привезти нам кокаина на пятьсот долларов, Линди, Хиллел, Фли и Джордж приняли его весь разом. Я отлично чувствовал себя около получаса. Потом опять началась бессонница и ломка. Через несколько дней это прошло и мы расставили инструменты в гостиной Джорджа. Барабаны, гитары, бас, усилители – мы начали играть и узнавать Джорджа.

Знать Джорджа означает любить его. Он большой человек с огромной причёской, но у него есть ещё одна вещь размером как у слона – его аура. Джордж очень любит рассказывать истории, и он не стесняется вести себя как-то странно, безумно или сомнительно. Мы были как дети у костра, когда слушали истории великого мастера психоделического фанка. “Джордж, расскажи нам ещё одну историю о Sly Stone”. И его было не остановить. Кроме того, что он был великолепным рассказчиком, Джордж учил нас важности соблюдать порядок. Он ходил по дому с бутылкой свежавыжатого сока и говорил: “Вы знаете, сколько мне лет. Вы знаете, что я могу быть на ногах день и ночь. Это всё из-за этого, всё из-за того, что я соблюдаю порядок”.

У Джорджа также была коллекция чучел животных. Там, где не было мебели, стояли чучела реальных размеров, некоторые были очень старыми. Думаю, он был коллекционером, и его фанаты, друзья и родственники постоянно пополняли его коллекцию новыми экземплярами. Так что мы находились в середине этого цирка чучел животных.

Примерно после недели проживания с Джорджем, мы переехали в наш дом рядом с полем для гольфа. Пришло время записывать демо в студии на окраине Детройта, которой владел парень по имени Наварро (Navarro). Он был ярким, но невысоким сутенёром/наркодилером/владельцем студии старой школы. Он был джентльменом в возрасте с самым низким, ворчливым и глубоким голосом а-ля Айсаак Хэйес (Isaac Hayes) и Барри Уайт (Barry White). Много из того, что он говорил, было непонятно, но было отчётливо ясно, что он имел в виду. Когда он входил в комнату, кто бы там ни был – девушки, команда, Джордж, именно он пользовался наибольшим уважением.

Итак, мы начали записывать демо. А вместе с этим начали употреблять кокаин, который был повсюду. Мы заказывали цыплёнка из ресторана Попай и также заказывали кокаин. Если ты успеваешь съесть цыплёнка до того, как кайф от кокаина превысит предел, значит ты пообедал. А если нет, попрощайся с обедом. В отличие от нас, Джордж никогда не вёл себя странно под кокаином. Нельзя было догадаться был ли он под кайфом от тонны кокаина или нет; у него была действительно сильная конституция.

Меня же словно кто-то щипал, и я пытался закончить начатые песни, иногда это срабатывало. Но порой я просто ходил кругами, придумывая всяческие сложные комбинации слов. В общем, я писал, а Джордж слушал, как эти парни из Голливуда играли эксцентричную жёсткую фанк музыку и любили каждую минуту этого времени. Я показывал ему свои стихи и спрашивал его мнение, а он говорил: “О, это интересная фигня. Мне нравится. Давай, напиши ещё, нам нужен следующий куплет”.

Однажды во время предварительного микширования треков, Фли, который тогда слушал много Meters, предложил сделать кавер их песни Africa. Джордж подумал над этим и сказал: “А что если вы сделаете песню Africa, но Энтони перепишет слова так, что это будет уже не просто Африка, а именно ваша Африка, то есть Голливуд?” И я переписал текст, а Джордж позже добавил на фон одну из своих невероятных вокальных аранжировок. Думаю, он даже спел одну или две строчки в этой песне.

Песня Freaky styley была ещё одним новшеством Джорджа. Изначально это была инструментальная увертюра к другому музыкальному отрывку, но Джорджу так нравился этот мощный скачущий грув, что он настоял, чтобы она стала отдельной песней, даже если вокал будет просто набором слов. Записав эту музыку, мы стали слушать её в комнате звукорежиссёра. Этот грув и по сей день один из лучших, что мы записали. Джордж стал напевать: “Fuck’em just to see the look on their face. Fuck’em just to see the look on their face”. Мы все присоединились, и это был спонтанный музыкальный взрыв. Другая вокальная линия в этой песне: “Say it loud, I’m freaky styley and I’m proud”, была одной из тех фраз, которые рождаются в один момент. В то время мы называли всё, что считали крутым, freaky styley. Танец, девушку, барабанный бит, всё, что угодно. Когда весь процесс подошёл к концу, мы сели за обеденный стол и стали обсуждать: “Как нам назвать этот альбом?” Клифф посмотрел на нас и сказал: “Почему бы нам не назвать его так же, как мы называем всё остальное? Freaky Styley”.

Спустя некоторое время в студии Наварро, мы закончили аранжировки, а у меня появились новые стихи. У Джорджа был свой уникальный стиль продюсирования. В нём почти не было этого супер выверенного чистого звучания, реагирующего на каждый рисунок бас бочки. Это по большей части было продюсирование от сердца. Джордж был мастером по части дополнительных вокальных партий, особенно в таких тайных частях песни, где вокал был еле различим. Если вы послушаете записи Funkadelic или Parliament, то поймёте, что вокальные аранжировки в рамках песен уже шедевры сами по себе. И он начал применять это в наших песнях, а мы были открыты для всего. Если он говорил: “Я хочу записать пять голосов в этой части песни”, мы начинали прыгать от радости.

Мы переехали на студию United Sounds и начали записывать основные треки. Мы всегда записывали черновой вариант вокала на всю песню, потому что в условиях звукозаписи того времени нужно было сначала записать черновой вариант, а потом уже пробовать спеть лучше. Мы не собирали вокал по частям, когда записываешь песню двадцать раз, а потом вырезаешь и вставляешь лучшие слоги. Джордж ставил меня в центре комнаты, а не в отдельное помещение, поэтому я чувствовал себя частью группы. Это было очень мудрым решением, потому что все всегда говорили: “О, у Chili Peppers отличные концерты, но на студийных записях невозможно уловить их безумную сценическую магию”.

Во время записи к нам стал приходить необычный посетитель. Его звали Луи (Louie), он был бледным лысым парнем со Среднего Востока. Оказалось, что он был личным доставщиком кокаина для Джорджа. После нескольких визитов стало ясно, что Джордж был должен этому парню много денег, но при этом оставался невозмутимым. Луи начал приходить с двумя приятелями и говорил своим медленным густым акцентом: “Джордж, я серьёзно, чувак, тебе придётся разобратся со всем этим, только после этого я смогу дать ещё. У меня здесь бизнес”.

Джордж отвечал: “Луи, оглянись. Ты думаешь, у меня нет денег? В этом бизнесе платят, когда платят. А когда мне заплатят, ты будешь первым сукиным сыном, кому заплатят после меня”.

Луи принимал страдальческий вид: “Джордж, я все это уже слышал. Я не просто так этих парней привёл, и если им придётся кому-то вклеить...”

Джордж даже не моргнул, потому что у него был план. Он знал, что Луи восхищал музыкальный бизнес, поэтому догадался, что, сделав его часть всего процесса, обеспечит постоянный источник кокаина. Наконец, Джордж пообещал Луи, что на этом альбоме состоится его вокальный дебют.

Я думал: “О’кей, я доверяю Джорджу. Я знаю, что всё, происходящее здесь, имеет цель. Но будь я проклят, если позволю этому подонку петь на моём альбоме. Это для меня свято”. Джордж сказал мне: “Не волнуйся, все будут счастливы. Он будет на альбоме, и тебе это не помешает”. И Джордж был прав. В самом начале Yertle the turtle можно услышать странный вырванный из контекста голос, который говорил: “Look at the turtle go, bro”, а затем песня переходит к синкопированному барабанному биту. Это и был дебют Луи, который достаточно порадовал его, чтобы он никого не тронул. Чем дольше продолжались сессии записи, тем более регулярно он появлялся и приносил наркотики, потому что очень жаждал своих пятнадцати минут в центре внимания.

Прямо перед началом записи финальных вокальных партий я решил, что две недели не буду употреблять кокаин, что было сродни принятию обета безбрачия, когда ты живешь в борделе. Но моё решение не имело ничего общего с умеренностью, потому что, хотя мне и было двадцать три, я всё ещё относился к эмоционально обеспокоенной молодёжи. Я просто не хотел вернуться в Голливуд и осознать: “Что произошло? У меня был шанс записать альбом с Джорджем Клинтоном, а я его упустил”. На запись моего вокала было выделено две недели. Я понял, что петь со стекающим вниз по глотке кокаином гораздо сложнее.

Одной из причин, почему я был так озабочен своим вокалом, было то, что во время подготовки к записи Фли начал играть на басу песню If you want me to stay группы Sly Stone. Хиллел и Клифф присоединились, и мы решили сделать кавер, что было сложным для меня, потому что я могу спеть всё, что пишу сам, а мелодия другого человека всегда нелегко мне давалась. Кроме того, это была песня Sly Stone, одного из самых оригинальных вокалистов в том, что касается фразировки.

Джордж, должно быть, почувствовал моё беспокойство. “У тебя в арсенале есть нужные способности, даже не волнуйся об этом. Я знаю, на что ты способен”, - заверил он меня. Затем он пригласил меня к себе домой на выходные, чтобы поработать над песней. Сначала я решил на несколько дней съездить к своей маме, взял с собой запись этой песни и репетировал её снова и снова. На обратном пути из Грэнд Рэпидс я заехал к Джорджу. Мы говорили о песне, пели её и подолгу гуляли по его владениям. Я даже не замечал того, что он тихо обучал меня. Мы сидели под солнцем и говорили обо всём, а он подсознательно укреплял мою веру в себя, направлял меня в сторону комфорта и создания магии в студии. Я думаю, он понимал, что Хиллел был чрезвычайно талантливым гитаристом, Фли знал, что нужно делать на басу, а Клифф был барабанщиком-асом, я же был парнем со способностью писать стихи, но без особой уверенности в своём голосе.

Рано утром мы шли рыбачить на его пруд. Когда он рыбачил, его поведение полностью изменялось. Он уже не был тем будящим толпу хозяином фанк вселенной, а становился самосозерцательным и находчивым человеком с огромным опытом. Рыбалка была его медитацией. Ему было всё равно, что мы поймает, он ел всё. Сардина, окунь, зубатка, всё, что давало нам это озеро, шло на сковороду. Мы ловили рыбу, несли её обратно в дом, а его жена готовила её на завтрак.

К тому времени, как я уезжал от него, я уже уверенно чувствовал себя в этой песне. Джордж поддерживал меня даже непосредственно в процессе записи. В его комнате был установлен микрофон, и он что-то выкрикивал или подпевал. Мы записывали основные треки и слышали этот великолепный голос, доносившийся из маленькой активной колонки. Когда мы установили будку для записи вокала, и я один записывал вокал, Джордж приходил в студию, надевал наушники, пел и танцевал вместе со мной. Для меня он был как старший брат, вдумчивый, тонко чувствующий и понимающий наши разноцветные сумасшедшие корни. Я никогда не хотел его подвести.

Мы закончили альбом и считали, он превзошёл всё, что мы надеялись осуществить, мы думали, что мы находимся на пути к большим высотам. Кто-то из правления ЕМІ поехал в Детройт, чтобы послушать часть нашего материала. Мы

включили им несколько треков, и вместо фразы: “Вы, парни, станете звёздами”, они не сказали ничего. Я танцевал, подпевал, веселился, а они сказали: “Ну, мы посмотрим, что мы сможем с этим сделать”. Конечно, мы говорим о звукозаписывающей компании, не подавшей никаких признаков понимания, необходимых для того, чтобы взять что-то особенное, признать его ценность и представить это миру. Им нужна была ещё одна группа вроде Roxette.

Мы вернулись в Лос-Анджелес с чувством, что приобрели большой новый опыт, а затем каждый окунулся обратно в своё собственное безумие. К тому времени, мама Дженнифер переехала из Кауэнги в квартирный комплекс в Пасадене. Прямо рядом с ним стояло заброшенное здание, и мы с Дженнифер стали обосновываться там. Горячая и холодная вода всё ещё работала, мы провели дополнительный провод в здание, чтобы можно было слушать музыку, поставили кровать и несколько свечей.

Именно тогда я серьёзно пристрастился к героинovому сексу. Я осознал, что если ты любишь кого-то и хотел заняться с ней сексом, то героиновый кайф увеличивал ощущения в десять раз, потому что ты мог заниматься сексом всю ночь, не имея возможности кончить, но всё же получая удовольствие. Я помню наши секс марафоны с Дженнифер на той кровати, я думал: “Жизнь не может быть лучше, чем она есть сейчас. Я в группе, в кармане есть пара долларов. У меня есть красивая, милая, сексуальная, безумная малышка, крыша над головой и немного наркотиков”.

Но эти ощущения исчезали, и на следующий день я уже носился повсюду в поисках кайфа. Дженнифер старалась, как могла, справиться с моим сумасшествием, в то время как её собственное также не давало ей покоя. Примерно в то время, когда я вернулся из Детройта, углубились мои отношения с девушкой по имени Ким Джонс (Kim Jones). Мой друг Боб Форест (Bob Forest) был безумно в неё влюблён, но Ким отвергла его. Он тут же написал о ней песню с припевом: “Why don’t you blow me and the rest of the band?”). Он всё ещё был равнодушен к ней, мы с ним ездили к ней в Эко Парк стучали в дверь её квартиры, что узнать, дома ли она.

Боб рассказывал о многих её достоинствах: она была замечательной и красивой, училась в Китае, писала статьи для газеты L.A. Weekly, была родом из Теннесси, плюс, она была лесбиянкой, потому что бросила Боба из какой-то дико сексуальной девушки. Позже оказалось, что она вовсе не лесбиянка, но все остальные достоинства были правдой. Как только я познакомился с ней, я понял, что мы будем лучшими друзьями. Мы оба скорпионы по знаку зодиака, и между нами никогда не возникало никакого сексуального напряжения.

В какой-то степени Ким была женским эквивалентом Хиллела, потому что не было такого проступка, который она не простила бы. Она никогда не вела себя эгоистично, не пыталась найти в тебе хорошую сторону. Конечно, она тоже была в ужасном состоянии. Умная, но беспорядком в мыслях, она была наркоманкой с сильной зависимостью, давала наркотики, но и оберегала от них. Она стала для меня красивой родственной душой. Я становился всё ближе и ближе к Ким, потому что она была источником любви, комфорта, дружбы, сотрудничества и согласия без тех проблем, что я бы имел с ней, была бы она моей девушкой. Дженни-

фер в моих глазах никогда не теряла сексуальной привлекательности; чем дольше продолжались наши отношения, тем лучше становился секс, но я был отнюдь не великолепным парнем. Если я говорил, что буду дома через час, то мог ввалиться через три дня. Сегодня, если бы кто-нибудь поступил со мной так же, у меня случился бы сердечный приступ, но в том возрасте я и не думал о лучшем варианте.

Ким было всё равно, если я исчезал на три дня, поэтому не было ни одной отрицательной стороны в том, чтобы тусоваться с ней. Она никогда не говорила: “Ты, сволочь, ты посмотрел на ту девушку, ты не пришёл домой, ты потратил все деньги”. Ким была готова к тому, что я могу потратить все деньги, смотреть на других девушек и исчезать. Однажды я пришёл к ней домой, а её не было. В порыве отчаяния я схватил её тостер и поменял его на пакет наркотиков. Когда она вернулась домой, она нисколько не нервничала, просто сказала: “О’кей, мы достанем другой”.

Вскоре я переехал жить к Ким, и нашей ежедневной миссией стало найти наркотики. У ней был определённый заработок: пособия, потому что её папа умер, чеки от L.A. Weekly или чеки из Теннесси от её мамы. Мы обналичивали их и шли к какому-нибудь французу, русскому или на угол в Голливуде и покупали героин, а если оставались деньги, принимали немного кокаина. Вскоре у нас обоих появилась прочная зависимость. Хиллел тоже употреблял, и у него была сумасшедшая девушка по имени Мэгги (Maggie), которая дружила с Ким, поэтому у нас часто бывали маленькие наркотические вечеринки.

Иногда группа ездила в туры в Сан-Франциско. Мы были ещё молоды и не слишком потрёпаны, поэтому могли играть хорошо, несмотря на нашу наркозависимость. В сентябре 1985 мы отыграли два концерта вместе с Run-D.M.C., один в Сан-Франциско, другой в Лос.-А. Последний проходил в Палладиуме, и вместе с разогревом Oingo Boingo это был наш самый большой концерт на тот момент. Билеты были полностью распроданы. Конечно, вечером накануне концерта я отправился в наркотический загул, поэтому на выступление я пришёл под кайфом от кокаина и героина. Группа было просто разъярена, но каким-то образом я смог собраться и выступить, как следует. Тот концерт примечателен двумя вещами. Примерно в его середине Джордж Клинтон выбежал на сцену, и мы с ним безумно танцевать под наши инструментальные джемы. Он добавил нашему выступлению много цвета, энергии и значимости.

Так же концерт был примечателен тем, что прямо перед выходом Джорджа на сцену, я решил прервать выступление и произнести шедшую от сердца, хаотичную десятиминутную речь о вреде наркотиков. Конечно, я её не планировал, но что-то нашло на меня, я посмотрел вниз на свои чёрно-синие руки и просто начал говорить.

“Если вы ещё никогда не вонзали иглу в свою руку, никогда не делайте этого. Я могу вам сказать, исходя из собственного опыта, не делайте этого, посмотрите, где я сейчас. Это ужасно, и я не хочу, чтобы кому-нибудь из вас пришлось почувствовать то, что я чувствую сейчас. Пусть я буду страдать за вас, потому что никто не должен обрекать себя на это. Если же вы делаете это, о’кей, просто делайте, но никогда не думайте, что сможете снова стать такими же, как раньше после того, как зайдёте слишком далеко”.

Я продолжил детально объяснять, почему наркотики могут быть ужасной ошибкой. Я не останавливался, не мог сдержать себя. Тем временем группа стала бросать на меня взгляды, говорящие: “О, боже, чёртов идиот”. После концерта я боялся подойти к парням. Я думал, что они возненавидят меня за всё это, за то, что я был лицемерным придурком. В то время как все недовольно смотрели на меня, мой друг Пит Уайс (Pete Weiss), барабанщик из Thelonious Monster, пришёл за сцену.

“Swan, я слышал, как ты много чего говорил со сцены, но это была самая крутая из твоих речей, - поддержал он меня, - Ты просто приковал к себе всеобщее внимание, каждый в зале слушал тебя, не отрываясь. Они знали, что ты чёртов засранец, но тебе не всё равно, и ты просто хотел поделиться с ними любовью. Пусть парни из твоей группы не говорят глупостей, сегодня ты поступил правильно”.

Через месяц, когда пришло время отправляться в тур в поддержку Freaky Styley по штатам, моя изысканная речь не облегчила ситуацию в группе. Мы с Хиллелом оба плотно сидели на наркоте, но впервые я заметил, что с ним творилось что-то неладное. Он выглядел слабым, и тогда, как я мог легко соскочить с наркотиков, у него не было его израильского огня во взгляде, как раньше. Это стало ещё более заметным, когда мы начали наши обычные туровые шуточные бои. Мы с Хиллелом были в одной команде, я играл роль его менеджера, а он должен был побороть Фли. Несмотря на то, Фли был достаточно крепким, Хиллел был больше, и его ноги напоминали стволы деревьев, как у высокого тополя. Мы две недели готовились к этой схватке, и когда однажды в номере отеля они начали бороться, Фли просто уничтожил его. Сколько времени может уйти на то, чтобы схватить, швырнуть на пол и безжалостно прижать там кого-то? Так вот Фли сделал это за десять секунд. Я был уверен, что у Хиллела иссякла вся внутренняя сила; его зависимость украла у него жизненную силу, которая могла дать ему возможность хотя бы защититься. Это был грустный момент.

Мы с Хиллелом не употребляли героин в туре, а вместо него пили бутылками Джагермайстер, потому что он давал нам ощущения близкие к героиновому кайфу. Он всегда дразнил меня придурковатым пьяницей, потому я напивался, раздевался в мотеле, шёл по коридору и стучал во все двери, тогда как Хиллел, выпив, становился очень учтивым.

В то время тур был для меня настоящим испытанием, в основном из-за моих нестабильных отношений с Дженнифер. Несмотря на то, что я жил в основном с Ким, Дженнифер всё ещё была моей девушкой. Дженнифер была уверена в том, что у нас с Ким был секс. Однажды она пришла к ней домой, а мы с Ким были раздеты и крепко спали, обнимая друг друга. Я знаю, что это было отвратительное зрелище для девушки, чей парень лежал в постели с другой, мы с Ким были просто под отличным кайфом. Никаких любовных отношений, только дружба.

Но у Дженнифер было совсем другое видение ситуации. Мы с Ким проснулись оттого, что Дженнифер разбила стекло в спальне. Она пришла не со старой доброй бейсбольной битой, а с изящной вырезанной и окрашенной тростью с птичьей головой откуда-то из земель Майя. Прорвавшись сквозь разбитое окно, она попыталась убить меня этой тростью.

Когда пришло время уезжать в тур, я за несколько дней до этого начал избегать Дженнифер, потому что знал, что в меня наверняка полетит что-нибудь вроде топора. Однажды всё резко изменилось, это было на парковке ЕМІ на Сансет. Я был с Ким, мы сидели на переднем сидении какой-то машины, и оба были под сильным героиновым кайфом.

Я был в мечтательном полузабытии от наркотиков, каким-то образом я расстегнул блузку Ким, потому что хотел увидеть её молочно белую грудь. Я уже практически лизал её сосок и держал в руке её грудь, когда вдруг БАМ, БАМ, БАМ, раздались громкие крики у окна машины. Я посмотрел вверх, и эта была Дженнифер.

- Ты, сволочь, тебя несколько дней не было, и я знала, что всё так и есть, - кричала она.

- Дженнифер, поверь мне, я, может, и расстегнул её рубашку, но у меня никогда не было секса с этой девушкой, она просто мой друг, - оправдывался я.

- Ты три дня назад сказал, что придёшь домой, а тебя уже три недели нет, и, кроме того, я беременна, - продолжала она кричать.

Тем временем ссора переместилась на тротуар, и Дженнифер пыталась прикончить меня или, по крайней мере, выцарапать мне глаза.

“Дженнифер, видишь ли, именно поэтому я не хотел приходить домой за три дня до отъезда. Я не хотел, чтобы меня били, с тобой очень сложно, я знаю, что ты не беременна. У тебя только что закончились месячные, а у нас не было секса с тех пор, поэтому даже не пытайся говорить мне, что ты беременна”. Я пытался спокойно с ней поговорить, но она была очень агрессивна. Но, конечно, я не виню её.

Её невозможно было остановить, и Ким начала попадать под перекрёстный огонь, поэтому я незаметно проскользнул в здание ЕМІ. Дженнифер пошла за мной, продолжая трепать меня за волосы и царапать моё лицо. Я всё ещё был под кайфом и не хотел лишаться глаза или клока волос, поэтому побежал по коридорам.

Дженнифер гналась за мной. Откуда-то у меня оказался пакет с печеньем, и я начал бросать в неё печенье, чтобы она оторвалась от меня и не могла ударить. Она схватила какой-то длинный предмет, а я прибавил ходу, чтобы она не достала им меня. Если бы это случилось, она ещё больше обезумела.

“Даже не пытайся ударить меня в живот, я беременна. Я знаю, что ты хочешь избавиться от ребёнка”, - кричала она.

К счастью Линди пришёл ко мне на помощь: “Дженнифер, мы уезжаем всего на пару недель. Я знаю, насколько сильно этот парень любит тебя. Он всегда говорит только о тебе”. В итоге, нам удалось отправиться в тур без потерь.

Несмотря на наш тур, ЕМІ никогда не поддерживала наш альбом и не давала денег на съёмки клипа. Но это не остановило нас. У Линди была одна из первых видеокамер для домашней съёмки, он снимал нас в туре, а затем включил этот материал в документальную программу на канале ВВС, из всего этого получился любительский клип *Jungle man*, который также содержал выступление в клубе Линжери в Голливуде. Он взял эти две плёнки в какую-то комнатку в офисе ЕМІ, смонтировал всё, и у нас появился клип стоимостью сто долларов. Позже

наш друг Дик Руд (Dick Rude) снял клип на Catholic school girls rule, в котором наряду с другими богохульными вещами был кадр, в котором я висел на кресте и пел. Из-за этого клип крутили только в клубах.

Когда мы не были в туре, я почти всё время принимал наркотики. Каждый день был словно День Сурка, ни чем не отличался от предыдущего. Мы с Ким просыпались и смотрели в окно, чтобы определить в каком направлении шло движение на шоссе, так мы распознавали закаты и рассветы. Затем мы собирали имеющиеся деньги, покупали наркотики, принимали их и с затуманенным разумом, держась за руки, гуляли вокруг озера в Эко парке. Если нужно было прийти на репетицию, я, как правило, не делал этого. А если я и приходил, то был не в состоянии, что-либо делать, поэтому просто отрубался в углу комнаты или терял сознание в лифте.

Каждый день мы с Ким употребляли наркотики и в самый разгар эйфории клялись, что завтра же перестанем это делать. Но на следующий день всё повторялось снова. К тому времени многие наши друзья сидели на наркоте, и часто мы могли видаться только в машинах, когда ждали встречи с дилером. Мы все были клиентами одного и того же французского парня, поэтому мы посылали ему сообщение на пейджер, а он перезванивал и говорил: "Встретимся на углу Беверли и Свитцер через десять минут". Мы ехали туда и встречали Хиллела и Мэгги в их машине, на другом углу Боба Фореста с его девушкой. Дилеры ходил от машины к машине, нас с Ким всегда обслуживали последними, потому что мы вероятнее остальных не имели нужного количества денег или уже были должны; но мы были терпеливы и хотели получить всё, что могли. Затем мы возвращались, и я был ответственен за дозирование наркотиков и наполнение шприцов. Я был более терпим к героину, чем Ким, и поэтому без её ведома всегда брал себе 75 процентов содержимого пакета, а ей отдавал всё оставшееся. Ирония была в том, что именно эта моя практика чуть не убила её.

Это случилось однажды вечером у Хиллела. Он переехал в бесславный голливудский отель Замок Милагро рядом с Гауэром. В одно время там жила Мэрилин Монро (Marilyn Monroe), но тогда он был населён наркодилерами и панк-рокерами. Как-то раз после того, как мы приняли немного Китайского Порошка, Ким, Хиллел и я поехали к нему, чтобы продолжить наш наркотический загул. У Хиллела была своя доза героина, а у Ким была наша с ней, и за чем-то Хиллел предложил ей часть своей, чтобы у меня в итоге была целая. Я был в таком безумии, принимая мою дополненную дозу, и до меня не дошло, что Хиллел, вероятно поделил свою с Ким пятьдесят на пятьдесят.

Кайф был просто невообразимым, и я помню, как мы Хиллелом пошли на кухню и вместе ели конфеты Обаяние, танцевали и много говорили о том, какими сильными были наркотики. А потом я вдруг подумал, что уже долго не слышали ни звука от Ким. Я понял, что она приняла большую дозу, чем когда-либо ранее.

Я ворвался в гостиную и увидел Ким, ровно сидящую в кресле, как будто она умерла. Она была белая и холодная, а её губы были синие, она не дышала. В один момент я вспомнил все способы спасения человека от героиновой передозировки, которым меня в тринадцать лет научил Блэки (Blackie). Я поднял её, потащил в душ, поставил её под холодную воду и начал делать ей искусственное ды-

хание рот в рот. Я отчаянно бил её по лицу и кричал: “Ким, чёрт тебя подери, не умирай вот так на моих руках. Я не хочу потом звонить твоей матери и говорить ей, что её дочь умерла. Я не хочу утром завтракать в одиночестве”.

Она начала то приходить в сознание, то снова терять его. Я тряс её как тряпичную куклу и кричал: “Не отключайся!” Хиллел позвонил 911, и когда paramedics приехали, я выпрыгнул из окна и убежал, потому что у них было достаточно видимых причин, чтобы передать меня под арест за нарушение закона о собственности и перемещении. Хиллел поехал в госпиталь с ней, и они откачали её. Спустя примерно двенадцать часов я позвонил ей в госпиталь.

“Приезжай и заberi меня. Эти сволочи разрушили мне весь кайф, - сказала она, - Мне плохо. Нам нужно найти наркотики”. Удивительно, но мне в голову никогда не приходило, что с этим могут быть проблемы.

Время от времени я предпринимал слабовольные попытки очиститься. Одна из них состоялась под убеждением Фли, который предложил мне слезть на время с наркотиков и восстановить связь с тем, что мы делали в группе. Он жил в милой квартире на улице Кармен, и он пригласил меня придти и выбить пыль из его матраса. Я пришёл с парой бутылок Никила и сказал: “Фли, это будет ужасно. Я не смогу спать, и мне будет очень больно. Ты действительно хочешь видеть меня в своём доме?”

Он хотел этого, мы слушали музыку, я выбил его матрас. Спустя некоторое время Фли сказал, что я должен снять квартиру в этом доме, я так и сделал. Конечно, Дженнифер тут же переехала вместе со мной. К сожалению, новый наркодилер по имени Доминик (Dominique), который сместил всех французов, жил всего в одном квартале оттуда.

Затем настало время ехать во вторую часть тура. Вечером накануне у нас с Дженнифер был наш сексуальный героиновый марафон. Мы занимались сексом пару часов, а потом час ссорились из-за того, что я на следующий день уезжал. Во время секса она кричала так же громко, как и сорилась со мной. Было сложно различить, когда мы ссорились, а когда занимались сексом. Поэтому сосед, который ненавидел меня, вызвал полицию, по причине, как он подумал, бытового насилия.

Я был дома, окружённый тоннами шприцов, ложек и героина, и в этот момент копы постучали в дверь.

- Нам тут позвонили по причине бытового насилия, - объяснил один из них.

- О чём вы говорите? Какое бытовое насилие? Я здесь со своей девушкой, вот и всё, - ответил я.

- Можем мы войти и взглянуть, - спросил коп.

Я как раз хотел сказать нет, когда Дженнифер подошла к двери. Очевидно, она уже не злилась на меня, но в силу своей импульсивности продолжала кричать. Один коп пытался просунуть свою голову в дверь и осветить своим фонарём на Дженнифер. В то время, как другой сделал запрос обо мне и обнаружил достаточные для моего ареста обстоятельства. Они схватили меня прямо там и вывели меня полуголого в наручниках. Все соседи смотрели и думали, что меня арестовали за то, что я побил девушку. Мы с Дженнифер не переставали кричать друг на друга, когда меня забирали. Это просто очень неприятная ситуация. К счастью Линди

вытащил меня, и на следующий день мы отправились в тур. В тот период моей жизни нужно было ожидать подобного рода событий даже перед самым началом тура.

Или по возвращению из тура. По возвращению из этого выезда в поддержку Freaky Styley я встретился с Бобом Форестом, который ждал нас на парковке ЕМІ. Боб был просто классиком в организации всяких заварушек во всём городе. Если он мог достать где-нибудь траву, тонко на что-то намекнуть, развести какую-нибудь драматическую ситуацию или конфликт, он обязательно это делал. Одному Богу известно, почему он так это любил. Возможно из-за того, что было видно, как он разваливается на части и поэтому теряет часть внимания к себе.

Боб знал обо всех моих безрассудствах в туре, но я был удивлён, когда он подошёл ко мне и сказал: “О’кей, ты где-то далеко, вытворяешь всякие безумства. Ты хоть иногда думал, как там Дженнифер?” Это было последнее, о чём я беспокоился. Я был уверен в том, что она никогда не предаст меня, несмотря на то, что я изменял ей направо, налево и по центру.

Он ухмыльнулся: “У меня плохие новости для тебя, приятель”.

Моё сердце дико забилося в груди.

- Друг мой, может не во время, я поделюсь с тобой информацией, которая тебя, скорее всего не особо интересовала, - продолжил он, - возможно, кое-кто также был не совсем честен с тобой, пока тебя не было.

- Ты с ума сошёл, - выпалил я, - Дженнифер скорее порежет себе вены, чем заинтересуется другим мужчиной. Она любит меня каждой клеткой своего тела. Она ни физиологически, ни эмоционально не способна отдаться другому мужчине.

- Нет, способна, потому что у меня есть доказательства.

Я пригрозил, что разmozжу его череп о тротуар, если он тут же не расскажет мне обо всём, что знает. Наконец, он раскрыл все карты. Пока я был в туре, Дженнифер переспала с Крисом Фишем (Chris Fish), клавишником группы Fishbone, одной из групп в Лос.-А., с которой у нас были братские отношения. Я никак не мог осознать этого. Я понял бы, если бы она переспала с Анджело Муром (Angelo Moore), симпатичных вокалистом. Какая девушка не хотела трахнуться с Анджело? Но Крис Фиш? Он был парнем с отвратительными дредами и наихудшим чувством стиля.

Я был в шоке. Не имело значения то, что за прошлый год в туре я переспал с сотней девушек. Это убивало меня. Осознание того, мой друг и моя девушка занимались этим, пока меня не было, непостижимо сильно деморализовало меня. Я чувствовал себя парализованным и, вероятно, мог довести себя до ракового заболевания. Но что я мог поделать?

За чем-то я пошёл к своему отцу и построил в голове план. Сначала я взял телефон и позвонил Крису: “Крис, ты трахал мою девушку?”

Последовала гигантская пауза, а затем медленный и ошеломлённый голос произнёс: “О, чёрт, Боб всё растрепал”.

Я глубоко вздохнул.

- Ты же не придёшь по мою душу, или как?

- Я не собираюсь тебе ничего делать, но ты больше мне не друг, и, мать твою, держись подальше от меня, - предупредил я. На этом разговор был окончен. Не он был моей проблемой, а Дженнифер.

Я позвонил ей: "Дженнифер, я знаю, что произошло".

- Ничего не было", - возразила она.

- Нет, я точно знаю, что случилось. Я говорил с Крисом, между нами всё кончено.

Она начала оправдываться, обвиняя Криса во лжи, но я был непреклонен: "Между нами всё кончено. Даже не появляйся рядом со мной, я ненавижу тебя. Прощай навсегда".

Я повесил трубку, абсолютно осознавая, что делаю. Пришло время, двигаться дальше. Меня охватило чувство волнения, и я позвонил Фли. Мы с ним и Пит Уайс отправились куда-нибудь прокатиться. Я стоял на крыше машины, пока она ехала по улицам Голливуда, и кричал: "Я свободный человек. Я свободный человек".

Мы ездили в разные туры вплоть до весны 1986, когда настало время думать о следующем альбоме. Одним из продюсеров, которых мы хотели пригласить, был Кит Левин (Keith Levene), он также работал с Public Enemy. Я знал Кита, и считал его отличным парнем, но также мне было известно о его героиновой зависимости, поэтому нас ожидал небезынтересный и сложный опыт. Хотя меня обрадовала эта перспектива, потому что я сам плотно сидел на наркотиках. Чем запутаннее становилась любая ситуация с Китом, тем меньшим дерьмом по сравнению с ним выглядел я.

EMI выделила нам пять тысяч долларов на запись демо. Это казалось мне довольно большой суммой. Демо-запись просто не могла стоить так дорого. Когда я встретился с Хиллелом и Китом, то выяснилось, что они собирались потратить две тысячи на наркотики якобы для улучшения процесса записи. Не думаю, что Фли был за это, а Клиффу было всё равно; его просто охватил водоворот происходящего с нами безумия.

Я опоздал на запись, а когда пришёл в студию, то в первую очередь поинтересовался, на самом ли деле они потратили часть бюджета на наркотики. Но, переступив порог студии, я увидел в комнате гору кокаина и маленький пригорок героина рядом. Хиллел был под сильнейшим кайфом. Они сказали мне, что купили наркотиков на первые полторы тысячи долларов, и я начал копать в них, хватать, высыпать и принимать. В итоге, я был под таким кайфом, что был абсолютно не форме для того, чтобы быть частью творческого процесса.

Бедный Клифф сидел в углу и разбирался с новым на тот момент устройством, драм машиной. Он бил по пэдам и вызывал запрограммированные барабанные звуки, можно было записать свои звуки и играть с абсолютно любым, какой захочешь. Любимым звуком Клиффа был крик ребёнка. Несмотря на то, что это было низкотехнологичное устройство, Клифф играл с ним так же одержимо, как мы увлекались наркотиками. При этом он как странно и нервно смеялся. Он посмотрел на меня и сказал: "Я бы мог десять лет без перерыва играть с этой штукой. В ней будто бы целая группа". Я помню, что подумал: "Вот, что он хочет де-

лать. Его достал весь этот цирк вокруг, он смотрел на эту машину и видел в ней своё будущее”.

Было очевидно, что сердце Клиффа уже не принадлежало группе. Он не уходил, но мы чувствовали, что он не хотел продолжать, поэтому Фли пришёл к нему домой и сообщил неприятные новости. Клифф воспринял это достаточно тяжело и переживал из-за этого ещё пару лет. Но затем Джэк Айронс (Jack Irons), наш первоначальный барабанщик, решил вернуться в группу. Это шокировало меня не меньше, чем в своё время возвращение Хиллела. По-видимому, что-то произошло с What Is This, и это пошатнуло уверенность Джэка. Он не был человеком, который бросал что-либо ради лучшего карьерного роста. Как бы то ни было, он скучал по нас, любил нас и хотел играть с нами музыку. Итак, он вернулся, и мы снова начали писать музыку нашей оригинальной четвёркой.

Вскоре кое-кто ещё вернулся в мою жизнь. Прошло около месяца с того момента, как мы с Дженнифер расстались. Я всё ещё употреблял много героина и кокаина, и ничему не учился. Я рос как человек. Я не ставил никаких целей в жизни, не боролся с недостатками своего характера. Я был просто долбаным наркоманом.

Однажды ночью, часа в три, кто-то постучал в дверь моей квартиры на улице Кармен. Это была Дженнифер. Она работала гоу-гоу танцовщицей в клубе, и, очевидно, как раз возвращалась с работы, потому что была одета в тысячу разных цветов, перья, сапоги и цепи. На ней также был сумасшедший макияж, создание которого, должно быть, заняло несколько часов.

- Пожалуйста, простопусти меня. Я скучаю по тебе. Очень скучаю, - умоляла она.

- Да и не думай об этом, - ответил я, - просто уходи. Не создавай мне проблем, не начинай кричать. Я не хочу, чтобы сюда приехали копы.

Я закрыл дверь и пошёл дальше спать. Когда я проснулся, то увидел Дженнифер, свернувшуюся клубком на коврике у моей входной двери, она спала. Это продолжалось ещё несколько недель. Каждую ночь она приходила, стучала в дверь или сворачивалась и спала на моём пороге. Я даже начал выходить из квартиры через кухонное окно и карабкаться вниз по огромному лимонному дереву, которое росло прямо под ним. Это дерево также пригождалось мне, когда я принимал Персидский героин, основанный на масле, потому что готовить его нужно было в лимонном соке.

Но однажды ночью я уступил. Не помню, сдался я перед её любовью, или мне было очень плохо, и я нуждался в двадцати баксах. А возможно, она пришла ко мне уже с наркотиками, какими бы грустными, болезненными и странными не были обстоятельства, я всё же впустил её. Наша связь возобновилась с того же с такой же, как прежде силой. Мы летали под кайфом как два воздушных змея, вернулись к нашим смешанным, дисфункциональным, но страстным отношениям. Таким страстным, что они позже были запечатлены на видео, ставшем культовой классикой в андэграундном сообществе Лос.-А.

Это произошло однажды вечером в клубе Рокси. Какие-то люди организовали шоу в поддержку общества Морской Пастух, альтернативной версии Greenpeace, Chili Peppers пригласили выступить. Фишкой вечера было то, что ка-

ждающая группа должна была сыграть кавер какой-нибудь песни Джимми Хендрикса (Jimi Hendrix). Был отличный состав выступающих групп: Майк Уот (Mike Watt), наш друг Три (Tree) и Fishbone, поэтому мы дико хотели сыграть там.

Когда я пришёл на концерт, Fishbone как раз должны были выйти на сцену. Ранее существовала возможность, что Дженнифер будет петь бэк-вокал у Fishbone, но я пресёк это на корню: “Ты не выйдешь на сцене с этим парнем”. Fishbone вышли на сцену, а я отправился на балкон. Когда я посмотрел вниз, то увидел Дженнифер на сцене. Мне это очень не понравилось. Теперь я должен был заставить её заплатить за всё это неуважение, с которым она отнеслась ко мне перед всеми моими друзьями. В то же время я сдерживал себя, потому что в этой ситуации многое значило то, что я мог хорошо петь песню Foxy lady. Прямо перед нашим выходом на сцену, одна молодая хипповая девушка прошла за сцену. Она была очень симпатичной шатенкой с огромной обтянутой топилом грудью, которую невозможно было не заметить.

У меня в голове тут же возникла идея. Я подошёл к ней и прошептал на ухо: “Мы играем сегодня Foxy lady, и когда в конце песни будем беситься на сцене, я бы хотел, чтобы ты вышла и обнажённая станцевала со мной”. Двое могут играть в одинаковые игры. Хипповая богиня согласилась. Мы вышли и отмочили Foxy lady. Было ощущение, что наша группа могла взлететь в воздух. Барабаны гремели. Фли отрывался на полную. Хиллел безумно кружился. Я же отдавался на полную.

Я практически забыл о том, что на сцене должна была появиться неожиданная гостья. Мы подошли к концу песни, и эта подтянутая молодая хиппи вышла на сцену. Она не разделась полностью, но сняла верх, и её огромная грудь, казалось, скакала по всей сцене. Она подошла ко мне и стала танцевать со мной свой хипповый танец. Норвуд (Norwood), басист Fishbone, вышел, чтобы присоединился к нам, и мы зажали между собой эту полуголую девушку.

Внезапно кто-то вскочил на сцену, как взрыв пушки. Это была Дженнифер. Она схватила Норвуда, который был большим парнем, и отбросила его в сторону как тряпичную куклу. Затем она схватила девушку и буквально сбросила её со сцены. Тем временем группа продолжала играть. Я понял, что вскоре мне придётся ощутить серьёзную боль. К тому времени я уже валялся на полу и пел концовку. А Дженнифер лезла на меня с кулаками и жёсткими пинками, хватала меня и целилась своими ботинками в мою промежность. Я всё время пытался блокировать пинки, не пропуская при этом ни ноты песни. Она била меня до тех пор, пока я не закончил песню и не сбежал от неё в тёмную ночь.

Зажатая в тиски моей дисфункциональной девушкой, моим дисфункциональным платоническим другом и моей собственной дисфункциональной личностью, моя жизнь скатывалась вниз по спирали. Мы, наконец, определились с продюсером нашего третьего альбома, это был Майкл Бейнхорн (Michael Beinhorn). Он был очень умным нью-йоркским парнем, который увлекался той же музыкой, что и мы, и ранее спродюсировал хит Хэрби Хэнкока (Herbie Hancock) Rockit. Но я застрял в своём Годе Сурка, просыпаясь каждое утро, чтобы снова встретиться с серой реальностью, в которой мне необходимо было принять наркотики, чтобы чувствовать себя хорошо. Я снова отправился в героиновый загул вместе с Ким,

перестав быть продуктивным. Я увядал ментально, духовно, физически, творчески, увядало всё. Иногда героин приносил милые, мечтательные, беззаботные, почти романтические ощущения, эйфорию. На самом же деле я умирал, но не мог этого видеть из глубоких дебрей, в которые погрузился.

В наши первые репетиции в то время, я вообще не приносил никакой пользы. У меня не было привычного драйва или желания рождать какие-нибудь идеи и стихи. Всё это по-прежнему было во мне, но всё было смешанным и оцепенелым. Мы написали немного музыки для третьего альбома, песни четыре или пять, но нам нужно было больше. Вся группа страдала из-за того, что мы с Хиллелом сидели на наркотиках, но всё бремя ответственности перекладывалось в основном на меня, потому что на репетициях я буквально спал.

Однажды я пришёл на репетицию, а Джек, Хиллел и Фли, эти три парня, которые любили, возможно, больше, чем кто-либо на этой земле, сказали: “Энтони, мы выгоняем тебя из группы. Мы хотим играть музыку, а ты, видимо, нет, поэтому тебе придётся уйти. Мы найдём нового вокалиста и будем продолжать, поэтому мы тебя выгоняем”.

У меня в голове на секунду всё прояснилось, я понимал, что у них есть все права, чтобы уволить меня. Это был очевидный шаг, как ампутация гребаной ноги из-за гангрены, во имя спасения остального тела. Я просто хотел, чтобы меня помнили и признавали за те два или три года, которые я провёл в Red Hot Chili Peppers в качестве одного из основателей группы, парня, который создал что-то, записал два альбома, несмотря на то, что будет после меня. Часть меня действительно хотела уйти из группы. Но то, что у меня больше не будет никакой ответственности, и я смогу отрывать и принимать наркотики с Ким, сильно облегчало для меня это решение.

К их изумлению, я пожал плечами и сказал: “Парни, вы правы. Я прошу прощения за то, что не давал группе того, что должен был всё это время. Мне очень стыдно, но я хорошо всё понимаю и желаю вам, парни, удачи во всём”.

И я ушёл.

Как только я перестал быть обязанным перед кем-либо отчитываться, мои дела начали идти всё хуже, хуже и хуже. Ким и я просто забылись. Отчаяние овладевало нами, мы были должны много денег наркодилерам во всём Голливуде. Поэтому из её дома, который был не далеко от окраины Лос-Анджелеса, мы начали ходить в знаменитые наркотические районы, в основном это были Шестой и район Союз. Мы ходили по улицам и знакомились с всякими прохожими. Я практически сразу встретил там одного талантливого чувака, который мог достать всё, что нужно. Он был натуральным уличным парнем, бесконтрольным и безумным наркоманом, который ловко вращался в наркотическом мире латинских окраин. Он стал нашим проводником ко многим другим связям. А жил он всё ещё со своими родителями в маленьком деревянном доме. Этот парень был с головы до ног покрыт следами от уколов, нарывами и всякими болезнями, но он был отличным мастером всех углов в окраинных районах. Ким и я всегда были такими мелкими панковскими покупателями с маленьким бюджетом, но он всегда обращался с нами, как следует. Мы доверяли этому парню. Мы покупали дозами героин и кокаин, заходили на пару кварталом вглубь этих жилых районов и принима-

ли всё прямо на улице. Мы всё ещё были уверены в своей непобедимости и невидимости и думали, что нас не тронут.

Спустя неделю после того, как меня выгнали из группы, для меня настал очень грустный определяющий момент. Я разговаривал с Бобом Форестом, и он сказал мне, что моя бывшая группа была номинирована на звание лучшей группы года в Лос.-А. на ежегодной музыкальной премии газеты L.A. Weekly. Для нашего уровня это было сродни номинации на Оскар, по этому это было очень захватывающе. Боб спросил меня, собирался ли я пойти на церемонию. Я ответил ему, что я даже не разговариваю с парнями, поэтому не представляю, как туда заявлюсь.

Но награды имели место быть в здании Театра Искусств, классическом старом месте недалеко от окраины города. Совершенно случайно в тот самый вечер я находился в том же районе, пытаюсь купить на свои деньги больше наркотиков, чем мне хотели за них дать. У меня оставались последние десять долларов, это вызывало у меня не очень хорошие ощущения, потому что в такой вечер хотелось полностью улететь, а я был всего лишь под лёгким кайфом. Я помню, что принимал спидбол с какими-то дилерами из банды, как вдруг вспомнил о проходящем в то время празднике L.A. Weekly.

Я втиснулся в вестибюль театра со слегка затуманенным взором. Внутри, казалось, было необычно темно, и не было ни души, потому что шоу было в самом разгаре. Двери в главный зал театра были открыты, поэтому я проскользнул в одну из них и начал искать в зале своих бывших друзей по группе. Естественно, они сидели где-то в первых рядах. Я и минуты не пробыл там, как наткнулся на кого-то, кто сказал мне: “Парень, ты не должен быть здесь. Тебя, вероятно, будет очень грустно”.

Прямо в тот момент со сцены объявили победителя в номинации группа года: “Red Hot Chili Peppers”. “Мы победили! Мы выиграли эту грёбаную награду!” - поздравил я самого себя. Я посмотрел на парней, а они уверенно шли на сцену с большими улыбками на лицах, в своих причудливых костюмах и шляпах. Каждый из них получил свою награду и произнёс небольшую речь вроде: “Спасибо L.A. Weekly. Спасибо Лос.-А. Мы круты. Увидимся в следующем году”. Никто из них не упомянул о брате Энтони, который сделал всё это вместе с нами, и кто также заслужил часть этой награды. Всё это выглядело так, будто меня и не было с ними все эти три года. Ни одного чёртова звука о парне, которого они вышибли две недели назад. Ни “Покойся с миром”, ни “Да хранит Бог его душу”, ничего.

Это был поэтически трагичный, странный и сюрреалистичный для меня момент. Я понимал, что меня выгнали, но так и не мог понять, почему же они поступили так бессердечно и даже ничего не крикнули мне со сцены. Я был в слишком большом шоке, чтобы жалеть себя. Я просто отчаянно пытался не думать о том, как серьёзно я облажался, хотел избежать всякой ответственности и сведения счётов. Поэтому я просто сказал себе: “А, чёрт с ними”, и попытался занять у кого-нибудь в вестибюле пять долларов, чтобы уйти отсюда и снова принять наркотики.

Деньги на наркотики были очень важной статьёй расхода для нас, но однажды Ким получила большой чек, и мы пошли и купили тонну наркоты, а потто

вернулись к ней домой, чтобы всё это принять. Я получил такой кайф и чувствовал себя так хорошо, что сказал Ким: “Мне нужно слезть с этого дерьма”. Иногда в моменты сильного кайфа, начинает казаться, что это чувство продлится всю жизнь, и ты начинаешь верить в то, что сможешь соскочить с наркотиков. Кажется, что эта эйфория никогда не уйдёт.

“Я позвоню своей маме, вернусь в Мичиган и начну принимать метадон”, - говорил я Ким. Насколько я знал, это было лекарство от зависимости.

Мы распустили нюни от такого сильнейшего кайфа, но Ким показалось, что это хорошая идея, поэтому я взял телефон и позвонил своей маме. “Ты не поверишь в это, но у меня здесь довольно серьёзные проблемы с героином, и я хочу вернуться в Мичиган и начать принимать метадон, но у меня в кармане ни пенни”, - сказал я.

Я уверен, что моя мама была в шоке, но она тут же попыталась действовать спокойно и рационально. Она, вероятно, чувствовала, что моя жизнь находилась на краю пропасти, и если бы она изменила поведение и начала меня осуждать, я бы никогда не вернулся домой. Конечно, если бы она увидела, как мы жили, она бы, наверное, после этого попала в психбольницу.

Она сделала всё необходимое, и на следующий день мне прислали билет, но мы никак не могли прекратить принимать наркотики. Настал день, когда я должен был улетать, но накануне мы всю ночь провели под кайфом, когда уже нужно было ехать в аэропорт, мы никак не могли придти в себя. Я позвонил маме и как-то глупо соврал о том, почему я не мог улететь в тот день, и что я поменяю билет на завтра. Это продолжалось и продолжалось, всякий раз я говорил: “Я прилечу завтра, я прилечу завтра”, в то время как мы с Ким были размазаны по полу её квартиры.

Наконец, я окончательно решил лететь, но нужно было уйти в один последний загул и, как следует, накачаться наркотиками перед отлётом, чтобы всю дорогу домой быть под кайфом. Настало последнее утро, когда я мог улететь по моим билетам, мы поехали на окраину город, чтобы купить пару доз героина и немного кокаина.

Ким вела машину, старый Сокол, который она взяла у кого-то на время, а я то выходил, то садился обратно в поисках хорошей сделки на улице. Карманы моего плаща постепенно наполнялись героином, кокаином, ложками, тканью, шприцами и много чем ещё. На одной из окраинных улиц я увидел того, кто действительно мог быть мне полезен. Я перешёл через дорогу и не успел опомниться, как вдруг какой-то коп крикнул: “Эй, приятель, ты, в пальто. Ну-ка подойди сюда”.

Краем глаза я увидел, что Ким спряталась за колёсами Сокола. Она опустилась на землю и начала стонать.

Я весил в лучшем случае 120 фунтов (54 кг), а мои волосы представляли собой один большой спутанный шлем, как ухо слона. Я был одет в плащ, который висел на мне, как на вешалке, а моя кожа была странного жёлто-зелёного оттенка. Также на мне были высокие чёрно-красные кроссовки с рисунками, которые я сам сделал маркером. На одном я нарисовал довольно красивую Звезду Давида размером где-то с серебряный доллар. О, и ещё на мне были тёмные очки.

Мой вид сильно меня выдавал.

К тому времени у копа появилось подкрепление.

- Мы видели, как ты тут ошивался, а ты выглядишь немного подозрительно, - сказал первый коп, - почему бы тебе не показать нам свою идентификационную карточку?

- Ну, у меня нет этой карты, но меня зовут Энтони Кидис, и я вообще-то опаздываю в аэропорт на самолёт, я полечу к маме... - выпалил я.

Во время этого допроса, другой коп систематично дуюм за дюймом обыскивал меня, начав с кроссовок и носков.

Я рассказывал первому копу, когда и где я родился, мой адрес, а он всё это записывал, отвлекая меня, пока его напарник меня обыскивал. Он уже добрался до моих штанов, выворачивал карманы, которые были наполнены плохими новостями.

“В твоей куртке есть внутренние карманы?” - спросил второй коп. Я заволновался и показал им билет на самолёт и всё остальное, что лежало во внутренних карманах.

Как раз, когда он уже обыскал другие карманы, и почти приступил к тем, в которых всё лежало, его напарник посмотрел на мои кроссовки и спросил: “Ты еврей? Почему у тебя Звезда Давида на кроссовке?”

Я взглянул наверх и увидел бейдж с его именем. Там было написано КОЭН (COHEN).

“Нет, но мой самый лучший друг еврей, и у нас обоих есть вещи со Звездой Давида”, - ответил я.

Коэн посмотрел на своего напарника, который практически нашёл у меня наркотики, и сказал: “Ковальски (Kowalski), отпусти его”.

- Что? – спросил Ковальски.

- Дай, я поговорю с ним секунду, - сказал Коэн и отвёл меня в сторону, - слушай, ты не должен быть здесь, - прошептал он мне, - чем бы ты там не занимался, тебе не идёт это на пользу, поэтому садись на свой самолёт и сваливай отсюда. Чтоб я тебя здесь больше не видел”.

Я кивнул головой, и как только загорелся зелёный свет светофора, перебежал улицу и, наконец, в то утро приехал в аэропорт.

Когда мы прилетели в Мичиган, я всё ещё был под кайфом. Я увидел свою маму в зале ожидания и подошёл к ней, но она не смотрела прямо на меня, потому я выглядел так, будто вылез из могилы.

“Привет, Мам”, - кротко сказал я. Её взгляд, полный шока, ужаса, страха, грусти и недоверия, был невыносим. “Давай сразу поедem в клинику”, - попросил я.

Мы подъехали к зданию и спросили у работника, в каком здании здесь лечат метадон. Нам ответили, что клиники штата Мичиган прекратили использовать метадон уже шесть месяцев назад. Это были действительно плохие новости для меня, потому что в обычно время я бы пошёл куда-нибудь и достал бы себе наркотики. Но я не мог. Я едва ходил, а у меня в кармане не было ни пенни.

Специалист предложил мне пройти курс долговременного лечения, но на это нужно было потратить год. Я бы лучше пересёк черту и умер, чем лечиться в больницу на год.

“Другая альтернатива это Армия Спасения, - сказал парень, - но там вы не пройдёте курс детоксикации”.

Мы поехали в захудалый район Грэнд Рэпидс, и я записался в Армию Спасения. “Спасибо, мы вернём вам вашего сына через двадцать дней”, - сказали они, и моя мама уехала. Я был в недоумении. Они отвели меня в большую комнату и дали мне кровать. Я оглянулся и увидел белых, чёрных ребят, латиносов, алкоголиков, наркоманов, парней, сидевших на крэке, и нескольких парней постарше. Я отлично вписывался в компанию.

Меня мучили ужасные ломки. Я знал, чего ожидать, потому что уже проходил через это. Я знал, что у меня будет дико болеть живот, и каждую кость в теле будет ломить. Когда ты двигаешься, болят твои ресницы, брови, локти, колени, лодыжки, твоя шея, Глова, спина, болит всё. Даже те части твоего тела, которые никогда до этого не болели, тоже болят. Во рту ощущается плохой вкус. Где-то с неделю ужасный насморк невозможно контролировать. Мне, конечно, не было настолько плохо, но самую ужасную агонию вызывала постоянная бессонница. Я не сомкнул ни разу за эти двадцать дней. Ночью я не спал, а ходил по коридорам, сидел в зале и смотрел ночное телевидение. Первые несколько дней я также не мог есть, но вскоре аппетит восстановился, и я начал питать свой организм мясом.

Спустя несколько дней, кто-то из персонала подошёл ко мне и сказал: “Тут ты каждый день должен посещать собрания”. На улице было холодно и снежно, я чувствовал себя несчастным, но принял свою судьбу такой, какой она была, и вместе с остальными ребятами ходил в эту маленькую комнату. Я не был настроен на понимание происходящего, потому мной овладели физическая боль и эмоциональная агония, несмотря на это, я посещал собрания и видел двенадцать этапов, висевших там на стене. Я пытался прочесть их, но не мог сфокусировать зрение, пытался послушать людей, но не мог справиться со своими ушами.

Я издевался над всем, что имело отношение к умеренности и восстановлению моей жизни. Я видел наклейки, которые призывали избавиться от пагубных привычек в один день, и думал: “К чёрту всё это”. Я был наркоманом, безумным артистом, жуликом, злодеем, лжецом, обманщиком, вором и многим другим, поэтому, естественно, я начал искать способы обойти существующие здесь правила. Была ли проблема в деньгах? В Боге? В религии? Я не понимал, что же меня всё-таки меня останавливало.

Но я сидел на собрании и чувствовал, что происходящее в этой комнате имело для меня смысл. Там просто находилась кучка людей, похожих на меня, которые помогали друг другу слезть с наркотиков и найти новый образ жизни. Я очень хотел найти для себя лазейку, но не мог. Я думал: “О, Боже, эти люди так похожи на меня, но они больше не употребляют наркотики, не выглядят несчастными, шутят о таком дерьме, уже за разговоры о котором многие люди уже давно бы упекли их в тюрьму”. Одна девушка встала и начала рассказывать о том, что не могла бросить курить крэк, даже, несмотря на то, что у неё был ребёнок. Ей

приходилось отдавать своего ребёнка матери. Я думал: “Да, я бы делал так же. Я бы отдавал ребёнка маме и исчезал. Я также поступал со своей группой”.

Это не было культом, жульничеством, причудой или уловкой, для вытягивания денег; просто одни наркоманы помогали другим. Одни были уже чисты, другие были только на пути к этому, потому что говорили с тем, кто избавился от зависимости, были честными и не боялись сказать, насколько разбитыми были. Я вдруг осознал, что если бы делал это, то тоже был бы чист.

Я пробыл там двадцать дней, не спал, но ежедневно посещал собрания, слушал людей, читал книги и придерживался всех основных правил.

По прошествии двадцати дней я вернул домой к маме в Лоуэлл, чувствуя себя совершенно другим, по сравнению с приездом. Мне было двадцать четыре, и я был полностью чист впервые с одиннадцати лет. Я мог спать по ночам, и мы с мамой радовались приходу следующего дня. Мой отчим Стив (Steve) всегда меня поддерживал, так же, как и мои сёстры. Я чувствовал себя довольно хорошо, что странно, если принимать во внимание всё, что я разрушил в своей жизни. В тех собраниях было очень много оптимизма, исходящего от людей, освободившихся из собственных внутренних тюрем, всё казалось свежим и новым.

У Стива было много старых тренажёров, я их восстановил и немного занялся своим телом. Я совершал долгие прогулки и играл с собакой. Я так давно не чувствовал себя нормально, я ни за кем не гнался, никому не звонил, не встречался с кем-то среди ночи, чтобы уговорить его продать мне наркотики. Удивительно, но ничто подобное не приходило мне в голову.

В период моего пребывания в Армии Спасения, я осознал, что если я не хочу продолжать то, чем занимался ранее, то мне придётся расстаться с Дженнифер. Я действительно хотел оставаться чистым, я не обвинял её в своих проблемах, но знал, если останусь с ней, мои шансы остаться чистым резко уменьшатся.

Я продолжал посещать собрания, когда жил с мамой, и понял, что алкоголизм и наркозависимость это самые, что ни на есть болезни. Когда ты осознаёшь, что состояние, которое ты называл безумством, имеет название и описание, тогда ты понимаешь проблему и можешь с ней бороться.

Настоящее физиологическое облегчение наступает от осознания того, что именно с тобой не так, и почему ты пытался какими-то странными методами лечить себя притом, что ты уже достаточно взрослый, чтобы найти нужное лекарство. В самом начале я понимал не все концепции и пытался срезать углы, поступать только так, как хочется мне, делать всё урывками и не выполнять всю работу, которую мне поручали. Но мне нравились эти новые ощущения, и я во многом раскрылся. Кроме того, на мне накатывали волны сострадания по отношению к остальным бедным безумцам, которые разрушали свои жизни. На собраниях я смотрел на людей и видел красивых молодых женщин, которые превратились в скелеты оттого, что не могли завязать с наркотиками. Я видел людей, которые любили свои семьи, но тоже не могли остановиться. Всё это привлекало меня. Я решил, что хочу стать частью того, с помощью чего эти люди могут получить шанс спастись и вернуть себе свои жизни.

Пробыв в Мичигане месяц, я решил позвонить Фли, просто чтобы спросить, как дела. Мы поприветствовали друг друга, а затем я рассказал ему о моих ломках, собраниях и о том, что я уже не принимаю наркотики.

- Что значит, ты не принимаешь наркотики? – спросил Фли, - совсем ничего? Даже траву?

- Да. Я даже не хочу. Это называется умеренность, и мне это нравится, - ответил я.

- Это какое-то безумие. Я так счастлив за тебя, - сказал он.

Я спросил, как шли дела у группы, и он сказал мне, что они взяли нового вокалиста с татуировками. Но по его голосу я мог сказать, что он им не очень нравился. Меня это особо не волновало. Никаким путём, не при каких обстоятельствах я не пытался вернуться в группу.

Фли, должно быть, услышал что-то в моём голосе в тот первый звонок, это что-то он не слышал с тех пор, как мы учились в средней школе. Меня удивляло то, что, почувствовав себя хорошо, я не пытался найти способ вернуться в группу, это было непохоже на меня. Но тогда мне было действительно всё равно, вернусь я или нет. Это было лёгкое чувство ожидания от ситуации любого исхода, а это уж точно было непохоже на меня, потому что я помешан на контроле над всем. Обычно я знаю, чего хочу, и хочу это немедленно. В тот момент я освободился от своего эгоистичного поведения.

Через несколько дней Фли позвонил мне. “Может быть, ты хочешь приехать и сыграть с нами пару песен, чтобы понять, каково это, вернуться в группу?” - спросил он.

В ту минуту я впервые увидел перед собой такую возможность. Я пробормотал: “Ого, хмм. Да, я бы хотел. Я на самом деле только об этом и думаю”.

“О’кей, возвращайся, и давай приступим к работе”, - сказал Фли.

Я сел на самолёт в сторону дома и вёз с собой абсолютно новую волну энтузиазма в отношении своей новой жизни. Я решил написать песню о своём месячном опыте собраний, очищения и победы в битве против моей зависимости. Сейчас я оглядываюсь на то время, и это кажется наивным, но на том этапе моей жизни я действительно чувствовал это. Я взял блокнот, посмотрел из иллюминатора на облака и стал изливать на бумагу эту реку слов, которая текла сквозь меня.

Из **Fight like a brave:**

*If you're sick-a-sick and tired of being sick and tired
If you're sick of all the bullshit and you're sick of all the lies
It's better late than never to set-a-set it straight
You know the lie is dead so give yourself a break*

*Get it through your head; get it off your chest
Get it out your arm because it's time to start fresh
You want to stop dying, the life you could be livin'
I'm here to tell a story but I'm also here to listen*

*No, I'm not your preacher and I'm not your physician
I'm just trying to reach you; I'm a rebel with a mission
Fight like a brave—don't be a slave
No one can tell you you've got to be afraid*

(перевод):

*Если ты устал, быть усталым от всего
Если ты устал от всей ерунды и устал от всей лжи
То лучше поздно, чем никогда решить всё раз и навсегда
Ты знаешь, что ложь мертва, поэтому дай себе отдохнуть*

*Пойми это своей головой, пойми это своей грудью
Вынь всё из своей руки, потому что пришло время начать всё заново
Ты не хочешь умирать, а хочешь жить
Я здесь, чтобы рассказать свою историю, но я здесь и для того, чтобы
слушать*

*Нет, я не твой священник, и я не твой врач
Я просто хочу, чтобы ты понял меня, я бунтарь с особой миссией
Борись как храбрец – не будь рабом
Никто не может заставить тебя бояться*

Когда я вернулся в Лос.-А., не прошло и двух месяцев, как я снова начал принимать героин и кокаин. Моя умеренность не продержалась долго, но теперь я знал, как выбраться из этого безумства на тот случай, если захочу этого, если захочу делать что-либо для этого.

8. "Organic Anti-Beat Box Band"

Воссоединение группы была не единственная вещь, о которой мы с Фли говорили, когда он позвонил мне в Мичиган. Пока я был далеко, Фли получил небольшую роль в фильме *Stranded* (На мели), где он встретил красивую молодую актрису по имени Ione Skye (Айон Скай), которая по его мнению, мне очень бы подошла. Когда я вернулся домой, мы договорились встретиться.

Когда я прибыл в Лос Анджелес, я переехал к Линди, который был очень добр и разрешил мне жить в его двухкомнатной квартире на Studio City. Конечно, это означало, что я должен был игнорировать все звонки Jennifer. У меня не было никакого желания с ней разговаривать, особенно после того, как я встретил Ione. С того момента, как я положил на нее глаз, я знал, что эта богиня будет моей девушкой. Ей было почти шестнадцать и она выглядела так, как будто она только что выпрыгнула из сказки. Тогда как Jennifer была утонченно-наманикюренная, современная, можно сказать скульптура панк рок звезды, Ione была более натуральна, мягка, лесная нимфа. У нее были длинные, выющиеся коричневые волосы, кокетливое открытое лицо и неправильный прикус. А я всегла любил, когда у девочек неправильный прикус.

Ione выросла в очень альтернативной Голливудской семье. Её отец, Donovan, был фольклорным певцом, но он не жил с ними много лет. Ее мать, Энид, была офигительной хиппи со светлыми кучерявыми волосами. У Ione еще был брат, которого зовут в честь ее отца. Они жили в таком большом старом деревянном доме на North Wilton, пропитанном теплотой и любовью. Ione одевалась как ребенок хиппи и была очень особенной и просто одаренной. Она всегда была слишком заинтересована во всем, касающегося секса. Это была такая энергия, которую она никак не выражала, но ее можно было почувствовать. Скорее всего она была самая красивая, умная, сексуальная и добрая девушка во всем Голливуде и, слава Богу, наши чувства были взаимны. На своем дне рождения, через несколько дней после того, как мы встретились, она уже знакомила меня со всеми, говоря не "это Энтони", а "это мой парень, Энтони" Это было головокружительно, как я быстро и глубоко влюбился.

Теперь я был окончательно готов вернуться к работе. Я встретился с нашим продюсером, Michael Beinhorn, и мы прошлись по состоянию наших песен. Мы должны были вернуться в студию и сделать уже все песни за десять дней, поэтому я начал писать слова во время процесса записи. Я бы не сказал, что работы было очень много; в те времена, когда для альбома нужно всего песен двенадцать. Мы работали над "Fight like a brave" и "Me and My Friends", песня которую я написал пока домой из Сан-Франциско вместе с моим старым другом Джо Волтерсом. Фактически, "Funky Crime" – это лирическое описание нашего разговора с Джоржом Клинтоном, в котором он говорил, что музыка сама по себе бесцветна, но медиа и радио станции разделяют ее, основываясь на собственным пониманиях и желаниях. "Backwoods" это песня про самые корни рок-н-ролла, а "Skinny Sweaty

Man” это моя ода Хиллелу. Я написал еще одну песню в честь Хиллела- “No Chump Love Sucker”. Дело в том, что его только что бросила девушка и ушла к другому, более богатому, оставив его одного, совершенно разбитым и грустным. Так что это песня была мстью против таких злых и корыстных женщин.

“Behind The Sun” было своего рода отвлечением для нас. Хиллел создал такой классный, мелодичный риф и Beinhorn почувствовал, что эта песня может стать хитом. Он очень много работал со мной над мелодией, зная, что такая песенка, это совершенно не моё. Видимо моя репутация в то время была основана на таких песнях, как “Part on Your Pussy”, которую EMI отказалось выпускать, пока мы не поменяли название на “Special Secret Song Inside”. “Love Trilogy” стала одной из наших самых любимых песен. Начало песни немного в стиле регги, потом она переходит в такой хард кор фанк и заканчивается металом. Каждый раз, когда кто то спрашивал про смысл слов, Майк (Фли) отвечал, “Ты прочитай слова ”Love Trilogy“ и поймешь про что эта песня”. Эта песня про любовь к тем вещам, которые не всегда красивы и правильны.

From “Love Trilogy”

*My love is death to apartheid rule
My love is deepest death, the ocean blues
My love is the Zulu groove
My love is coop-a-loop move
My love is lightning blues
My love is pussy juice
My love can't be refused*

После пятидесяти дней трезвости, я подумал : «О, пятьдесят это хорошее число. Я думаю надо его отметить». Я решил, что это было отличное время сесть на наркотики. Мой план был таков: проторчать день или два, а потом вернуться к работе. Но как только я начал, я не мог закончить, и это очень помешало началу звукозаписывающего процесса. Песни были офигительны; Хиллел горел пламенем, мы все были просто влюблены в нашу студию в подвале Capitol Studios, еще один исторический памятник звукозаписыванию в Голливуде; Beinhorn трудился в поте лица, а я пошел, обдолбался и не смог остановиться. Наконец я решил вколоть кучу героина, выспаться и вляпаться в еще одно дерьмо.

Я пошел в южную часть Л.А. и нашел человека, который продал мне наркотики и я опять вкололся. Но все, о чем я мог думать, это то, что я должен быть в студии. Я постоянно слышал ударные Джека Айронса в моей голове. Я сел в парке, среди всех этих странных людей и написал лирики. Мне было больно, стыдно и жалко из-за того, что я не был с ними и не участвовал в записи. И я подумал, что если я приду туда с чем-то готовым, то меня не убьют. Так я и сделал. Я пришел туда, встал, извинился и был собранным до конца записи.

Одна причина, из-за которой я вернулся обратно к наркотикам, это потому что у меня не было поддержки. Я не знал никого, кто был трезв. Я посещал несколько встреч, для людей, которые стали трезвыми, но у меня была своя жизнен-

ная позиция “я могу сам позаботиться о себе и мне не нужно, что ты мне говорил, что мне надо делать, потому что в данный момент жизни я не хочу быть таким, как ты”.

Нам было очень весело записывать этот альбом. Было очень приятно видеть Джека Айронса опять с нами. Он добавлял очень важный и совершенно другой элемент в нашу группу. Фли, Хиллел и я были очень заикленые на себе маньяки. Джек хотя бы был в здравом уме. Хотя потом оказалось, что он тоже был немного сумасшедший, но в другом направлении. Он был очень трудолюбивым и веселым элементом.

Когда пришло время записывать вокал, я использовал Хиллела как своего напарника/вокального продюсера. Каждый раз когда пел, мы оба чувствовали, что я находил что то новое и такие моменты стали результатом самых лучших вокальных данных, которые я когда либо записывал. Хиллел был просто в сумасшествии. Он бегал и кричал “Я тебе говорю, это самая красивая вещь, которую мы когда-либо записывали!!! О Боже, я не могу дождаться выхода альбома!!”

Конечно же, в самый последний день, когда вся работа была сделана и последние строчки были спеты, мы с Хиллелом нашли французского дилера и обдолбались Китайским Белым героином, в честь наших достижений. И тут началось. Пока я жил в квартире Линди, я придумал абсолютно сумасшедший сценарий: дело в том, что у меня не было ни денег, ни машины, поэтому мне приходилось просыпаться по середине ночи, брать несколько ложек с кухни, обчищать всю коробку с мелочью Линди. Потом я брал удочку из его кладовки, приоткрывал аккуратно дверь в его комнату, где он спал, выуживал его ключи от машины, чувствуя себя жалким оттого, что я могу делать все это с человеком, который пытается мне помочь.

Надо сказать, как только ты нашел решение от болезни, которая разрывает тебя на кусочки, заболеть снова никогда не весело. Ты прекрасно понимаешь, что есть альтернатива той жизни, которой ты живешь и что ты идешь против того, что вселенная дала тебе совершенно бесплатно, ключ к этой жизни. Наркотическая зависимость это прогрессивная болезнь, так что каждый раз, когда ты из нее выходишь, тебе становиться еще хуже, чем было до этого. Это уже не так забавно, как раньше, но все равно волнующе. Как только ты выпел ту самую первую рюмку или ввел самый первый наркотик в свое тело, тебе не надо беспокоиться о своей девушке, о семье, о работе или о счетах. Все эти важные вещи просто пропадают. Теперь для тебя существует одна работа, сохранять угольки в твоём моторе горячими, потому что ты не хочешь, чтобы этот поезд остановился. Потому что если он остановится, ты будешь чувствовать себя большим дерьмом.

Эта погоня всегда возбуждает. В ней участвует полиция, плохие парни, фрики и проститутки. Такое ощущение, что как будто ты ныряешь в видео игру. Ты подставляешь себя, думая, что ты делаешь что то клевое, потому что цена всегда выше, чем расплата. Твоя красота, твой свет и твоя способность любить, мгновенно пропадают, и ты становишься черной дырой во вселенной, всасывая в себя всю плохую энергию; ты не ходишь по улицам, раздаривая всем свою улыбку, ты не помогаешь никому и ты никого ничему не учишь. Ты не создаешь шар любви, ты создаешь шар дерьма. Я хочу описать обе стороны того, что я чувство-

вал, но очень важно понимать, что в конце концов все это дерьмо. Это выглядит заманчиво, ведь именно поэтому Бог или вселенная, или органы американской разведки или как вам хочется это назвать, поместили эту вещь сюда. Наркотики это- урок для жизни, ты можешь убить себя с их помощью или ты можешь превратить себя в свободного человека с их помощью. Я не считаю наркотическую зависимость совершенно бесполезной, но это тяжелая дорога.

Я решил, что если я обдалбываться периодически, то я не буду впадать в эту невыносимую зависимость. Я переехал к Ione и несколько раз на неделе я шел и покупал на сорок баксов Белого Китайского героина, обкуривался всю ночь, потом приходил обратно, ложился спать и чувствовал себя хорошо. Где-то через месяц, Ione уговорила меня не уходить никуда, но мы пришли к компромиссу: приносить все это дело домой и курить вместе с ней в кровати. У нас было очень много таких ночей, когда я обкуривался, мы обнимались и читали такие книги, как *Interview with the Vampire* и *Catcher in the Rye* до самого утра, пока солнце не всходило.

Несмотря на периодическое курение героина, я был совершенно адекватным, пока я жил с Ione. Мы провели много прекрасных дней вместе. Я просыпался около неё и думал “Господи, она такой ангел и я так сильно влюблен в нее” Потом мы долго лежали в кровати, держа друг друга, подпевая Бобу Марли, альбому Кауа. Мы разъезжали на ее маленькой Тойоте, обедали в маленьких кафе, курили травку и занимались любовью по всему городу. В один из таких дней, мы курили травку и я благодарил свою звезду за что, что у меня была такая жизнь на тот момент, когда вдруг по радио заиграла песня Стиви Вандера “I believe (When I Fall In Love It Will Be Forever)” (я верю, если я влюблюсь - это навсегда - англ). Мы подвинулись поближе друг к другу, включили радио погромче и стали плакать, потому что мы были так сильно влюблены друг в друга и эта песня так хорошо описывала наши чувства.

Неделю спустя, я пропал в аду наркоты. Я брал ее машину посреди ночи и иногда пропадал на несколько дней. Именно тогда я стал общаться с этим Мексиканским мафиози-дилером по имени Марио. Я знал его через Kim Jones. Марио всегда делал отличную сделку, брал с меня наименьшее количество денег за наибольшее количество наркотиков. Я мог бы остаться в Голливуде, там было полно людей, которые могли доставить героин прямо домой. Но я не хотел знать много дилеров и я заставил приезжать к Марио только за этим одним разом; я не хотел возвращаться к той жалкой жизни.

Когда мы не обкалывались в его грязной квартире, Марио знал одну безопасную зону под скоростным мостом, это шоссе, которое Лос-Анджелеская полиция никогда не патрулировала. Он объяснил мне, что ни одному немексиканскому члену банды туда не разрешается входить, поэтому для того, чтобы меня туда привести, нам пришлось врать и говорить им, что я женюсь на сестре Марио и так они нас впускали. Прямо там, посреди города, я проводил бесконечное количество дней, лежа на грязных матрацах, вкалывая наркотики.

Единственная вещь, которая могла меня оторвать от всего этого, это турне. Когда пришло время турне для Uplift , за мной приехал гребанный лимузин, чтобы отвести меня в аэропорт, и я решил, что должно быть дела у нас идут хорошо.

Это так и было. Мы сыграли самые классные концерты на этом турне, в основном из-за того, что Хиллел и я не думали о наркотиках. Мы не были частью панк-рок движения, мы не были частью пост пан-рок движения, мы были совершенно другой особью. Я не мог понять, откуда эти подростки, приходившие на концерты, знают нас, но они были самой лучшей публикой- так много любви, так много духа, так много энтузиазма, они просто приходили и отдавали все, что у них есть внутри.

Мы делали много сумасшедших вещей, пока мы разъезжали по стране. Когда мы приехали в Техас, я решил сбрить все свои лобковые волосы. Я собрал их, положил в маленький пакетик и отдал нашему другу Nickie Beat как товар для того концерта. Он пошел к нашей торговой лавке и повесил этот пакетик среди футболок и начал кричать « Лобковые волосы Энтони Киддиса! Всего лишь 25 долларов! ». В конце того дня он сообщил мне, что денег он не получил, зато получил три штуки женских трусиков и обещание, что эти девушки приведут всю свою семью на следующий наш концерт.

На том турне мы придумали новую игру- “Язык в Грязи”. В прошлом, много наших развлечений и игр крутились вокруг еды. На турне Freaky Styley мы играли в Клуб Блюющих. Мы специально ели ужасную, жирную, отвратительную еду, зная, что она небезопасна для нас, и мы выблевывали ее, во что бы то ни стало. Было ли это «2 пальца в рот» или просто мысль о чем то отвратительном, твое мужество определялось по твоей способности блевать. Фли всегда был самым лучшим на таких мероприятиях. Стоило ему только посмотреть на вареное яйцо, он уже блевал повсюду.

Язык в Грязи образовался из нашего с Фли опыта в школе. Помню, однажды мы ехали в автобусе, нам было лет по пятнадцать, а у меня очень сильно болело горло, был насморк и температура. Я прокашлялся и сплюнул прямо себе в руку. Это было что-то из соплей и слюней, и еще чего-нибудь. Мы посмотрели на плевок и я сказал : «Если тебе не слабо, ты съешь это из моей руки, потому что ты единственный сукин сын, который настолько сумасшедший, что бы сделать это». И он съел!

Все мы, группа, механики, друзья и еще какие то девушки, путешествующие с нами, вставали в круг. Если мы перекидывали мяч, то мы вставали далеко друг от друга. Если мы перекидывали странный кусок металла, найденный на обочине, мы вставали поближе. Идея игры в том, что бы поймать этот объект, не роняя его. Мы все вместе решали, если бросок был нормальным (который возможно поймать). Если нет, то человек, который бросал- проигрывал. Но если кто-то уронил объект игры при совершенно нормальном броске, то тогда он или она проигрывал. Проигравший, как уже понятно по названию, садился и прислонял свой язык плоско к земле, потом вставал и показывал его всем.

Чем больше грязи ты облизал, тем круче ты становился. Проигравшие начинали съедать насекомых с машин или облизывать всю поверхность мусорки. Это была офигительная игра, потому что ты мог играть с чем хочешь и тебе надо было искрутиться и сделать такой бросок, какой твой оппонент не смог бы поймать. Это было классное времяпровождение с друзьями. Мы играли в эту игру еще много-много лет.

Как раз во время тура Uplift я начал понимать, что мы становились немного известными. Девочки приходили за кулисы и предлагали себя нам. Вдруг, я стал не заинтересован в этом. Даже под влиянием, меня не возможно было заставить переспать с этими девочками, потому что они подходили ко мне со словами “ Ты Энтони Кидис. Я хочу трахнуть тебя. Пойдем.” Я отвечал “ Хмм... Нет. Мне надо идти кое-куда. Я думаю, тебя ждут твои друзья.” Это был я. Я хотел то, что нельзя было достать. Я не хотел брать, что мне давали. Почти всегда.

Чем дольше мы были на турне, тем популярней мы становились. На Юге, мы больше не выступали в клубах, мы выступали в театрах. Когда мы уже были в Дэнвере, Линди пришлось передвигать наше выступление в огромный театр, все скупали билеты. В ту ночь, после шоу, я и Хиллел сидели за кулисами и поздравляли друг друга с успехом, как вдруг в помещение вбежала девушка.

“Энтони, я должна тебе кое-что показать!” она закричала. “Я так люблю тебя. Смотри, что я сделала!”. Она стянула штаны, и прямо на лобке была татуировка с моим именем. Сзади нее стоял парень. “Это мой парень, но ему пострать. Я твоя, если ты хочешь меня”

“Да, чувак. Возьми ее, она обожает тебя”, - сказал этот парень.

Я не принял его предложение, но Хиллел и я посмотрели на друг друга и поняли, что может быть, все эти турне и три альбома, в конце концов, вылились во что то. Мы все еще не были на радио, но американская молодежь явно любила нас.

Турне обычно не приносило нам много прибыли. После Freaky Styley мы каждый получили по три штуки. Но на этом турне Линди объявил нам, что после всех расходов и продаж футболок, мы получаем 22 тысячи.

“Чтобы поделить?” спросил я.

“Нет. Мы каждый получаем по 22 тысячи,” сказал Линди.

Это было куча денег для нас и первое, что я хотел приобрести это дом для моей ангельской подружки и меня. Но каждый раз, когда я находил хорошее место, они давали мне бланк для заполнения. Каждый хозяин квартиры хотел знать мои последние пять мест проживания и к тому же еще мои последние пять мест работы. Окей: Последнее место, где я жил, это дом мамы моей девушки, до этого я жил на диване у своего менеджера, до этого в общежитии в Пасадэне, до этого у меня не было дома, а до этого я жил в доме мамы моей еще одной девушки, до этого в кровати сестры Фли, до этого в доме, у которого не было двери. Они спрашивали про банковские счета и кредитные карточки, но у меня тогда даже не было чековой книжки. Все что у меня было это 22 тысячи долларов наличными.

В конце концов, я пошел посмотреть домик на Orange Drive. Это был триплекс 30-ых годов в стиле арт дэко, с деревянными полами и ванной с очень красивой старой плиткой. Это был рай. И это место стоило тысячу в месяц. После того, как я посмотрел домик, русский хозяин квартиры дал мне очередной бланк, но я ему его сразу вернул.

“Я не могу это заполнять. Это не для меня” - сказал я ему.

“Тогда ты не получишь дом” - ответил он. “Убирайся отсюда”

Я вытащил пять тысяч наличными.

“Это за первые пять месяцев. Если после пяти месяцев я вам не понравлюсь, тогда выгоняйте меня ко всем чертям” - предложил я.

Он посмотрел на деньги. “Дом твой”

Итак, я получил райский дом и у меня еще было куча денег. Я решил справиться это хорошей горкой героина и кокаина. И снова, я начал колоться, как маньяк. В доме не было мебели и я не знал, как оплатить электричество, поэтому я пошел и купил пять арбузов и кучу свечей. Я разрезал арбузы длинными кусками, расставил их по всему дому и вставил в них свечки. Потом я пошел в ванную и вколол тонну героина.

Я забрал Ione и привез ее в наш дом. Она выглядела немного скептически, особенно потому, что у меня все руки были в крови и мои глаза вертелись как сумасшедшие.

“Я с тобой. Все будет нормально. Но моей маме это не очень нравится” - сказала она. “Кстати, она как раз едет сюда.”

“Малышка, не волнуйся. Я договорюсь с мамой. Это моя крепость” - сказал я. “Они всегда говорили, что мне надо стать юристом. Смотри, как я работаю”

Энид подъехала к дому, и я выбежал на улицу в кровавой футболке, с сумасшедшими глазами и растрепанными волосами. Она вышла из машины и встала, скрестив руки на груди.

“Энид, все будет нормально” - пообещал я ей. “Я люблю вашу дочь всем своим сердцем. Я бы умер за вашу девочку. Она моя малышка и я буду заботиться о ней так же хорошо, как это делали вы”

Она посмотрела на кровь, потом на меня. “Но у тебя есть проблема. У тебя не все хорошо”

“Энид, поверьте мне, это скоро пройдет” - сказал я.

Энид посмотрела мимо меня в дом, увидела арбузы и свечи и наверняка подумала, что это какой то Сатанистский ритуал “посвящение в девственницы”, но каким то образом мне удалось ее убедить в том, что все будет хорошо. Я отправил ее домой, оставил ее дочь и мы начали нашу жизнь в этом доме.

Наши подозрения о том, что группа становится все более популярней были подтверждены, когда KROC попросили нас сыграть в Palamino в Долине, классический, в стиле старой школы пивной ковбойский бар, где люди как Linda Ronstadt и the Eagles играли на их пути к славе. В день выступления, примерно за пол мили до этого места мы застряли в огромной пробке. Все просто остановилось, там были копы верхом на лошадях, мы были в негодовании, потому что нам надо было каким то образом попасть туда. Потом мы поняли, что вся эта пробка была из-за нашего шоу.

Должно быть, я серьезно сидел на наркотиках в то время, потому что на всех фотографиях я выгляжу ужасно худым. Марио опять пришел в мою жизнь, и я опять брал машину Ione, и исчезал на несколько дней. Однажды, когда у нас не было денег, мы решили поехать глубже в джунгли города, где наркотики сильнее и дешевле. Мы взяли машину Ione и поехали туда, где 90 процентов людей выглядело так, как будто они вышли из фильма Ночь мертвых. Хотя было еще светло, мы понимали, что нам здесь не очень рады. Я положил все свои наркотики, шприцы и ложки под стекло водительского места. Марио был на пассажирском

месте, внимательно ища нужного парня. Я вел аккуратно, как вдруг, я увидел копа в зеркале заднего вида. Я предупредил Марио, и он сказал мне повернуть налево, и я включил поворотник, перешел в правильную полосу и потом повернул. Копы все еще ехали за нами.

“Остановись здесь” - сказал Марио. Как только я остановился, он открыл дверь и выскочил из машины. Теперь копы вышли из машины и шли в мою сторону.

“Кто тот человек?” - спросил первый коп.

Я пытался оставаться спокойным. “А, это Флако. Просто знакомый парень.”

“А ты знаешь, что твой друг Флако сбежавший преступник и его ищут?” - сказал другой коп.

Ни с того, ни с сего я оказался под арестом за поддержку сбежавшего преступника. К счастью, они не обыскали машину, но они посадили меня сзади своей машины и мы начали ездить по улицам в пойсках “Флако”. В конце концов, его нашли на какой то улице. Он посмотрел на меня, как будто я сдал его. Но когда его посадили рядом со мной, я все четко объяснил, что я ни слова не сказал про него. Они отвезли нас в тюрьму и разделили. Они допрашивали меня, но я им ничего не сказал, тогда они посадили меня в камеру, размером с большой диван, вместе с другими заключёнными. Я сидел там, ни о чем не думая, когда ко мне пришли ФБР.

“ФБР? Но я даже не знаю этого парня. Я всего лишь подбрасывал его и...”

“Не болтай” - ответил агент. “Мы тут, чтобы снять фотографию твоих зубов”

Оказалось, что я подходил под описание Бандита С Хвостом, белого парня, который успешно ограбил несколько Калифорнийских Банков. Наконец то, пришел доктор от федералов, засунул свои гребанные пальцы ко мне в рот, повернулся к агенту и сказал: “Это не он”

Они перевели меня в Glass House, на окраине Л.А. И это была адская тюрьма. К тому времени наркотики уже не оказывали никакого действие, я не спал несколько дней и чувствовал себя пусто, сыро и ужасно. Когда я прибыл туда, мне пришлось пройти через разденься-нагнись-покажи свою попу - подвинь свою крайнюю плоть - подними свою мошонку - в общем, пройти через полную проверку всего тела. Единственная проблема была в том, что они только ввели новое правило, что если у тебя найдут шрамы от шприцов, тебя посадят на 90-дневное лечение в тюрьме. А у меня эти шрамы были. Поэтому на пути на эту проверку я начал болтать с копом, который собирался проверять меня. Я начал преувеличивать, говорить, что я очень хорошо понимаю, как трудно быть копом, и он рассказал мне все про свою семью, и мы разговаривали как два нормальных человека несколько минут. Он спросил у меня, что я делал там, где меня поймали, и я сказал, что я пытался вернуться обратно в колледж и начать жизнь сначала, я врал как только мог, чтобы спасти свою задницу. Как только я снял свою футболку, он был удивлен.

“Господи, да ты посмотри на свои руки! Ты знаешь, что это 90 дней?” - спросил он. Я опять начал говорить про колледж, и что меня не пустят на работу и как я должен помогать своей маме-инвалиду.

“Надень свою майку и держи свои руки прикрытыми все время пока ты здесь” - сказал он.

После того, как я провел несколько часов в большой комнате с пятьюдесятью такими же, как я, зашел охранник и сказал, что я могу идти. В коридоре меня ждал Линди.

“Ты сукин сын! Я звонил тебе в девять утра, сейчас девять вечера! Что ты делал все это время?!” - закричал я.

“Ну знаешь, Swanster, я взял совет у других парней и все решили, что это будет хорошей идеей оставить тебя здесь на минуту, чтобы ты понял, куда катится твоя гребанная жизнь” - сказал он. “Это была на самом деле не моя идея. Я-то сам думал, что если бы я был на твоём месте, я бы захотел чтоб меня забрали, но остальные сказали ‘Может быть, если мы ему дадим посидеть здесь, это ему поможет’ ”

“Послушай, сукин сын. Тебе лучше дать мне сорок баксов, потому что это не по-братски так поступать” - сказал я.

“Эээй. Сорок баксов, Swanster, я не знаю, стоит ли мне это делать” сказал Линди.

“Это все, что ты можешь сделать. Если ты мне не дашь эти деньги, мне будет плохо”

Он дал мне деньги, и я поехал туда, где я мог обдолбаться.

Тогда как моя наркотическая зависимость привела меня в тюрьму, Хиллел боролся со своими собственными демонами. Если раньше мы были вместе или с девочками в такой тусовочной атмосфере, теперь все было больше изолировано. Он становился все более постоянным наркоманом, тогда как у меня это все больше было периодами. Я уходил на неделю и люди постоянно сплетничали и говорили у меня за спиной, что я буду первым, кого они знают, кто умрет от наркотиков. Периодически, даже Хиллел подходил ко мне и говорил: “Чувак, только не убей себя. Посмотри на себя, ты близок к смерти”. Ione была испугана, она говорила: “Пожалуйста, не умирай. Я не выдержу этого”

Той зимой группа начала свое первое турне в Европе. Первая остановка была Лондон. В вечер выступления, Хиллел был слишком испорчен, что бы выйти. Мы с Фли пошли в его комнату и это было очень грустно видеть, как он проигрывал свою маленькую войну. Его взгляд не говорил больше: “Да, я теряю себя, но я справлюсь и все будет нормально”, нет, его взгляд кричал: “Я больше не могу. Я умираю”

Мы уговорили его выйти на сцену и сыграть это шоу. Мы вышли и начали наше пой-и-танцуй-в-нашем-стиле - выступление, но Хиллел в этом не участвовал. Мы попытались сыграть еще одну песню, но Хиллел остановился и сказал мне: “Я не могу” и покинул сцену. Я посмотрел на Фли и Джека, потом побежал за кулисы, где сидел Хиллел и плакал.

“Хиллел, ты можешь. Возьми свою гребанную гитару и вернись обратно!”

“Нет, я не могу. Отмени все. Конец!”

Я прибежал обратно на сцену и мы продолжили играть, только бас-ударные-вокал. Мы начали шутить, но никто не ушел, никто не возмущался, все

продолжали танцевать, но это было самое странное шоу, которое мы когда-либо делали, потому что оно было без гитары. Пару дней спустя, Хиллел выздоровел.

Где то в Европе, приехала машина, полная голландцев. Они приехали, что бы делать документацию на нашем турне. Они сняли много классных моментов. Особенно потому, что Джек вошел в совершенно сумасшедшую фазу жизни. Он был экстремистом, когда дело доходило до любви. Как только он влюблялся в девочку, она значила для него все. Он встречался с одной женщиной, и пока мы были в Европе, она ушла от него к одному парню, которого мы знали. Джек получил эти новости, пока мы были в Берлине. После выступления, я нюхнул кучу героина, потом пошел в клуб, где в туалетной кабинке, я начал целоваться с одной очень красивой немецкой девушкой, которая английский не знала вообще. Немного позже, Фли и Линди уехали, и я остался наедине с ней и без ума от нее. Я хотел ее прямо там, в кабинке, но она хотела отвезти меня к себе, и я хотел достать кокаина, так что мы встретились с дилером, который продал мне кучу наркотиков.

На следующее утро, все собирались у нашего автобуса, и я приехал на черном лимузине с наркодилером. Он взял меня, отвел к Линди и сказал, что не отдаст мой паспорт, пока тот не заплатит ему за все те наркотики, которые я вчера купил. Никто не был рад, что пришлось тратить общие деньги группы на меня. Во время всего этого, Джек стоял около дерева и серьезно бился об него головой.

“Что с Джеком?” - спросил я.

“Его кинула девушка и он не знает что делать” - сказал Фли.

Тогда мы еще были очень хорошо связаны с нашей аудиторией. Люди приходили за кулисы, болтали с нами. Иногда мы приходили к ним домой. А иногда мы приглашали всех к нам. Это была одна из наших шуток. Я говорил: “О кей. Сейчас будет вечеринка в комнате 206 в отеле Finkelstein на Роттервил Авеню” Это была комната Фли. А потом он брал микрофон и говорил: “Нет! Нет, вечеринка будет в комнате 409. 409!”, которая была моей.

Несмотря на состояние Хиллела и Джека нам было очень и очень весело. Обычно в конце турне ты очень устаешь и все становится дерьмом. Но потом мы полетели в Нью Йорк и сыграли огромное шоу для студентов в NYU (нью-йоркский университет). Я договорился с Хилеллом, не обдалбываться перед шоу, потому что Нью-Йорк это город кокаина, но я потерял его из виду перед выступлением, а когда я пришел за кулисы, он сидел там никакой. Мы с Фли были взбешены.

“Чувак, так нельзя. Если ты хочешь это делать, то делай после,” мы сказали ему.. Он делал тоже самое, что я делал, перед тем, как меня выгнали из группы. И когда мы вернулись в Лос Анджелес, мы уволили его. Хиллел начал пропускать репетиции и Фли просто сказал: “Хватит, Хиллел, ты больше не в группе”. Мы начали репетиции с бывшим гитаристом Funkadelic по имени Blackbird McKnight. Несколько дней мы репетировали с ним, но потом решили дать Хиллелу еще один шанс.

Потом мы опять поехали в Европу. В Финляндии мы участвовали в концерте вместе с The Ramones. Это было классное шоу. Тогда, кому-то пришла в голову идея выбежать на сцену голыми во время их выступления и сделать небольшой

танец в их честь. Так мы и сделали. Надо сказать, Johnny Ramone не был очень этому рад. Потом он нас обматерил и не хотел ничего слушать про нашу любовь к ним. Но Joey Ramone сказал, что ему очень понравилось на самом деле.

Наша следующая остановка была в Норвегии, на пути в Осло мы очень долго ехали на поезде. Хиллел и я сидели в купе, смотрели на вид через окно и очень много разговаривали. Мы говорили про наркотики и героин, мы говорили про нашу зависимость и что мы с ней собираемся сделать. Мы до сих пор не понимали всей серьезности этой болезни. У меня было немного больше опыта с анонимными встречами наркоманов, чем у Хиллела. Той весной Kim Jones избавилась от зависимости, и я стал ходить с ней на эти встречи. Однажды, я взял с собой Хиллела, но он просто не хотел признавать, что у него есть проблемы, он не хотел признавать то, что ему могут помочь и еще он стеснялся большого количества людей. После этого раза, я больше никогда не смог уговорить пойти со мной еще раз.

В поезде мы договорились, что дела у группы идут хорошо и что мы сделаем большие усилия, чтобы больше не принимать наркотики. Мы шутили, что мы не вовремя это решили, так как Осло это героиновая столица Скандинавии. Так было всегда. Куда только мы не ехали, это место сразу становилось героиновой столицей мира.

Я понимал, что ни один из нас даже не попытается ничего остановить.

Мы сыграли в Осло и полетели обратно в Лос-Анджелес. Мы приземлились в аэропорту, обнялись, поменялись фразами типа: “Отличное турне. Классно было провести с тобой время”, “О да. Позвони мне. Окей”, “Окей”. Мы сказали “до свидания”. Потом мы оба позвонили своим дилерам. Наверное, можно было бы даже засечь, кто сделал это быстрее. Я приехал домой к Ione и сразу начал принимать наркотики.

Я был на окраине LA, когда понял, что время прошло очень быстро и я не планировал уходить так надолго. Так что я решил вернуться домой и хотя бы побыть с Ione, потому, что она всегда хотела, чтобы я лучше принимал рядом с ней, а не неизвестно где. Она была как маленькая Мать Тэреза. Я возвращался домой, после этих ужасных, долгих отлучек для героина и вместо того, что бы убивать меня, она говорила: “Тебе надо поесть. Иди и ложись на диван. Ты никуда не пойдешь. Отдай мне ключи” Она готовила мне здоровый обед, а я плакал и извинялся. Я не хочу сказать, что это были здоровые отношения, но это было прекрасно. Благословит ее Господь за ее добрую и бесконечную любовь к ее эгоистичному, придурковатому, обдолбанному парню.

Я ехал к ней и остановился недалеко от дома, что бы позвонить ей из таксофона. Я просто не мог прийти туда, мне нужно было сначала извиниться по телефону. На самом деле, я даже и не знал, может, я и не собирался возвращаться домой. Когда она подняла трубку, я сказал: “Ione, извини меня за все это” Она вопила и рыдала. Я подумал: “Вот это странно. Она никогда так раньше не реагировала на такие мои звонки”. Она кричала: “Возвращайся домой сейчас. Произошло что-то ужасное”. Она не стала рассказывать мне детали, но промелькнуло имя Хиллела, и в этот момент часть меня знала, что он умер. Но я сразу же переубедил

себя. “Она все перепутала. Может быть, произошла всего лишь передозировка, а она подумала, что это сразу значит смерть”

Но этого было для меня достаточно. Я приехал домой, вышел из машины как в тумане, Ione бежала мне на встречу, наполовину раздетая, с красным и мокрым от слез лицом. Она кричала: “Твой друг Хиллел умер.” Она так плакала. Если бы вы ее не знали, то подумали, что Хиллел был ее лучший друг. Но она почувствовала всю боль сразу, тогда как я отказывался принимать ее. “Тут, должно быть, какая-то ошибка”. Глубоко внутри, я знал, что его больше нет, но я не разрешал себе принять эту правду тогда.

Все остальное как во сне, потому что я думаю, что я отключил свой мозг. Я точно знаю, что продолжал принимать всю оставшуюся ночь. Я проснулся на следующий день в состоянии шока. Все суетились с последствиями, с похоронами, люди обвиняли, а я знал, что когда человек начинает принимать наркотики, здесь некого винить. Он сам отвечает за свое поведение, и здесь не виноват дилер, или друг, или плохое воспитание. По какой-то грустной и неприятной причине, люди обвиняли меня в смерти Хиллела. В возрасте 25 лет, потому что моя зависимость началась намного раньше. Его семья пыталась сказать мне, я плохо на него влиял. Что было довольно смешно, потому что я никогда не винил никого в собственной зависимости. И я предложил Хиллелу остановиться.

Между делом, я продолжал принимать. Это неправда, что такая проблема приводит к прозрению. Даже когда умирает твой близкий друг, ты продолжаешь чувствовать непобедимость. Я узнал от Ione, что они планировали похороны, но я не хотел приходить. Я чувствовал себя ужасно. Я не мог остановиться, но я и не мог продолжать принимать; ничего не работало, и мой друг мертв, а я не хотел смотреть на это. Мать Ione однажды упомянула, что у ее подруги есть небольшой домик в маленьком мексиканском городке и что мы можем воспользоваться им, когда хотим. Так мы и сделали.

Люди думали, что это плохой тон, не прийти на похороны. Хиллел был мой лучший друг, но я умирал от той же вещи, что убила его. Я и Ione полетели в Пуэрто Валларта и оттуда мы взяли небольшую моторную лодку до маленького городка под названием Елапа. Мы жили в прекрасном домике с кроватью с москитной сеткой, но в городе практически не было электричества. Я лежал там и прошел через еще одну гребанную, отвратительную, холодную ломку, пока я был так далеко от всего того, что происходило в Голливуде. Ione мне помогала, и через несколько дней я чувствовал себя лучше. Я начал упражняться, и мы опять начали заниматься любовью. Мы ловили рыбу в океане, готовили ее на пляже, и я разработал ненастоящее чувство покоя. Десять дней спустя мы вернулись в L.A.

Как только я вернулся, я сразу начал принимать. Я просто не знал, что мне еще делать. Но сколько я бы не обкалывался, я ничего не чувствовал, не было ни эйфории, ничего. Примерно тогда же Джек Айронс собрал нас вместе. Мы встретились на скромненькой лодке Линди, Джек усадил нас и сказал, “Я больше не хочу быть здесь. Я не хочу быть частью того, где умирают мои друзья”. Он ушел от нас и мы его поняли.

Линди, наверное, думал: “Что произойдет? Гитарист умер, ударные увольняются, вокалист весит на веревочке над пропастью. Что теперь случится?” Но

Майк и я не собирались оставлять все позади. Это то, что Хиллел помог построить, и мы хотели продолжать строить, что было странным, потому что чувствовал себя я ужасно. Но я знал, что хочу этим заниматься, Фли знал, что он хочет этим заниматься. А Джек знал, чем он не хочет заниматься.

Мы наняли D. H. Peligro для ударных и Blackbird McKnight для гитары. Мы знали ДН много лет. С Blackbird мы играли, когда Хиллел был уволен, так что нам было удобно с ним. Но перед тем как даже начинать играть, мне нужно было сделать что-то с моей зависимостью.

Когда я весной ходил на те встречи, я познакомился с парнем, по имени Крис. Это был молодой, сумасшедший и смешной парень. Он познакомил меня с Бобом Тиммонсом, сказав, что тот может быть нашим спонсором. Тиммонс был бородатый мужчина с татуировками и хард-кор прошлым, но я сразу доверился ему. Он был тихим и спокойным, и он от меня ничего не хотел.

После одного из тех приемов, когда мне не вставляло, я позвонил Бобу. “Я не знаю, что мне делать. У меня умер друг. Я не могу остановиться и теперь меня даже не вставляет. Я схожу с ума”

“Почему бы тебе не пойти на реабилитацию?”, предложил он.

“Звучит ужасно. Что это?”

“Во-первых, это десять тысяч долларов”.

“Десять штук! Это все, что у меня есть”, сказал я.

“Я думаю, это будет хорошим вложением”, сказал Боб. “Я думаю, ты в опасности и однажды ты сможешь сделать еще десять тысяч, если ты потратишь эти на реабилитацию сейчас. Если нет, это могут быть последние десять штук, которые ты когда-либо увидишь”

Я не знал, что мне еще остается сделать, и я согласился. Курс реабилитации проходил в Van Nuys, назывался он ASAP. Когда мы прибыли туда она сфотографировала меня. Выглядел я очень плохо. Моя кожа была оранжево-зеленой, мои глаза были мертвы, а мои волосы жили своей жизнью.

Потом мне дали комнату. И еще соседа по комнате. Я делился гребанной комнатой с каким-то сумасшедшим ублюдком. Это был парень из Palm Springs, который стал моим первым “другом по трезвости”. Когда ты начинаешь реабилитацию, ты знакомишься с совершенно разными людьми, разных жизней, всех рас, разного финансового положения, разных религий, но, в конце концов, ты любишь каждого из них. Там была баскетболистка, которая не могла остановиться курить крэк; бразильский бизнесмен, доктор и черный коп из SWAT, который угрожал людям, чтобы взять их наркотики.

Я устроился, и все было на самом деле не так плохо. Я перестал ненавидеть, я просто стал существовать. Всю свою жизнь, я был самым упрямым человеком, которого вы когда-либо встретите, я не мог терпеть критику в свою сторону. Но теперь я начал слушать. Ione навещала меня, мы шли против правил, довольно часто делая остановки в туалете, что очень много для меня значило. Потому что мне так не хватало немного любви.

Примерно через две недели моего пребывания в центре, меня навестил Боб Тиммонс. Он знал, что я проигнорировал смерть Хиллела, так что он сказал мне, что отвезет меня на денек кое-куда. Мы приехали к Еврейской части кладбища

Forest Lawn и прохаживались там, пока не нашли могилу Хиллела. На камне было написано что-то, типа “Хиллел Словак. Преданный сын, брат, друг, музыкант”.

Я сидел там вместе с Бобом и говорил: “Ага. Окей, ну вот он и есть. Я так понимаю дело сделано. Мы можем теперь уйти?”

“Нет, я не думаю, что нам надо уже уходить”, сказал Боб. “Я пойду прогуляюсь. А ты сделай мне одолжение, поговори с Хиллелом и расскажи ему, что ты чувствуешь из-за его смерти. И почему бы тебе тоже не сделать ему обещание, прямо здесь и сейчас, что ты больше никогда не вставишь иглу в вену и что ты больше не будешь принимать наркотики и пить?”

“Разговаривать с чем? Это трава, с камнем на ней”

“Просто представь, как будто Хиллел здесь, слушает тебя”, сказал он, уходя.

Я сидел там, чувствуя себя очень странно. Но потом я сказал: “Эй, Slim!” (одно из прозвищ Хиллела). И сразу стена развалилась. Я стал рыдать, как я еще никогда не рыдал. Я разговаривал с Хиллелом и рассказал ему все про то, как я его люблю и как я по нему скучаю. И потом я сделал обещание. “Я чист. Я на реабилитации. Я обещаю тебе, что больше никогда не вставлю иголку себе в руку. Я останусь чистым”. Я плакал и на пути обратно.

Когда я решил, что, несмотря на то, что произойдет в моей жизни, я не буду больше принимать или пить, эта горилла, которая доставала меня все эти годы, ушла. Как только я закончил реабилитацию, я даже больше не хотел обдолбаться. Я как бы выключил этот голосок в моей голове, что было прекрасно, только это было слишком прекрасно. Я все еще ходил на анонимные встречи, я ходил по больницам и разговаривал с другими алкоголиками, но я не нырнул окончательно в удивительную возможность увидеть реальные физические изменения. Я прошел полпути и стал отступать.

Когда я прибыл в ASAP, я хотел умереть. Спустя тридцать дней я уже хотел работать, писать песни, быть группой. Так мы и сделали. Фли был рад и поддерживал меня после того, как я вышел из реабилитации. Мы сразу же начали репетировать с D.H. и Blackbird. D.H. нам очень подходил - он был веселым и очень любил музыку. С Blackbird было намного сложнее. Он был очень талантливым гитаристом, но он никогда не видел группы, где все вместе веселились. Он привык к тому, что George Clinton давал ему запись, он уходил в другую студию один и работал там пару дней. D.H. мы знали давно, но Blackbird никак не хотел сблизиться. Он был намного старше нас. И чем больше мы играли, тем сильнее мы понимали, что у нас ничего не получается с ним.

Примерно в то время, D.H. познакомил Фли с молодым гитарным феноменом по имени John Frusciante (произносить как Fru-shan-te). Джон был ярым фанатом Chili Peppers с шестнадцати лет. И если уж на то пошло, то я встретил Джона раньше, чем Майк. Примерно в то время, когда вышел Uplift мы сыграли большое шоу в Пасадене. Я припарковался, вышел из машины и пошел в парк, что бы найти место, где можно было принять. Именно тогда, два молодых парня подошли ко мне и сказали, “О Боже. Энтони Мы просто хотели сказать привет. Мы очень любим вашу группу”

Я поболтал с ними немного, потом пошел через парк и уселся на первых ступенях, которые я увидел, и вколол героин. Потом я посмотрел наверх и увидел, что сижу на ступенях отделения полиции Пасадины.

После того, как Джон очень понравился Фли, я стал проводить с ним очень много времени. В тоже время, Bob Forrest очень хотел, чтобы Джон был гитаристом в его группе Thelonius Monster. Джон сказал мне, что он едет на пробы в гараж Боба, так что я его туда отвез. В моей голове он ехал на пробы к Red Hot Chili Peppers. Одно его исполнение и я уже знал, что он наш парень.

Теперь это был мой черед увольнять. Blackbird жил в Южном Централ, поэтому я решил ему позвонить. “Blackbird, это Энтони. У меня плохие новости. Я очень извиняюсь, но у нас с тобой ничего не получается. Мы идем по разным путям. Спасибо тебе за все”

“Ты сукин сын” сказал Blackbird.

“Что?”

“Ты сукин сын.”

“Ну Blackbird, это не я. Это ситуация. Я всего лишь посланник”, сказал я.

“Ты сукин сын. Я спалю твой дом”

“Blackbird, не надо сжигать мой дом. Это решение группы. Просто ничего не выходит. Это не твоя вина и не наша. Это ситуация.”

“Ладно, ладно. Я принимаю извинения. Если ты принимаешь тот факт, что я сожгу твой дом”

Это был конец нашего разговора. Я был сукиным сыном, и он спалит мой дом.

Не все сразу стало нормальным, когда Джон пришел к нам. Но мы все сразу почувствовали любовь в Red Hot Chili Peppers, которую мы не чувствовали давно. Он был таким молодым мужчиной, который посвящал каждую минуту своей молодой жизни музыке и это можно было почувствовать. Каким бы неопытным был Джон, он отдавал нам все, что мог. Теперь у нас была группа, в которой все чувствовали себя хорошо.

Вместо того, чтобы попытаться сделать альбом мгновенно, мы решили просто поиграть немного, написать новые песни и прорепетировать старые. Но пришли новые преграды. ДН и Фли стали часто ссориться на разной почве. ДН был диким мустангом в музыке, а Фли аккуратистом. Некоторые проблемы начали возникать между мной и ДН тоже. Как только я стал трезвым, я начал думать, что все тоже должны за мной последовать. “Окей. Если вы не заметили, то я трезв теперь, так что закрывайте Боливию, и все положите на пол свои наркотики и алкоголь”. На каком-то уровне, я думаю, ДН понимал, что его наркотики и алкоголь станут проблемой. Он стал появляться поздно и не всегда в лучшем состоянии. Я просто терял терпение и не мог его понять. Зато теперь я знал, каково это, терпеть чье-то невыносимое поведение в группе.

Пока мы репетировали, я начал писать песню “Knock Me Down.” Это была песня, которая описывает, каково это, быть наркоманом, иметь то эго и думать, что ты сможешь противостоять силам природы. Но еще это была любовная песня Хилеллу. У меня были листы и листы куплетов, но не было мелодии или организации. Джон подошел ко мне сразу после того, как мы его приняли и сказал, что я

могу показывать ему все что угодно и мы будем работать вместе. Одна из первых вещей, которую я показал Джону, была “Knock Me Down.” Я предупредил его, что эта песня очень длинная.

“О, это ничего. Я как раз работал над очень длинной мелодией и я вижу как она прекрасно подойдет к твоим словам”, сказал он. Он сел, изучил лирику и стал впаивать ее прямо в его мелодию. Через несколько минут была готова вся песня. Это было удивительно: “Окей. Вот еще один способ, как сочинять песни”. Даже когда Хиллел был с нами, мы всегда вместе с Фли писали слова и сочиняли музыку, но он звучала совершенно по-другому на бас гитаре. Теперь я чувствовал, что могу написать что угодно и подойти к этому новому другу, сесть и написать целую песню. Я чувствовал, что с этим парнем все возможно. Я мог показать ему мои самые сокровенные лирики, и он не разу их не критиковал. Не было ни одного раза, когда он читал лирики, чтобы посмотреть нравится ему это или нет, будет ли ему охота это делать. Все, что я писал, должно было обязательно стать песней. Теперь я не боялся, что меня станет кто-то критиковать, я не боялся показывать новые вещи, и поэтому у меня произошел новый рывок к написанию хорошей музыки.

Джон и я постепенно, но уверенно начали становиться такими друзьями, которые проводят вместе каждый день, потом идут по домам и звонят друг другу, что бы сказать спокойной ночи перед сном. И когда мы просыпались, мы опять звонили друг другу “Ну что, чем займемся сегодня?” Немного после, мы никуда не ходили и нечего не делали по раздельности, что очень редкий и важный, но слишком интенсивный опыт. Хотя Джон прошел через наркотическую и алкогольную зависимость, было видно, что он хотел отдать все это за создание новой музыки.

Он жил вместе со своей подружкой, но когда мы ходили по клубам и веселились, она стала жаловаться, что мы крадем его у нее. У Ione не было с этим проблем, она была классная, много работала. Но Джон порвал с его подружкой, немного погодя, после вступления в группу.

Мы решили, что было бы классно отправиться на небольшое турне. К сожалению, ДН, благослови его Господь – самый милый парень на земле - пил очень много, и он был не в лучшей форме во время этого турне.

Однажды, во время одного из наших выступлений, он очень плохо играл, не попадал в такт, пропускал части. После шоу, мы поговорили.

“Послушай, если ты хочешь быть в группе, ты должен сделать что-то с собой. Или что-то делай или уходи”, сказал я ему. Фли и Джон в этом не очень-то участвовали, типа, “Мы не уверены, что здесь надо делать. Энтони конечно ведет себя как сукин сын, но факт остается фактом, ДН действительно в дерьме, и он не участвует в группе”. Они не хотели ничего говорить, но понимали, что с ДН ничего не получится.

Когда мы приехали домой, стало еще хуже. Он перестал приходить на репетиции, и его зависимость начала съедать его. Мы любили ДН и не хотели смотреть на то, как он умрет. К несчастью для Фли, теперь был его черед увольнять. Это было хуже, чем мы могли предположить. Фли потом несколько дней не вылезал из кровати. Самая приятная вещь из всего этого стала, как мы потом, годами

позже узнали, что именно из-за этого увольнения, ДН очистился и вступил в новый период жизни, как новый человек.

К тому времени мы переехали в место для репетиций в Глендэйле. Именно там мы начали процесс прослушивания барабанщиков. Мы предполагали, что все лучшие барабанщики сразу начнут приходить к нам на пробы. На самом деле это был не лучший опыт. Каждый человек и его бабушка начали проходить через ту дверь с барабанами, но далеко не все они были хороши. Во время процесса, нам позвонила наша подруга, Denise Zoom, позвонила и сказала, что у нее для нас есть барабанщик. По ее словам, этот парень, Chad Smith, самый лучший барабанщик на свете и он ест барабанные палочки на завтрак. Каждый раз, когда кто-то внезапно звонит и говорит про какого то человека из средне-восточных штатов, который ест на завтрак палочки, ты думаешь, “О, пожалуйста, лучше сохраните мое время.”

Но мы разрешили прийти на пробы этому парню. Мы ждали и ждали пока он придет, но он опаздывал. Я вышел на улицу, посмотреть, не идет ли там кто, и я увидел там такого медведя, шагающего по улице, с огромной прической в стиле Guns N’ Roses и в одежде, которая явно не выкрикивала “Я стильный.” Я уже решил против этого парня, основываясь на том, как он выглядит, но он вошел, и мы сыграли в деловых людей. “Вот барабаны. Приготовься. У тебя есть десять минут.” Чед был ни сколько не смущен нашим отношением к нему. Любой другой бедный парень садился за установку, смотрел на Фли, который начинал играть агрессивный, хард-кор фанк рок, и парень просто не мог за ним успеть. Фли сразу же заканчивал с ним, с его интенсивностью.

Фли начал играть что то сложное, тяжелое, быстрое и странное, чтобы посмотреть, может ли парень успеть за ним. Чед моментально не только поспел за ним, но и начал вести его. Он переиграл Фли, и он продолжал это делать снова и снова. Мы просто не верили в то, что происходило. Я так удивился этому парню, что я начал истерически смеяться. Теперь Фли смотрел на него в таком роде, типа “Эй, что мне делать? Куда мне идти? Что здесь происходит?” Чед не останавливался ни на секунду, чтобы не дать Фли успеть за ним и перехватить его. Он кричал, как это делал Art Blakey за своей установкой. Все было так странно, в тот момент исходило столько энергии от Фли и него.

Был просто взрыв звука и энергии и все, что я мог сделать, это смеяться. Смеяться над этим странным парнем с банданой и огромными, напысканными спреем для фиксации, волосами, ужасными шортами, думая как это смешно, что самый стремный парень, которого я когда-либо видел, свел нас всех с ума, прямо в нашей студии. Он был гений, и все в него влюбились.

Мы все знали, что Чед подходит для нас, и теперь мы хотели увидеть уровень его желания работать с нами. Мы также хотели, чтобы он поменял его внешний вид. Мы сказали ему: “Окей. Ты хорошо играешь. Ты можешь быть в группе, если побреешь свою голову сегодня. Приходи завтра в Кэнтэрс с бритой головой и работа твоя”. Чед сказал: “Эй, эй, побрить голову... Ну, я не знаю.”

“Выбор твой. Побреешь голову и ты в группе. Не побреешь и ты не будешь в группе”. Мы пошли в Кэнтэрс и подождали его. Он появился с той же банданой и дурацкой прической.

“Чувак, ты что, не хочешь работу?”, спросили мы.

“Да, я буду в группе, но я оставляю волосы так” настаивал он, и мы согласились. Мы решили, что тот, кто спокойно выдержал все наше отношение к нему, не окажется сукой. Потом, мы узнали, что настоящая причина, по которой он не побрил волосы, это потому что они у него редели, и он прятал это за своей банданой. В любом случае, это был еще один важный день в нашей истории, потому что теперь у нас был барабанщик, на которого можно было положиться и который был отличным человеком.

Теперь мы могли приступить к работе.

Потому как Джон был таким молодым и неопытным, мы иногда над ним прикалывались. Он был парнем, который проводил большинство своей молодой жизни в своей комнате, играя на своей гитаре, так что быть в рок-группе для него было еще неизведанным. Фли и я постоянно дразнили его, называя его "зелененьким" или "Зеленый Человек" или "Зеленый Шершень". Годы спустя, Джон признался мне, что все эти подколы сделали его очень застенчивым, но в то время мы не имели представления о нашем влиянии на него.

Фли и я не хотели, чтобы он чувствовал себя неуверенно. Просто все эти "зеленые" названия говорили о нашей любви к нему. Если у тебя есть больше чем одно прозвище это значит, что ты в наших сердцах, и мы тебя уважаем. Мы дразнили его, потому что мы любили этого парня и мы были так рады, что в наших жизнях теперь была его креативная энергия. И если мы дразнили его в грубой форме, это было только для того, чтобы не показывать то, как он нам важен. "Чей номер телефона ты набираешь чаще всего, к кому домой ты ходишь чаще всего и с кем ты делишься своим опытом чаще всего", было очевидно, что я восхищался этим молодым человеком.

Недавно мы с Джоном говорили о том, что если все происходило не так, как я хотел, я игнорировал его. Это был не очень здоровый вариант решения проблем, но надо помнить, что Джон из семнадцатилетнего неузнаваемого ребенка превратился в члена группы the Red Hot Chili Peppers. И он настолько же, если даже не больше, плохо относился к окружающим его людям. Ко мне постоянно подходили люди и говорили, "Твой гитарист - ублюдок. Он трахнул эту девчонку, а потом выкинул ее посреди ночи из дома и сказал, чтобы она больше не возвращалась". Я никогда не видел, чтобы он такое делал, поэтому я защищал его. Я признавал его сукинский характер, потому что он был таким молодым и проходил через такие резкие изменения.

Чед никто каждый день не критиковал, потому что мы не были с ним так близки. До сих пор он остается человеком в себе. У него был свой другой путь решения обычных проблем к "новеньких" и это было "Они мне не нужны, я их не знаю, у меня есть своя жизнь". Он никогда не хотел быть в нашем кругу. Он лучше бы бегал со своим же типом, а этот тип людей был совершенной не похож ни на меня, ни на Фли. Чед показал нам очень мало из того, кто он есть, откуда он и какие у него мысли. К примеру, он был в Red Hot Chili Peppers с 1988 года, и только в конце 2003 я узнал, что Чед покинул Мичиган, чтобы приехать в Голливуд, что бы стать сексуальным фронтмэном. Мы никогда не разговаривали по душам, и я никогда не знал о его фантазиях, мечтах и надеждах. Чед приходит на работу, он веселый и дружелюбный. Я считаю его одним из этих странных больших людей, которые сохраняли нашу группу в трудные времена.

Если говорить об одежде, то его вкус очень отличался от нашего, и я постоянно дразнил его насчет этого. К счастью, он перестал укладывать свои волосы

супер спреем, когда он стал участником группы, но вместо того, что бы идти и тусоваться в панк-рок клубе, как например Small's со мной и Фли, он шел в Motley Crue bar. Туда он надевал смешные джинсы с ремнями и ковбойскими сапогами, играл в бильярд и приударял за девочками-рокершами. Люди видели его и потом рассказывали мне, что волосы у него были покрыты спреем и стояли выше, чем у девочки, но на следующий день он приходил в студию в бейсбольной кепке. По своей природе он не был таким хамелеоном, просто он не показывал нам все свои цвета.

Мы нашли что-то общее в музыке. Даже здесь его музыкальное восприятие было другим, но его энергия страсть и сила для создания новой музыки была велика. Он не был авангардным, он не слушал серпер разную музыку, в основном он держался около рока и поп жанра, но то, что он играл, было удивительно. У нас никогда не было барабанщика, у которого никогда не садилась батарейка, который был всегда готов играть и как можно дольше. Я не могу себе представить, что бы он чувствовал себя неудобно или застенчиво из-за того, как мы его сначала приняли, как себя чувствовал Джон.

Теперь у нас были новые парни, и мы могли начинать работать. Было очень странно и сложно создавать новые песни, как еще никогда не было. Очень часто у нас было много хороших идей, но мы не могли сделать из них песню. Я думаю, Джон чувствовал большую ответственность играть по следам Хиллела, хотя он не пытался повторить игру Хиллела. Его звук был чище и современнее. Нам просто нужны были новые песни. Когда Клиф и Джек Шерман пришли к нам, у нас уже было почти все готово. Но теперь нам нужно было написать целый альбом.

Медленно, но уверенно, новые и разные звуки начали образовываться. Ударные были очень интенсивны. Клиф был креативным и артистичным, Джек Айронс был метрономом, но Чед просто “двигал” воздух так, как это не делал никто до него. Я слушал аккуратно музыку, потом уходил домой и сидел на кухне с кучами и кучами бумаг. Ко мне в голову никогда не приходило, что можно написать песню из пяти строчек и припева. Фли был всегда занят, ударные тоже были заняты и вся эта текстура и музыка была такой сложной, что я решил, что мне тоже надо делать что то сложное. Когда я садился писать песни, у меня не было в голове одна или две идеи, нет, у меня был замысел написать поэму из пяти страниц. Я сидел там по восемь часов подряд и писал такие песни, как “Good Time Boys” и “Subway to Venus” и “Johnny, Kick a Hole in the Sky,” где лирики были просто бесконечны.

Когда пришло время записываться, мы начали ссориться с Майклом Бейнхорном. Он очень следил за звуком. Он хотел, чтобы Джон играл большим, тяжелым, скрипящим звуком, тогда как у нас всегда был интересный, кислотный, фанковый и сексуальный гитарный звук. Джон не хотел играть что-то слишком в стиле метал, поэтому между ним и Майклом было очень много ссор. Это было не самое лучшее время для Джона и если бы не порнографические фотографии Трэйси Лордс, я вообще не знаю, как бы тогда Джон выжил.

Мы много работали над всеми песнями, Бейнхорн придавал наибольшее значение песне “Higher Ground”.

Фли играл эту мелодию годами, а Джон и Чед придумали удивительные мелодии. Бейнхорну пришлось вдвойне попотеть, чтобы заставить Джона сыграть более тяжелый звук для этой песни. Для меня, вокал был очень сложным и изнуряющим. Такая песня была не моей крепостью, но Бейнхорн считал, что я смогу ее спеть и поэтому он всегда толкал меня. Я знаю, вам покажется, что все это просто дерьмовое нытье, но когда ты стоишь перед этим гребанным микрофоном и у тебя ничего не выходит, у тебя начинают болеть все внутренности. Я очень долго не мог спеть эту песню. Но она стоила этого. Когда мы подошли к припеву, мы пригласили в студию 25 человек, чтобы спеть его вместе. Там были и хорошие певцы и просто люди, но все вышло отлично.

Я классно провел время, кроме двух последних недель записи. Я просто был рад быть трезвым, я был рад записывать альбом и петь все эти песни. Но у нас с Бейнхорном начались проблемы, когда он захотел, чтобы в конце “Higher Ground” я читал спонтанный рэп. Я просто больше не мог терпеть его стиль ведения дел. Он хотел выдавить из меня то, чего я не хотел, и мы поругались. Тогда я знал, что с ним покончено.

Когда мы закончили работать над альбомом, мы не сказали “О, это точно наш самый лучший альбом”, но Mother’s Milk мне нравился. Фли пришла в голову идея для названия в честь женских флюид Лоиши, которые получала их маленькая дочка Клара. (Таким образом, мы можем отбить сплетни о том, что Mother’s Milk это сленговое название героина). Мы отправились к нашему старому другу Nels Israelson, который делал фотографии для нашего второго и третьего альбома. У меня был старый постер 60-х годов Sly and the Family Stone, где Слай (Sly) держал руку вытянутой, а на ладони его стояла вся его группа. Я думал, что было бы классно, если бы тебя держал гигант, а ты был маленьким человечком. Только в моем представлении, гигант это голая женщина, а мы находимся около ее груди. Я подал эту идею группе, но они не были на 100 процентов уверены в этом, но я был, так что они согласились удовлетворить мои пожелания. Nels начал проводить пробы моделей для обложки и так как они снимали свои майки, мне надо было быть там. К сожалению, я опоздал, и он выбрал девочку без меня. ЕМІ планировали прикрыть ее соски какими то буквами и цветочком, но соски точно были важной частью обложки. Тогда мы узнали, что модель была не уверена насчет всего этого. И я не мог понять, почему мы не могли найти ту модель, которая была бы рада поставить свою грудь на обложку.

Я начал выбирать наши фотографии, которые она держала бы в своих руках и Джон презирал каждую свою фотографию. Наконец, он разрешил мне использовать одну и я думаю, обложка вышла красивой. Как будто одна гигантская голая женщина держала четырех Томов Сойеров.

Обложка была напечатана и соски были как-то прикрыты, но ЕМІ распечатало еще пару сотен постеров с неприкрытыми сосками. Я думаю, в тот период нашей жизни мы были крестинами и слишком помешанные на сексе. Я думаю это были Фли и Чед, кто написал какие-то ужасные, извращенские вещи на одном из постеров, и что ты будешь делать, одна из моделей подала на нас в суд. Она выиграла 50 тысяч долларов, что тогда для нас было очень большой потерей.

Не считая проблем с обложкой, у EMI дела шли видимо хорошо, потому что они дали нам бюджет на съемки двух видео перед выходом альбома. Это было странно; перед этим у нас не было же ведь очень успешного альбома. Распродалось семьдесят тысяч альбома Uplift и он не принес выгоды. Но мы были счастливы в такой заинтересованности в нас, так что мы сделали два видео на наши синглы из альбома. Первое было “Knock Me Down”, где Алекс Винтер сыграл параноика, который ходит по дому ужасов, шокированный психоделическими изображениями умерших звезд на стенах. Он входит в белую комнату, где Майк, Джон, Чед и я танцуем и бесимся, прыгаем со стен и играем музыку.

From “**Knock Me Down**”

*I'm tired of being untouchable
I'm not above the love
I'm part of you and you're a part of me
Why did you do away?*

*Too late to tell you how I feel
I want you back but I get real
Can you hear my falling tears
Making rain where you lay*

*Finding what you're looking for
Can end up being such a bore
I pray for you most every day
Me love's with you now fly away*

*If you see me getting mighty
If you see me getting high
Knock me down
I'm not bigger than life
It's so lonely when you don't even know yourself*

Конец одинокий, грустный, но настоящий. Такие чувства ты испытываешь, когда ты где-то там и много плохой энергии проходит через тебя и ты думаешь “Кто, черт возьми, Я? Что случилось со мной?”. Я уверен, что именно так Хиллел умер. Он всегда знал, кто он и чего хочет от жизни, он был решительный и трудолюбивый, талантливый, веселый парень. Но в конце, он забыл, кто он есть. Я видел, как это происходило со многими.

“Knock Me Down” был первый сингл с Mother's Milk и нам на самом деле удалось засунуть его на радио. Периодически Линди сообщал нам, что какая-нибудь радиостанция приняла песню. Пару месяцев спустя, на выходном туре в Вашингтоне, Колумбийский округ, Фли, Джон и я поймали такси в центре столицы нации. Мы залезли внутрь, и водитель посмотрел на нас и сказал: “Эй, вы же те парни? Как там.. ‘Kick My Ass’, ‘Beat Me Up’, ‘Slap Me Around’? Я обожаю эту

песню. Вы же те парни, ведь так?” Это был первый раз, когда кто-то не из музыкального мира нас узнал.

В сентябре 89 года мы начали годовой тур в поддержку Mother's Milk. Еще один признак того, что мы становились успешными, это большой автобус. Нам нужно было так много места, потому что с нами ездило много людей. Мы наняли Tree на валторне, но он придумал такую дикую идею играть на электрическом гибриде синтезатора, который создает такие же гудки и звуки, как и валторна. Еще, мы наняли Kristin Vygard и Vicky Calhoun быть на подпевке. Кристин в детстве была успешной актрисой. Она была ростом с большой подсолнух, рыжая, веснушчатая сумасшедшая женщина, которая была джазовой певицей в Голливуде. Вики была большая черная женщина, которая подпевала на “Knock Me Down” и также участвовала в клипе. Кроме группы, у нас еще был Chris Grayson, наш техник; Марк Джонсон, наш менеджер; и новое лицо во всей организации, наш друг-дорожник Робби Аллен. Когда мы путешествовали по Англии, Робби придумал себе имидж, Робби Рул и открывал все наши шоу. С помощью Фли и Джона, Робби придумал комедийно-музыкальный трюк, когда он выходил на сцену и делал вид, что отрезал себе член. Это был довольно трудный магический фокус; он выходил туда со специальным ножом, у которого одна сторона была очень острой, а другая очень тупой. Потом он вытягивал свой член, подводил к нему нож и незаметно переворачивал его, чтобы не порезать его интимные места. Все подростки в Англии должны были увидеть его трюк, перед тем как мы выйдем на сцену.

Так как я больше не преследовал ни кокаин, ни алкоголь, нужно было вводить новые развлечения. И так мы придумали The Job - Задание. Так как мы делали много шоу в колледжах, нас периодически кормили едой из столовой. Обычно это была разогретая еда, политая какой то подливкой. Сложно было различить, чистили ли этим пол, или добавляли в твою еду.

Мое первое задание было съесть фунт масла, которого нам принесли к столу. Мне было дано три минуты на это и 120\$ как выигрыш, но я съел только половину, как потом меня вырвало. Я думал, что я могу мысленно с этим справиться, но мое тело отвергало столько масла. Потом, Фли, Джон, Чед и я поняли, что вместо того, чтобы мучить себя, можно было мучить окружающих. К тому же, нам не так нужны были деньги, как скажем, технику, или тем, кто на подпевке. Однажды, после какого то университетского концерта, мы сидели за кулисами и нам принесли отвратительную еду. Девочки умоляли нас дать им Задание уже очень долго, так что мы взяли бутылку из-под вина и начали смешивать там все подливки, кетчупы и горчицы, какие только можно было. В конце, у нас получилась какая то зеленая смесь. Мы выбрали маленькую Кристин, которой нужны были деньги и сбросились на 180\$, которые она получит, если выпьет всю бутылку за пять минут. Она была настолько сумасшедшая, что она не только выпила всю бутылку, но и попросила еще какую-нибудь смесь, за отдельную плату. Сказано - сделано.

Мы не хотели оставлять Вики одну, поэтому ей мы тоже дали Задание - ей надо было съесть все остатки от масла из огромного контейнера. Она согласилась, села и съела все, как будто это были взбитые сливки. Потом пришла очередь Кристин. Я бы просто-напросто блевал уже от одного запаха всей этой смеси, но Кри-

стин собралась, и выпила весь литр смеси, а потом еще заела бонусной едой. Потом я достал часы, сел рядом с ней. Она начала потеть, плакать, и превращаться в пятнадцать разных цветов. Но она смогла продержаться пять минут, и когда время вышло, она спокойно встала, развернулась и пошла в туалет, где все просто вылетело из нее моментально. Услышав звук рвоты Кристин, Вики не выдержала и тоже побежала в туалет, и сидели они там, поочередно наклоняясь к унитазу.

Еда была несъедобной, но пару месяцев с начала турне, в меню добавился секс. Это было возможно, только потому, что мы с Ione разошлись в декабре. Я сумел остаться трезвым, не используя наркотики, так что мое тело зажило, но мой разум не смог разобраться с проблемами, которые возникали в наших отношениях. Ни я, ни она не смогли адаптироваться ко мне, трезвому. Я был эгоистичным, капризным дерьмом, а она по непонятной мне причине любила меня и заботилась обо мне. Когда это изменилось, вместо того, чтобы наслаждаться хорошими, здоровыми отношениями, мы ругались. Я все еще оставался, ревнивым, эгоцентричным, грубым, капризным парнем, только трезвым.

Мы стали еще одной типичной парочкой, которые постоянно ссорятся, и я понял, что наши отношения идут к концу. Ничего плохого между нами не было, просто мы не делали друг друга счастливыми. Мы утомляли друг друга и дрались, и я думаю, мы оба знали об этом конце, но только боялись отпустить, потому что были случаи, когда мы были крепче, чем я когда либо с кем то был.

В конце концов, это было у меня дома, я сказал, довольно грубо, “Пожалуйста, возьми свои вещи и уходи.” Она сказала, “Нет, нет, я не хочу уходить. Я хочу остаться здесь, с тобой.” Такое происходило снова и снова и на десятый раз я сказал, “Бери свои вещи и убирайся отсюда.” Она посмотрела на меня и сказала: “Я думаю, я так и сделаю.” “Ну, давай тогда, делай. Просто возьми свои вещи и давай, уходи, маленькая леди”, сказал я. Она покинула мой дом и больше никогда не вернулась.

Она переехала к своей маме, и я ждал пока все само собой разрешиться, когда она придет пару дней спустя обратно, но этого не произошло. Я был в отчаянии и в одиночестве, и я думал, зачем я ей сказал уйти, когда на самом деле я хотел, чтобы она осталась. Примерно три дня позже, я позвонил ей и сказал, “Разве не сейчас тот момент, когда ты возвращаешься ко мне, как было так много раз?” Она сказала, “Нет, нет, нет, кстати нет. На самом деле, я никогда больше не приду. Я наконец-то соглашусь с тобой. Все кончено.”

Это было как раз перед Рождеством. Перед тем, как поехать в Мичиган, я купил Ione статуэтку в стиле арт-дэко и принес это к ней домой. Её мать открыла дверь. “Я купил это для Ione”, сказал я, а она ответила: “Тебе придется оставить это у двери.” Я подумал “Ничего себе”. Так я оставил ей подарок, и в самолете написал грустную, длинную поэму, которая так никогда не стала песней, просто так, для души. Я раньше часто писал мантры, чтобы петь их самому себе и справиться с тем, что происходило на тот момент.

В доме моей мамы я понял, что остался один. Что у Ione наверняка уже кто то есть и что мне придется смириться со всем этим и начать новую, красивую жизнь. Даже сейчас, остается много незаконченных дел от тех отношений. Мне

понадобилось много, много лет, чтобы понять как плохо я врал и использовал ее чувства.

Когда я прибыл обратно из Мичигана, группа сыграла большое шоу на Long Beach Arena, которое снимали на документальное видео. По середине интервью за кулисами, меня спросили о наших отношениях с Ione и я сказал, что мы разошлись и это было трудно. Именно тогда, Джон заглянул в камеру и сказал, “Да, да леди и джентльмены. Энтони свободный человек, и вы знаете, что это значит: наступило время трахаться”. Таким образом, секс снова входил в список.

Повторюсь, я был свободен. В Хьюстоне, когда мы сходили со сцены в автобус, я встретил еще одну копию Мэрилин Монро. Она стала моей Хьюстонской подружкой. Каждый раз, когда мы туда приезжали, я приходил к ней домой, там мы занимались сексом, а она находилась в своем собственном фильме Мэрилин.

Не все мои дорожные отношения завершались. Однажды, мы играли университетское шоу в Кентукки, я был за кулисами, когда Робби явился туда.

“Swan, я думаю тебе понравится эта девочка. Ты таких любишь”, сказал он. Я посмотрел и увидел абсолютную принцессу-студентку, с белой кожей черными волосами.

“Спасибо Робби, теперь давай, иди”, сказал я. Я начал вести разговор с ней в сторону поездки к ближайшему мотелю после шоу.

“О, нет, я просто веселюсь. Я просто хотела сказать привет”, сказала она с ее прекрасным южным акцентом, как у настоящей девочки из Кентукки. “Я здесь со своей подружкой, а мой парень дома”

“Давай хотя бы просто побудем вместе. Я не говорю, что это должно случиться”, ответил я.

“Я не знаю если это возможно”, сказала она. “Я хотела бы, чтобы мы были друзьями, но я не знаю, если ему это понравится, а я предана ему.”

Я смотрел на нее и думал, что я умру, если не получу эту девочку. Она сказала мне, что живет со своими родителями и каким-то образом, я узнал ее адрес.

Была пора идти на сцену, мы сыграли и как только я пришел обратно за кулисы я начал искать Робби. “Где девочка?”, спросил я у него.

“Брат, я искал ее последние полчаса. Она исчезла”, сказал он.

Я просто не мог дать ей исчезнуть в ночи вот так. Я взял ручку и бумагу, сел и написал поэтическое письмо и потом попросил какого то студента отвести меня к ее дому. Была примерно полночь, я нашел дом и начал кричать ее имя, но никто не ответил. Я оставил в ее почтовом ящике записку, вместе с контактной информацией об отелях, в которых мы будем оставаться в ближайшее время.

Пару дней спустя, мы были в Чикаго и я встретил девочку, которая смахивала на старлетку из 70-ых с ее объемной прической. Она была очень свободной, простой и милой и явно сексуально направленной, так что я привез ее обратно в отель. Тогда я жил с Джоном в одной комнате, и я просто мог сказать по прикосновениям и поцелуям, что эта девочка была одной из тех гиперчувствительных, которые возбуждаются, несмотря где ты до них дотронешься. Я сказал Джону, что мне нужно побыть одному с этой девочкой, на что он сказал, что у Чеда есть свободная кровать в его комнате и что он ушел куда то пить. Также, так случилось,

что у Джона был еще один ключ к его двери, так что я взял его и пошел в комнату Чеда.

Мы легли на свободную кровать и сняли наши майки, мы целовались и трогали друг друга и она была офигительной. Все было уже готово к сексу, когда я вдруг услышал что то похожее на шаги Человека мамонта по коридору. Не успев отреагировать, дверь открылась и Чед, только это было не очень похоже на Чеда, влетел в комнату и с ним что-то происходило. Он увидел меня и закричал, “Что ты здесь делаешь, ты сукин сын? Я, бл*дь, сорву тебе бошку!” (What are you doing in here, you motherfucker? I’ll fucking tear your head off!)

“Эй, Чед, да ладно, эй” сказал я, но Чед был в безумии. Он набросился на меня и я перепрыгнул через кровать, он последовал за мной, сбивая по пути лампы, врезаясь в стены и замахиваясь на меня. Я сказал девочке взять свою футболку, но Чед все еще не останавливался, все пытаюсь врезать мне.

“Что за проблемы? Успокойся” сказал я.

“Кто тебя сюда впустил? Я убью тебя”, кричал он и продолжал делать такие огромные замахы на меня со злостью и ненавистью в глазах, как будто я сделал что-то ужасное, хотя если посмотреть на историю наших поездок, мы всегда одалживали друг другу комнаты, если с тобой была девочка. Наконец, я и девочка смогли убежать. Потом оказалось, что Чед выпил всю бутылку текиллы. До сих пор он всего лишь смутно помнит тот случай в комнате.

Девочка была очень понимающей. “Твой барабанщик по-моему немного перебрал”, сказала она. “Пойдем еще куда-нибудь и побудем вместе”. Мы оставались в таком старом кирпичном отеле, поэтому мы начали заниматься сексом прямо на следующей лестнице. Чего я не знал, так это, кроме того, что эта девочка была гиперчувствительной, так она была еще чемпионкой по крикам. Сначала, я думал, что она прикалывалась, потому что каждый раз, когда я дотрагивался до ее киски, она начинала кричать изо всех сил. Каждый человек в этом отеле очень хорошо слышал ее, но на тот момент я не мог остановиться.

Все происходило довольно долго, и когда я вернулся в комнату, Джон еще не спал. “Господи, ты понимаешь, что каждый человек в этом отеле слушал то, что сейчас происходило?” Я начал рассказывать про сексуальные возможности этой девочки, когда Джон прервал меня.

“Если ты когда-нибудь почувствуешь, что ты хочешь поделиться ей со мной, то пожалуйста, я не буду против” сказал он.

“Придержи своих лошадей”, сказал я. “Поживем-увидим”

Потом она ездила со мной еще в пару городов. Мы расстались в Миллуоки, ее родном городе.

Следующая остановка была в Цинцинатти. Вдруг ни с того ни с сего, там, на наше шоу пришли обе и Кричащая Девочка и Девочка Всей Моей Мечты из Кентукки. На тот момент, мне надо было принять решение, и я его принял. Надо сказать, что я конечно этим не горжусь, но я позвал Джона и сказал, что он может забрать Кричащую себе. У меня просто не было выбора. Я не мог представить себе лучшего сексуального партнера, чем Кричащую Девочку, но не смотря на секс, я должен был заполнить Кентукки.

Бедная Кричая девочка посмотрела на меня, как на суку, но в тоже время ей нравилась идея провести вечер с Джоном. Мы отыграли шоу, и я просто умолял Кентукки поехать со мной ко мне в комнату. К счастью, у меня была тогда своя большая комната, и мы сидели на кровати и проговорили часа два. Я просто хотел быть рядом с ней, чувствовать ее, смотреть на нее, трогать ее руку. Она сказала мне, что заканчивает университет в Массачусетсе, и я все запоминал, потому что готов был следовать за ней куда угодно. Медленно, но уверенно, я приблизился и она дала мне обнять ее и целовать. Наконец, она разрешила нам залезть в постель, но не поддалась мне окончательно.

“Послушай, я рад просто лежать здесь с тобой голым, поверь мне, это прекрасно, я просто рад быть с тобой”, сказал я. Мы лежали там, обнявшись, целовались и трогали друг друга, и ее внутренний моторчик начал работать, и она решила мне предаться дивному, удивительному оральному сексу. Я был трезв, лежал на кровати и она сосала у меня и мы обменивались такой любовью, и она столько любви и сердца вкладывала в это физическое действие, что я начал покидать свое тело и я смог сверху увидеть себя и эту прекрасную девочку, с коричневыми локонами и белоснежной кожей, отдающей мне столько любви. Я смотрел не долго, потом вернулся на землю и я понял, что это было единственный самый прекрасный сексуальный момент в моей жизни. До сих пор.

Она исчезла после этого, и в следующий раз, когда мы были в Массачусетсе, я посмотрел в телефонную книжку и позвонил в каждый гребанный университет, но это ничего не дало. Каждый раз, когда мы приезжали в Бостон, я спрашивал у каждого прохожего – “Не знаете ли вы девочку, ее зовут бла, бла, бла, бла. Она выглядит...” Ничего. Я звонил в Кентукки и нашел людей с ее фамилией. “У вас есть дочка, которая бла, бла, бла...” Годы спустя, я нашел кого-то, кто помнил ее, он сказал мне, что она упоминала обо мне. Я никогда ее больше не видел, а она значила все для меня. Я уверен, что теперь она замужем, у нее десять детей, но вдруг. Может быть, она прочитает эту книгу.

Если ты читаешь это, Моя Мечта из Кентукки, то пожалуйста, пропусти следующую историю. Однажды, на этом турне, мы играли шоу в ресторане/клубе в Балтиморе. Было еще пару часов до самого шоу, и я сидел в моей комнате с Джоном, когда зазвенел телефон. Это был Фли, который жил в одной комнате с Чедом.

“Парни! Парни! Вы должны прийти в мою комнату прямо сейчас”, сказал он. “Здесь просто какое-то сумасшествие с девочками. Надо идти. Пока”. Джон и я побежали по лестнице вверх, вбежали в комнату Фли и Чеда, где мы увидели самую странную картину, которую я когда-либо видел.

Чед Смит сидел на диване, одетый, спокойный и расслабленный. В одной руке у него был кухонный шпатель, в другой большая деревянная ложка. В комнате было три девочки, две из которых были раздеты до гола, танцующие на столе. У одной из них под грудью даже был ботинок Чеда. У другой голой девочки на груди была огромная стопка монеток, которые успешно не падали с ее огромной груди. Чед сидел там, как какой то странный волшебник, периодически постукивая девочек деревянной ложкой, и насыпая еще монеток им на грудь.

“Мы хотим танцевать, сыграйте нам песню”, просили нас девочки. В комнате не было стерео, так что мы начали играть акапелла. Мы бегали по комнате, пели песни Led Zeppelin девочкам, чьи задницы были уже розовые от ударов Чеда. Одно вылилось в другое и мы с Джоном оба оказались в ванной вместе с голыми девочками. Джон стоял в ванной, а я сидел в раковине, и у нас была небольшая секс вечеринка. Что удивительно, так это то, что девочки были совершенно расслаблены, они разговаривали друг с другом, пока у нас сосали. Джон и я посмотрели на друг друга и улыбнулись. “Ээй, Балтимор! Кто бы мог подумать?”

Когда мы добрались до Японии в январе, мы не только все дружили, но мы начали чувствовать себя группой. В Осаке мы сходили в огромный суши ресторан, где Марк Джонсон выиграл в соревновании “Кто съест больше васаби”. Тогда я понял, что Японские девочки намного сложнее. Обычно, нам ничего не стоило завалить Европейскую или Американскую девочку в постель. Но тут их скромность и стеснительность пугала. Но в конце концов, мы все биологических существа, и секс возможен с любым из нас.

На пути из ресторана, я уговорил одну офигительную японскую девочку и ее подружку, пойти со мной и Джоном к нам в отель. Примерно через пять часов секса, офигительная девочка была настолько возбуждена и настолько измучена, что она просто больше не могла заниматься сексом. Было удивительно смотреть на изменения. Она начала с “Нет, нет, я не такая девочка” и дошла до “Пожалуйста, трахни меня еще”. Все было хорошо, она осталась на ночь и мы провели утро вместе.

Теперь была пора ехать в Токио. В ту ночь мы играли еще одно шоу для очень спокойных и мирных людей. После выступления, я сидел за кулисами и увидел, как самая милая девочка зашла в раздевалку. Рост примерно метр семьдесят, девятнадцать лет, Нордическая богиня с голубыми чистыми глазами, мальчишеской стрижкой, и удивительной улыбкой. Плюс, на ней была футболка с лицом Вуди Алена и ее соски стояли и было такое ощущение, что Вуди Аллен смотрит в разные стороны.

В тот момент, моя судьба стала мне ясна. Она станет моей новой подружкой. Когда она вошла, я прошептал каждому парню, который там был “Отойди, она моя”. Я подошел прямо к ней.

“Привет, меня зовут Кармен”, сказала она. “Я из Сан-Диего”.

Я представился и сказал ей, что мы будем вместе следующий год или больше. Похоже, она была не против.

Я пригласил Кармен с нами на ужин. Потом, она пошла ко мне в отель. НЕ то, что та девочка из Осаки, Кармен долго не ломалась и мне не пришлось ждать до полуночи, чтобы забраться с ней в постель. Она была такой красивой, и она так меня привлекала, что я разнервничался насчет секса. Кармен почувствовала это и спокойно сказала, “Это идеальный момент. Несмотря на то, что может произойти, я в любом случае рада быть здесь, с тобой, чем быть где-либо еще”. Все мои волнения как ветром сдуло. Я чувствовал, что быстро влюблялся в эту девочку, которая была так не похожа ни на кого, с кем я был до этого. Она была умна и знала хорошую музыку. Она была спокойной и любимой. В тот момент я точно знал, что хочу быть ее мужчиной.

Кармен была моделью, работающая в компании “Elite” в Японии и на следующую ночь мы остались в ее маленькой модельной квартирке в Токио. В ту ночь, мы очень много разговаривали. Она рассказала мне, что отец еще с малых лет избивал ее, и она никогда не была близка с ним. Она сказала мне, что ее родственники живут где-то в Миссури, живущие в трейлерах и едящие на ужин бекон. Сам того не замечая, я стал заботиться о ней, чего я не делал в моих прошлых отношениях с женщинами.

Было бы плохо, не сказать о сексуальных возможностях Кармен, потому что в этом смысле она была с другой планеты. Не было ни какой проблемы и боли, которую не мог решить секс. Она говорила “Я могу кончать двадцать раз подряд без проблем. Я могу кончать целый час без остановки”, и она могла!

Благословит Господь Бог Кармен Джанет Хоук за то, что она была моей первой девушкой в моем новом периоде жизни, когда мне так нужна была любовь и уверенность. И как только я не любил ее, мне нужно было уезжать в Англию, и кто знает, может, я никогда бы ее не увидел снова. Я ужасно этого хотел, но время и расстояние могут играть твоими лучшими намерениями.

После Токио, у меня не было никакого желания быть снова одиноким. В Англии, я особо никого не искал, но когда мы приехали в Нью-Йорк, я познакомился с моделью по имени Карин, которая была высокой, крепкой, мускулистой богиней из Южной Африки. Все было запутанно, потому что Кармен мне очень и очень понравилась, но она была в Японии, а Карин была теплой и дружелюбной и она хотела повеселиться. Она была красивой, здоровой, доброй и сердечной.

Мы сделали небольшую передышку в турне, так что я вернулся обратно в Лос Анджелес, где я переехал обратно на Оранж Драйв, чтобы избежать вещей Ione. Несколько дней спустя, мне пришла посылка от Карин. В ней было полно красивых, профессионально снятых фотографий, где она голая. К тому времени Кармен уже вернулась в Сан Диего. Мы договорились с ней, что она приедет и проведет выходные со мной. Первые два дня мы провели в постели. Потом мне надо было отойти по делам и я оставил моего секс котенка, мурлыкающим под одеялами. Когда я вернулся, по всей комнате было разбросано конфетти. Я не понимал, что произошло, до тех пор, как я не поднял один из кусочков конфетти.

“О, бля. Это п*здец. Она наверное нашла фотографии”, подумал я.

И я был прав. И Кармен это не очень-то нравилось.

“Если ты сейчас со мной, почему эта девочка посылает тебе свои голые фотографии?”, кричала она. “Эта дерьмовая шлюха может забыть твой адрес”. Это было еще ничего, по сравнению с тем, что еще будет.

Но я обожал ее и она была такой веселой, у нее был самый замечательный смех и она всегда улыбалась. Она становилась более популярна, как модель, поэтому она решила переехать в Л.А.

Так как я все еще не ожил от отношений с Ione, я был не очень уверен в ее переезде ко мне в квартиру, поэтому мы выбрали ей отличную квартиру недалеко от меня. После того, как она провела там пару недель, она уже оказалась у меня. Здесь начались очень и очень сложные отношения.

Я бы не сказал, что она была маниакально-депрессивная, но она точно была маниакальна. Она могла быть супер веселой, возбужденной, готовой всегда зани-

маться сексом девушкой. Но иногда вдруг она готова была ударить меня по лицу, потому что, как ей показалось, я посмотрел на номер дома, в который зашла какая-нибудь красивая девушка, что бы запомнить его. В большинстве случаев, я даже не понимал о чем она говорит; у нее было дикое воображение.

В апреле 1990, Линди собрал нас всех вместе, чтобы сообщить нам, что к концу недели мы получим наш первый золотой альбом. Mother's Milk перешел границу в пятьсот тысяч копий. Это было не благодаря ЕМІ, которые никогда в нас не верили, кроме Кима Вайта, который боролся за то, чтобы наш альбом играли на университетских радиостанциях и помог потом перейти на альтернативные, а потом и на мейнстримовые радиостанции.

ЕМІ провело вечеринку в честь нашего первого золотого альбома, но все это ничего для нас не значило. Было странно ощущать то, что ЕМІ пытались перевернуть все это в огромный успех по продажам. Но все равно, в середине этого энергичного урагана звукозаписывающей компании, я посмотрел на Фли, мы обнялись и действительно почувствовали гордость и успех, что мы, наконец, добились чего-то, несмотря на то, что на этот успех нам потребовалось четыре альбома и постоянные падения и взлеты.

Вдруг, другие компании стали присматриваться к нам, особенно, после того, как наш адвокат Эрик Гринспан, разорвал контракт с ЕМІ. Хотя по договору мы должны были записать с ними еще один альбом, Эрик заметил, что там были недочеты, которые автоматически делали контракт недействительным после семи лет действия. Мы подходили к нашему юбилею, так что каждая компания начала устраивать для нас маленькие шоу. Крис Блэквелл, основатель Island Records пригласил нас к нему в дом, на Голливудских Холмах и говорил с нами про Боба Марли и важности его компании в истории регги. Было весело, но даже он сам признал, что у него не было таких денег, какие нам предлагали другие компании.

А у Девида Геффена были. Он пригласил нас на свой самолет, когда мы летели после нашего шоу из Окленда. Самое смешное, что туда мы летели в самолете от Warner Bros. Мо Остин из Warner Bros. был самым крутым исполнительным директором из которых мы познакомились во время всего этого процесса. Он основал Warner Bros. и когда я и Фли пошли к нему в офис, мы слушали там его рассказы про Фрэнка Синатру, Джими Хендрикса и Нейла Янга, которые были в его компании. Потом Мо пригласил нас к себе домой, в Брентвуд. Его дом был размером с лучшую часть Диснейлэнда. После того, как он дал небольшому турне по его дому, он пригласил нас на улицу. Его имение располагалось прямо на горе, вид был от океана до центра Лос Анджелеса. Его бассейн был размером с небольшое озеро и когда он предложил нам искупаться, Фли и я разделись до трусов и нырнули. Когда мы вышли из воды, нас ждал дворецкий с теплыми полотенцами. Несмотря на всю свою крутость, Мо оставался отличным человеком, с хорошей душой и настоящей любовью к музыке.

Между тем, мы решили начать работу над новым альбомом. Мы больше не хотели работать с Майклом Бейнхором, поэтому мы начали переговоры с другими продюсерами, один из которых был Rick Rubin, который был известен своей работой с Beastie Boys. Мы хотели нанять Рика работать с нами еще во времена Freaky Styley, и он приходил к нам на репетицию вместе с Beastie Boys. Потом он

сказал мне, что все то время пока он был там, он чувствовал самую темную и пессимистичную энергию, и он просто не мог дожидаться, пока он выйдет из комнаты. Но теперь все мы были другими, Рик поговорил с нами, и мы ему очень понравились. Рик превратился из нахального, агрессивного, противного Нью Йокерца, с пристрастием к кофеину, в более доброго, спокойного, духовного калифорнийца-вегетарианца.

Теперь Рик был с нами, и мы начали играть в тихом месте в долине Лэнкершима, под названием the Alleyway. Здесь были высокие потолки, диваны и мансарда с отличной сценой, причем все это было в пятнадцати минутах ходьбы от наших домов. Как только мы туда попали, мы стали самыми плодовитыми, которыми мы когда-либо были. Мы просто не могли остановиться писать музыку. Мы джемовали весь день на пролет, создавали новые идеи, а потом приходил Рик, ложился на диван и слушал нас часами, что-то записывал, дремал. Он нам не мешался, он был очень спокойным, но скоро мы поняли, что он не пропустил ни одного аккорда, ни одного слова. Он давал нам замечательные идеи, а потом работал с Чедом над битом и барабанными установками.

На Хэллоуин мы решили отдохнуть и пойти на вечеринку супер богатого мужика. Он построил огромную сцену и нанял Jane's Addiction. Все мы договорились, что мы придем на вечеринку голыми, кроме носка на нашем члене. Я аккуратно надел свой и пошел на вечеринку с Кармен, которая тоже была одета соответственно. Мы пришли туда, и ничего себе, там уже был Фли полностью голый, кроме носка на члене. Потом я увидел Джона, одетого в то же самое. Чед тоже не постремался, хотя был уже конец октября, и было довольно прохладно. Так, мы были голые парни, с одетыми на член носками, которые пытались вести себя, словно ничего не произошло.

Jane's Addiction начали играть и все стали подпевать. Тогда Stephen Perkins из Jane's Addiction спросил у нас, не хотели бы мы тоже что-нибудь исполнить, так что мы решили спеть Stooges' "Search and Destroy". На этой вечеринке было сотни человек, а мы забрались на сцену, практически голыми. Было такое ощущение, что мы шагаем по луне, из-за нашей наготы, холода и из-за того, что Jane's Addiction сами предложили сыграть, а ведь они всегда были нашими конкурентами.

Переговоры с компаниями сузили наш выбор до двух лэйблов, Warner Bros. и Sony. Мы поехали в Нью-Йорк, что бы встретиться с Томми Мотолой, которому только что принесли успех Мэрайя Кэрри и Майкл Джексон. Томми был очень тверд и сказал, что хотя сейчас мы выбираем среди этих всех лэйблов, но, в конце концов, мы подпишем договор с Sony/Epic.

Мы понимали, что в EMI нас не уважали. Теперь мы искали хороший дом. Когда Эрик собрал нас вместе за обедом и сказал, что Epic поднимают цену еще на миллион, мы в четвером встали и начали танцевать небольшой танец, крича: "Epic! Epic! Epic!". Но это было не все. Эрик посадил нас и сказал, "У меня есть хорошие новости. Каждому из вас они кладут по миллиону на счет". У нас у каждого было несколько тысяч долларов на счету, и тут мы вдруг миллионеры. Я ощущал себя так, как будто я выиграл лотерею. Мы кричали и обнимали друг друга и в первый раз в жизни мы поняли, что теперь нам не придется собирать

деньги из каждого угла, чтобы прожить очередную неделю. Мы все сразу решили купить дом. Уже через пару недель, у каждого из нас были новые дома.

Мой дом был новый, он находился на вершине Beachwood Canyon. Я переделал его. Я вытащил все ковры и положил антикварный паркет из Тайланда. В своей комнате, я покрасил каждую стену разными цветами. Я положил дикую мозаику на лестнице, так что было такое ощущение, что по ней текла река. Но самой важной комнатой была моя гостиная с камином. Я переделал его в форму огромной голой женщины. Ты закладывал дрова в ее вагину, и у нее были двадцатисантиметровые соски из фиолетового стекла. Самой классной частью дома был мой задний двор. Он находился на стороне Гриффит Парка, парк живой природы. И если ты отдыхал в бассейне, все что тебе нужно было сделать, это посмотреть наверх, и ты увидишь знаменитую надпись "Hollywood".

Тем временем мои отношения с Кармен были суматошными. Она сошла с ума. Я заставил ее пойти на терапию, чтобы она не убила себя. Однажды, когда мы были в машине, она начала кричать и бить себя по лицу, ставя огромные синяки. Потом она пыталась выпрыгнуть из машины, когда я ехал на полной скорости. Я предлагал оплатить терапию, потому что ей явно было больно. Если я просматривал журнал, она подходила, отбирала его у меня, переворачивала на несколько страниц назад и говорила: "Почему ты остановился на этой странице, дольше, чем на других? Кто эта девочка?". Мы шли по улице, полной народу и стоило мне просто задержать взгляд на ком-то, как она говорила: "Почему ты смотришь на ту девочку?"

Мы просто ругались на словах, так что когда она сама била себя по лицу, оставляя синяки, потом появлялась перед друзьями, все говорили: "Чувак, ты что ее бьешь?". Кто мог поверить, что она сама это сделала. Я пытался прервать наши отношения, но после того, как я купил дом, она просто-напросто не уезжала. Она закрывалась в ванной с ножом. Она уходила туда, чтобы резать себе руки, и мне приходилось часами стучать в дверь, чтобы она вышла. Потом она открывала, с ножом в руках, но не порезав себя, слава Богу.

Я думаю, что как только она поняла, что теряет контроль надо мной, и тогда она может погибнуть. Каждый раз, когда я говорил о невозможности наших отношений, она начинала кричать и мычать, как ребенок с аутизмом. Группа установила день начала работы над альбомом, и мне нужно было заканчивать такие отношения. Я предложил ей квартиру, потому что у нее не было сбережений, но она отказалась. Я говорил ей сто раз, что все кончено, что мы не можем больше быть вместе, но она приходила и начинала кричать и стучать, а я выходил к воротам и говорил, "Кармен, ты больше здесь не живешь. Тебе нельзя быть здесь. Мы больше не вместе. Все кончено". Но она продолжала кричать и пытаться войти на территорию.

Я, наконец-то купил ей билет на самолет, чтобы она могла поехать в Италию и работать там. И это был конец наших отношений. Я благодарил свою счастливую звезду, что все закончилось. Может быть, она не понимала, сколько проблем она приносила, потому что почти каждая ссора заканчивалась сексом; может быть, в ее голове это считалось нормальным.

Скоро после этого, мне позвонил Мо Остин из Warner Bros. “Я слышал про договор, который вы заключили с Sony”, начал он. “Поздравляю, Sony неплохая компания, так что идите туда и сделайте им ваш самый лучший альбом. Дерзайте!”. Я повесил трубку. Я был так растроган. Самый крутой, самый настоящий человек из всех, которых мы встретили во время всех этих переговоров, только что позвонил, чтобы поздравить меня с договором, который мы заключили с их конкурирующей компанией. Это был тот парень, на которого я бы хотел работать. Я позвонил Фли, и он получил такой же звонок. Он чувствовал то же самое.

Мы позвонили Линди, чтобы узнать, как там идут дела с заключением договора с Sony. Оказывается, у них начались проблемы по выкупу договора у EMI. И это все, что нам нужно было услышать. Мы умоляли Линди вытащить нас из договора с Sony/Epіc и перейти к Warner’s. Мы дали Мо решить все проблемы и с одним его звонком своему старому другу, который руководил EMI, все проблемы были решены и мы подписали договор с Мо. И мы были готовы создать наш самый лучший альбом.

Мо Остин и его помощники Ленни Варнокер и Стив Бэкер были такими душевными и музыкальными людьми. Несмотря на то, что Мо является исполнительным директором Warner Bros., он приходил и тусовался с нами практически каждый день в нашей студии на протяжении всего времени создания нашего первого с ним альбома. Никогда раньше у нас не было таких отношений со звукозаписывающими компаниями.

Несмотря на то, что Джон и я стали меньше общаться, группа пребывала в наилучшем настроении. Чед и Джон больше не чувствовали себя новенькими, теперь они были знающими людьми. Фли и Джон совсем подружились и Чед играл отлично. Мы бесконечно доверяли друг другу, особенно, когда мы собирались вместе и часами джемовали. Мы вошли в поток. Когда мы работали над Mother's Milk нам нужно было несколько дней на одну песню, но теперь же у меня были готовы новые лирики, у парней много новой музыки и все шло гораздо быстрее.

Тем временем, я начал дружить с Риком Рубином. Он был очень веселым парнем, ни на кого не похожим. Он обожал разговаривать про девочек и про машины. Он начал приходить ко мне домой. Мы просматривали мои лирики. У меня на уме уже было несколько песен, которые я бы хотел поставить на альбом, такие как "Mellowship Slinky", "Apache Rose Peacock", или "Funky Monks." Я показал ему слова песни "Power of Equality" и хотя мелодия ему очень понравилась, он дал мне понять, что не любит песни с социально-политическим намеком.

"Я люблю песни про машины и про девочек, ну и про все такое" сказал мне Рик.

"Девочки и машины? Я не могу написать про это. Это уже давно сделано. Я хочу писать про странное дерьмо, про которое еще никто не писал", протестовал я.

"Я понимаю", сказал Рик. "Но если ты захочешь написать песню про машины и про девочек, я буду очень рад".

Так я написал "The Greeting Song". До сих пор я ненавижу эту песню. Я ненавижу лирику, я ненавижу вокал. Эта песня была в стиле Led Zep, но я никогда так и не смог полюбить ее. Годы спустя, нам позвонили из General Motors. Они хотели сделать рекламу очередного Шевроле, где на белом экране они напишут слова этой песни. Я не смог разрешить им это сделать; я просто не верил в эту песню.

Несмотря на то, что дела шли хорошо в креативном плане, я начал чувствовать себя аутсайдером в группе, потому что часть великой дружбы Джона и Фли составляла их любовь к травке. Может быть, теперь был черед Фли показать, как это, не входить в треугольник дружбы с Джоном. Джон всегда говорил, что в то время я слишком любил, чтобы вокруг меня все было чисто, поэтому тогда ему не досталось хорошенько повеселиться и экспериментировать с наркотиками. К тому

же, он чувствовал, что его возможность писать музыку и слова возрастала с употреблением травки.

Однажды я пришел на репетицию, Фли и Джон уже покуривали травку и находились в настроении «давай игнорировать Энтони» и тогда я испытал такое меланхоличное чувство пустоты оттого, что я потерял дружбу Джона. Я мог понять по его взгляду, что мы больше не были друзьями, просто мы были в одной группе и уважали друг друга на этом уровне. В тот день, закончив репетировать, я ехал по шоссе 101 и то ощущение потери Джона и то одиночество, которое я испытывал, напомнило мне о моих отношениях с Ione. Когда у меня была такая ангельская девушка, которая отдавала мне все, что у нее есть, а я вместо того, чтобы делать то же самое, был в центре города с гребанными гангстерами, вкалывал героин под мостом. Я чувствовал, что я выкинул на ветер столько времени, но я также чувствовал удивительную связь со своим городом. Я провел столько времени, гуляя по улицам Лос - Анжелеса и Голливудским Холмам, что я начал чувствовать, как сам дух города зовет меня и присматривает за мной. И, несмотря на то, что я был одинок в своей собственной группе, у меня все еще был город, в котором я живу до сих пор.

Я начал складывать свои мысли в машине и напевать мелодию, которую я пел на протяжении всего шоссе. Когда я пришел домой, я достал свой блокнот и записал все в структуре песни, хотя это была поэма.

Under The Bridge

*Sometimes I feel like I don't have a partner
Sometimes I feel like my only friend
Is the city I live in, the city of angels
Lonely as I am, together we cry.*

*I drive on her streets 'cause she's my companion
I walk through her hills 'cause she knows who I am
She sees my good deeds and she kisses me windy
And I never worry, now that is a lie.*

*I don't ever want to feel like I did that day
Take me to the place I love, take me all the way
It's hard to believe that there's nobody out there
It's hard to believe that I'm all alone*

*At least I have her love
The city she loves me
Lonely as I am, together we cry.
I don't ever want to feel like I did that day*

*Take me to the place I love, take me all the way
Under the bridge downtown*

*Is where I drew some blood
Under the bridge downtown*

*I could not get enough
Under the bridge downtown
Forgot about my love
Under the bridge downtown
I gave my life away
Will I stay?*

Месяц спустя, Рик был у меня дома, просматривая мой блокнот, что демонстрировало, как сильно я ему доверял.

“Это что?”, спросил он и передал мне блокнот с записями “Under The Bridge”.

“О, это всего лишь поэма”, сказал я.

“Это фишка. Ты должен с этим что то сделать”, сказал он.

“Это не наш стиль”, объяснил я. “Она медленная и мелодичная”.

“Но это хорошо! Ты должен показать это парням, и посмотрим, если они захотят что-то с этим сделать”. Это было очень трогательно, но я все еще не был уверен насчет этой песни. Пару дней спустя, я был на репетиции, и у нас было немного свободного времени, так как Фли еще не приехал.

“Почему бы тебе не показать Джону и Чеду ту вещь, которую я прочитал у тебя дома пару дней назад?”, предложил Рик.

“Нет, нет, Фли еще даже еще не пришел”, сказал я. Но Джон и Чед уже были слишком заинтересованы. Они оба сели и сказали: “Эй, давай-ка посмотрим, что у тебя там такое грустное”. Я спел им эту песню, наверное, в трех разных мотивах от начала до конца, не зная как лучше ее спеть, но, как только я закончил они встали, подошли к своим инструментам и начали подбирать свою мелодию.

На следующий день ко мне домой пришел Джон. Он принес с собой маленькую Fender amp и подключил ее. “Окей, спой еще раз. Как ты хочешь, чтобы она звучала? Как ты хочешь чувствовать ее? Что она тебе напоминает?”

Я спел ему песню, и он сразу же придумал три или четыре версии аккордов. Мы выбирали до тех пор, пока не пришли к самой аккуратной и интенсивной мелодии. И это было рождение новой песни с альбома.

Мы скоро пришли к еще одной песне, которую мы потом включим в альбом. Вдохновением для этой песни стали мои отношения с Sinéad O'Connor. Я встретил Шинейд на фестивале, в котором мы участвовали в Европе в августе 1989 года. Фли и я были большими фанатами ее The Lion and the Cobra и мне нравились лысые девочки, потому что если кто-то смог сбрить все свои волосы это означало, что этот человек сильный, настоящий и плевать на все хотел. И вот тут была суперсексуальная лысая ирландская девочка с магическим голосом, отличной лирикой и диким взглядом. Мы играли первыми, так что я был достаточно глупым и посвятил “Party On Your Pussy” этому полит-корректному борцу за права женщин.

Когда мы закончили нашу часть, Фли и я стояли около сцены и смотрели за выступлением Шинейд. Это было до того, как она стала знаменитой, так что она не была самоуверенной, она просто была лысой. Она вышла на сцену в платье и в военных сапогах и начала петь как дикая маленькая Ирландская принцесса. Я просто прожил несколько жизней, пока смотрел на нее, и когда она поблагодарила меня за мою песню, посвященной ей, она звучала дружелюбно. Окей, теперь она знала, что я существую, и это было отлично.

После шоу мы сказали ей, как нам нравилась ее музыка. Вместо того, чтобы ответить рядовым “спасибо”, она пригласила нас потусоваться с ней. Она была скромной и стеснительной, и мы болтали, пока ее менеджер не сказал, что ей пора ехать. Испугавшись, что я больше ее никогда не увижу, я побежал в раздевалку и написал ей многозначительное письмо, чтобы показать, что у меня есть к ней чувства и что она мне нравится. Я отдал ей письмо именно в тот момент, когда ее автобус начал отъезжать. Она приняла его, улыбнулась и помахала мне на прощанье.

И потом ничего не произошло. Ни слова в ответ. Она исчезла в огромное облако другого мира, а мы продолжали турне, все оставалось по-прежнему, адъёс. Жизнь идет своим чередом, мы провели турне в Японии, где я встретил Кармен и пробыл с ней год. К тому времени Шинейд выпустила второй альбом и за одну ночь стала самой известной исполнительницей-женщиной в мире. Однажды Боб Форест сказал мне, что она переехала в Л.А. и ее видели в Viktor's Deli, это одно из ее самых любимых кафе.

Несколько недель спустя, я бегал по городу по делам и встретил Шинейд. Один взгляд на неё и я растаял. Я мог жениться на ней сию секунду. Мы начали разговаривать, и я напомнил ей про то письмо.

“О да, я знаю, что ты мне передал это письмо”, сказала Шинейд. “Оно у меня. Оно лежит у меня на кухне в ящичке”.

“То письмо, которое я тебе дал, лежит у тебя на кухне в ящичке?” – не поверил я.

“А что ты думаешь?”. Она улыбнулась. “Ты написал мне такое письмо, а я его выброшу?”

Она пригласила меня к себе на ужин. Скоро я начал часто приезжать к ней и к ее сыну Джейку. Я, конечно же, не могу сказать, что это типичный сценарий для свидания, потому что это было странное время для нее - она очень стеснялась из-за всего того, что с ней так быстро произошло, но вскоре мы начали ходить в кино и в музеи, и я дал ей урок вождения на своем матово-черном *Samaro convertible 67* года. Мы разъезжали по городу, слушали музыку и целовались, но она не впускала меня к себе до конца. Причем не только вагинально. Это продолжалось неделями и это были самые прекрасные отношения, лишённые секса, которые у меня когда-либо были. Я обожал ее, и каждый день я просыпался и отправлял ей по факсу небольшую поэмку.

Наши отношения прогрессировали, она отдавала мне немного больше любви и внимания, эмоционально и физически, когда вдруг все это пришло к необъяснимому концу. Я облажался немного, когда она сказала мне, что приглашена на вручение премии Академии Киноискусств. Я предложил ей пойти вместе и снача-

ла она согласилась, но потом перезвонила, чтобы сказать, что она идет со своим другом Даниэлом Дэй-Льюисом. Я чувствовал себя маленьким, не потому что она шла с кем-то, а потому что это не был я, а я так хотел быть с ней тогда.

Даже после этого инцидента, она не подала мне никакого знака на то, что у неё в жизни происходит еще что-то, кроме наших отношений. Я был постоянно взволнован и слишком весел, а она была спокойной и умиротворенной. Это было хорошо, мы держали равновесие.

Однажды я позвонил ей и оставил сообщение на ее автоответчике и ушел. Когда я пришел, у меня мигала лампочка на моем автоответчике.

“Эй, Энтони, это Шинейд. Я уезжаю из Лос-Анджелеса завтра, я не хочу, чтобы ты мне звонил и не хочу чтобы ты приходил. Пока!”

Я был разбит. Все так быстро изменилось. Еще вчера это было “Не могу дождаться снова тебя увидеть”, а теперь “Не звони и не приходи”. Я не знал, к кому обратиться, так что я позвонил Джону. Он был обеспокоен тем, что она могла со мной так поступить, и предложил мне написать об этом, чтобы потом встретиться и создать песню. Шел дождь два дня подряд, так что я сел за стол, включил версию Джими Хендрикса на песню “All Along the Watchtower” и начал писать лирику про то, что со мной произошло.

From “I Could Have Lied”

*I could have lied, I'm such a fool
My eyes could never never keep their cool
Showed her and I told her how
She struck me but I'm fucked up now*

*But now she's gone, yes she's gone away
A soulful song that would not stay
You see she hides 'cause she is scared
But I don't care, I won't be spared*

Я приехал к Джону примерно к полуночи. Он был как сумасшедший ученый, он очень хотел закончить эту песню. Так что мы работали и работали всю ночь, прислушиваясь к тому дождю. Мы, наконец-то закончили к пяти утра и, с кассетой в руках помчались к дому Шинейд. Это была ее последняя ночь там, так что я не постучался, а просто упаковал кассету и бросил в ее почтовый ящик. Она покинула город на следующий день. Проходили годы, вышел наш альбом, и жизнь продолжалась. Были свои падения и свои взлеты, трагедии и триумфы, люди умирали и у людей рождались дети, и я всегда думал, что будет, если я увижу эту девочку снова.

Годы и годы спустя, я был в Universal Amphitheatre на каком то дурацком шоу MTV, где Фли я и выступали с Тони Беннетом. После шоу, мы тусовались сзади, на парковке, когда подъехал лимузин. Я посмотрел и увидел в машине Шинейд и Питера Гэбриэла. Я подошел, она высунулась в окошко, мы оба поздоровались и в тот момент я ничего больше не смог сказать, а она выдала мне самую

фальшивую улыбку. Я даже не помню, спросил ли я у нее про ту кассету. Я чувствовал себя гадко, странно и ужасно. Может быть, в конце концов, она на самом деле сделала мне одолжение. Кому нужны проблемы?

Мы очень расширили наши музыкальные возможности с этим альбомом. Однажды, Джон подошел ко мне с очень интересной музыкой, которая была очень мелодичной и необычной. Джон проиграл куплет и припев и сама музыка, которая создавала его гитара, напомнила мне о Кармен. Даже во время самых жестких ссор, я никогда не считал ее злым человеком, и я никогда не ненавидел ее. Я считал ее девочкой, у которой не было шанса вырасти и справиться со всей своей болью. Я не очень расстроился, когда мы разошлись, я был рад; я хотел, чтобы она чувствовала то же самое и чтобы она нашла свое место в жизни.

В тоже время, задавать себе вопросы и задумываться, а не начинал ли я повторять привычку моего папы, перепрыгивая от цветочка к цветочку – от девочки к девочке. Я точно не хотел кончать как Блэки, потому что несмотря на его прекрасную и интересную жизнь со множеством красивых девушек, в конце концов, ты остаешься ни с чем. Эта лирика отражает обе эти стороны.

From “**Breaking The Girl**”

*Raised by my man, girl of the day
He was my man, that was the way
She was a girl, left alone
Feeling the need to make me her home*

*I don't know what, when, or why
The twilight of love had arrived
Twisting and turning, your feelings are burning
You're breaking the girl*

*She meant you no harm
Think you're so clever but now you must sever
You're breaking the girl
He loves no one else*

Когда мы стали выбирать, какие песни попадут на альбом, оказалось, что задержка с Епис и разрешение этой проблемы благодаря Мо, дала нам возможность написать практически песен на два альбома. Однажды, Фли начал наигрывать просто сумасшедшую мелодию, и Чед к нему присоединился. Я был настолько удивлен игре Фли, его пальцы металась по всей длине гитары, что я подпрыгнул к микрофону со своим блокнотом. У меня уже было пару фрагментов в голове и пару идей для песни. Я взял микрофон и запел “Give it away, give it away, give it away, give it away now.”

Эту фразу я подобрал в ходе наших разговоров с Ниной Хаген. Нина была очень мудрой и она понимала каким молодым и неопытным я был тогда, так что

она всегда скрытно помогала мне. Однажды, я просматривал ее гардероб, смотря на ее сумасшедшую одежду, и наткнулся на ценный экзотический пиджак.

“Это очень классный пиджак”, сказал я.

“Забирай его, он твой”, ответила она.

“Эй, я не могу это принять. Это самый твой классный пиджак”, возразил я.

“Вот почему я тебе его и отдаю”, объяснила она. “Всегда очень важно отдавать вещи (give things away); это создает хорошую энергию. Если у тебя шкаф полон одежды, и ты все оставляешь себе, твоя жизнь станет маленькой. Но если у тебя шкаф полон одежды и кто-то увидит, что-то, что ему очень нравится, а ты ему это отдашь, мир станет лучше”.

Я рос в такой среде, где люди ничего тебе не отдают сами, ты просто берешь, что хочешь. Для меня было таким странным и необычным, что кто-то хотел отдать мне свою самую любимую вещь, что это надолго застряло у меня в голове. Каждый раз я сначала думал “так, это надо оставить себе”, но потом вспоминал “Нет, надо это отдавать!”. Когда я потом начал ходить на встречи наркозависимых, один из принципов, который я выучил, это для того чтобы сохранять свою собственную чистоту, тебе нужно отдавать ее другому алкоголику или наркоману. Каждый раз, когда ты опустошаешь бутылку с энергией, ее заменяет новая, свежая.

Я кричал в микрофон “Give it away, give it away,” пальцы Фли летали по всему грифу, Чед смеялся как сумасшедший, а Джон пытался найти момент, чтобы вступить со своей частью, так мы играли очень долго, мы просто не могли остановиться. После этого джема мы поняли, что у нас есть задатки отличной песни.

Влияние Рика на технику написания песен привило нам традицию, которую мы используем по сей день, называется этот прием “без лица”. Скажем, мы работаем над песней, у нас есть куплет и припев, но у нас нет переходного “мостика”, и мы никак не можем ничего придумать. Тогда Джон и Фли отключают свои гитары, подбегают друг к другу и быстро всматриваются друг в друга. Потом один из них идет на парковку, другой в холл и у каждого есть пять минут, чтобы что-то придумать. Потом они возвращаются обратно, и мы решаем, чья идея больше подходит для песни. У нас никогда еще не было больших разногласий насчет того, какую музыку выбрать. Такой прием очень удачен для создания частей, потому что он креативен и внезапен.

После этого долгого, долгого процесса репетиций, и написания музыки мы были готовы записать альбом. Рик предложил записываться в домашней обстановке. Он нашел такой огромный, старый, офигительный дом с привидениями недалеко от наших квартир. Он нанял каких-то канадцев, чтобы те создали там студию. В доме была красивая деревянная библиотека, которая соединялась с огромной средиземноморской гостиной с помощью окна, что было очень удобно для нас, потому что они сделали из библиотеки комнату записи, а барабанные установки и все прочее поставили в огромной гостиной. Когда мы прохаживались по дому, мы внезапно решили жить там, на период записи, так что мы сразу выбрали себе комнаты в разных частях дома.

У Джона была собственная лестница, которая вела к его маленькой и очень скромной комнате. Там он варился в своей собственной супе из странностей, рисуя, читая и слушая музыку. Клара, маленькая дочка Фли нарисовала там, на сте-

нах, отличные рисунки. Я был в другой части дома, в куда более просторной комнате, в конце концов, весь мой вокал записывался из моей спальни. Мы установили там микрофон, который шел по всему дому прямо в комнату записи, я стоял у окна, смотрел на холм и луну и пел. Фли занял комнату на самом верху, которая изначально была баней. Чед не присоединился к нам. После того, как он услышал, что в доме жил призрак женщины, убитой в 30х годах он решил, что лучше будет ездить сюда на мотоцикле.

Мы наняли Брендана Брайена инженером по записи, что было очень удачно, потому что он лучший инженер в Америке. Он сделал огромное количество мультиплатиновых альбомов. Он хорошо умел работать с ударными и тоже был музыкантом. В конце концов, он тоже начал играть на альбоме и был частью не только хорошего звука альбома, но и создания атмосферы любви и теплоты. Мы решили снимать запись этого альбома, так что мы наняли Гэвина Боудена, с которым мы познакомились еще в Англии, когда Фли и я отправились на турне еще до выхода нашего первого альбома. Гэвин переехал в Америку, и так получилось, что он в последствии женился на сестре Фли. Одной из обязанностей оператора во время съемок документального фильма записи альбома является полная его невидимость, а Гэвин был лучшим для этого, потому что он очень манерен и к тому же он Англичанин. Он прижимался к стенам, ползал по полу, работал в поте лица, пытаясь снять каждую минуту записи этого альбома. В конце он еще взял у нас интервью, совместил все в отличную запись, которая была выпущена под названием Funky Monks.

Скоро мы поняли, что нам нужен был кто то, чтобы отвечать на наши звонки, потому что мы пытались записываться, а телефон звонил без остановки. еще нужен был кто-то, чтобы доставать нам то, что нам было нужно, итак мы наняли одного парня по имени Луиз Мэтью, который раньше работал на наших друзей Боба и Пита из Thelionious Monster. Луи пришел по первому зову, и так началась наша с ним длинная рабочая дорога. Из секретаря он превратился в техника по ударным, потом в персонального ассистента Джона и потом в прекрасного менеджера по турне.

Итак мы въехали в дом и записали альбом. Фли, Джон и я жили в этом доме, не вылезая даже в ресторан. Пока мы жили в этой “раковине”, шли слухи, что у Джона произошел опыт встречи с демоническим женским духом, но по-настоящему, мы получали визиты от кое-кого более реального. Мы все знали эту девушку, которая работала на Melrose Avenue(здесь эта улица, это тоже самое, чем когда то была Тверская - место “работы” проституток - прим. переводчика) и очень сильно поддерживала группу. Пока мы находились в этом доме, она навещала нас. Ночью были только мы трое, никакой охраны у этого дома не было. И как будто из какой-то странной сцены из фильма про английские замки, эта очень молодая и очень самоуверенная девочка приходила и проводила время с каждым из нас, по очереди. Она занималась сексом в каждой комнате, которую посещала, но это был не только секс; она просто болтала и проводила некоторое время с каждым из нас.

Она приходила ко мне, потом к Фли и потом только к Джону, потому что они были больше друзьями. Было приятно проработать весь день над альбомом, а

потом дать этой девочке любить тебя, не обращая внимания на то, что любить надо было не одного. Мне не кажется, что она делала это из-за того, что у нее, скажем была низкая самооценка или она просто хотела секса. На тот момент Джон уже был совершенно другим человеком в отношении секса, совершенно не заинтересованным в сексуальных ресурсах, которые были доступны ему из-за его статуса, так что я не думаю, что он бы делал это, если бы зал, что причиняет ей боль или дискомфорт. Все работало прекрасно для всех. Все было мило, уютно и тепло, и у нас даже были названия для ее визитов, в зависимости от дня недели. Если была среда, и мы чувствовали себя похотливо, кто-нибудь говорил, “Эй, разве сегодня не чокнутая среда?”. Или: “Все, пока Джордж, сегодня сумасшедшая пятница. Так, кто-нибудь, позвоните-ка ей!”

Такое пребывание в доме было очень выгодно для меня, потому что у меня было много незаконченных песен, а там меня никто не отвлекал. Но вот пришел мой черед записываться. Я все еще не готов был петь. Я мог делать звуки своим ртом, я мог писать песни и знать, как они должны звучать, но я не был готов к тому, что все на меня будут смотреть. Именно поэтому я устроился в дальней комнате и записывался оттуда. Мой уровень дискомфорта зависел от песни. Я помню, как однажды я стоял перед микрофоном, приготовляясь петь *Under the Bridge* и думал “О боже, я не могу поверить, что мне нужно это петь”. Но Брендан мне очень помогал. Он говорил такие вещи как “Я слышал, как ты это поешь, я знаю, что это в тебе есть, мы найдем это. Не волнуйся и не спеши”.

Я не хочу, чтобы вы думали, что мы были какими-то монахами, пока записывали альбом. Часто мы приглашали к нам друзей, и мы вместе ужинали. Один из людей, который тогда часто был около нас, это актер *River Phoenix* (Ривер Феникс). Я познакомился с Ривером через *Ione*, которая с ним вместе снималась в одном фильме. Я не хочу слишком много про это говорить, потому что напоминания об этом причиняют боль семье Ривера, но с тех пор как я его знал и до этого, он очень много пил, принимал очень много кокаина, и для меня и для всех, кто его знал, не было секретом то, что он не контролировал себя с этими вещами и что рано или поздно придет тот момент, когда произойдет что-то плохое. Ривер был постоянно с нами во время записи и написания альбома. Он всегда поддерживал группу, и я даже написал про него небольшой куплет в *Give It Away*: “There’s a river, born to be a giver, keep you warm, won’t let you shiver/His heart is never going to wither, come on everybody, time to deliver”.

После двух месяцев, вы закончили с записью. Фли и Джон смогли все время провести «взаперти», но после шести недель я и Рик начали выбираться в мир. Было странно вновь войти в атмосферу Голливуда, после такого длинного заточения. Но во время пребывания в этом доме, мы все знали, что мы выкладываемся на полную силу, что мы создали что-то невероятно большое, громкое и красивое, что-то, чем я не терпел поделиться со всеми. Джон впервые утвердил его игру и создал совершенно новый подход к гитаре, что стало его характерной чертой. С того момента, гитаристы по всему миру будут смотреть на него как на великого музыканта. Фли пошел в совершенно другое направление. Раньше все основывалось на шлепках, на щипках и подергиваниях, но теперь он от этого отказался. На альбоме есть всего пара песен, основывающихся на таком принципе. Чед тоже

обосновался и вступил на самую высокую ступень, теперь он был на уровне с первыми барабанщиками мира. Также, это было что-то новое для Рика. Он никогда раньше не делал ничего подобного. Он делал хип-хоп альбомы, хард-кор альбомы, но никогда не делал ничего смешанного, как наш альбом.

Теперь, когда мы закончили запись, нужно было придумать название для альбома. Однажды я и Рик сидели в машине и начали быстро выкидывать разные названия, но когда ты так делаешь, то у тебя получается дерьмово. И наоборот, когда название просто так приходит к тебе, оно и будет самым лучшим. Наконец, Рик сказал: “Чувак, я даже не знаю, зачем мы об этом говорим. Очевидно, что лучшее название, которое у нас есть, это Blood Sugar Sex Magik” (эта песня была отчасти данью моему потрясающему сексуальному опыту с Кармен). Я согласился и тогда мы поняли, что, несмотря на то, что песня не была нашим синглом, или ключевой песней альбома или просто песней, к которой мы хотели бы привлечь внимание, она каким то образом, лучше всего передавала настроение всего альбома.

С альбомом в чемоданчике, пора было снимать видео на наш первый сингл - “Give It Away”. Я знал, что у нас есть поддержка нашей звукозаписывающей компании, так что я начал просматривать кучу, кучу, кучу материалов разных клипмейкеров, но ничего мне не нравилось. Все было просто дерьмом. Наконец, мне понравилось видео какой-то французской группы, которое снял режиссер по имени Stephane Sendou. Казалось, что его видео было произведением искусства, оно не было сделано для MTV. Но когда я сообщил об этом Warner’s, они сказали мне забыть про это, этот парень был 100% занят. Я не мог это принять, так что я позвонил ему и попросил его встретиться с нами.

Он согласился. Мы встретились у Фли дома и поболтали весь день про наших любимых фотографов и про ниши любимые цвета, и договорились на серебряном. Съемки происходили в пустыне, там, где делают все хорошие видео. Стефан привез с собой целое подразделение французов: дизайнеры, стилисты, парикмахеры, повара, операторы - все французы. Мы провели два полных дня в пустыне. Чед был рад надеть его красные дьявольские рожки. Я беспокоился, что когда Стефан скажет Джону, что тот будет танцевать с ленточкой, Джон ему ответит: “Пошел на хрен, возьми свою ленту и засунь ее в свою французскую задницу, кретин!” но Джон ничего такого не сказал и был рад потанцевать с ленточкой. Он мог бы часами так танцевать.

Blood Sugar Sex Magik был выпущен 24 сентября 1991 года. “Give it Away” был первым синглом, но радиостанция, на которой должна была выйти эта песня впервые сказала нам “прийти, когда в нашей песне будет мелодия”. Это были плохие новости, потому что как водится, именно эта радиостанция диктовала то, что будет слушать вся Америка. И конечно же, “Give it Away” никогда не была мелодичной. Эта песня для вечеринок.

Незадолго до того, как вышел альбом, мы с Джоном отправились в Европу, чтобы его промоутировать. Фли решил не ехать. Я был удивлен, что Джон решил поехать на эту изматывающую поездку, на которой ты безостановочно путешествуешь от города к городу, разговариваешь часами с самыми крутыми и самыми

жалкими изданиями, а все это может свести с ума любого. Ну, так оно и произошло с Джоном.

Из всех нас, я думаю, что Джону пришлось сложнее всего приспособиться к жизни все дома Blood Sugar. Все это время в нем было столько креативности и творчества, что я думаю, он просто не знал, куда девать все это после записи. Дошло до такого, что он просто не мог смотреть на такие вывески как, The Arsenio Hall Show или на рекламу помады. Он хотел быть в мире, где воспевали его собственное творчество. А этого ты точно не найдешь на промо-туре. Все вопросы журналистов, казалось для Джона были тупыми, и он стал угрюмым, злым и темным парнем. Единственная вещь, которая его радовала, это оказаться снова в Лос-Анджелесе, с его новой девушкой Тони.

Джон начал принимать героин. Когда ты впервые делаешь это, а потом переставешь, а потом чувствуешь себя не очень хорошо, это начинает давить на тебя, и ты думаешь: “Эй! Дома меня ждет моя девочка и дилер. Я могу прожить без немецкой погоды и итальянской еды”. Джон, может быть, вел себя как придурок, но не сложно представить, почему он такой. Тебе надо отвечать на миллион вопросов одного журналиста, понимая, что впереди у тебя еще 14 таких же; журналисты иногда интеллигентные, умные и знающие толк в музыке люди, но иногда есть и невыносимые, и все, что ты хочешь сделать, это врезать им и сказать, чтобы они ушли, потому что они тупые гребанные придурки, и все, про что они хотят, говорят это грубо.

Я помню, когда мы были в Бельгии, мы с Джоном оставались в таком старом красивом отеле. Когда утром мы сдавали номера, Джон выглядел не очень хорошо. Потом парень на ресепшн сказал ему, “Всего две тысячи долларов за телефонный счет”. Он шесть часов говорил с Тони, которая была в Л.А. Когда мы прибыли в Лондон, он подошел ко мне и извинился: “Извини, но я очень хочу уехать. Ты сможешь закончить без меня?” и со скоростью света выбежал из отеля, чтобы поймать следующий самолет в Америку.

Во Франции мы встретились со Стефаном, где я и Линди впервые увидели видео “Give it Away.” Это видео привело меня просто в невероятный экстаз, оно мне понравилось сразу же и является клипом номер 1 для меня до сих пор. Но у представителей звукозаписывающей компании были сомнения насчет этого видео, боясь, что оно слишком странное для телевидения. Но после того, как K-Rock в Лос - Анджелесе постоянно ротировали эту песню в своем эфире, они допустили его и на тв. Это было рождение нашей музыки в массах.

В те времена явно чувствовалось, что вся музыка 80х постепенно умирала. Попсовые рок-группы, как Warrant, Poison и Skid Row прекратили свое существование; попсовые семейные комедии как Шоу Косби уже надоедали. В воздухе было что-то новое. Я помню как я разъезжал на своем Camaro с открытым верхом, слушая кассетку нового альбома группы, по имени Nirvana, размышляя об этих парнях и откуда они взялись, потому что их песни были просто не от мира сего. Однажды мы готовились к турне, и я увидел по MTV видео группы под названием Smashing Pumpkins. Это была песня “Gish”, и она была настолько красивой и не похожей на то дерьмо, которое обычно играли по MTV. Я позвонил Линди и сказал ему достать Pumpkins для нашего турне.

Потом совершенно из неоткуда, пока мы сидели у Линди в офисе, слушали разные записи, чтобы выбрать еще кого-нибудь для нашего турне, нам позвонил Джек Айронс. Джек попросил нас сделать ему одолжение и послушать кассету новой группы, чей певец Eddie Vedder, был его хорошим другом. Джек встретил Эдди, когда тот был в группе Red Hot Chili Peppers, (нашей копии, которая исполняла наши каверы), фактически изображая меня. Оказалось, что Эдди еще работал на нас техником, когда мы сыграли шоу в Сан-Диего. Новая группа Эдди называлась Pearl Jam. Мы прослушали запись, и эта музыка нам не понравилась, тогда мы были дикими музыкальными снобами. Но эти парни звучали очень качественно и реально, поэтому мы были рады помочь Джеку и приняли Pearl Jam на наше турне для разогрева.

Мы начали турне в Мэдисоне, штат Висконсин. Когда Pearl Jam открыли наше шоу своей песней "Alive", я понял, что у Эдди великолепный голос и что у них будет золотое будущее. За кулисами, мы подружились со Smashing Pumpkins и оказалось, что они были куда более странными, чем мы представляли себе. Я познакомился с D'Arcy, их басс-гитаристкой, и подумал, что она была привлекательна в таком странном готическом смысле. Джеймс, их гитарист был супер стеснительным и очень спокойным, а Билли Корган, их фронтмен, был веселым и добрым. Но после их выступления, D'Arcy набралась водки. Она была пьяна в ж\$пу. Если она таким образом начинала турне, то представьте себе, что было в конце. Наконец, мы вышли на сцену и сыграли кучу песен с Blood Sugar. Мы попытались сыграть "Breaking the Girl" и у нас не получилось, но все остальное прошло отлично.

На протяжении всего турне мы сблизились с обеими группами. Большинство людей скажут вам, что Билли Корган самый сложный и несчастливый человек на свете, но мой опыт с ним был совершенно другим. Я нашел его очень умным и ранимым и очень ироничным. Его и-мэйл когда то звучал так: blackcloud@ blah, blah,blah. Он также был очень хорошим баскетболистом. Мы однажды играли за сценой в Миллуаки во время всяких установок аппаратуры. Мое первое впечатление о нем было такое: "высокий, музыкальный, немного ботаник", но никак не "игрок". Но как только мы начали играть, Билли начал забивать в корзину из-за линии.

Все три группы много гуляли вместе, например мы ходили в кино. И Билли никогда не был завистливым, и он всегда поддерживал меня. Но он явно был боссом в своей группе. D'Arcy была милой, но от нее только жди неприятностей. Джеймс тоже не сильно отличался от D'Arcy, но их барабанщик, Джими Чемберлэйн был просто монстром. Слава Богу, что во время того турне я не находился в зависимости, потому что если бы я сидел на наркоте, то он был бы моим дружкой по этому делу, и мы бы оба сдохли. Он пил и принимал наркотики как долбаная горилла с огромным сердцем. Я помню, как после таких шоу мы ходили по клубам, особенно в Нью Йорке, и он сидел там, окруженный девочками, у барной стойки, в своем пальто, чувствуя себя на все сто оттого, что он становится известным, что он разъезжает по миру с турне, он сидел там с полными карманами кокаина и героина. Он был настоящим медведем без правил с диким музыкальным

талантом. Сейчас с ним уже все хорошо, но у него были свои схватки со своей темной стороной.

Мы много тусовались с Эдди и Джефом Аментом и Стоуном Госсардом из Pearl Jam. Стоун был классным; он очень много стеснялся. Эдди и я стали равными друзьями и между нами не было идиотизма, типа: “о, я вас так давно слушаю”. Мы выступали на одной сцене с самого первого дня и между нами не было никакого конкурирующего эго.

К тому времени как мы добрались до Бостона, шум и гам, который наделали Pearl Jam, был феноменальным. Обычно, к разогреву приходит очень мало людей, но наша публика заполняла весь зал к выступлению Pearl Jam. В тот момент жизни Эдди был рад всему, он был рад играть музыку, которая всем нравится, он сдружился со всеми. Он приехал в Мичиган, чтобы сказать моей маме, какой у нее хороший сын и подружился с Блэки.

Между тем, вышел наш альбом. Впервые, нас серьезно играли на радио и регулярно ротировали по MTV. Мы были на высоте. Все это делало Джона несчастливым. Он начал терять все его веселые персональные качества. Даже на сцене, его обвивала слишком серьезная энергия. Меня сбивало с толку то, каким угрюмым стал его подход к музыке. Чего я не знал, так это то, что он уже тогда размышлял о своем присутствии в группе.

Когда мы с ним разговаривали по душам годами позже, Джон сказал, что он решил, что, покинув группу после успешного альбома, он окажется в очень таинственном положении, когда у тебя есть все возможности делать другие проекты, и при этом не быть частью фабрики звезд. Он чувствовал, что турне отбирает у него это таинственное время. Конечно же, мы ничего этого не знали, потому что Джон постоянно сбегал от нас. На турне он взял с собой Тони, его девушку, и они находились в коконе.

Warner's были довольным внезапным интересом к альбому, и они незамедлительно начали вести переговоры насчет второго сингла и видео. Мы были как раз по середине своего турне, в Средней полосе Америки, когда к нам приехали представители компании, чтобы обсудить с нами возможность выпуска “Under the Bridge” как наш второй сингл. Эта песня была моим промахом. Иногда я мог ее петь, но иногда я просто не мог попасть в мелодию. В ту ночь у нас была огромная публика, и когда пришло время Under the Bridge, Джон начал играть первые аккорды, но я не смог начать петь. Вдруг, все начали петь там, где я должен был начать. Сначала я был ужасе от того, что испортил песню прямо перед людьми из Warner's, которые были там специально, чтобы послушать эту песню, но оказалось, что они были в восторге от того, что петь начал не я, а вся толпа. Я извинился за свой промах, но они сказали, “Что? Ты смеешься? Каждый человек в этом зале знает слова этой песни. Это точно будет нашим следующим синглом”.

Я воспринимал наш новый успех как благословление. Я не считал, что мы стали круче, чем мы были, нет, были все теми же парнями, просто наш профессиональный уровень явно повысился. Я чувствовал, что мы должны быть благодарны этому подарку, этой удачи. Мы не “продались”, мы не изменили тому, во что мы верили, мы просто сделали это. Однако Джон находил тот факт, что мы

теперь популярны, плохим. У нас постоянно проходили эти яростные дискуссии за кулисами.

“Мы слишком популярны. Мне не нужно быть таким успешным. Я просто рад и горд играть музыку в клубах, как мы это делали два года назад”, говорил Джон.

“Но это не плохо, то что эти люди пришли сюда?”, спорил я. “Давай, черт возьми, сыграем для них. Мы не должны ненавидеть себя и их из-за того, что просто произошло”.

Иронично то, что чем больше он ненавидел то, какими мы стали, тем популярнее мы становились. Чем больше он сопротивлялся, тем больше альбомов мы продавали, чем больше он раздражался количеству людей, пришедших на шоу, тем больше людей приходило.

Мои постоянные споры с Джоном, создавали огромные проблемы в группе, которые причиняли огромные страдания Фли. Фли был занят процессом развода со своей женой, так что весь этот стресс привел к тому, что ему нужно было принимать что-то, чтобы уснуть, принимать что-то, чтобы встать, и что-то в середине дня. Доктора прописывали ему все больше лекарств. То, что могло бы быть самым волнующим моментом в нашей карьере, получилось, в конце концов каким-то странным. Все были на нервах. А Чед оставался Чедом.

Натянутость моих отношений с Джоном достигли точки кипения на шоу в Новом Орлеане. Весь зал был полон - не было свободных мест и Джон стоял там в углу и фактически не играл на гитаре, не было слышно ЧТО он вообще там играет. Мы вышли за кулисы и тут началось.

“Джон, мне пофиг, что ты думаешь, о чем ты думаешь, где ты летаешь, но когда мы выступаем и к нам приходит столько народу, которые заплатили за это деньги, которые хотят нас увидеть и услышать, хотят танцевать под наши песни, ты хотя бы должен, черт возьми, просто появиться и отыграть своё!”, кричал я.

“Ну я так не считаю. Я лучше бы играл для десяти человек и бла, бла, бла, бла”. И аргумент продолжался и продолжался. Фли смотрел на нас, думая, “О нет, это должно было произойти. Леди и джентльмены, Правильный - и - Любящий-Контроль - Фрик - Энтони против Ненавистника - Всего - Этого - Джона”. Мы продолжали спорить везде, в ванной, в машине, в холле. В конце-концов мы решили, что каждый останется при своем мнении.

Чем больше мы находились в турне, тем больше народу приходило на наши шоу. К тому времени, как мы добрались до Западного побережья, мы перешли от всяких театров к огромным аренам, так что промоутеры решили, что нам нужно нечто большее, чем Pearl Jam. Вторым альбом Нирваны, Nevermind только что произвел огромный фурор, а я был просто без ума от этого альбома и я предложил Нирвану вместо Pearl Jam. Эдди все понимал и таким образом Линди позвонил Нирване, но их менеджеры сказали ему, что это невозможно, они заняты. Тогда я позвонил их барабанщику, Дэйву Гролу.

“Энтони Кидис! Мы обожаем вас парни! Мы выросли слушая вас в Сиэтле”, сказал Дэйв. Он сказал мне, что они только что вернулись с огромного турне, и что Курт Кобейн был не в лучшем состоянии, но он попытается поговорить с ним насчет нашего предложения. Так он и сделал. Итак, Nirvana была с нами, но вдруг

Билли Корган вытащил Smashing Pumpkins из договора по турне. Оказалось, что он раньше встречался с Кортни Лав, девушкой Курта, так что он отказывался выступать вместе с Нирваной, к тому же быть у них на разогреве. Таким образом, Pearl Jam вернулись обратно.

Наше первое шоу было на Арене Лос-Анджелеса, и я все пытался заинтересовать Джона и развеселить его, говоря что с нами вместе будет Nirvana, но ему было все равно. “Нирвана, Ширвана, какая на хрен разница?” Позже, он станет огромным их фанатом, но сейчас ему было все равно, хотя он слушал довольно внимательно, когда они открыли свое шоу кавером одной из песен the Who. Для меня это шоу было очень важным, мы играли дома. Перри Фаррел из Jane’s Addiction пришел на шоу в костюме раздетого принца, что для меня тоже символизировало своего рода успех.

В тот вечер я впервые встретил Курта Кобейна. Перед выступлением, я зашел к нему в уборную, чтобы поздороваться, и он был там с Кортни. Он выглядел очень плохо. На нем было разорванное платье, и его кожа выглядела плохой, и было такое ощущение, что он не спал несколько дней, но он был таким прекрасным с другой стороны. Я просто был в восхищении от его присутствия и его ауры. Он был очень добрым. Мы очень мило побеседовали, и я поблагодарил его за то, что он согласился сыграть это шоу.

Я все смотрел на Кортни, потому что точно помнил, что я ее уже откуда то знаю. И потом она начала кричать мне: “Энтони, ты что меня не помнишь? Я обычно подбирала тебя с Мелроуз, когда ты и Ким Джонс испытывали серьезные ломки. Я тогда была танцовщицей, и я одолжила тебе 20 баксов, а ты мне их никогда не вернул”. Пришло время выступления Нирваны, и Курт вытащил себя на сцену, но этот парень, который выглядел как смерть, зажег толпу и сыграл лучшее шоу, которое когда либо вы видели. Их музыкальность, их энергия, их выбор песен как будто бензопилой прорезали атмосферу того вечера.

У нас в кармане было пару трюков. Наше выступление открыл проигрыш Фли, только он был не на сцене, а спускался на нее сверху вниз головой. Джон находился в одном из своих настроений. Он сыграл хорошо, но мы очень мало общались во время выступления. А в финале, мы сняли носки, и такое случалось все реже и реже. Следующее шоу было в Дел Маре, городе неподалеку от Сан-Диего. Мы играли в огромном гараже для самолетов (которых конечно же там не было) и снова, Nirvana открывала наш концерт и снова Кобейн разрушил барабанную установку, после чего все просто сошло сума. К тому моменту, когда мы вышли на сцену, в зале не было пустого места, от всей публики исходил прямо пар. Тогда мы сыграли лучше. Было меньше нагрузки, и еще Джон чувствовал себя лучше. Может быть Nirvana его подталкивала. В ту ночь началась моя продолжительная война со звоном в ушах. Чед и я обнялись после шоу за кулисами и мы поняли, что у нас в ушах все звенело. Под конец этого тура, я заработал расстройство ушных барабанов, а это, к сожалению, одно из тех самых заболеваний, которое очень сложно вылечить. Следующей остановкой был славный город Сан-Франциско. Мы останавливались в отеле Финикс, который был прославленным отелем в не очень хороших окрестностях. После шоу, я справил Новый Год, сидя у бассейна с Куртом и Кортни. Мы сидели там примерно час под звездами, просто

разговаривая. Я никогда не видел Курта таким расслабленным и, наверное трезвым.

К тому времени как мы прибыли в Салем, Орегон, мои голосовые связки окончательно затихли. Они были как две сосиски, сдавленные друг другом, и я просто не мог издать ни одного звука, так что нам пришлось перенести последние даты на турне по западному побережью. После небольшого перерыва пришла пора турне по Европе. Джон не только продолжал отделяться от группы, но теперь начала страдать его психика. Он проходил через период, когда он был убежден, что его кто-то пытается убить каждый день - наш водитель, парень за кассой в макдональдсе, еще кто-то. Я просто уверен, что он действительно в это верил, поэтому нам постоянно приходило убеждать его, что его никто не пытается убить. "Ну не знаю," говорил он. "Я видел, как наш водитель разговаривал с кем-то на улице, и мне кажется, что он связан с людьми, которые хотят моей смерти". Я думаю, Джон испытывал старую добрую паранойю на самом экстремальном уровне. Он курил кучу травки и пил литры вина, и он не хотел быть в турне.

Путешествия теперь не были приятными. Мы не собирались вместе в автобусе, чтобы поболтать или послушать музыку, или устроить маленькие соревнования. Автобус стал темным местом, потому что мы разделились на лагеря. Джон взял с собой на турне свою девушку Тони, чем он сломал наш договор про то, что на турне не должно быть жен или девушек. Для нас было не очень хорошо, что он взял ее с собой, потому что из-за этого Джон еще больше отдалялся от нас. Многие сравнивали их отношения с Джоном и Йоко, но это было не правильно. Тони никогда бы и не подумала говорить и отвечать за Джона; она была там, чтобы обниматься с ним и поддерживать его решения. Даже во время самых сильных тренировок между нами, она просто улыбалась. Так что я никогда не думал, что она становилась между Джоном и группой. Было явно, что все делал Джон, а она просто шла за ним.

Все ухудшалось и дошло до того, что мы с Джоном не разговаривали в автобусе, и даже если мы проходили мимо, мы даже не смотрели друг на друга. Я стал очень зол и грустен и отравлен из-за всего этого. Я вел себя как мудака, Джон вел себя как мудака, и бедный Фли прятался под одеялом, не в состоянии выдерживать это. Даже Линди, который всегда был спокоен, теперь был в растерянности. Он получал дикие звонки от родителей Джона, умоляющих его помочь Джону, потому что он совершенно потерял себя. Мы не пытались исправить ситуацию, мы просто пытались выдержать неделю за неделей. Теперь, когда я смотрю на это со стороны, для меня странно то, почему еще тогда мы не понимали, что это не приведет к хорошему концу.

Все стало хуже до того, как все стало лучше. Мы прервали наше турне, чтобы вылететь в Нью Йорк в конце февраля, чтобы участвовать в Saturday Night Live. (прим. от переводчика-шоу, которое транслируется по всей Америке в живую, без задержки. Оно существует с незапамятных времен. Обычно это ток шоу, на которое приглашаются разные люди, никакого ведущего нет. Еще туда приглашают на выступление разных исполнителей. От репа до хард рока. Очень популярно. За это выступление группы получают большой гонорар), что было катастрофой от начала до конца. Не пробыли мы там и пяти минут, а Джон уже поссо-

рился со всеми, кто там работает. Музыкальный супервайзер, человек, который работает там уже много лет, подошел к Джону и сделал ему небольшое замечание, на что Джон отвернулся от него и сказал, “Если этот ублюдок скажет мне еще одно слово, я, б*ядь, не буду участвовать в этом гребанном шоу”. Я и так был уже на нервах, потому что мы договорились, что будем исполнять Under the Bridge нашим вторым номером, песня, которая всегда давалась мне с трудом. Я полностью зависел от Джона, от его начала игры. Когда мы репетировали за кулисами, Джон начал играть совершенно не верно, совершенно не ту мелодию, практически переделывая песню для себя и остальных. Я был на нервах. Мы пытались сказать что-то Джону, но он уходил к Тони и закрывался с ней. Но он был за кулисами достаточно долго, чтобы чувствовать себя отверженным, когда к нам пришла Мадонна. Она участвовала в одной из сценок в ту ночь, так что она пришла сказать привет. Я знал ее уже много-много лет, еще с тех пор, когда я пробовался на ее видео “Holiday”, но не прошел, потому что не хотел отстригать свои волосы. Все время, что она пробыла за кулисами, она игнорировала Джона, и он вышел, обиженный тем, что она не поговорила с ним.

Шоу началось, и мы исполнили нашу первую песню “Stone Cold Bush”. Все прошло нормально. Потом пришел черед “Under the Bridge”. С тех пор я слышал, что Джон был на героине на том шоу, но он может быть еще был и на другой планете, потому что он начал играть какое то дерьмо, которое я еще никогда не слышал. Я просто не имел представления, какую песню он играл, в какой тональности и на какой мотив. Он выглядел так, будто был в другом мире. До сегодняшнего дня Джон отрицает, что он играл не ту мелодию. По его мнению, он экспериментировал, чего бы он не делал, если бы мы нормально прорепетировали. Ну, мы не репетировали, но мы были на прямой связи на тв, перед миллионами людей, и это был кошмар. Я начал петь, как мне казалось, в нужной мелодии, но оказалось, что я не мог этого сделать, я не мог поймать момент и линию напева, мне было очень сложно. У меня было такое ощущение, что меня ударяли ножом по спине, у меня было такое ощущение, что меня выставили на посмешище перед всей Америкой, пока этот парень стоял там в углу, в тени, играя какой то “эксперимент”. Я думал, что он делает это специально, просто чтобы поиздеваться надо мной.

Мы закончили песню, и было такое впечатление, что четыре разных человека играли четыре разные песни. В то время я встречался с Софией Копполой, еще одна из моих попыток создать нормальные отношения в тот период жизни. Она была самой крутой девушкой, с которой я встречался, особенно после Кармен, и я сказал ей, чтобы она смотрела это шоу, и я теперь просто умирал. Когда такие вещи случаются, это как будто футболист пропустил хороший шанс забить мяч в ворота: единственная вещь, которая уберет эту боль, это выйти еще раз на поле, сыграть еще одну игру и получить еще один шанс забить этот мяч.

Эта боль оставалась там довольно долго.

Когда мы вернулись в Европу, поведение Джона стало еще хуже. Когда наступал момент для его соло, он мог выдернуть провод из гитары, создать дикий, раздражающий звук, потом если он хотел, он подключал ее обратно, чтобы сыграть припев. По иронии судьбы, после нашего, как мне казалось, неудачного живого шоу на Saturday Night Live, наш альбом взорвал все рейтинги. Может быть,

это было совпадение, но может быть, люди услышали что-то прекрасное в этом хаотичном выступлении, что затронуло их.

После того, как мы закончили Европейское турне, мы вернулись домой на две недели перед турне в Гавайи и Японию. Пока мы были дома, в Калифорнии, я очень редко видел Фли, я вообще не видел Чеда. Джон исчез и начал принимать наркотики. Я тусовался с какой-нибудь девочкой, с которой я встречался в то время, хотя в основном я ходил на банальные свидания, и ничего ни с кем не выходило. Из-за наших отношений с Джоном (которых и не было), у меня появилось время в моей жизни для новых людей, таким оказался Джимми Бойл. Он был знакомым Рика Рубина, который был невероятно похож на Распутина, с настоящей бородой и усами и длинными волосами, как у Иисуса и с сумасшедшими голубыми глазами. Чем чаще мы виделись, тем больше мы понимали, что у нас много общего. Он восстанавливался после наркотической зависимости, он только что развелся с молодой красивой наркоманшей, с которой я тоже встречался. Он тоже был вегетарианцем (я подхватил это от Ione), он любил музыку и он любил бегать за женщинами.

Я пригласил Джимми поехать с нами на Гавайи. Он был очень рад, потому что он очень хотел быть в центре музыки, и конечно же, девочек. Плюс, что тут говорить, мы ехали на ГАВАЙИ. Джон все еще отделялся от нас, пока мы были на Гавайях. Дела у нашего альбома шли хорошо, лучше чем у других наших альбомов, но все же они шли всего лишь хорошо, еле-еле входя в Топ 40. Но когда мы были на Гавайях, нам позвонил Линди и сказал, “Парни, я не знаю, как вам сказать, но наш альбом на высоте. На следующей неделе он на восьмом месте”. Для меня, это было поводом для праздника, точно также как и для Фли, но для Джона это было кошмаром.

Вся наша поездка кишела горячими гавайскими девочками, и всем было весело, светило солнце и океан был теплым. Бойл и я делили комнату, и в четыре часа утра, когда мы спали к нам постучались. Я пошел открыть дверь, и на пороге стояла молодая гавайская дева.

“Я могу зайти?” - спросила она.

“Ну, мой друг спит. Это не очень хорошая идея, сейчас четыре часа утра”, напомнил ей я.

“Правда, я не могу зайти?”

“Хм, такая неудобная ситуация”. И прямо там, в холле отеля, она упала на колени и отсосала у меня. Джимми так завидовал. “Я не могу в это поверить. Ты, б*ядь, слышишь стук в дверь по середине ночи, ты открываешь дверь, и самая красивая девушка на этом острове опускается на колени и отсасывает у тебя. Что это? Что я такого плохого сделал в своей жизни, чтобы не удостоиться такого внимания?”

Чаще всего, Фли самый избалованный ребенок в группе, но мы с ним поговорили в Санта Монике и он сказал, “Знаешь Энтони, этот альбом идет так хорошо, мне кажется, ты становишься эгоистом”.

“Я? Я? Это ты эгоист. Посмотри на свое эго”, предложил я.

Я уверен, что тогда я действительно был эгоистом, что было для меня самого незаметно, но не было такого ощущения, что это продлится долго. Дело в том,

что еще задолго до того, как мы стали популярны, я развил чувство возвышения. У меня было излишнее, недозволенное, необоснованное чувство возвышения еще с детства. В младших классах, я всегда считал, что я должен был быть президентом школы и что я каким то образом был выше законов школы, и что я мог ломать все правила. Когда я переехал к своему отцу, он был очень высокомерным, и это передалось мне. Я крал, потому что у меня присутствовало это высокомерие. Я понимаю, когда людей называют холодными и жестокими криминалами, я помню, что в тот период моей жизни я не думал про последствия и о других, я думал только о себе. А последствиями для меня, являлось то, что я получал что хотел.

Чем богаче и известнее я становился, тем меньше я себя так вел. Очень часто, люди судят о тебе, основываясь на своем представлении того, как ты себя ведешь. Если ты сидишь в комнате, стесняешься и ты не хочешь никакого внимания, и ты не делаешь никаких усилий чтобы подружиться с кем-то. Тогда, кто-то уйдет и скажет: “Этот высокомерный сукин сын, он даже не попытался поговорить со мной”. Ты пытаешься сидеть тихо, чтобы не привлекать к себе много внимания, но они видят в тебе эгоистичного мудака.

Я не думаю, что я стал думать о себе лучше, пока все это происходило; напротив, я думал о себе намного хуже, потому что я потерял ту важную связь с Джоном. Я начал понимать, что я вел себя как придурок, желая чтобы все шло по моим планам, и это стало самой большой занозой в жопе. Я раньше думал, что все будет окей, если Фли будет вести себя нормально, и Джон будет делать все, что я хочу, и это, скорее всего, было моей самой большой ошибкой в то время, думая, что у меня есть план, и если все ему будут следовать, все будет замечательно. И когда я понял все это, братство нашей группы вновь соединилось.

Мы прибыли в Японию в начале мая 1992 года. Джон все еще находился в своем коконе с Тони. И он опять показывал какое-то странное поведение. В ту ночь, перед концертом в Токио, Джон был в лобби отеля вместе с Луи, и он был уверен, что он плохо вооружен против каких-то фанаток и что ему грозит опасность, что его арестуют или депортируют. Вокруг Джона творилось что-то странное и неожиданное. Он был всегда обкуренным, к тому же он серьезно злоупотреблял вином, и через некоторое время, для меня не было странным то, что он постоянно пьян.

На следующее утро, Джон поехал на место концерта с технической бригадой. Линди, Фли, Чед и я приехали позже на следующем поезде. Когда мы прибыли к арене, Марк Джонсон сказал нам, что Джон ушел из группы и что он хочет улететь домой сейчас же. Напомню вам, что впереди у нас еще была Австралия, и это было нашим самым первым австралийским турне. Это было очень важно для нас, потому что эта была земля, которую мы все любили, это Родина Фли, и к тому же там было солнце и много девочек, просто волшебное место. Поэтому паника была в глазах Линди и в наших с Фли сердцах. Мы должны были поговорить с Джоном незамедлительно, несмотря на то, что все уже было ясно.

Мы пришли в его номер.

“Я должен покинуть группу, я должен уйти. Я должен уехать домой прямо сейчас, я больше не могу это делать”, сказал он нам. “Я умру, если я сейчас же не покину эту группу”.

Я увидел взгляд в его глазах, и я знал, что больше нет другого выбора. Не было даже смысла его уговаривать. У меня камень упал с души. Самая последняя вещь в мире, которая я когда либо хотел чтобы произошла, происходила прямо сейчас, но слава Богу он уходил от нас, потому что как бы это ни было больно, понимание того, что больше не придется каждый день бороться, было гораздо приятнее, чем боль и страдания.

Линди не знал, что делать с проданными билетами. Наконец, мы уговорили Джона сыграть это шоу перед его самолетом домой. Это был самый ужасный концерт во всей моей жизни. Каждая строчка, каждое слово, причиняло боль, зная, что мы больше не группа. Я постоянно смотрел на Джона и видел его мертвые очертания презрения. Иногда, я жалею, что мы не отменили это шоу и не отдали всем деньги за билеты.

В ту ночь Джон исчез из хаотичного мира Red Hot Chili Peppers.

Всё ещё находясь в Японии, мы решили, что продолжим тур в Австралии, где встретимся с Зандером Шлоссом (Zander Schloss). Он-то и займёт место Джона. Зандер талантливый гитарист, который может читать по нотам и записывать ими музыку. Он схватывал всё налету с помощью своей безумной, проникновенной и комичной чувствительности. У нас было семь дней, чтобы обучить его достаточному количеству песен, чтобы как следует оторваться на наших австралийских концертах.

Зандер встретил нас в Сиднее, и мы начали интенсивные репетиции по два раза в день. Но спустя четыре дня нам с Фли стало понятно, что ничего не получится. Зандер правильно играл все песни, но это всё равно не было похоже на Red Hot Chili Peppers. В тот момент мы решили, что лучше отменим концерты, чем предстанем перед людьми в некой половинчатой версии.

Когда мы рассказали об этом Зандеру, он был опустошён. Можно было подумать, что он был в группе четыре года, а не четыре дня. "О Боже, только что вместо того, чтобы иметь богатейшее и самое необыкновенное будущее, я снова вернулся на исходные позиции, плюс я в восьми тысячах миль от дома, - сказал Зандер, - мне хотя бы обратный билет дадут?"

Мы пообещали не бросать его так и на несколько дней остались в Австралии, где вдоволь насладились великолепной погодой и прекрасной погодой.

Я дружил с Гриром Гаворко (Greer Gavorko), новозеландцем, который был членом нашей команды. И когда он показывал мне фотографии из его недавней поездки в Таиланд, я подумал: "Я в Австралии, Голливуд где-то очень-очень далеко. Я понятия не имею, что будет с моим будущим, потому что в данный момент у группы тяжёлые времена. Моё левое яйцо, в лице Джона Фрушанте, отделилось от моей промежности. Так почему бы мне не поехать в Таиланд одному?"

Грир порекомендовал мне некоторые острова в Сиамском заливе. И я полетел в Бангкок, там я переночевал в отеле при аэропорте, а затем отправился на юг, где уже на лодке добирался до Ко Самуи. Это был прекрасный остров, погода была отличной, но место изобиловало ужасными европейскими вечеринками, люди походили на животных. Там был кокаин, отвратительная музыка, а красивые полуголые женщины были под кайфом от экстази. Приехав в Таиланд, я не хотел погружаться в этот техно-фантазийный мир, поэтому я отправился на следующий остров, Ко Фа Нган. Он был немного более спокойным и красочным, но я по-прежнему был недоволен. Местные жители посоветовали мне поехать Ко Тао, маленький остров, где вообще не было отелей.

Ко Тао оказался именно тем местом, о котором я мечтал. Я арендовал у тайской семьи маленький домик, провёл там неделю и каждый день занимался подводным плаванием. Уезжая с острова, я чувствовал себя перезаряжённым, очищенным и более готовым к тому, чтобы адекватно воспринимать уход Джона. Как только я вернулся, мы с Фли начали думать, что будем делать дальше. Мы знали

одну Лос-Анджелесскую группу Marshall Law, которая состояла из двух братьев, басиста Лонни Маршала (Lonnie Marshall) и гитариста Арика Маршала (Arik Marshall). Оба парня были причудливыми, странными и одарёнными в отношении игры на своих инструментах. Родом из Южного Центрального района, они были наполовину чёрными, наполовину евреями, этакie негревреи. Я несколько раз видел их выступления, и то, как Арик играл на гитаре, особенно, срывало мне крышу. Его стиль был фанковым, но в то же время хард-роковым и изобретательным.

Мы прослушали ещё нескольких людей, включая парня по имени Бакетхэд (Buckethead), который отыграл весь сет с надетым на голову ведром от Кентуккского жареного цыпленка, словно мы были в каком-то курятнике. Когда с нами джемовал Арик, это было весело и вдохновенно, поэтому, в итоге, мы приняли его. Он окунулся в наш безумный мир. Несмотря на то, что мы потеряли Джона, который был фундаментальной составляющей огромного успеха Blood Sugar, промоутеры, канал MTV и вся музыкальная индустрия не верила в нашу кончину, ведь ничто не могло нас остановить. Нам предложили выступить в роли хедлайнера фестиваля Лолла-палуза, самого большого события того лета в Америке. Кроме того, Линди договорился о наших июньских выступлениях на нескольких огромных европейских фестивалях.

К счастью для нас, Арик невероятно быстро всему учился. Он мог услышать песню по радио и через шестьдесят секунд уже играть с тем же настроением и духом, как и оригинал. Но поездка в Бельгию, спустя всего неделю его пребывания в Chili Peppers, и выступление перед семьюдесятью тысячами зрителей было настоящим крещением огнём. Он был ошеломлён. Арик практически никогда не выезжал за пределы Лос-Анджелеса и его района, а теперь он оказался в экзотической стране в Северной Европе, где люди разговаривали на трёх языках.

Арик был глубоким интровертом, поэтому справлялся со всем этим давлением с помощью сна. Чувак просто спал день и ночь, а потом садился в автобус к месту концерта и спал ещё немного. Но на выступлениях он никогда нас не подводил. Он выходил и играл с полной отдачей.

Роль хедлайнеров Лолла-палузы была очень важной для нас. Фестиваль проходил во второй раз, и мысль о путешествии по стране с кучкой таких же маньяков, как и мы, была чрезвычайно привлекательной. Всякий раз, когда ты являешься частью фестиваля, всё напряжение делится пополам. Даже если ты хедлайнер, тебе не приходится нести ответственность за всё шоу. Учитывая то, что у группы были нелёгкие времена, я благодарю Бога за то, на всех этих концертах мы были не одни. Плюс, можно встретить разных интересных музыкантов, с которыми в других обстоятельствах, возможно, и не познакомился бы. Я никогда не был фанатом Ministry, но они не прекращали поражать меня каждый вечер. Я не понимал, как они после всего алкоголя, героина, кокаина и остального дерьма могли выходить на сцену и так зажигать.

После нескольких концертов, все начали джемовать друг с другом. Во время выступления Ice Cube мы с Фли часто выходили на одну песню. Мы танцевали и радовались оттого, что были частью этого мощного действия. Затем он присоединился к нам на Higher Ground. Эдди Веддер (Eddie Vedder) из Pearl Jam пел бэк-вокал для Soundgarden, но в соответствии с его восприятием себя как слуги музы-

ки, он стоял очень далеко, в глубине сцены. Чэд играл на барабанах в одной из песен Ministry. На всем фестивале царила атмосфера любви, но это не относилось к группе Jesus and Mary Chain. Эти британцы были излишне агрессивными. Они выпивали бутылку виски на двоих днём, доставали всех и портили всем настроение. Однажды они зашли слишком далеко с парнями Ice Cube и получили хорошую взбучку.

Я подружился игравшими на второй сцене гигантскими гангстерами из Самоа, которые назывались Boo-Yaa Tribe. Меня приводили в восторг их истории о войнах банд в восточном Лос.-А. Они рассказывали мне, что в друзей стреляли, а они могли несколько дней расхаживать с пулями внутри и даже не замечать этого, такими они были огромными. В конце тура я попросил одного из них выйти с нами на сцену во время Higher ground, он вышел и одной рукой поднял меня к себе на плечо. Я так и спел всю песню, сидя на его руке, как кукла.

Для концертов фестиваля Лолла-палуза мы добавили несколько особых элементов. В центре сцены мы сделали психоделичное таинственно выглядящее колесо, закручивавшееся в спираль, это было для гипнотических целей. Но главной находкой были огненные шлемы, которые мы надевали для выхода на бис. Всякий раз, когда я думаю о выступлении, огонь приходит мне в голову, это такая зрелищная вещь, и она так подходит музыке. Я размышлял не об огромных пиротехнических системах, которые использовали Kiss или the Who. Я просто подумал, что будет круто, если мы наденем шлемы, изрыгающие огонь. Поэтому мы пошли к дизайнеру, которого знал Линди, и он придумал конструкцию серебряного шлема с фитилём на верхушке и трубкой, которая шла от фитиля к банке с пропаном, прикреплённой к ремню. У каждого из нас был клапан, с помощью которого мы могли контролировать интенсивность пламени.

Но когда вы имеете дело с огнём и механизмами его регуляции, провалов избежать бывает сложно. Обычно мы могли рассчитывать на хорошее трёхфутовое перо огня, но случалось, что кто-то неправильно включал клапан, или пропана в банке оставалось мало. Тогда троих были бушующие вулканы на головах, а у одного трёхдюймовый огонёк подобный зажигалке Бик, но сам он не подозревал, что его пламя так мало. Это разрушало всю картину. Зависть на почве огня.

На некоторых площадках пожарные пытались остановить шоу. Линди обычно приходилось иметь при себе немного лишних денег. Когда пожарные говорили ему, что нас могут оштрафовать за использование этих шлемов, Линди доставал бумажник и спрашивал: “Сколько?” В одном из городов сопровождавших нас девушек заставили надеть костюмы и шлемы пожарных, когда они поджигали нам шлемы. Марк Джонсон (Mark Johnson), наш тур-менеджер, иногда выглядел как настоящий Гомер Симпсон (Homer Simpson). Просто представьте Гомера, одетого в полную экипировку пожарного и пытающегося разобраться с нужными кнопками, чтобы зажечь огонь. Удивительно, что мы выжили в этом туре.

В сентябре 1992 мы играли на вручении наград MTV и также получили две: за клип Give it away и за песню Under the bridge, выбранную зрителями. Это, должно быть, было странно для Арика, выходить на сцену и получать награду за работу Джона. Тем вечером мы были уверенными в себе, вызывающими и гром-

кими. Когда мы поднялись на сцену для получения награды за лучшее видео Give it away, Фли симулировал мастурбацию. У меня же был список из тридцати человек, которых я хотел поблагодарить: художники, музыканты, режиссёры...и сатана. Моя бабушка, которая жила во Флориде и была очень набожной христианкой, не поняла, что я просто пошутил, и отказалась от меня. Спустя некоторое время, я спросил маму, почему моя бабушка мне совсем не пишет. Мама сказала: “Она думает, что ты продал душу дьяволу”. Мне пришлось отправить бабуле на восьмидесятилетие открытку, в которой я объяснил, что на самом деле не был сатанистом.

Той осенью мы полетели в Австралию и Новую Зеландию, чтобы отыграть концерты, которые мы ранее отменили. Несмотря на то, что мы ещё не набрали форму для стадионных выступлений, это были наши первые шоу в этих странах, и поэтому зрители были удивительно отзывчивыми. Как только мы ступили на новозеландскую землю, я сразу же влюбился в это место. Оно казалось мне вторым домом. Там было больше цветущей флоры, чем я где-либо видел, высокие величественные горы и очень мало людей. После окончания наших концертов, все тут же полетели домой, а я решил остаться и исследовать эту страну.

Я поселился в номере отличного отеля в стиле арт деко на окраине Окленда и тусовался с Гриром, который был коренным Киви. Однажды вечером, когда мы играли в бильярд, в комнату вошла длинноволосая брюнетка похожая на богиню из местных сказаний. Она встала у барной стойки и поглядывала на меня, я набрался смелости и подошёл к ней.

- Что ты здесь делаешь? - спросил я, потому что она явно выбивалась из обстановки этого захудалого бара.

- Пришла, чтобы найти тебя, - объяснила она, - я слышала, ты в городе, и пришла за тобой.

Джули (Julie) пришла за мной, никаких проблем. Мы провели оставшееся время вместе. Мы ездили в Роторуа посмотреть на огромные горячие минеральные озёра и грязевые пруды. Мы шли в национальный парк и занимались любовью на краю такого грязевого пруда, который представлял собой большой бурлящий котёл пара и грязи. В ноябре я отметил свой тридцатый день рождения на побережье в доме Мистера и Миссис Мёрдок (Murdoch), которые владели новозеландским отделением звукозаписывающей компании Warner Bros. Они организовали для меня прекрасный пикник на пляже. Это было и сладкое, и горькое время. Я был вдали от дома, окружённый практически незнакомыми мне людьми. Дела в группе шли отлично, но тоже как-то не так. С тех пор, как Джон ушёл, мы продолжали двигаться дальше, не обращая внимания на несовершенство, просто чтобы оставаться на плаву.

Я был одинок, у меня в жизни не было настоящей любви. Дружба со многими людьми закончилась. Джона не было рядом. Мы с Фли росли и развивались порознь. Боб Форрест (Bob Forrest) погрузился в свою собственную наркотическую зависимость. Я чувствовал себя одиноким человеком.

Ничто не заставляло меня вернуться домой, и я решил отправиться в путешествие на Борнео. Будучи ещё ребёнком, я много читал о самых отдалённых местах в тропических джунглях всего мира. Из всех этих мест, от Монголии и

Папуа Новой Гвинеи до Туву, Борнео поражал меня, как наиболее отдалённый и наименее подверженный влиянию западной культуры. Здесь ты можешь вернуться назад во времени и увидеть, какой была жизнь до изобретения промышленности и предметов комфорта.

Когда мы приезжали в Амстердам, я любил заходить к удивительному мастеру татуировки по имени Хэнк Шиффмахер (Hank Schiffmacher), также известному как Хэнки Пэнки (Henky Penky). Он был культовой личностью в своей стране: философ андеграунда, художник, партнёр Ангелов Ада, любитель выпить, любитель наркотиков, любитель девушек, абсолютное воплощение голландской культуры. За многие годы Хэнк ввёл в мою кожу много чернил, и за это время мы стали довольно близко общаться. Поэтому, когда Хэнк предложил мне поехать на Борнео, чтобы изучить местные примитивные технологии татуировки и повторить путь голландского путешественника девятнадцатого века, который пересёк тропический лес острова, я, конечно, согласился. Я сравнивал себя с Маугли из Книги джунглей, представлял, как буду общаться с орангутангами, прыгать на лианах через реки, есть ягоды и встречаться с местными обнажёнными девушками. Я хотел быть настоящим человеком природы. В итоге, всё получилось не совсем так, как я ожидал.

Мы договорились поехать через месяц. Сначала я подумал, что только я и Хэнк полетим в эти места обитания племени Панандайя, в котором, как сообщалось, вплоть до 60-х практиковался каннибализм. Но Хэнк взял с собой фотожурналиста, который думал, что его фотографии важнее человеческих отношений и достоинства иностранной культуры. Он также пригласил Каспара Милктоуста (Caspar Milquetoast), который часто заглядывал в его тату-салон и никогда раньше не выезжал за пределы Голландии.

Вот такой разноплановой командой мы и встретились в Джакарте, Индонезия, чтобы распланировать нашу поездку. Мне не нравилась Джакарта, мегаполис третьего мира, наполненный мусором, грязью и изобилующий особой фундаментальной энергетикой, которая давала нам понять, что здесь нам отнюдь не рады. Хотя мы и были очень далеко от Канзаса, всякий раз, когда мы шли на базар или рынок, в каждом тупике меня окружали хихикавшие индонезийские девушки. Они продавали самодельные майки с логотипами Red Hot Chili Peppers в каждой лавке. Это было очень сюрреалистично.

Из Джакарты мы на нескольких рейсах с пересадками долетели до Понтианака, города на западном побережье Борнео. Это было местом начала нашего путешествия. Мы планировали пересечь центральный Борнео от Понтианака до Самаринды, это был транс-калимантанский тур. В 1894 голландский этнограф Ньёвенюс (Nieuwenhuis) потратил на это пятнадцать месяцев. Мы рассчитывали на четыре недели.

Мы остановились в Понтианаке на день, чтобы запастись провизией и сигаретами. Затем мы сели на паром и направились вверх по реке прямо в центр острова. Исток реки был огромным, как Миссисипи, а далее по мере нашего углубления в джунгли становился всё меньше и меньше пока и вовсе не превратился в небольшую, но бурную речушку, которая могла за десять минут увеличиться в десять раз из-за внезапного наводнения.

Все пребывали в сильнейшем восторге, созерцая прекрасное слияние двух рек, пока не увидели сотни миль вырубленных джунглей. Лесоперерабатывающая промышленность вторглась в древнюю цивилизацию и просто изнасиловала лес. Это выглядело так, будто бы территорию размером с Род Айленд просто стёрли с карты. Пересев на лодку поменьше, мы приплыли в рыбацкую деревню Путуссибау, наш последний оплот перед встречей с настоящей дикой природой. Путуссибау состояла из двух главных улиц, на одной жил какой-то трансвестит, а на другой голландский священник миссионер, который чуть ли не с радостью предупредил нас обо всех опасностях, ожидавших впереди. О малярии и ядовитых змеях. По его словам, все таблетки от малярии, что мы принимали, были абсолютно бесполезны, и если мы подхватим её, то точно умрём. Замечательно.

На следующий день мы сели в нашу лодку и уплыли. Через несколько часов мы остановились, чтобы осмотреть настоящий многокомнатный дом аборигенов, который представлял собой лесную версию квартирному комплексу, но здесь люди жили коммуной и имели общую прихожую. Затем мы продолжили углубляться в джунгли. Чем выше по реке мы двигались, тем быстрее становилось течение, на пути встречалось всё меньше и меньше деревень, проходимость в целом ухудшилась. Затем начал лить дождь. Периодически пересаживаясь на лодки меньших размеров, мы добрались до Тонг Джэнг Локам, последней деревни, после которой ландшафт уже становился более холмистым, и слишком рискованным было продолжать передвигаться на лодке. Это был безмятежный оазис перед лабиринтом джунглей, в котором не было ни реки, ни тропинки, которым можно было бы следовать, просто смесь из гор, лесов и ручьёв.

Здесь мы и наняли наших гидов Пуанов, их племя считалось настоящими мастерами джунглей. Пуананы, жившие в этой местности, вероятно, могли пересечь горы за каких-то пять дней. Но никто не мог сказать, сколько это займёт, когда за ними будут плестись четыре медленных белых парня. Я не мог полностью довериться нашим гидам, потому что один был семидесятилетним старцем из местной деревни, а другие едва ли были тинейджерами. Я не знал, дали ли нам достойных гидов, или просто первых попавшихся парней из города.

Мы пару дней прекрасно отдохнули в деревне, а затем отправились дальше пешком. Нас окружали дикие пейзажи, подобные которым я никогда ранее не встречал. Духота, жара, влажность, шум, всё это вызывала доисторические ощущения. Особенно когда мы заметили огромных рогатых птиц, парящих у нас над головами. Это была другая реальность. Мы шли целый день, и, в конце концов, обнаружили, что все тропинки, куда-либо ведущие, исчезли. Вокруг была просто влажная и грязная почва.

Начало смеркаться, и нужно было найти сухое и возвышенное место, чтобы укрыться от проливных дождей. Мы наткнулись на какую-то старую ветхую лачугу, и вместо того, чтобы строить навес из огромных листьев, остались там. Место не выглядело приветливым, всё помещение было покрыто паутиной и кишело насекомыми, но мы всё-таки улеглись там как сардины в банке, завернувшись в спальные мешки, и попытались уснуть. Я уже начинал засыпать, слегка ощущая пауков, свисавших сверху на меня, как вдруг весь мой череп начал вибрировать. Как будто дятел стучал мне по голове. Я ужасно испугался, подумав, что меня

укусило что-то ядовитое, и токсичный яд разрушит мою нервную систему. Я вскочил и позвал Хэнка на помощь.

Ужасный вибрирующий шум в голове всё усиливался, и я не мог больше терпеть ни минуты этой агонии, поэтому попросил Хэнка взять фонарь и заглянуть мне в ухо.

“Нет, я ничего там не вижу. Всё вроде...а-а-а-а”, - закричал он и выронил фонарь.

Я ощутил сильнейшее чувство облегчения, и моя голова прекратила вибрировать.

“О, Боже, - сказал Хэнк, - какое-то маленькое животное вырвалось из твоей головы, чувак”.

Оказалось, что таракан каким-то образом пробрался в моё ухо и застрял там. Свет фонаря помог ему оттуда вылезти. Я был рад избавиться от таракана, но затем начал беспокоиться, что монстр отложил в моей голове яйца, и мой мозг станет обедом для семьи насекомых. Но спустя некоторое время, эта навязчивая идея престала меня мучить, возможно, оттого, что я был слишком занят борьбой с пиявками, которые начали присасываться к моему телу. Джунгли были такими плотными и душными, что мы постоянно искали реки, которые были нам всего по колено или по пояс глубиной. Пока мы были в воде, эти пиявки подбирались и прицеплялись к коже. Они сосали кровь и становились огромными, и каждый день нам приходилось оттирать их от себя, опалая зажигалкой Мальборо. После них оставались зияющие открытые раны, через которые можно было подхватить инфекцию. Если пиявки не присасывались в воде, то висели на деревьях, ожидая, когда мы пройдем под ними. Они атаковали со всех углов.

Спустя пять дней нашего похода, у нас возникла первая большая проблема. Наши гиды поняли, что мы совсем заблудились, и они начали применять какие-то знахарские средства, чтобы принять дальнейшее решение. Еда заканчивалась, мне начало казаться, что гиды смотрят на нас с мыслью: “Давайте угробим их здесь, убьем или просто съедем”. Но наш старец развеял мои волнения, и мы все вместе начали искать пути выхода из ситуации.

Затем я почувствовал недомогание. Меня сильно тошнило, началась диарея и рвота. Но, несмотря на это, я должен был каждый день проходить десятки миль по горам и утёсам, с тяжёлым рюкзаком за спиной. Ночь я не мог сомкнуть глаз, у меня одновременно начинались приступы диареи и рвоты. От обезвоживания, недостатка еды и сна, начались галлюцинации, но я сконцентрировался на выживании и направлял своё тело вперёд.

Мы начали разделяться, посылая группы на горные вершины, чтобы выяснить, где начиналась могущественная река Махакам. Как только мы найдём её, мы сможем выбраться. В один из дней я вместе с гидом отправился на вершину расположившейся рядом горы. Вернуться назад можно было только по крутому обрыву, который, к счастью, был покрыт лианами. Я следовал за ним по пятам вниз по утёсу, хватаясь за ветви. Мы подошли к той точке, где некуда было поставить ногу, и могли надеяться только на то, что лианы нас удержат. Гид совершил десятифутовый прыжок, держась за них. Когда пришла моя очередь, я спросил, выдержат ли лианы мой вес. Он заверил меня, что всё нормально; я всё же сомне-

вался. Как только я спрыгнул с утёса, зацепившись за лианы, они оторвались от него, и я начал падать спиной вниз. Теперь ничто не могло спасти меня от неминуемого смертельного падения сто футов вниз на острые скалы. Но, падая, я ногами зацепился за другие лианы и повис вверх тормашками на этом утёсе. Где-то надо мной в безопасности стоял мой гид и истерично смеялся. Я должен был привести себя в вертикальное положение и высвободить ноги, чтобы окончательно почувствовать себя защищённым.

Через несколько дней мы, наконец, дошли до Махакам, этой широкой горной реки с глубокими, синими, быстрыми и опасными водами. Мы всё ещё были в нескольких сотнях миль от океана, но теперь можно было пересечь на лодку, которую мы могли арендовать в первой же деревне, которая находилась в двадцати милях вниз по реке. На берегу реки мы праздновали наше освобождение, целовали землю, как вдруг заметили нескольких местных жителей, плывших в лодке. У них была целая туша оленя, и наши гиды уговорили их дать нам ногу оленя и ещё черепаху. Я уже долгие годы был вегетарианцем, но, тем не менее, не раскаиваюсь, что в той ситуации жадно вгрызлся в эту плохо приготовленную оленину. До отъезда местных, наши гиды успели договориться о лодке, которая придёт за нами на следующий день.

Затем начались страшные дожди. Мы были в каньоне, там не было как таковой береговой линии, просто отвесные скалы, в итоге, река повысила свой уровень и залила наш лагерь. Нам пришлось взбираться по обрыву, на котором была какая-то растительность и несколько деревьев, мы провели ночь, стоя вплотную к горе, и могли расслабить ноги, только поставив их на пни внизу. На следующий день пришла лодка, мы договорились о том, что нас отвезут к океану, и попрощались с нашими гидами, которые тут же развернулись и понеслись обратно в свою деревню. Той ночью мы остановились в деревне и смогли арендовать комнату, но лихорадка вернулась ко мне с ещё большей жестокостью. Я снова не спал всю ночь, изрыгая жидкость из всех возможных мест и чувствуя себя слабее, чем когда-либо в своей жизни. Моё состояние тем более не улучшилось, когда нам сообщили, что несколькими днями ранее, группа австралийцев, совершавшая такой же проход, умерла во внезапном наводнении.

На следующий день мне было так плохо и так хотелось вернуться обратно к цивилизации, что я пошёл в местный коммуникационный центр, где по рации вызвал вертолёт, чтобы выбраться оттуда. Меня и Хэнка доставили на нём в Балик, где я нашёл доктора, который прописал мне какие-то антибиотики, которые должны были ослабить мои недуги, хотя и не вылечивали их полностью. Затем я попрощался с Хэнком. Наша с ним связь стала ещё сильнее, после того как мы вместе победили смерть, пробираясь сквозь эти чёртовы джунгли.

На обратном пути в Лос.-А. я остановился Новой Зеландии, мне всё ещё было нехорошо. Через несколько дней я полетел в Лос.-А., и сев в самолёт, практически потерял сознание. Пот с меня лился вёдрами, усилилась лихорадка, и снова начались галлюцинации. Когда мы приземлились, я едва смог выйти из самолёта. После дня, проведённого в кровати, я обратился в медицинский центр Института Лос-Анджелеса, врачи там ужаснулись моему состоянию. Они дали мне какие-то болеутоляющие, которые я согласился принять, несмотря на то, что

был чист и не употреблял наркотики. Я вернулся домой, но теперь с головой окунулся в лихорадочные ванны пота, вызванного этими средствами. Я лёг в госпиталь Синай-Кедр, где, проведя многочисленные тесты, врачи обнаружили у меня редкую болезнь, которая называлась тропической лихорадкой. Теперь я хотя бы знал, чем был болен, курс лечения предполагал использование всё тех же мощных антибиотиков. Я выздоровел, хотя нам всё равно пришлось отменить наш предновогодний концерт в Сан-Франциско.

Я уже чувствовал себя отлично, когда мы полетели на юг в Бразилию, чтобы отыграть несколько больших шоу в январе. Это был четырёхдневный фестиваль, и мы попеременно играли с Nirvana, каждая из групп выступала в Рио и Сан Паоло. Мы все летели вместе на большом Боинге 747, атмосфера была по-настоящему праздничной, но ничто не могло подготовить меня к тому, какой приём нам окажет бразильская публика. Несмотря на то, что однажды Нина Хаген (Nina Hagen) сказала мне, что после того, как её забудут во всём мире, она может поехать в Бразилию и получить приём равный кому-либо из The Beatles, я всё ещё не мог поверить в такую эмоциональность бразильских фанатов. Чтобы уехать из отеля, нам понадобилась помощь людей из вооружённых сил. Возбуждение поклонников ограничило с реальной опасностью.

За день до нашего концерта в Рио, нам предоставили полицейский эскорт, который доставил вглубь фавелы, районе трущоб, в который даже полиция боялась заезжать. Там мы хотели посмотреть на оригинальную труппу Марди Грас Самба. Мы были настолько поражены этой южно-американской музыкой самой матери Земли и всем зрелищем, что пригласили всю труппу поджечь с нами на нашем завтрашнем концерте. И они сделали это. На сцену вышло, по крайней мере, вдвое больше человек, чем было на репетиции, они все были одеты в свои лучшие костюмы.

Чэд не знал, что делать, поэтому просто начал играть какой-то бит, а они стали подыгрывать на своих перкуссивных инструментах, танцевать и петь. Фли нашёл свой грув и присоединился, а Арик начал играть что-то фанковое, что очень хорошо дополняло картину. Я же никак не мог найти себе место в этой структуре, пока два девушки подошли и стали танцевать со мной самбу. Мы все слились в танце и звуке, это был крайне психоделичный джем.

Nirvana были хэдлайнерами следующим вечером, и мы все с нетерпением ждали их выступления. Тем временем, Кортни Лав (Courtney Love) создавала вокруг своей персоны невероятный ажиотаж всякий раз, когда представлялась такая возможность. Я не знал человека, который бы больше неё подходил всему этому вниманию, всеобщему фокусу и игры. Она не поддавалась никакому контролю. Всякий раз, когда фотограф направлял камеру на группу людей, Кортни влетала в кадр, обнимая всех так, будто она была их лучшим другом.

Мы практически не видели Курта (Kurt), который был очень нелюдим. Я провёл с ним некоторое время за сценой перед их вторым концертом. Он был под кайфом от таблеток, что, как ни странно, не влияло на его поведение, он был спокойным и отрешённым. Но у него был такой безумный стиль, он носил максимально несочетаемые комбинации цветов, свитеров и других вещей.

Nirvana просто отлично отыграла оба концерта. Они сыграли много новых песен, которые позже оказались на альбоме *In Utero*, а затем, поменявшись инструментами, они начали играть разные поп песни 70х, такие как *Seasons in the Sun*. На одном из двух шоу Курт сыграл сумасшедшее десятиминутное соло. Он снял вою гитару, положил на сцену и в таком положении стал играть на ней, а затем разбил её о свой усилитель. Всё закончилось тем, что он прыгнул в толпу и продолжил играть там на своей сломанной гитаре. Когда он вернулся на сцену, а зрители начали бороться за его инструмент, Кортни, словно на крыльях, влетела в толпу и побила нескольких бразильских ребят за право обладания этой гитарой.

Она взобралась обратно на сцену и гордо подняла вверх искорёженный инструмент, расхаживала взад вперед и каждую минуту демонстрировала свою победу. Наконец, она ушла со сцены, и почему-то в итоге, гриф этой гитары оказался у Луи (Loui), члена нашей команды. Он хранит его и по сей день.

Мы полетели обратно домой, счастливые оттого, что смогли провести время с Nirvana. Мы все любили эту группу. Тем временем, успех альбома *Blood Sugar* не шёл на убыль. Я всё ещё не мог привыкнуть к излишнему вниманию общественности. Я помню один случай, который произошёл в то время на вечеринке в честь Лизы Мари Прэсли (Lisa Marie Presley) в самолётном ангаре в Санта Монике. Я пошёл в туалет пописать, и какой-то цивильно выглядящий бизнесмен в костюме подошёл к писсуару рядом со мной, посмотрел наверх и узнал меня.

“О, мой Бог, ты тот самый парень”, - воскликнул он и начал напевать *Under the bridge*.

Другой случай произошёл, когда я катался на своём горном велосипеде около своего дома, и какая-то машина проезжала мимо, а из её окна громко играла *Under the bridge*. Я осознал, что теперь наша музыка стала достоянием общественности и перестала быть очередным феноменом андеграунда. Это сделало меня немного более скромным и закрытым. Звучит иронично, но мы с Фли провели большую часть жизни, привлекая внимание и пытаясь создать зрелище, вытворяя всякие диковинные вещи, только чтобы нас увидели, услышали и прочувствовали. Однажды, когда мы ещё учились в средней школе Фэйрфэкс, мы обнаружили, что пересечение бульваров Уэствуд и Уилшир было самым людным и загруженным местом во всём мире. Мы выпили немного, приняли напополам таблетку и пошли на этот угол. Там мы взобрались на столб, а с него на огромный рекламный стенд, который выходил прямо на этот людный перекрёсток. Мы полностью разделись и начали танцевать, размахивая своими членами перед каждым прохожим. Чувствовалось, что весь мир смотрел на нас, это было отличное ощущение. Незабываемый момент, когда мы одновременно были эксгибиционистами, артистами, сорвиголовами и маленькими правонарушителями. Теперь мы не танцевали на этих стендах, а сами были на них изображены. Поэтому я больше не чувствовал необходимости бороться за внимание или хвастать о том, как удивительна наша музыка.

Пришло время заняться её написанием. Фли и я, оба начали сочинять. Мы очень хотели ближе узнать Арика и открыть для себя его внутренний мир и талант. После окончания тура Арик снял приятную квартиру рядом с моим домом. Но всякий раз, когда я хотел встретиться с ним и поработать, его не было дома.

Даже когда я приходил к нему, рассказывал свои стихи или включал какую-нибудь сырую запись, он не хотел брать в руки гитару, не было никакой отдачи. Никакой реакции, никакой фразы типа “у меня есть кое-какие идеи”. Но с того момента прошло много времени, прежде чем мы поняли, что он, возможно, не тот партнёр для написания песен, которого мы искали.

Когда же мы осознали это, нам голову пришла самая ужасная из возможных идей, объявить о проведении кастинга на роль гитариста. Нам казалось, что мы могли прослушать всех гитаристов мира и найти самого лучшего, талантливое, проникновенное и весёлое, но из этого обычно ничего не выходит. Это как поиски жены, нужно просто надеяться, что она встретится тебе на жизненном пути. Мы поместили рекламу в газете L.A. Weekly и провели прослушивания. Это был просто цирк, который, конечно, ни к чему не привёл. Кто-то играл довольно хорошо, кто-то просто приходил, чтобы увидаться с группой. Примерно в то время в клубе Линжери я увидел группу Mother Tongue, и мне очень понравился их гитарист, парень по имени Джесси Тобиас (Jesse Tobias). Я рассказал о нём Фли, и мы решили попробовать поиграть с ним. Мы джемовали, и это было очень жёстко и напористо. У него, определённо, была самая захватывающая энергетика из всех, с кем мы играли раньше. Но Фли сомневался, что техники Джесси хватит для того, чтобы играть нашу музыку. В конце концов, мы всё-таки приняли его, он ушёл из своей группы и начал играть и писать музыку с нами.

Прошла пара недель, а что-то всё равно было не так. Мы, не переставая, джемовали с Джесси, но никто не получал удовлетворения, особенно Фли. Я всё ещё верил в то, что ситуация могла наладиться, когда Чэд подошёл ко мне и сказал: “Мне кажется, что с нами готов поиграть Дэйв Наварро (Dave Navarro)”. Дэйв всегда был первой кандидатурой для нас после ухода Джона. Мы ещё давно предлагали ему присоединиться к нам, но он был слишком занят своим собственным проектом после распада Jane's Addiction. Но недавно Чэд тусовался с ним, и теперь был уверен, что Дэйв с удовольствием будет играть с нами. Это был идеальный вариант для нас, потому что вместе с Jane's Addiction они фактически изобрели звук и распространили музыкальный дух, который был уникальным, чрезвычайно эмоциональным и долгое время являлся голосом Лос.-А. Это было страстное, оригинальное искусство, которое имело правильные корни и обладало истинным безумством и любовью.

Итак, мы уволили Джесси и взяли Дэйва. Наварро был лучшим выбором. Он сказал нам: “До меня дошли слухи, что вы выгнали Джесси из-за того, что он был слишком симпатичным и отнимал у вас часть женского внимания. А теперь вы приняли в группу меня. Интересно, как это меня характеризует?” У него было самое язвительное чувство юмора. Сразу после присоединения к нам, Дэйв сделал себе на заказ медиаторы, на которых были написаны имена всех гитаристов, с кем мы когда-либо играли. После его имени стоял вопросительный знак.

Участие Дэйва в группе неизбежно должно было изменить наше звучание. Его стиль отличался от всех наших прежних гитаристов, но он был очень компетентен и быстро учил наши песни. В нём не было той таинственной энергии фанка, но нас это не тревожило; мы были готовы исследовать новые грани. Я не мог и представить себе, насколько добрым был Дэйв. Он очень чувствительный и неж-

ный человек, всегда готовый сразу прийти на помощь, что удивительно сочеталось с его язвительным остроумием.

Несмотря на всё это, начало нашего совместного творчества было довольно странным, потому что не все могли сразу привыкнуть к нашей динамике. Джон, в этом отношении, был просто аномальным явлением. В каком-то смысле делать с нами музыку у него получалось даже легче, чем у Хилела, которого, между тем, я знал уже долгие годы. Я думал, что так будет со всеми гитаристами, ты просто показываешь ему свои стихи, поёшь немного, и всё, песня готова. С Дэйвом это не происходило так быстро. Я помню, как приходил к нему домой, и мы хотели вместе выучить какую-нибудь песню The Beatles, это было намного медленнее и сложнее, чем раньше.

Нам всем нравился Дэйв, и я даже не замечал, что на самом деле он чувствовал себя посторонним. Не думаю, что он догадывался, как мы хотели сделать его равным членом группы. В Jane's Addiction он прошёл через множество споров с Пэрри Фереллом (Parry Farrell), в их группе каждый сам занимался написанием песен, и Дэйву была непривычна наша манера совместной работы. Только спустя годы, он сказал мне, что был уверен в том, что мы можем уволить в любую минуту.

В конце октября 1993 года я решил на немного поехать в Нью-Йорк, чтобы отметить там свой день рождения, а также посетить со своим хорошим другом Гаем Озири (Guy Oseary) из звукозаписывающей компании Мэверик все празднования, проходящие в рамках недели моды. Гай был без ума от Кейт Мосс (Kate Moss), а я был не прочь потусоваться с ним на всех этих модных показах. Мы остановились в отеле Роялтон, и пришли в номер поздно после вечеринки по случаю Хеллоуина. Я лёг спать, и через несколько часов начал без конца звонить телефон. Я поднял трубку, и это был мой папа. Он был в прострации и пробормотал: “Ты слышал, что случилось? Ривер (River Phoenix) умер”. Я был ещё в полусне и только через несколько секунд осмыслил всю информацию. После этого я перезвонил папе, и он рассказал мне, что Ривер Феникс умер прошлой ночью рядом с каким-то лос-Анджелесским клубом от передозировки наркотиков. Снова я ощутил невероятное чувство потери. Я позвонил Фли, который в машине скорой помощи сопровождал Ривера от клуба Логово Гадюки в госпиталь, и мы долгое время проплакали в трубку. Ривер не был моим лучшим другом, но он был человеком абсолютно очаровательного духа, каждый день которого был ознаменован глубоким чувством свободы.

Был день моего рождения, но я не хотел его отмечать. Часть дня я провёл Акишей (Acacia), которая в разное время встречалась и с Фли, и с Хоакином (Joaquin), братом Ривера. Я приехал в её квартиру в Чайнатауне, и мы, всхлипывая, вместе лежали в кровати. Я чувствовал себя выпотрошенным, опустошённым. Когда я вернулся обратно в Роялтон, Гай О заставил меня позволить ему, пригласить меня на мой же праздничный обед. Как любил Гай О, мы пошли в самый модный и безумный ресторан, который только можно было найти. Мы ели и играли в бильярд, а затем Гай потащил меня в место, которое называлось Кухня Души. Там в тот вечер играл отличный DJ, и в конце концов я попытался встать и танцем отогнать от себя грусть.

Когда я вернулся к столику, то увидел толпу людей, окружившую Гая, в ней две сексуальные девушки модельной внешности. Они занимались тем, чем обычно и занимались такие девушки, то есть пили алкоголь и курили Мальборо. Я не мог оторвать глаз от одной из них, особенно когда она начала целовать и ласкать свою подругу. Я был уверен, что они не были лесбиянками, а просто целовались ради развлечения. Той ночью мы совсем немного пообщались, но она успела мне сказать, что завтра будет на показе Кэлвин Кляйн (Calvin Klein).

К тому моменту всё моё внимание было сфокусировано на этой девушке. Что-то в ней меня трогало, и это не было простой биологической реакцией на великолепную девушку, с которой я хотел переспать. Между нами и нашими возможными отношениями витало какое-то метафизическое чувство. Я рассказал Гаю О о своём влечении к ней, он не особо его одобрил, посоветовав мне рассмотреть другие варианты. На следующий день мы пошли на показ Кэлвин Кляйн, и там, на обложке ежедневной газеты W, посвящённой неделе моды, я увидел фотографию этой сексуальной блондинки. Тут же Гай О начал проявлять к ней больший интерес. Мы смотрели, как она ходила по подиуму, а меня, между тем, поразила стрела купидона. В этих вещах у меня есть поразительная привычка заходить в своих мыслях очень далеко. Если я смотрю на понравившуюся мне девушку, то, даже если никогда с ней не разговаривал, всё равно думаю: “Я мог бы на ней жениться. Мне кажется, она будет хорошей мамой и отличным сексуальным партнёром”. Я был уверен, что молодая Джэйми Ришар (Jaime Rishar) будет думать так же и станет моей девушкой.

Тем вечером мы все встретились в Индокитае, модном центральном ресторане, но наше общение проходило совсем не так, как я себе представлял. Она сидела за столом среди всех этих без конца треплющихся куриц. Все они были моделями, все слишком много пили, слишком много курили, относясь к тому, чем они занимаются слишком серьёзно. Я пришёл туда с Гаем О, надеясь на то, что уделит всё своё время только мне, но она была в стороне, намеренно отдалившись, с намеренно недовольным лицом. Я был спокойным и терпимым. Кристи Тёрлингтон (Christy Turlington) начала разговаривать с Джэйми, забивая её голову всяческой негативной информацией обо мне: “Держись подальше от этого парня, он прожженный бабник, поимеет тебя и бросит, бла-бла-бла”.

Я начал понемногу терять свой интерес к Джэйми, думая, что она слишком молода и слишком погружена в эту бессмыслицу своего микро-сообщества. Но что-то во мне отказывалось сдаваться, и в определённый момент я заметил, что ей уже нужно было пойти домой и лечь в постель. Я посадил её в такси, и она попросила меня поехать домой вместе с ней. Я поехал, и той ночью мы спали вместе, но ничего не было, потому что она была слишком пьяна, чтобы начинать крутить со мной роман. А вот следующей ночью у нас случился бесконтрольный, безумный сексуальный контакт. Я не знал, что девушка в семнадцать лет может трахаться так хорошо, как она трахала меня. Она вела себя совсем как взрослая, я помню, как думал: “Вот это да! Какое, мать его, порно смотрела эта девушка?”

Я вернулся в Лос.-А., и мы разговаривали по телефону каждый вечер. В первый же наш разговор она сказала: “У меня маленькая проблема. У меня есть парень, и мне нужно сказать ему о том, что между нами всё кончено”. К тому же

выяснилось, что она была ребёнком, выращенным на трастовых фондах, чей папа был мультимиллионером с Уол Стрит. Как она говорила, другая проблема заключалась в том, что её родители узнали о наших отношениях и были абсолютно против них.

Её папа начал оставлять на моём автоответчике сообщения с угрозами, особенно после того, как брошенный ею парень сказал ему, что у меня СПИД. Но Джэйми была бесстрашна, и мы начали обдумывать и планировать её приезд в Лос.-А. Во-первых, я позвонил её отцу и убедил его, что у меня не было СПИДа. Во-вторых, я же не съем их дочь. Я также умаслил её маму, и они разрешили ей приехать ко мне в гости.

Я почти ничего не помню из её первого приезда, кроме того, как заезжал за ней, а она выходила из номера отеля в ботинках на очень высокой платформе. Я думал: “Ого, мне определённо повезло быть здесь”. Мы отлично веселились, и между нами сразу завязались непринуждённые отношения. Тем Рождеством мы по, уже ставшей обязательной, традиции поехали в Мичиган, Джэйми тут же нашла общий язык с моей мамой. Затем мы отправились в Пенсильванию, и я познакомился с её родителями. Я волновался, но всё прошло довольно гладко. Я отлично поладил с её мамой, она была милой и любящей, классическая мама. Да и с её папой у меня не было никаких проблем. Оказалось, что он был истинным меломаном. У него были бесконечные стопки пластинок ду-уап и ритм'н'блюза середины 40х. Он ставил их, а Джэйми подпевала им и танцевала на кухне.

В январе 1994 было пять с половиной лет с тех пор, как я не употреблял наркотики и даже не думал о том, чтобы снова начать. Я пошёл к дантисту на Беверли Хиллс, чтобы удалить зуб мудрости. За прошедшие пять с половиной лет я был у многих докторов и многих дантистов, всем им я говорил стандартную фразу: “У меня аллергия на наркотические вещества. Чтобы вам не пришлось со мной делать, используйте только местный наркоз или какие-нибудь ненаркотические субстанции”.

Дантист решил, что операцию может пройти под местным наркозом, я сел в кресло и мне вкололи новокаин. Доктор начал вынимать зуб, но вдруг в середине процесса, он сказал мне, что зуб держался очень прочно, и нужно было его вырезать. Чтобы сделать это, он должен был вколоть мне вещества, содержащие наркотики. Я пробыл в кресле уже час, поэтому согласился. Он вонзил шприц мне в руку и вколол жидкий валиум. Вещество пошло по моей руке, вверх по горлу, в мою голову, и меня накрыло золотым облаком эйфории. Я почувствовал себя под таким кайфом первый раз за последние пять с половиной лет. Мне было так хорошо, мой разум был затуманен, это был уже не я, теперь это был безумный, оглушённый наркотиком парень.

Дантист вынул зуб, а я чувствовал себя тепло, уютно и просто замечательно, плавая на этом облаке и прислушиваясь к новому голосу в моей голове, который говорил: “Нам срочно нужно поддержать это состояние. Мы не отпустим эти ощущения”. А я отвечал ему: “Не беспокойся. Мы ведь в одной команде, брат”. Закончив операцию, дантист спросил меня, не чувствовал ли я боли. Я ответил, что мне было ужасно больно, и мне нужен был перкодан. Он был в замешательст-

ве, но я настоял на том, что весь тот разговор о моей аллергии был ерундой, и мне был просто необходим перкодан.

Не успев даже выйти из здания, я уже съел целую горсть из двадцати пяти таблеток, и когда я пришёл домой, в бутылке осталось всего две. Теперь у меня была настоящая опиумная лихорадка. В тот момент я решил, что было отличной идеей поехать на окраину Лос.-А., чтобы купить немного героина и кокаина. Я даже не сомневался в своём решении, не вспоминая о своей чистоте и всём, что меня окружало. Я просто был под кайфом и хотел ещё большего кайфа, никакого осознания последствий, ничего, абсолютно ничего. Я поехал на свою старую точку, пересечение Бонни Бри и Шестого проспекта, где узнал, что привычные дозы хорошего кокаина вытеснила торговля смеси кокаина с крэком. Я мог достать только её. Но мне подходил и старый добрый героин Чёрная Смола, я знал, как с ним обращаться, поэтому пошёл в аптеку, чтобы купить шприцы, я проделал свой обычный трюк с диабетом. Но я забыл о том, что уже был узнаваемым человеком. Аптекарь посмотрел на меня и сказал: “О, мистер Кидис, я не знал, что у вас диабет”. Я ответил: “Да. Диабет. Это про меня”. На пути домой я остановился у магазина трубок на бульваре Сансет и купил большую забавную трубку, чтобы курить крэк. Там меня тоже узнали, но я сказал, что эта трубка просто подарок, с которым я шёл на вечеринку.

Я пришёл домой, но не нашёл у себя зажигалку, поэтому попробовал разогреть крэк спичками. Это была ужасная идея, потому что спички горели недостаточно долго, чтобы хорошо разогнать его. Так прошло двое суток, и я ещё раз съездил на окраину и достал немного кокаина в порошке. Я принял его и весь оставшийся героин, а потом вырубился, лёжа в своей постели, в которой до этого момента я всегда был чист.

Мой дом наполнился этой тёмной энергией, особенно ванная комната, которая была ужасно захламлена. Когда я проснулся, моей первой мыслью была: “Господи, пожалуйста, скажи мне, что это был кошмар”. Но тут же я понял, что вероятность этого составляла всего два процента. Я держался за это и говорил: “Брось, два процента, скажи, что это был сон, скажи, что ничего этого не было”. Я встал, меня трясло, и когда я заглянул в ванную, я был сражён. Как это могло произойти? Этого не было в моём сценарии. Парень, который собирался жить и умереть чистым испортил, к чертям собачим, свой рекорд воздержания. Я не знал, что делать; я был ошеломлён.

Теперь, когда монстр внутри меня проснулся, всё только началось. Одна часть меня хотела пойти за ним, другая настолько стыдилась того, что я сделал с собой, что я разобрал весь беспорядок и притворился, что всего этого не было. Но я чувствовал себя опустошённым, как будто я был сделан из пенополистирола. Вся моя сила ушла, мой мозг был пуст. Раньше, я бы пришёл к кому-нибудь из друзей и сказал: “Это произошло. Помоги мне провести сегодня первый день без наркотиков”. Мне нужно было избавиться от этого секрета и принять помощь, но я не мог этого сделать.

Конечно, я не сказал об этом никому из группы. Дела в ней шли хорошо, мы репетировали и пытались написать новый материал. Одним из способов наладить связь друг с другом было то, что каждый из нас купил новый Харли-Дэвидсон.

Мы даже в шутку называли себя бандой мотоциклистов The Sensitives (Чувствительные).

У нас за плечами был хитовый альбом, звукозаписывающая компания была к нам благосклонна и могла потратить на нас деньги. В такой ситуации мы решили, то смена обстановки может помочь творческому процессу. Мы с Чэдом в разведывательных целях отправились на Гавайи и нашли прекрасную ферму на южной стороне Большого острова. Она простиралась на многие и многие акры, а её загон был полон белых лошадей. В главном доме была милая кухня и большая гостиная, где мы могли репетировать. На территории находились два или три гостевых дома, а также бассейн и теннисный корт. Со всех этих мест открывался великолепный вид на Тихий океан, а в трёх минутах езды можно было купить лучшую траву на всех Гавайях. Мы арендовали это место на месяц и доставили сюда свои мотоциклы. Это было довольно экстравагантно для парней, которые до этого несколько лет жили в небольших квартирных домах.

Проблема была в том, что место было очень красивым, и было сложно начать заниматься музыкой, потому мы просто хотели плавать в океане, есть шикарные ленчи и искать утёсы, с которых можно было нырнуть. Но, наконец, мы начали джемовать. Всё происходило по-другому, медленнее, чем когда-либо раньше. Рождались хорошие звуки, но не было той лёгкой телепатической связи, в которой мы бы все плыли в одном направлении по течению одной реки. Думаю, что я сам потерялся в своём сознании, потому что не испытывал того чувства непоколебимой уверенности в себе. Я мог определиться, что мне делать с этим новым звуком, который мы создавали; я не знал точно, как мне найти в нём место. Но я с упорством шаг за шагом продолжал придерживаться своего странного причудливого стиля творчества, который казался мне интересным даже притом, что я не получал отдачи от остальных.

В период тех репетиций некоторые хорошие вещи всё же родились, они позже стали песнями. Фли хотел стать движущей силой создания нашего звука и направления в создании песен. Это было отлично, потому что он всегда существенно вкладывался в нашу музыку, но теперь он хотел полностью доминировать в этом отношении, а это было довольно ново. Я мог с уверенностью сказать, что Дэйв был озадачен нашими методами; он поворачивался и спрашивал: “А что, всё так и должно происходить? Энтони уходит в угол и пишет там целый день, пока мы джемуем? Мы вообще куда-нибудь двигаемся?” Мы с Чэдом отвечали: “Да, именно так мы и работаем”.

Если оглянуться назад, то в то время на нас давило то, что мы готовили материал, который последует за предыдущим мощным хитовым альбомом. Не думаю, что мы напрямую осознавали это давление и говорили: “О'кей, пришло время сделать что-то лучшее по сравнению с прошлым...” Это скорее было незаметное подсознательное давление, чувство, что мы находились под микроскопом, что было определённое количество людей, которые следили за тем, что мы делаем. Также мы уехали с материковой Америки, что придавало всему ещё более причудливый оттенок.

Когда мы жили там, я каждый день часами писал стихи, но иногда наступали другие периоды, скапливалась новая музыка, а у меня не было абсолютно ни-

каких идей. Чтобы сменить атмосферу, я садился на мотоцикл, ехал на край острова, находил себе место для ночёвки и еду, скрывался там со своими записями и писал стихи. Я помню, как один раз вернулся, и Чэд вдруг спросил: “В чём дело, у тебя творческий кризис?” Тогда я объяснил ему, что нет никакого творческого кризиса, авторы просто пишут, когда пишется, и не пишут, когда не пишется, это нормально. Но он был уверен, что у меня он всё-таки был, и дал в своём интервью для Rolling Stone он сказал, что наши сессии проходили хорошо за исключением того, что у меня был творческий кризис. Это на некоторое время стало неким брошенным им яблоком раздора между всеми нами.

Тем временем на нашем ранчо мы работали утром, затем курили и ели ленч. Затем ещё несколько часов играли, а вечера мы обычно проводили, играя в покер и Screw Your Neighbor. Было весело, сидеть с напитками на свежем воздухе после долгого дня занятий музыкой, просто шутить, курить траву и играть в карты. Когда мы были в авантюрном настроении, мы устраивали себе выходной и исследовали места, которые я находил во время своих выездов. Мы занимались подводным плаванием, ходили к вулканам и ездили повсюду на своих четырёх чопперах.

Всё время, что я был на Гавайях, мы с Джэйми каждую ночь часами говорили по телефону. Спустя месяц работы, срок нашей аренды подошёл к концу, и все поехали домой в недельный отпуск. Но я остался на Гавайях, а Джэйми вскоре прилетела ко мне. Я встретил её и отвёз её в дом, где мы провели прекрасную первую ночь её визита ко мне. У нас была договорённость: в её отсутствии у меня не должно было быть никаких эякуляций, никакой мастурбации, влажных снов или других девушек. Я должен был сохранить для неё каждую унцию своей энергии чи. Джэйми была сексуальной молодой девушкой, и ей нужно было много секса, она хотела, чтобы во мне было достаточно спермы. Затем мы арендовали дом на дереве в великолепной долине Уаипио, которая представляла собой огромный райский сад. А после этого мы провели ещё несколько дней в Мауи, пока не настало продолжать работу с группой.

Когда все вернулись, мы арендовали старую усадьбу в тропиках на северной стороне Большого острова, там была абсолютно другая атмосфера. Это был большой пансионат, и мы сняли всё это место на целый месяц. К тому времени мы написали где-то половину альбома. Мы работали и развлекались, занимались подводным плаванием, в один из таких заплывов мы увидели проплывавшую мимо нас стаю удивительных китов.

В один из дней, когда мы работали, нам позвонил Линди и рассказал, что Курт Кобэйн покончил жизнь самоубийством. Эти новости просто высосали весь воздух из нашего дома. Я, конечно, не чувствовал себя так же, как после смерти Хиллела (Hillel), были другие мысли: “О, Господи, мир перенёс большую потерю”. Смерть Курта была неожиданной, потому что всегда, когда я вижу, что кто-то губит себя, я продолжаю надеяться на его выздоровление. Один из самых заядлых наркоманов на Земле, смог очиститься.

Это был эмоциональный удар, который затронул всех нас. Понятия не имею, почему каждый человек, чувствовал родство с этим парнем; он покорял сердца, был любим и как-то по-особенному безобиден. Несмотря на свои крики и всю свою темноту, он был очень привлекателен. Его смерть сильно ранила нас, и

это изменило весь характер нашего пребывания на Гавайях. Эти события пробудили внутри меня желание выразить свою любовь к нему, но необычным способом, не очевидной одой. В тот день я отправился в самый дальний дом на все нашей территории и начал писать стихи для Tearjerker.

Из Tearjerker:

*My mouth fell open hoping that the truth would not be true, refuse the news
I'm feeling sick now, what the fuck am I supposed to do, just lose and lose
First time I saw you, you were sitting backstage in a dress, a perfect mess
You never knew this but I wanted badly for you to requite my love*

*Left on the floor leaving your body
When highs are the lows and lows are the way
So hard to stay, guess now you know
I love you so I liked your whiskers and
I liked the dimple in your chin, your pale blue eyes
You painted pictures 'cause the one who hurts can give so much, you gave me
such*

перевод:

*Мой рот раскрылся, я надеялся, что правда не окажется правдой
Отказался от новостей
Мне очень плохо, что мне, чёрт возьми, делать, просто терять и терять
Первый раз, когда я увидел тебя, ты сидел за кулисами в платье
Прекрасный беспорядок
Ты никогда не знал этого, но я очень хотел показать тебе свою любовь*

*Оставлен лежать на полу, ты покидаешь своё тело
Когда успехи смешаны с поражениями, а проиграть единственный выход
Хотя, сложно сказать. Наверное, теперь ты знаешь, что я так любил те-
бя*

*Мне нравились твои бакенбарды и ямочка на подбородке
Твои бледные голубые глаза
Ты рисовал картины, потому что тот, кому больно, может многое от-
дать
Ты многое мне давал*

На Гавайях мы написали черновые варианты порядка десяти песен. Теперь пришло время возвращаться домой, дописывать слова и начинать работать с Риком Рубином (Rick Rubin) в студии. Но я снова пустился под откос. Кто-то дал мне брошюру о том, как люди в кварталах Нью-Йорка употребляли наркотики. Книга была наполнена удивительными историями об уличной жизни наркоманов и изобиловала невероятными фотографиями этого мира. Однажды вечером я был

дома один, а эта книга лежала и смотрела на меня с журнального столика. Я взял её и начал читать, тут же мне в голову пришла мысль, и призывно заиграли трубы. Я проверил, сколько денег было в карманах, посмотрел на расписание дел, чтобы убедиться в том, что в ближайшие несколько дней я свободен. Я понимал, что прошёл месяц с тех пор, как я последний раз был под кайфом, и подумал, что ничего страшного не произойдёт, если я снова приму наркотики. Я просто хотел сделать сегодня ночью, потом проспаться и снова стать нормальным парнем.

Поездка на окраину уже сама по себе является особым опытом. Тебя контролирует эта тёмная энергия, которая вот-вот заберёт тебя далеко от того места, где ты сейчас. Ты заезжаешь на шоссе 101, вокруг ночь и довольно прохладно. Ты едешь быстро, твоё сердце бешено бьётся, кровь течёт по венам, всё это очень опасно, потому что дилеры просто головорезы, да ещё и повсюду снуют копы. Теперь эти места уже непривычны тебе, ты едешь из отличного дома на холмах в своём Камаро с откидным верхом.

Последний отрезок пути начинается в Элварато, ты поворачиваешь направо. Твои чувства приходят в гиперготовность подобно радару. Твоя миссия купить наркотики, и ничто не должно этому мешать. Это подобно битве, в которой твоя жизнь зависит от способности увидеть всё вокруг себя, парня на углу, копов в засаде, людей из ФБР. Ты избегаешь всех очевидных нарушений правил дорожного движения, включаешь сигнал поворота, затем налево на Третью улицу, не забывая оглядываться на все машины, едущие позади. Затем ты проезжаешь два квартала мимо мексиканских домов, пары мотелей, магазина на углу, и слева от тебя располагается продуктовый магазин, который повидал множество сцен из твоей жизни с Дженнифер, когда вы принимали наркотики в машине, и ваши ссоры громко звучали из окна. Все эти воспоминания накатывают на тебя, и, повернув направо на Бонни Бри, за пол квартала от тебя ты видишь группы дилеров. Они невероятно агрессивны и следят за каждой машиной, повернувшей к ним из-за угла, чтобы не пропустить клиентов. Поедешь ли ты прямо к ним или свернёшь в переулок, они всё равно найдут тебя. И вот они уже в окне со стороны пассажира, в заднем стекле, тебе нужно решить, у какого безумца ты будешь покупать наркотики.

Дилеры привыкли, что у них покупают дозы на двадцать долларов, тридцать, реже шестьдесят, но ты достаёшь комок сотенных купюр и говоришь, что купишь на пятьсот. Они даже не могут удержать во рту дозу крэка на такие деньги, а они хранят его именно там, так же как и пакетики с героином. Тогда они начинают переговариваться, соединять свои запасы и подходят к тебе с полной горстью скатанного в комок крэка. Ты проворачиваешь сделку, а потом спрашиваешь их: “А у кого можно достать Чиву?”, они показывают, куда ехать. Чива это героин. Ты едешь в другой квартал и покупаешь три, четыре или пять пакетиков, всё время торопя события, потому что копы могут появиться в любую секунду. Но теперь ты знаешь, где достать трубки, и покупаешь маленькие бумажные блоки Брило, чтобы скрутить косяки из них, все эти уловки ты узнал от уличных дилеров. Ты едешь домой и получаешь кайф.

Первая затычка, бум, вот он, этот знакомый мгновенный всплеск серотонина в мозгу, ты чувствуешь себя, наверное, даже, слишком хорошо. В голове словно короткое замыкание, потому что всё это вещество такое дурманящее и мощное, те-

бя тянет встать, снять всю одежду и пойти в таком виде в дом по соседству, так тебе хорошо. Однажды я почти сделал это. Я вернулся в свой прекрасный, милый, благословенный Богом дом напротив парка, вошёл в кухню и сделал первую затяжку. Всё дело именно в этой первой затяжке, остальные ничего толком не значат, просто поддерживают первую. Я набил трубку как можно плотнее, вдохнул как можно больше дыма в лёгкие и продержал его как можно дольше, а потом выпустил. Вся эта безумная сумасшедшая энергия начала снова циркулировать внутри меня, и я мгновенно стал другим человеком. И я не мог контролировать этого другого. Я скинул с себя рубашку и абсолютно чётко осознал, что отлично было бы пойти в полураздетом виде к соседям, чтобы посмотреть, как там дела. Я постучал в дверь, соседка вышла, и я сказал что-то вроде: “Я не оставлял здесь своих ключей?” Она ответила: “Не думаю, но давайте посмотрим”. Я был готов снять оставшуюся одежду и посмотреть, что будет дальше, потому что уже не мог контролировать собственные действия. Она была доброй и милой, и, к счастью, я не зашёл слишком далеко. Через три минуты ощущения испарились, и я осознал, что полуголый ищу здесь ключи, который и вовсе нет. Я пробормотал какие-то извинения, пошёл обратно домой и снова закурил. Абсолютное безумие.

Пару раз меня снова настигли былые ощущения, и моё мышление всё ещё не было чистым. Внутри меня таился секрет, и он отравлял весь мой внутренний мыслительный процесс. Я делал вид, что всё было просто О'КЕЙ, но целостной моей психической системы начинала рушиться. Мне нужно было написать слова ещё к нескольким песням, а когда ты в таком настроении, отличной идеей представляется изменить своё место расположения. Проблема, очевидна, была в городе, где я жил. Я решил улететь в Нью-Йорк, город, который всегда меня вдохновлял. Плюс, Джэйми была там. Она уже несколько раз прилетала ко мне в Лос.-А., и я решил, что теперь настала моя очередь.

В моих планах было поселиться на месяц в отеле Челси, чтобы заняться написанием песен. Челси был переполнен артистами, фриками, засидевшимися постояльцами, отщепенцами, наркоманами разных полов и брошенными проститутками. Это была земля тысячи призраков. За привычную цену комнаты в четырехзвёздочном отеле, я смог получить прекрасный пентхаус с большой кухней и отличным видом на юг.

Я въехал туда, но мне было как-то не по себе. Здесь у меня было замечательное пространство для написания стихов, отличные записи, над которыми нужно было работать, кучи записок и идей, городской вид из окна, моя девушка жила в десяти минутах езды на такси. Но внутри я чувствовал себя разбитым. Я организовал себе рабочее место, садился, писал немного, а когда приходила Джэйми, мы смотрели фильмы, но я не чувствовал себя в своей тарелке, это было ужасно. Я был на грани и, о, как я чувствовал эту неопределённость, уйти ли мне снова в наркотический загул или оставаться чистым.

Однажды вечером спустя неделю с моего заселения Джэйми, должно быть, была занята своими делами, и я остался дома один. Наступала ночь, и меня накрыло подавляющее желание пойти в Вашингтонский Парк, чтобы поискать там наркодилеров. Я прыгнул в такси и отправился туда, чтобы выяснить всё у местных тусовщиков. Я достал целую горсть крэка и кокаина, но никак не мог найти

героин, поэтому на обратном пути купил пару бутылок красного вина, думая, что оно немного ослабит кокс. Я курил крэк, и он даже не давал мне кайфа, но эта гонка снова началась. Мой организм ничего не принимал. Вино вырвалось из меня наружу, мне просто было плохо. Я был словно взорванные часы: мои провода торчали наружу, руки-стрелки ослабли, а числа просто отламывались. Пришла Джэйми, я спрятал вино и проговорил ряд нелепых объяснений, что я съел что-то не то. В итоге, мы, конечно, поссорились, потому я был абсолютно не в себе. Таковым был характер всего моего месячного пребывания здесь. Я смог собраться на несколько дней, но это, в основном, вылилось в непродуктивный и грустный месяц, потому что очень мало вещей было завершено. Я не был чист, но и не употреблял наркотики настолько, чтобы они давали мне облегчение.

В июле группа отправилась на студию, чтобы записать альбом. Несмотря на то, что я не закончил писать стихи к некоторым песням, мы решили начать записывать основные треки. К тому времени я прекратил употреблять и боролся с последствиями, но я не закончил свою работу и был не готов к записи не эмоционально, не физически. У меня были стихи, в которые я действительно верил, но я не тренировал свой голос, чтобы вот так просто войти и начать делать своё дело. Хаулер (Howler), Рик, Чад, Фли и Джон уже были готовы взорваться. Забавно. Но никто даже не заподозрил, что я соскользнул со своих пяти с половиной лет чистоты, но если вы посмотрите внимательно на мои тогдашние стихи, они изобиловали подсказками. В частности, Warped.

Я писал: “Моя тенденция к зависимости нападает на меня/Она переворачивает меня вверх ногами/Посмотри, я притворяюсь сильным и свободным от своей зависимости/Она искажает меня”. Далее в этой же песне: “Ночь, нужда заставляет меня ползать/Просить о пощаде, это видно?/Я весь пронизан насквозь/Обними меня, пожалуйста, мне холодно”. Даже в такой радостной песне как Aeroplane были следующие слова: “Заглядывая в свои глаза/Я не могу той любви, которую хочу/Кто-нибудь лучше ударьте меня, пока я не начал ржать, пока я не начал разлагаться”. Это зов о помощи. Далее: “Сидя у себя на кухне/Я снова превращаюсь в грязь/Моя меланхоличная детка, звезда Мэйзи (Mazzy) должна докричаться до меня/Я преодолеваю гравитацию, это легко, когда ты полон грусти”. Даже в Deer kick, исторической хронике наших поездок, упоминался “этот гигантский серый монстр” наркозависимости, который поглотил столько наших друзей. В то время Джон погружался в своё отвратительное наркотическое путешествие. Боб Форрест (Bob Forrest), Пит Уайс (Pete Wiess), Дики Руд (Dickie Rude), все они уже были в этой стране забытья. А Ривер и Хилел и вовсе уже были мертвы.

Мы записали основные треки, но у меня всё ещё были проблемы со стихами. Много было по вине моего внутреннего состояния. Сложно творить, когда ты в разногласиях с самим собой. Иногда процесс написания был так же прост как глоток воздуха из открытого окна. Но иногда это было словно выбивание слов на граните обыкновенным карандашом.

В августе я должен был отмечать шестилетний срок моей свободы от наркотиков. Для окружающих я так и сделал. Отец не особо верил в мои первые пять с половиной лет чистоты, но на то воображаемое шестилетие он прислал мне фут-

болку с надписью “Шесть лет чист”. Я должен был принять подарок, но это была ещё одна вещь, заставлявшая меня чувствовать себя ужасно.

Группа сделала паузу в записи альбома, чтобы сыграть на фестивале Вудсток. За месяц до этого я прекратил принимать наркотики, что хорошо видно на фотографиях. Вудсток был нашим первым концертом с Дэйвом, несмотря на то, что он находился в группе уже с прошлого сентября. Линди подошёл к нам и сказал: “О'кей, вы будете хэдлайнерами на Вудстоке. Хотите сделать что-нибудь особенное?” Я нарисовал на полу огромную лампочку, и Линди подумал о мультфильмах, где они обычно висят над головами. Но я имел в виду лампочки, надеваемые прямо на голову. Дэйв смотрел на нас и говорил: “Я буду выступать в огромной лампочке?”

Мы договорились с голливудским механиком из Долины, чтобы он сделал нам эти костюмы, и наняли швею русско-монгольского происхождения, которая сшила пять одинаковых костюмов Джимми Хендрикса (Jimi Hendrix), потому что на бис должна была прозвучать Fire. Пятый был для Клары (Clara), дочери Фли, которая постепенно становилась неотъемлемой составляющей нашего шоу. Лампочки были жёстким для Дэйва методом ознакомления с характером наших выступлений, потому что это было не в его стиле. Он больше привык быть крутым, сексуальным, рискованным, раздетым и мускулистым парнем, а мы заставили его надеть серебряный костюм космонавта с огромной лампочкой вместо головы. Но он абсолютно не жаловался.

Мы не знали, что ожидать от первого концерта с Дэйвом, но нас смотрело двести тысяч человек, и всё, чёрт возьми, прозвучало отлично. Костюмы лампочек оказались непростой затеей, потому что мы не репетировали с ними и не знали, что посмотреть из них на свой инструмент будет просто невозможно. Но они выглядели поразительно и сенсационно.

Теперь настало время возвратиться домой, чтобы закончить работу и сконцентрироваться на своей чистоте. Но я сделал всё наоборот. Мой дом был заражён особой энергией, он представлял собой прекрасный маленький, изолированный от мира замок на вершине холма. У меня были ворота, поэтому никто не мог подойти непосредственно к двери. Я решил, что лучшей из плохих идей будет снова удалиться в эту кокаиновую и героиновую зону. В итоге, я нашёл одну мексиканскую бильярдную на окраине, где мог достать всё. Не нужно было ехать на привычные углы, покупать на улице и у разных людей. Я мог просто пойти туда и взять себе пиво, и, закончив играть в пул, они подходили ко мне с контейнерами от автоматов с жевательной резинкой, которые были наполнены пакетиками с комками кокаина и героина. Иногда, я встречал там тех, кого не хотел видеть, молодых белых ребят из Голливуда, которые легко могли узнать меня. Я начал прятать волосы под бейсбольную кепку и надевать очки, что было довольно хорошей маскировкой.

Затем я прыгал на мотоцикл и ехал в какое-нибудь пустынное и безлюдное место на окраине, доставал трубку, набивал её наркотиками, курил, и, казалось, паровой двигатель взрывается у меня в голове. Глаза закатывались, сердце бешено билось, а в ушах начинало звенеть. Тогда я снова мгновенно взбирался на мотоцикл, обращал все свои ощущения в скорость и ракетой мчался домой.

Я приходил, закрывал главные ворота, входную дверь и выключал телефон. В доме было два или три места, где я находился, будучи под кайфом. Одним из них была кухня, где хранились все орудия моего саморазрушения. Но в итоге, я оказывался на третьем этаже дома. Там у меня был причудливый старый диван пятидесятых годов, телевизор и стерео система на полу. Я шёл туда и брал с собой свои принадлежности для творчества: блокноты, краски, маркеры, огромное количество карандашей, чернила и другие странные вещи, которые я мог разрезать и разбросать по комнате. Я погружался в это фиксированное состояние, принимал наркотики и придумывал разные странные создания, детально и точно рисовал лица, голых женщин, причудливые тела, грудь, рты, глаза, а также страшных японских демонов. Шли дни, а я просто сидел там, мне было комфортно, потому что всё моё тело привыкло к химикатам, которые я принимал. Я также брал с полки разные книги по искусству и изображения обнажённых моделей, чтобы видеть их, куда бы я ни шёл.

Иногда, я виделся с Линди или Фли. Они спрашивали, когда нужно забронировать время на студии, чтобы я записал свой вокал. Моей отговоркой от работы была странная желудочная инфекция, связанная с моим приключением на Борнео, я постоянно ходил к этому воображаемому доктору и покупал всё больше и больше времени. Я даже ел кожуру грецкого ореха, которая должна была избавить моё тело от “паразитов”. Это было таким очевидным враньём, но это срабатывало. Никто не спрашивал, почему я не появлялся на студии.

Я погружался глубже и глубже в этот однообразный мир. Джэйми приезжала ко мне, но всё было отнюдь не хорошо, мне было плохо, а она не знала, в чём дело. Грустно, но люди не хотят верить в то, что их любимые потеряли рассудок от алкоголя или наркотиков. Поэтому, когда вы даёте им даже неполное ложное объяснение, они всё равно хотят этому верить. Девушке, не знающей ничего об этой болезни, оставалось только блаженно верить всем низким уловкам своего друга-наркомана. Таким образом, я смог быть под кайфом весь конец лета и осень, притворяясь, что ничего такого не происходило. Я просто говорил: “Я болен”. Это был физический и моральный упадок. Джэйми мирилась с ситуацией, и это хорошо её характеризовало, она была не из тех, кто покинет корабль во время кризиса. Она не отстранялась и не уходила, просто была рядом, чего я не могу сказать об остальных. Хотя я не знаю, могу ли я сказать это даже о себе.

Я понемногу начал раскрывать свой секрет. Однажды я приехал на студию, Фли подошёл к машине и увидел на полу открытую упаковку чипсов Читос. Это было большой подсказкой, потому что, когда я чист, я даже не думаю о такой суррогатной пище. Но Фли подумал, что его могла оставить Джэйми, поэтому так и не добрался до правды. В другой раз Джэйми была у меня, и мы заказали на дом еду. Я остановил доставщика на пороге дома и сказал, что дам ему на чай сто долларов, если он отдаст все имеющиеся у него наличные деньги; чаевые и остальные деньги он получит с моей кредитной карты. Джэйми подслушивала весь разговор на верхних ступеньках лестницы. Я потворствующим шёпотом пытался проверить эту грязную сделку с доставщиком, который, кстати, проникся моей проблемой. Джэйми спросила: “В чём дело?”, и мне снова пришлось строить из себя отвратительную машину лжи.

В середине октября мы дважды играли с Rolling Stones. Это было странное время, потому что в город приехал мой отец и остановился у меня дома. Я пришёл после первого концерта, придумал какое-то объяснение и поехал вниз по холму и вернулся с небольшой дозой наркотиков. Я не был Джимми Хендриксом или Джэнис Джоплин (Janis Joplin). Я не мог разрушать себя, а потом на сцене превращать это в порыв души. Делая это, я становился получеловеком, и радости во мне было немного.

Но, в любом случае, играть на разогреве у Rolling Stones дерьмовая работа, которую я никому не рекомендую. Ты получаешь это предложение и думаешь: “Исторически они вторая по важности рок группа в истории музыки после The Beatles. Мы прикоснёмся к истории”. Но сегодня аудитория Rolling Stones фактически состоит из адвокатов, докторов, людей из Комиссии по сохранению и доступу, подрядчиков и работников недвижимости. Это консервативная и состоятельная прослойка общества. Никто не отрывается, как следует. Цены на билеты и атрибутику астрономически высоки. Это больше навевало мысль: “Пойдём на ярмарку Rolling Stones и посмотрим их на большом экране”.

Весь этот опыт был ужасен. Ты приходишь на место, и тебе не позволяют сделать саунд-чек. Тебе дают какую-то восьмидесятую часть сцены. Они отделяют этот крошечный участок и говорят: “Это для вас. У вас не будет света, и вам нельзя использовать свою звуковую систему. И, кстати, ещё одно, видите этот деревянный пол? Это напольное покрытие из старинной древесины, привезённой из Бразилии специально для Мика (Mick), на нём он танцует. Если вы позволите себе хотя бы даже смотреть на него, вам не заплатят”. Вы, собственно, представляете собой маленький телевизор на сцене, играете в то время, как восемьдесят пять тысяч богатых и насквозь ленивых фанатов медленно ищут свои места. Все они, одетые в кожаные куртки с надписью Rolling Stones, листают свои каталоги, решая, какую футболку Rolling Stones и какие штаны Rolling Stones им купить. Мы были сопровождающей музыкой для рассадки, покупки еды и одежды. Это был просто кошмар.

В ноябре я попытался вернуться в студию и записать вокал, но был абсолютно не в состоянии это сделать. Вся моя работа была посредственной. Худое иссушенное тело, плохой цвет лица, отвратительная кожа, тонкие волосы, опустошённые, мёртвые глаза. Мой секрет всё ещё не был раскрыт, и все думали, что я страдал от последствий моей летней болезни. Я начинал осознавать, что моя наркозависимость стремительно развивалась, и если, не дай Бог, ты снова начинаешь употреблять, всё бывает ещё хуже, чем в прошлый раз.

Когда приезжала Джэйми, я заставлял себя не принимать наркотики несколько дней, затем отвозил её в аэропорт и направлялся прямиком на окраину города. Несколько раз у меня случались столкновения с представителями закона. Однажды я курил траву в машине и был под сильным кайфом, поэтому неаккуратно вёл, а прямо под сиденьем у меня были наркотики и сопутствующие принадлежности. Должно быть, я вёл как-то суетливо, и коп попросил меня остановиться. Я наполовину приоткрыл окно, и молодой сурово выглядящий коп из Департамента Полиции Лос-Анджелеса направил на меня свой фонарь и воскликнул: “О, мистер Кидис! Виноват! Извините, сэр, извините за остановку, но я дол-

жен сказать вам, что это довольно опасный район, вам лучше остерегаться нахождения здесь. Ну что ж, спокойной ночи”. Я ожидал с его стороны абсолютно другую реакцию.

В другой раз я купил все необходимые мне средства и, прорываясь сквозь плотное движение, уже уехал далеко от места, как вдруг полицейские остановили меня. Я спрятал кокаин под пепельницу, но в руке у меня было три пакетика с героином. Я не хотел, чтобы меня поймали, поэтому быстро проглотил их, они были в пищевой плёнке, и это было безопасно. Когда коп подошёл и спросил меня, что я делал в этом районе, я выдумал какую-то историю о том, что ездил к девушке. Он успокоился и не стал обыскивать машину. После этого мне пришлось вернуться обратно, чтобы купить ещё героина.

Это было началом будущего наркотического марафона. Спустя четыре дня, все запасы закончились, было светло, я был подавлен и безумен. Я потратил все свои наличные и в последнюю очередь думал о том, чтобы по дневной жаре ехать на окраину и общаться с наркодилерами. Я всё же поехал в магазин спиртного, чтобы купить некоторые составляющие, но меня настолько переполняли токсины, что мне приходилось время от времени останавливаться и тошнить в кювет. В один из таких моментов я посмотрел под ноги и увидел те самые три неповреждённых пакетика с героином. “Да! Бесплатные наркотики. Я сорвал куш!”, - подумал я, поднял пакетики и освободил себя от поездки на окраину.

Джэйми приехала в декабре, к тому времени у меня выработалась ужасная героиновая зависимость. Я уже пару месяцев подряд курил крэк и принимал героин. Это было подготовкой к нашим традиционным поездкам домой на Рождество. По телефону мы решили, что подарим нашим отцам по большой машине. У Джэйми хорошо шли дела в её модельном бизнесе, и она хотела подарить своему папе грузовик пикап, а я хотел подарить Блэки Бронко. В то время он уже переехал жить обратно в Мичиган. После нашего успеха с Blood Sugar я навещал его, он жил в крошечной квартире на окраине Грэнд Рэпидс. Совсем недавно я заработал кучу денег в туре, поэтому я должен был купить ему дом. Мы нашли милый дом у озера в Рокфорде, это был пригород, так я позаботился о папе.

Мы с Джэйми договорились о транспортировке грузовика в Пенсильванию. В наших планах было самим доехать до Мичигана на новом, шикарном и просторном Бронко, предназначавшемся Блэки. После двух праздников Джэйми и я поехали вместе на Карибское море, курорт на острове Сэйнт Джон назывался Бухта Канил. Она всё ещё не знала, что, чёрт возьми, со мной происходило, но по тому, как моя одежда висела на изнурённом теле, можно было понять, что я болен. Я думал: “О, мы уедем отсюда на Рождество, мне станет лучше, мы вместе полетим на Карибское море, с этого момента всё будет только лучше”. Без её ведома я принял глупое решение взять с собой кокаин и героин, чтобы по мере передвижений по стране сокращать свою дозу. Это была плохая идея. Но я убедил себя, что чем дальше мы будем уезжать от Лос.-А., тем меньше наркотиков я буду принимать. Мне пришлось несколько раз съездить на окраину, где я скупал всё у всех, попадавшихся мне на пути дилеров.

Джэйми нужно было ещё что-то докупить к Рождеству. А в это время я прикладывался к трубке каждые десять минут, где бы я ни был, в телефонной будке, в

ванной, за деревом, где угодно. Под кайфом я уже не вёл себя как-то странно, потому что привык к этому состоянию. Мы начали упаковывать вещи, собирать подарки, и она безумно радовалась нашей предстоящей поездке по стране, я поддерживал её ликование, но разум мой всё же был затуманен. Мы остановились у модного обувного магазина на Мэлроуз, чтобы купить ей тапочки, и как только Джэйми вышла из Бронко, я тут же зажёл свою старую добрую трубку. Я сидел и курил как полный засранец, как вдруг услышал сильный удар по стеклу. Это была Джэйми. Она поймала меня с поличным. Весь мой маскарад был закончен. Я был сокрушён, а она была в шоке. Она показала мне средний палец и попыталась убежать, но я схватил её и уговорил вернуться в машину.

Я прошёл через весь этот круговорот объяснений, чтобы решить нашу проблему. У меня не было другого выбора, кроме как рассказать ей обо всём, что случилось, о том, как я дошёл до этого, и что собирался делать с этим до того, как полностью брошу наркотики. Мы приехали в Уодлс парк, и я поведал ей всю мою отвратительную историю. Я сказал, что люблю её всем сердцем и всё сделаю для неё, и что это действительно серьёзная, чёрт её возьми, проблема, через которую я уже проходил, и у неё нет простого решения. Я рассказал ей о своём плане по мере нашего путешествия постепенно избавиться себя от кокаина и героина, чтобы к приезду в Мичиган я уже был чист. Это было временное решение этой огромной, опасной для жизни проблемы, подобно бинту на разорванной в клочья ране.

Но Джэйми никак не успокаивалась: “Пошёл ты, пошёл ты, сволочь. Где мой билет на самолёт? Я едё домой. Ты скотина, лжец, ты мешок с дерьмом”.

“Да, я такой и есть, но всё же думаю, тебе лучше остаться. У меня с собой всё, что нужно, и по приезду в Мичиган всё это закончится”, - говорил я.

Джэйми сказала, что всё время у неё были подозрения, и она говорила моей маме и Фли, что, возможно, я снова принимаю наркотики. Из всех ужасных, самоуничтожительных, ненавистных, одиноких и отвратительных ощущений наркомана, худшим является то, когда без тебя твоя девушка рассказывает обо всём твоим лучшим друзьям и семье. Это предел всех оскорблений, знать, что твой лучший друг и твоя девушка разговаривают о тебе за твоей спиной из-за того, что ты принимаешь наркотики. Затем подключается твоя семья, и ты в полном упадке. Ты знаешь, что они сочувствуют тебе и хотят помочь, но ты думаешь: “О, держитесь от меня подальше, не вмешивайтесь. Мне не нужна ваша помощь. Даже не разговаривайте друг с другом, пожалуйста!”

В итоге, она согласилась поехать со мной. Не думаю, что она понимала, насколько неудобно ей будет находиться со мной в машине и смотреть, как я накачиваюсь наркотиками каждые десять минут, пока все запасы не кончатся. Мы выехали из Калифорнии и поехали по пустыне, и во время всех моих вынужденных остановок я не знал, делать ли мне это перед ней или прятаться от неё. Я постепенно привыкал к той мысли, что она будет видеть, как я принимаю наркотики, но всё же хотел этого, потому что сам физический акт введения в тело этих веществ просто омерзителен.

Мы продолжали ехать, и в один момент, я был под таким сильным кайфом, что не мог вести машину. Ей пришлось сесть за руль. Мы слушали акустический концерт Nirvana и Mazzy Star, и Джэйми плакала навзрыд. Наступила ночь, и мы

ехали среди гор Аризоны. Дорога была заледенелой, скользкой, опасной и словно вела в неизвестность. Нам показалось, что гигантский лось, больше чем вся наша машина, пробежал прямо перед нами. Джэйми вильнула, чтобы объехать его, и всё снова было в порядке. Но я посмотрел на дорожный знак и вспомнил, что мы проезжали город, где моя бабушка разбилась насмерть, не справившись с управлением. Я воспринял это как знак свыше, будто бы дух этого лося говорил мне: “Проснись, засранец, ты же умираешь”.

Это был не первый раз, когда я сталкивался с духами, употребляя наркотики. Однажды в период подобного рецидива я вернулся домой в середине ночи, с карманами набитыми наркотиками, готовый превратиться в сумасшедшего учёного. Я искал у себя ключи, как вдруг услышал громкий крик. Я понял, что это был кто-то на балконе, кого я знал, и этот кто-то кричал на меня как безумная ведьма. Но я не видел там никого. Я отошёл от дома и спросил: “Эй? Кто там?” И снова раздался ужасающий вопль. Я посмотрел на фронтон над моим окном и увидел сидящего там огромного ястреба, который смотрел прямо на меня и орал во всё горло голосом измученного человека.

Я подумал, что он точно не хочет, чтобы я сделал то, что намеревался. И если я не остановлюсь, то, вероятно, умру. Это периодически повторялось, где-то раз в месяц: птица, иногда сова, что есть сил, кричала на меня, когда я возвращался домой со своих безумных наркотических злоключений. Когда ты употребляешь наркотики, тебя ведёт эта мистическая чёрная энергия, сила внутри тебя, которая не хочет утихать. Чем слабее ты становишься, тем более эта энергия захватывает тебя и играет тобой. Когда твой дух становится тёмным, и образ твой жизни становится тёмным, всё твоё существование открывается проникновению этих тёмных духов. Я видел это на примере многих наркоманов. Видно, что их контролирует тёмная энергия, это отражается на том, как они выглядят, их голосе, поведении, это уже не они.

Я помню, когда умер Хиллел, а я только бросал наркотики, мне в моей одинокой постели приснился сон. Это был одно из таких чётких видений на грани сна и реальности. Вся эта ужасающая энергия разом влетела в мою спальню и зависла на потолке. Там были демоны, гоблины, вампиры и другие создания, полный ассортимент пугающих засранцев. Мне казалось, они пришли поиграть со мной, сказать: “О'кей, мы расправились с твоим другом, теперь мы пришли за тобой”. В начале я подумал: “Нет, всё не так, вы, парни, ошиблись домом”. По мере того, как я вёл эту психическую борьбу, дедушка всех тёмных сил, огромный тёмный ангел влетел в комнату и занял собой весь потолок. Но я не открывался им: “Нет, нет, нет. Уйдите. Прощайте”. Так я начал очищаться от наркотиков.

Я отметил для себя это послание лося, мы продолжили наш путь и нашли отель. В номере я продолжал принимать наркотики, а Джэйми еле держала себя в руках. Её боль и страдания становились заметными. Она пошла принимать ванну, заперлась и провела там три часа. Я накачивался наркотиками, делал что-то из отражающих свет букв, которые купил в магазине грузовиков, и периодический стучал в дверь, спрашивая: “Джэйми, ты в порядке?” Прошло время, и я начал волноваться. Когда она, наконец, открыла дверь, я увидел, что лезвием на её руке была вырезана буква “А”. Вся ситуация была очень пугающей, и несмотря на

сильный кайф, я начал осознавать, сколько боли и страдания я сеял вокруг себя, а не только внутри.

На следующий день, мы проснулись и поехали во Флагстаф. Мы оба почти не спали. Я продолжал принимать наркотики. Джэйми всё это вгоняло в грусть, надоедало ей, путало и мучило, поэтому я решил пойти в индейский ювелирный магазин и купить нам кольца для пары. Для меня оно олицетворяло обещание работать над собой и быть вместе. Думаю, она могла воспринять их как обручальные кольца, но я был безутешен, потерял и хватался за любую тончайшую соломинку. Глубоко в душе я очень любил эту девушку и хотел только лишь быть с ней, но я не мог прекратить принимать наркотики.

Мы вернулись в машину, проехали весь Нью-Мексико и остановились в мотеле. У меня оставался последний пакетик героина, а мы были в пути всего два дня. Кокаин и вовсе закончился намного раньше, но я был больше заинтересован в том, чтобы мне хватило героина на ближайшие несколько дней. И, тем не менее, я решил: “Всё. Это последний раз, когда я употребляю наркотики”. Её вымотала вся эта драма. Я ввёл в своё тело всё до последней частички и даже не почувствовал кайфа. Той ночью я попытался уснуть, а на следующий день проснулся с отвратительным адским ощущением, которое называется героиновой ломкой. Меня трясло и лихорадило, а между тем впереди ещё был долгий путь. Джэйми пришлось в одиночку вести машину, она была маленькой белокурой принцессой за рулём огромного автомобиля. Я разложил сиденье, лёг на пол, завернулся в спальный мешок, выпил целую бутылку НиКила и погрузился в яростную борьбу с ломкой, потя, трясясь, колеблясь и теряя силы. А Джэйми продолжала ехать. Она часами, часами и часами сидела за рулём, пока я страдал от лихорадки, лёжа в спальном мешке. Она вела машину прямо в Мичиган. Снова я приехал домой на праздники, страдая от ужасной героиновой зависимости.

Было слишком трудно скрывать мою проблему с наркотиками когда я приехал домой к матери. Я выглядел как ходячий скелет. Кроме того, Jaime успела высказать свои подозрения на этот счет моей матери, которая в свою очередь рассказала все отцу.

“У Энтони были некоторые проблемы с желудком когда я был на Stones show в октябре” сказал Blackie моей матери. “Он был вынужден уйти посреди ночи и принять Pepto-Bismol”.

“Эй. О чем ты говоришь?” Сказала Raggy. “Он на игле!”

Казалось, что Blackie не хотел признавать то, что я принимал наркотики. Возможно, это было слишком больно для него, поэтому он вел себя, будто все было в порядке.

Теперь карты были открыты. Я окунулся в домашний уют. Я знал, что мне придется начать ходить на собрания и есть килограммы еды. Жизнь без наркотиков была мне по душе, но я снова не осознавал, как серьезна была моя проблема. Меры, которые я принимал, чтобы справиться с ней, были слишком ничтожны даже для лодыря. Пойти на собрание и выложить всю правду на стол было хорошим стартом, но совсем другое дело убедить себя в том, что это сработает. Тебе приходится собраться в кулак, пройти 12 ступеней и сделать все 9 ярдов, ты не можешь просто придти, быть зрителем и ожидать излечения через осмос. Я просто барахтался на поверхности.

Но мы провели чудесное Рождество. Моя сестра Julie начала встречаться со Stev'ов Simmons, и мы все были настолько счастливы, что она встретила парня, который хорошо понимал и уважал ее, что побаловали их щедрыми подарками. Когда ты находился вдали от семьи, а теперь пытаешься сойти с длинной наркотической дистанции, то особенно чувствуешь себя обязанным возместить это какими-то материальными вещами.

Jaime даже удалось немного расслабиться. Шок и ужас утихли, я больше не принимал наркотики, так небольшая часть моей сексуальной энергии вернулась и дела пошли веселее. Она начала думать о нашем счастливом будущем. Когда все у нас было хорошо, то было очень весело, потому что мы были лучшими друзьями и веселились по любому поводу. Jaime умела разбавить мою серьезность и была отличной парой. Насколько прекрасно любить привлекательную, сексуальную девушку, которая, как и ты, любит баскетбол?

В канун Рождества мы повезли Bronco к Blackie. Я приготовил гигантскую ленту, чтобы повязать ее на грузовик. Blackie открыл дверь, пробормотал что-то насчет опоздания, я сказал ему выйти и посмотреть на подарок. Он был в недоумении, я бросил ему ключи и он занервничал. Затем он направился по дорожке от входной двери к подъездной дороге и увидел эту совершенную мичиганскую зимнюю машину, мой бедный отец все понял. Он взглянул на машину, затем на ключи и сказал, стараясь сдержать слезы: “Нет. Нет!!! Не может быть!!”. Это было так трогательно.

Рождественское утро принадлежало маме. Это было ее время года; весь дом был украшен в рождественском стиле. Здесь были старые школьные чулки, висящие над камином, чулок для Jaime также был там. Там был традиционный золотой ретривер, снег падал за окном и моя сестра Jenny, ангелочек нашей семьи была с нами, все предчувствовало праздник. Это было волшебное время.

Я спустился в 7:30 и разжег огонь. Под рождественской елкой было больше подарков, чем было разрешено законом. Первым делом мы подошли к чулкам, в которых были подарки от моей матери, на которые она копила весь год.

Затем мы открыли подарки. Моим заданием было их вручение, люди получали ювелирные украшения, костюмы и свитера и т.д. Steve Simmons попал в идиллию, потому что любовь и щедрость наполнили дом. Вокруг головы собаки была повязана лента, огонь в камине сверкал, различные прекрасные блюда без конца появлялись из плиты, Johny Mathis, Frank Sinatra и Bing Crosby играли в магнитофоне. Итак, сумасшедший парень Steve, новая любовь моей сестры, остановил все и сказал: “Я только хотел сказать, что это было лучшее Рождество в моей жизни. Вы все были бесконечно добры и дали мне столько...” Мы в этот момент думали: “Да, он прав. Кажется, мы действительно произвели впечатление на этого парня”. А он продолжал: “Но я еще хочу попросить у вас что-то”

В комнате была тишина. “Угадай, чего еще хочет этот парень?” Он сказал: “Я хочу воспользоваться моментом и попросить руки вашей дочери и сестры”. Он подошел к Julie и сказал: “Julie, с согласия этой семьи, выйдешь ли ты за меня?” Все начали плакать. Мне не верилось, что этот парень смог сделать предложение перед всей семьей. Julie согласилась, это был самый волнующий момент утра.

Через несколько дней пришло время лететь в Пенсильванию. Jaime не терпелось подарить своему отцу внедорожник F-150, который был символом гордости в его общине. Родители Jaime были либеральны и позволили нам спать в ее старой спальне, их комната находилась вниз по коридору. Я чувствовал себя неловко, когда мы занимались сексом в том доме. Она была такой страстной, разорвав на мне одежду и бросив меня на кровать, а я продолжал шептать: “Я слышу их на кухне. Нам не следует слишком шуметь”. Ее это не волновало, она просто хотела быть любимой.

Из Пенсильвании мы вылетели на Карибы, чтобы немного отдохнуть. Я позвонил моему агенту и попросил ее найти самый нетронутый уголок на острове. Это “влетело нам в копеечку”, но я через столько прошел за последние 6 месяцев, что меня это не волновало. Мне хотелось побыть в самом теплом, прекрасном и расслабляющем месте, которое я мог найти. Моя идея выздоровления заключалась в загарании, плавании, еде, исследовании местности и в занятиях сексом, и это работало. Мы жили в маленьком домике, который находился прямо на пляже, там не было ни телевизора, ни телефона, которые бы нас отвлекали, только сотни акров тропического рая. Я нуждался в этом. Даже после недели объедания лобстерами и жареной рыбой, после недели постоянных занятий спортом, моя одежда все еще не держалась на мне. Но, в конце концов, сила вернулась ко мне.

Теперь настало время для встречи с музыкой в Лос-А. Было трудно снова столкнуться с Фли лицом к лицу, но я предпочел, чтобы он знал, что я изменил свою жизнь в пользу трезвости, чем налететь на него, когда я был под кайфом или

когда жизнь застряла на стадии “Тупица”. Фли был удивительно лоялен ко мне. Я вернулся, чувствуя некоторый стыд, замешательство и сожаление, из-за того, что разочаровал группу, но мы столько раз через это проходили, что это стало привычным. Фли - друг, который может уйти, чтобы заняться своими делами, но когда мне нужна его помощь, он всегда окажется рядом. В такие моменты он не осуждает и принимает весь этот хаос. Я никогда не чувствовал себя как “О черт, сейчас мне придется пройти через головоломку. Этот парень вынесет мне приговор”. Он говорил примерно так “Чувак, мне действительно жаль, что тебе пришлось через это пройти. Я рад, что ты жив, пойдём тусоваться”, имея ввиду - давай писать музыку.

Дэйв оставался трезвым во время моих проблем. Он знал механизм алкоголизма и был удивительно понимающим. Возможно, он мучился из-за всего этого, но он никогда не выказывал негатива по поводу моего поведения. Это было просто сверхъестественно, какими любящими, всепрощающими и терпимыми они старались быть.

Когда я встал на ноги, нашей первоочередной задачей было окончание альбома. Итак, мы сняли студию на конец января, но сначала я и Фли поехали на Таос, Нью Мексико, чтобы написать и поиграть музыку и скомпоновать оставшуюся часть альбома. Мы снимали настоящую кирпичную виллу, и я прятался в своей спальне и писал. Затем Фли доставал свой акустический басс или обычную гитару, и мы работали над песней вместе. Мы провели там только четыре или пять дней, но каждый день мы заканчивали по новой песне.

В мое отсутствие Фли взял дело в свои руки, он даже писал тексты для альбома. Он написал большую часть “Transcending”, что было его данью River’у. “Pea” была его попыткой поднять свой скромный флаг. Он также написал вступление к “Deer Kick” и сольные инструменталки к строфам в “My friends” и “Tearjerker”. Он дал мне намного больше материала, чем я получал когда-либо, но я был открыт для этого, и это была необходимость, потому что я был слишком далек от творческого процесса.

Таос оказался продуктивным и веселым. Однажды мы даже вышли в горы и катались на лыжах, несмотря на бурю. Существует одна специфическая вещь, которая происходит, когда ты в очередной раз перестаешь принимать наркотики. Ты переживаешь второе рождение. Есть нечто возбуждающее в процессе возвращения, и это становится одним из элементов в кругу зависимости. Однажды ты зависел от кокаина и героина, но тебе удалось остановиться и выйти из этого дерьма, твой ум и тело становятся сильнее и снова соединяются с душой. Но тягостное чувство зависимости от наркотиков все еще у тебя в памяти, и сравнивая, ты чувствуешь себя феноменально. Ты счастлив жить, вдыхать воздух и видеть красоту вокруг себя и иметь возможности уколоться опять. У тебя есть выбор. Так ты испытываешь удовольствие от того, что ты сейчас не там, откуда ты выбрался, и что перестать употреблять - это забавная вещь. Где-то внутри ты осознаешь, что завязывая, ты снова испытываешь это потрясающее чувство.

В общем, годом позже ты забываешь, как это было плохо, и розовые очки трезвости исчезают. Когда я оглядываюсь назад, я понимаю, почему этот порочный круг снова втягивает человека, не принимавшего наркотики уже долгое вре-

мя, и тогда он срывается, но не хочет больше принимать, не хочет умереть, но не принимает серьезных мер, чтобы завязать. Существует принцип, который гласит: “Старание наполовину ничего не стоит”. Когда ты болеешь, ты не можешь вылечиться наполовину и думать, что ты здоров наполовину; ты проходишь половину пути, ты вообще не собираешься выздоравливать, в итоге ты оказываешься там, откуда ты начал. Без тщательных изменений ты остаешься тем же парнем, а тот же парень делает то же дерьмо. Я прошел половину, думая, что получу хоть что-то, в итоге я не получил ничего.

Мы вернулись в студию, и к концу февраля я состряпал свой вокал. Мы ничего не могли сделать месяцами и, бац!!! - закончили вокал. После записи последней партии я был таким оживленным, что подумал “Ты можешь ширнуться”. Это был известный признак, который проявился у меня и Хилела после Uplift Mofo. Я был чертовой развалиной. Мне пришлось рвануть в уборную звукозаписывающей студии, как только идея возникла у меня в голове, потому что мысль о поездке в центр и покупке заставляла мои кишки заворачиваться в ожидании дозы. Я попрощался, сказал, что увижу всех через неделю или около того и устремился в темноту центра, чтобы еще раз начать бесконечную цепь безумств. К сожалению, Jaime должна была приехать через несколько дней. Когда она прибыла в международный аэропорт Лос-Анджелеса, я был в отключке. Она была вынуждена сразу же ехать в модельное агентство, она продолжала звонить мне с работы, спрашивая “Где ты?” Когда люди разыскивают тебя, чтобы придушить, ты разочаровываешь их, потому что в этот момент сам себя убиваешь. Ты пытаешься ускользнуть от копов. Ты избегаешь смертельных ударов от дилеров. Ты рискуешь умереть от передозировки. Перед тобой эскапады иллюзий. Это волнует. Но когда это означает “Черт, кто-то разыскивает меня”, то это заканчивает безумную вечеринку.

Я скрывался в мотеле. Это было начало потрясающего путешествия по мотелям. Я не регистрировался в The Peninsula и The Four Seasons, в местах, которые я мог без труда себе позволить. Нет, я стремился в The Viking Motel или Swashbuckler's Inn, в паршивые, ободранные, грязные мотели, заполненные наркотиками, предназначенные для семей, которым некуда было идти или для проституток, дилеров, сутенеров, бандитов и других позорных говнюков. И для белых наркоманов, которые пытались улизнуть от своей настоящей жизни.

Я начал останавливаться в таких местах вверх и вниз по улице Альворадо, потому что все они находились в нескольких кварталах от места, где я покупал наркотики. Может в этом весь кайф: ты можешь затариться, проехать 3 квартала, зарегистрироваться и наслаждаться в самом центре преисподней. Если ты находишься в престижном отеле, то существуют шансы наткнуться на кого-нибудь, кого ты знаешь.

Мои мотельные извращения не зашли еще так далеко, когда Jaime искала меня. Я был только в Holiday Inn в Голливуде. Именно там Дэйв Наварро и она выловили меня. Дэйв сообразил позвонить Бо, нашему бухгалтеру, и спросить, где в последний раз воспользовались моей кредиткой. Она позвонила в компанию и сказала Дэйву, что я в Holiday Inn.

Я был там и пытался уснуть, чтобы забыть о героине, убежать от самого себя и от того беспорядка, который я устроил, когда меня разбудил сумасшедший

стук в дверь. Я подошел к глазку, взглянул и увидел Дэйва, а затем и Jaime, прятavшуюся в конце коридора. Это была плохая комбинация, любимый человек и друг сговорились.

“Давай, чувак, открой дверь” сказал Дэйв “Я люблю тебя и хочу тебе помочь. Этого не случится. Давай ты пойдешь в реабилитационный центр прямо сейчас. Бросай героин и пошли”

Я не открывал дверь. “Нет, ты не понимаешь” отзывался я “Я чувствую себя ужасно. Мне нужно поспать. Я позвоню тебе позже и мы пойдем вечером”

“Нет, нет!! Машина уже стоит внизу” сказал Дэйв. “Я уже позвонил в Exodus. Кровать в центре уже ждет тебя. Открой дверь”.

Я открыл дверь. В тот момент я не мог больше спорить или драться. Я был растерян, покориться и вернуться в клинику - это был единственный способ утихомирить людей, которые были несчастливы из-за моего поведения. Итак, я вернулся.

К апрелю 1995 реабилитационные центры развились в совершенно другой организм по сравнению с моим первым пребыванием там в 1988. Лечение в клинике стало обычным делом. Среди клиник Exodus была наиболее популярна по двум причинам. Это было место, которое Курт Кобейн покинул незадолго до смерти. Курт перелез через четырехфутовый забор, чтобы убежать, хотя все, что ему нужно было сделать, это выйти через парадную дверь. Они не имели права держать тебя в клинике против твоей воли, но я думаю, что если ты не захочешь никого видеть, ты просто убежишь.

Exodus была также известна своим доктором, который был там главным. Такие парни, как он, стремятся узнать, как наркотики влияют на тело, но для меня вся эта информация ничего не стоила. Пока наркозависимый ширяется, он сумасшедший. В моменты, когда он не на игле и начинает выполнять программу, ему становится лучше. Это самая элементарная схема, но они пытаются усложнить ее психиатрическим жаргоном и детоксологией. Стоит только забрать наркота с улицы, дать ему жилье, поставить на ноги, и ему станет лучше. Я убедился в этом на примере тысяч наркозависимых, с которыми я пересекался и которые хотели вылечиться. И не важно, каким замечательным был их врач.

Exodus был частью большей клиники Marina del rey. Клиника не была связана с тюремной программой, поэтому здесь не было тех, которые выбрали реабилитацию вместо тюрьмы. Она была роскошнее, чем Section 36, но не такой роскошной, как Promises, клиника в Малибу, на фоне которой Four Seasons выглядела как Holiday Inn. Но опять же, место не имеет значения. Ты или собираешься работать и решить свою проблему или нет. Тебе не нужна Promises; ты можешь завязать в Армии Спасения на деревянных нарах. Я встречал людей, которым это удалось в обоих случаях, и встречал тех, кому это вообще не удалось.

Пребывание там стало для меня чудесным опытом. Я подружился с 10 самыми нетипичными людьми в моей жизни. Это были причудливая старушка из какого-то города на севере, бразильский доктор, и парень на таблетках из Техаса. Моим первым соседом по комнате был гомик из самого сердца Америки, из Кентукки или Миссури, или еще откуда-то. Это была классическая история, молодой непонимающий ребенок, воспитанный в футбольном городке на западе, не полу-

чил того мужского начала, вокруг которого вертелся целый мир, так его семья не признавала, отдаляла его. Он переехал в Голливуд, нашел своих братьев, а также мир алкоголя и наркотиков, и пошел по нисходящей спирали. Он был так накачан Викоудином, что размельчал его и сыпал им кашу на завтрак.

Он ушел, и следующим моим соседом стал черный анестезиолог из Иглвуда, который воспитывался в высокоуважаемой семье. Став доктором, он дал семье повод для гордости, но потом оказалось, что он многие годы злоупотреблял лучшими наркотическими медикаментами. Итак, он пришел, как и все мы, на 30 дней. Вы можете подумать, что он хранил в секрете, что он разочаровал свою семью. Через пару месяцев после клиники мне позвонили. У него случился рецидив, он не мог выносить агонию и стыд перед семьей, поэтому он заперся в туалете госпиталя, в котором он работал, и выбрал наиболее тяжелые наркотики для передозировки. Некоторые из Exodus ходили на его похороны и это было впечатляюще. У него была большая семья, и один из его братьев был проповедником. На похоронах все плакали навзрыд, включая друзей по клинике, которые стояли в заднем ряду.

Удивительное общество образовалось здесь, и я стал другом каждому из них. Ты осознаешь возможность своей кончины через жизни других людей. Ты делаешь те же вещи, что и они, но ты не можешь увидеть это в себе. Однако, ты начинаешь понимать все эти трагедии и чудеса через других людей. Такие ситуации открывают глаза и сердца. Ты находишься в этом чертовом госпитале Marina del Rey, спишь в маленькой кровати, делишь свою комнату с другим, и тебе приходится идти в кафетерий, чтобы позавтракать. Ты просто вынужден думать: “Что я сделал не так? У меня была цель и мне было хорошо, но сейчас я здесь вместе с другими сумасшедшими людьми, медсестрами и докторами, и коменданты говорят мне, что делать и куда идти, и у меня сегодня отчет для группы. Надо же, я думал, что стою большего”

Пока я был в клинике, у меня проводились групповые собрания с семьей и друзьями, и Фли был там. Проходя круг, консультант повернулся к Фли и сказал “Фли, расскажи нам, как ты чувствуешь себя, когда Энтони где-то принимает наркотики, и ты даже представления не имеешь, где он и собирается ли он вернуться” Я ожидал, что Фли скажет: “Этот засранец меня задолбал. Мы должны были репетировать и писать. Я ждал его 12 часов, но этот ублюдок не появился. Я совершенно готов заняться чем-нибудь другим”. Вместо этого Фли начал всхлипывать, что усыпило мою недоверчивость. Он сказал “Я боюсь, он собирается умереть прямо у меня на руках. Я не хочу, чтобы он умирал, но продолжаю думать об этом”. Я никогда не представлял, что он может испытывать такие чувства.

Лечение в Exodus до сих пор занимает основную часть в моей жизни. За те 5 с половиной лет, которые я не принимал наркотики, я ни разу не молился и не медитировал. Я не понимал, что это поможет установить контакт с силами, которые надо мной. Кто-то из работников Exodus посоветовал мне начинать каждый день с молитвы. Теперь, для всех, кто пытается вылечиться, это отправная точка. Я никогда не думал, что это то, чем мне стоит заняться. Но однажды утром я посмотрел в зеркало и подумал “Ты тратишь свою жизнь здесь, так может тебе стоит воспользоваться советом того, у кого все в жизни хорошо”.

Я начал молиться каждое утро. Однажды я открыл свои мысли для высшей силы и никогда с этим не боролся. И куда бы я не пошел, я везде чувствовал и видел присутствие творческого начала во вселенной, любящей силы в природе, в людях, везде. Годами мои молитвы и размышления набирали силу и стали важной составляющей моего выздоровления в повседневной жизни.

Я провел там 30 дней, даже не думая о том, чтобы уйти. Я смирился с тем, что нахожусь там, чтобы сделать работу и вернуться в строй. В первые несколько дней они дают тебе медикаменты сверх меры, чтобы избавить организм от токсинов. Они дают Darvocets и Colonodine, чтобы снизить кровяное давление. Если ты видишь парня, шаркающего по коридору в халате и шлепанцах, значит этот чувак все еще проходит детоксикацию. Первые дни без наркотиков невыносимы: по телу бегают мурашки, и ты уже готов свихнуться без дозы. Но затем ты преодолеваешь эти ощущения и тебе становится лучше. Они кормят тебя на протяжении всего дня, ты должен тренироваться и ходить на собрания. Они держат тебя в полной занятости.

Пока я там находился, Jaime приходила навещать меня. Bob Timmons привез Chris'a Farley увидеться со мной, это было круто, чувствовать его поддержку. Kim Jones привезла двух своих прекрасных сыновей повидаться со мной. Мне было позволено пользоваться бумбоксом, и я раз за разом прослушивал первый альбом Elastica. Я прошел 30-дневную программу, вернулся и воссоединился с миром. Слава Богу, что я был в строю, когда отец Jaime покинул его. Он умер в июне, и у меня была возможность поехать в Пенсильванию и быть с Jaime и ее семьей на протяжении этого сложного периода.

Тем летом группа внесла последние штрихи в альбом и начала снимать клипы. У нас были тонны бобин, но ничего не привлекало нас и мы снова обратились к Gavin'u Bowden, шурина Фли. Он предложил идею для клипа "Warped", действие в котором должно было происходить в гигантском деревянном цилиндре. Съемки проходили два дня, это было наше самое дорогое видео. Я до сих пор считаю, что в нем есть просто гениальные сцены.

Момент в клипе, который привлек наибольшее внимание, - это сцена, где Дэйв целует меня. Предполагалось, что Фли, Дэйв и я выйдем из-за стены, станцуем мистический танец теней. Мы снимали эту сцену около десяти раз, и Gavin чувствовал, что мы с ней не справляемся, итак мы вернулись на свои места, чтобы попробовать снова. Дэйв повернулся ко мне и сказал "В этот раз, когда мы выйдем, я собираюсь обернуться и поцеловать тебя, чтобы оживить эту сцену. Я ответил "Хорошо, отличная идея", думая, что это будет дружеский поцелуй. Мы вышли из-за угла, и он подошел дать мне то, о чем я думал как о легком поцелуе, что уже достаточно эпатажно для рок-клипа, но вдруг Дэйв одарил меня влажным, практически французским поцелуем. Я не был огорчен или обеспокоен, я был всего лишь удивлен.

Это был один кадр из тысячи и мы двинулись дальше. Прошли недели, прежде чем мы получили готовый клип, этот поцелуй был там, и он сразу же бросался в глаза. Минутой позже мне позвонил Eric Greenspan, наш адвокат.

"Компания Warner Brothers видела поцелуй, и они хотят избавиться от него прямо сейчас" сказал он.

“Почему?”

“Они не считают это подходящим”, сказал он. “Я думал, что тебе тоже захочется избавиться от поцелуя. Я думаю, что тебе грозит потеря большей части твоих фанатов”.

Когда я впервые увидел поцелуй, я подумал о том, что я могу или убрать его, или оставить, но минута, когда корпорация сказала “поцелуя не будет”, стала минутой, когда я сказал “нет, поцелуй останется”. Мы обсудили это в группе и проголосовали за поцелуй. Мы потеряли огромную часть мальчиков-фанатов из колледжей. Мы получали письма, в которых нас называли “педиками”, начали распространяться сплетни, и мы снова начали думать над нашим решением. Но затем мы решили “К черту. Может быть пришло время проредить деревенщин” Если они не могут принять, то что мы делаем, мы в них больше не нуждаемся.

У нас снова появились неприятности с Warner, когда мы пригласили Gevin'a снимать видео на “Aeroplane”. Он предложил супер сценарий: необузданная ода Busby Berkley, с огромным хором, состоящим из полураздетых, в ярких одеждах мексиканских цыпочек и крепких девушек-гангстеров с обильным макияжем и ужасными волосами. Нам было нужно много наготы, сексуальных танцев и жвачек, надуваний пузырей. Мы сняли видео в старом бассейне, при участии гимнастов и подводного балета на MGM set, который почти не использовался. Но дамочка из Warner контролировала съемки, выяснилось, что она была феминисткой.

Gavin все смонтировал, и видео получилось шикарным. Он заснял горячих мексиканских девиц крупным планом под удачным углом, но та женщина из Warner вставила свое “я” о присутствии обнаженных женщин в нашем видео. Представьте себе, на сегодняшний день это уже наскучило в клипах Jay-Z, но это было достаточно смело для того времени, поэтому мы решили остановиться где-то между нашим замыслом и ее эстетическими взглядами. Мы покончили с этим, убрав из видео все действительно шокирующие, привлекающие внимание и волнующие моменты.

Тем летом я предпринял первую из двух поездок на байдарках по Аляске вместе с Фли, нашим бывшим барабанщиком Клиффом Мратинезем и нашим общим другом Marty Goldberg. Мы провели около недели, плавая на байдарках в самых глубоких фьордах Аляски. Это было изумительное путешествие, особенно когда Клифф и Марти, кулинарные шефы, могли состряпать трехзвездочные обеды посреди дикой природы.

В сентябре был выпущен One Hot Minute. Мы им гордились, хотя пластинка не была такой хорошей, какой бы мы могли ее сделать, если бы сохранили состав после Blood Sugar. Но для бренда новой группы это была неплохая попытка, если провести параллель с Mother's Milk, первым альбомом, который был записан с Джоном и Чедом.

Перед тем, как начать тур, я дал несколько интервью, чтобы раскрутить альбом. Примерно в это же время я снова начал принимать наркотики. Однажды в сентябре я отсиживался в своем доме в полном загрузе, а телефон звонил не переставая. Наконец-то я снял трубку, это был Луи. “Чувак, перед твоим домом MTV. Они готовы снимать”. Я вспомнил, что MTV должны были меня снимать в моем доме с VJ Kennedy. Я поволокся вниз. Я выглядел больным и безжизненным, и я

должен был отвечать на все эти вопросы воздушного, слащавого Кенеди в моей гостиной. “Прошло много времени с тех пор как мы выпустили пластинку и т.д. и т.п.”

Пришло время для тура. Хотя я и раньше был на игле, я никогда не решался принимать во время тура. Я знал, что это все разрушит. Мы начали с Европы. Впервые со времен Вудстока мы играли перед большой аудиторией, поэтому мы были как мотор, который нужно было завести. Я чувствовал некоторую ответственность за то, что не позволял группе играть настолько хорошо, насколько мы могли это сделать. Я не был настолько сфокусирован на музыке, насколько мне следовало быть. Мы не облажались, было несколько отличных моментов, но в целом я ощущал неясность, и как музыкант, я переживал неуверенность.

Наиболее запомнившимся моментом из европейского тура стала встреча Sherry Rogers, которая впоследствии стала женой и матерью детей нашего менеджера, Louis Mathieu. Мы встретились с ней в Амстердаме, где она работала на старого приятеля Hank'a Schiffenmacher. Когда бы мы не проезжали через Амстердам, мы направлялись прямо к Хенки Пенки, чтобы сделать несколько тату, и в этой поездке мы случайно столкнулись с заводной, привлекательной, неустрашимой молодой девушкой по имени Sherry. Она обычно носила одежду из латекса, и идея ее присутствия на сцене в таком виде была заманчивой. Наше следующее выступление состоялось в Бельгии, она тоже приехала и свела всех сума, когда перед всеми сняла одежду в гримерной и надела костюм из силикона. Во время шоу мы периодически звали ее на сцену вытирать наши потные лбы, приносить напитки и зажигать сигареты Дэйву.

Наш тур по Штатам, намеченный на середину ноября, был отложен - не по моей вине - до начала февраля. Итак, прямо из Барселоны, нашей последней площадки в Европе, я полетел в Нью-Йорк, чтобы побыть с Jaime. Она выехала из тусклой высотки в Чайнатауне и перебралась в прелестную, уютную, роскошную квартиру с видом на монумент La Guardia к югу от Washington Square Park. Это были прекрасные, спокойные окрестности. Мы провели там чудесную осень, затем, как обычно, заранее начали наши приготовления к ежегодным рождественским поездкам. Именно тогда я заметил первые признаки того, что с нашими отношениями не все в порядке. Рождественский шопинг начался достаточно хорошо. Мы шли по снегу и наслаждались предрождественской романтикой от покупки милых подарков для нашей семьи. Я решил купить Blackie мебель для его дома, поэтому мы пошли в ABC Carpet, что в нижнем Бродвее, и сделали отличный выбор.

Я возвращался в тот магазин еще несколько раз, чтобы договориться о перевозке и доставке, однажды я был там один и стоял около лифта, когда вошла элегантно одетая женщина лет двадцати. Она была симпатичной и стильной, мы перекинулись парой фраз, пока она ждала лифт. Голос в моей голове проговаривал: “Ты можешь жениться на этой леди. Твоя жена собирается войти в лифт и исчезнуть навсегда, тебе нужно действовать прямо сейчас.” Именно в этот момент она вошла в спустившийся лифт и пропала из моей жизни навсегда. Впервые за то время, что я был с Jaime, я мог допустить мысли такого рода. Я не мог сказать,

была ли это просто фантазия или просто было что-то в ее взгляде или поведении, но это определенно был отголосок проблемы.

Рождество пришло, и мы поехали в традиционное путешествие. В том году я подарил своей маме ее первый роскошный автомобиль, новую модель Ford Explorer, которую мичиганский дилер приготовил специально для своей жены, перед тем, как она с ним развелась. Blackie занимался всем необходимым для этого подарка. Затем мы провели несколько дней в Пенсильвании, но из-за недавней смерти отца Jaime, это не было приятным времяпрепровождением.

Мы вернулись в Нью-Йорк к Новому году. Я был сыт по горло кампаниями, развернувшимися в канун Нового года, и принуждением к проведению лучшей в жизни ночи, и решил, что мы ляжем спать раньше полуночи. Мы крепко обняли друг друга и смотрели кино, лежа на кушетке, а около 11:30 мы выключили свет и пошли спать. Несколькими днями позже, я понял, что этот период моей жизни подошел к концу, и пришло время стать свободным и побыть в одиночестве. Как-то я посмотрел на Jaime и подумал: “Я больше не люблю ее”. Без особой причины. В этом не было ее вины. Причина была не в ее манере разговаривать или походке, или в словах, которые она сказала, потому что она никогда не делала того, что я мог бы назвать неприемлемым. Просто что-то прояснилось во мне, как будто меня окутал туман. Это было что-то вроде “Боже, чем я занимался последние два года? Пришло время что-то менять”. Все это случилось из-за моего решения стать “чистым”. И я не собирался снова принимать наркотики.

Возможно, я причинил себе достаточно вреда, чтобы быть не в состоянии любить ее. И этот голос был настолько ясен для меня, что игнорировать его означало бы заблаговременно обманывать мои чувства. Я знал, что мне придется совершить самый нежелательный поступок. Для меня было намного легче поддерживать пустые отношения, чем сказать кому-либо “Я ухожу”. Короче говоря, я ужасно этого боялся. Я не мог сказать “Я больше не хочу быть с тобой”. Я бы предпочел причинять боль себе, что и составляло часть моего жизненного цикла.

Я сказал Jaime, но она не восприняла это. Она сказала мне, что планировала выйти за меня замуж и родить детей, что было самым печальным моментом за время нашей дискуссии. Я вернулся в Лос-А., и она ушла. Было много плача и крика, но она упаковала свои вещи и ушла.

Я причинил много боли тому, о ком я действительно заботился, и это послужило прекрасной эмоциональной мотивировкой, чтобы переключиться на другие увлечения. Это началось в пятницу днем. Я ехал на мотоцикле к Линди на деловую встречу группы. По пути туда я остановился в центре и заполнил свои карманы наркотиками. Затем Фли, Линди и я провели нашу встречу, я удалился из дома Линди, проехал несколько кварталов и забил косячок прямо на улице. Так я проездил два или три дня, куря крэк и одновременно заправляясь героином, и неожиданно я попал в новые неприятности.

Я рассудил, что у меня будут большие проблемы, если я останусь в Лос-А., поэтому я взял Желтые Страницы и связался с Aeromexico. Я нашел славный отель в Cabo San Lucas, красивое место, где я и Фли работали над песнями несколькими годами раньше. Я был так накачан, что представлял опасность для са-

мого себя, выцарапывая дыры на своем теле, и конечно я ни от кого не мог скрыть свое состояние, поэтому я нанял такси, чтобы добраться до аэропорта. Я сохранил горстку порошка, который я собирался взять с собой. Не было проблемы в том, чтобы подняться с этим на борт, но я боялся мексиканской таможни, поэтому решил спрятать дозы в кассетном отделении моего CD/cassette бумбокса.

Когда я приземлился в Мехико, я все еще был под кайфом. В аэропорте была установлена таможенная система, по которой ты становишься на линию, нажимаешь кнопку, и получаешь либо зеленый, либо красный свет. Если загорается зеленый, ты спокойно идешь домой. Конечно же, вышел красный. Я подошел к столу, парни с таможни смотрели на меня с большим подозрением. Он обыскал мою сумку, карманы и затем сказал “Позволь посмотреть твоё стерео”. Мое сердце быстро забилося. Мне совсем не хотелось быть арестованным за провоз героина в Мексику. Он заглянул в отделение для батареек, которое считалось тайником, затем он попытался включить стерео. Он нажимал на все кнопки, он уже почти добрался до кнопки “eject”, когда повернулся ко мне и сказал “Включи его”. Я переключил на CD, нажал “play” и заиграли The Jackson 5 Greatest Hits. Он пропустил меня

Я забронировал комнату в Westin, современном отеле, который был отделан в духе мексиканской постройки из красной глины. Я расположился на кровати, вколол последний героин, а затем, укутавшись, заказывал обслуживание в номер, смотрел спутниковое телевидение, чувствуя себя одиноким, разбитым и раскаявшимся. Я все-таки смог заставить себя спуститься вниз и искупаться в океане, после того как три дня лежал в кровати, ел и пытался снова стать человеком. Я должен был окрестить свою душу. Я спустился к бассейну и попытался поплавать, но я постоянно наталкивался на людей, которые хотели поговорить со мной, но я совсем не был к этому готов. Во время этого путешествия я подружился с пеликаном, который повредил крыло о сеть рыбака. Он стал талисманом бассейна. Я сидел там и кормил его, разговаривая с ним. Мы были двумя созданиями, пытающимися излечить свои раны. Я даже пытался написать песню об этом пеликане.

В какой-то момент, я предпринял глупую и ошибочную попытку позвонить Jaime, хотя в сердцах знал, что наши отношения закончились. Но она все еще оставалась моим лучшим другом и катализатором моей жизни. “Я здесь, я одинок, я болен и я устал, мне больно и я разбит, и я в отчаянии. Ты хочешь приехать?” Она прилетела на следующий день, и мы провели несколько славных дней вместе, оставаясь в кровати и разговаривая.

Sabo стал местом моего излечения. Я оставался “чистым” несколько дней, срывался, проваливал все дело, затем возвращался, регистрировался в той же комнате, и начинал все сначала, что является одним из лучших определений сумасшествия - делать одно и то же снова и снова и ожидать, что результат будет другим. Мексика - это лучшее место для усталости. Я действительно считал себя удачливым, имея возможность приехать туда и лежать под голубым небом.

В начале февраля 1996 мы начали трехступенчатый, двухмесячный тур по Штатам. Мы собирались открыть тур в Nassau Coliseum на Лонг Айленде, но в день, когда мы приехали, в Нью-Йорке разразилась невообразимая буря, и город лежал под снегом. Метро и такси не работали, поэтому Фли и я пошли пешком из

нашего отеля до нижнего Ист Сайда, чтобы поесть в Angelica's Kitchen, в восхитительном вегетарианском ресторане. Позже в этот же день я встретил Guy O в Spy Bar в СоХо. Там было полно девушек, но большинство из них были слишком по-ньюйоркски ошеломительными и трудными в общении. Затем мы увидели немного подвыпившую девушку, одетую в ярко-красное платье, дополненное причудливым полосатым ремнем в стиле 80х. Она стояла, погруженная в свои мысли, около пианино, изображая откровенную пантомиму на песню Bjork. Я подумал, что для этого требуется слишком много наглости, поэтому я подошел и представился. Ее звали Кристина, она была моделью родом из Айдахо, проживающей в Нью-Йорке. У нее были волосы натурального оранжево-красного цвета, изумительно привлекающая белая кожа и огромная грудь, слишком большая и пышная для топ-модели.

Я пригласил ее на концерт, и она спросила, может ли она взять с собой свою соседку, которая, как оказалось, была большой фанаткой Oasis. Это было время, когда Oasis был самой популярной группой, проникающей в каждый уголок Америки. Я намеренно проигнорировал этот феномен, но по пути в Coliseum все, о чем могла говорить соседка Кристины это об Oasis, о том брате и об этом брате. Мы пробрались сквозь снег к Coliseum, и я вздохнул с облегчением, когда увидел, что зал полон понимающей публикой.

Той ночью я начал встречаться с Кристиной, что было хорошим знаком, т.к. прошло уже немало времени с тех пор, как я чувствовал подобную связь с кем-либо. Я не был в нее влюблен, но она была милой девушкой, и мы определенно были сексуально совместимы. Я не знаю, был ли это ее запах или ее энергия, но когда мы оказывались в постели, я чувствовал себя рядом с ней обкуренным вампиром.

Ранее в том туре я упал со сцены. Мы играли новые песни с One Hot Minute, которые не занимали много концертного времени, я уже исполнил половину моего танца с закрытыми глазами, когда я споткнулся об один из мониторов. Я упал со сцены, пролетел 8 футов, ударился головой о цементный пол и потерял сознание. Когда я пришел в себя, я был благодарен, что я в сознании, но моя голова была наименьшей проблемой. Перед тем как я споткнулся, моя нога запуталась в микрофоне шнура, и при падении шнур повел себя как петля и оторвал икроножную мышцу от кости. Поднимаясь наверх, я думал, что смогу справиться с ранением головы, но когда я поднялся на сцену, моя нога не работала. Я закончил концерт на одной ноге и обратился в больницу. Голова получила несколько швов, но нога стала черно-голобо-зеленой и дико непропорциональной. Они “обули” меня в ногу из гипса с большим количеством ремешков. Мне пришлось выступать остаток тура с этой ногой, что было совсем не смешно. После второй части тура у нас был двухнедельный перерыв. Перед туром Sherry Rogers переехала в Сан-Франциско и завязала отношения с Louis Mathieu, который переехал из Л.А. к ней. Я часто приезжал к ним, мы ходили на встречи и навещались в салоны татуировки. Я начал сблизиться с Луи. Он был наполовину мексиканцем, наполовину евреем и 100 процентным психопатом. Он был сумасшедшим внутри, но спокойным снаружи. Он начал работать у нас, отвечая на звонки в Blood Sugar доме, за-

тем мы взяли его с собой в тур как барабанного техника, по существу, мы придумывали для него работу, потому что он нам очень нравился.

В старших классах Луи был дилером конопли, затем он подсел на героин. Он годами впустую сражался с наркотиками, но к тому моменту он был чист уже много лет. Луи был добрым, щедрым, он мог пожертвовать своими интересами, чтобы помочь, доходя до того, что он становился как бы оборонительной машиной для помощи, чтобы ему не пришлось сталкиваться со своей жизнью. Но он был хорошим другом в дороге, мы делили трезвость и любовь к музыке.

И только в последнюю очередь Луи был активным человеком. Когда у группы был двухнедельный перерыв, я решил поспособствовать тому, чтобы Луи и Sherry поехали со мной на Гавайи, что они не могли себе тогда позволить. Sherry была любительницей приключений, но Луи согласился неохотно. Мы арендовали дом на солнечной стороне Мауи. Каждый день я и Sherry гуляли перед домом, занимались дайвингом, плавали милую туда и обратно. Луи тем временем сидел на пляже, курил, пил кофе, разгадывал кроссворды, отвергая красоту природы, которая его окружала.

Однажды во время нашего путешествия я и Луи обедали в сказочном отеле, внезапно в моей голове промелькнула мысль “Луис, я слышу свадебный марш в твою честь”. Он признался, что чувствует то же самое. Несколько днями позже, почти за несколько дней до отъезда, в обеденное время я задремал, а когда проснулся, то дом показался мне пустым. Кроме того, ни Луи, ни Шери не было, я начал ходить по комнатам и выкрикивать “Луи? Шери?”

В конце концов, я открыл дверь в их спальню, чтобы посмотреть, не дремлют ли они. Я увидел Луи в медленных движениях любви с Шери, обнаженный мужчина на обнаженной женщине. Я сразу же закрыл дверь и чувствовал себя ужасно, за то, что вошел к ним. Девятью месяцами позже, родился их сын Cash, который еще больше привязал меня к этой семье. Больше ни один ребенок не может сказать “О да!! Дядя Тони присутствовал при моем зачатии”.

Мы закончили тур по Штатам на Западном побережье. Рассуждая над тем, что мы взяли 4 года перерыва и что настроение поп-музыки радикально изменилось, было приятно видеть, что люди все еще заинтересованы в том, что мы делаем. Мы собирали стадионы, это был не самый продаваемый тур в нашей карьере, но наш новый материал получал теплый прием везде, куда бы мы ни приехали.

Кристина прилетела на несколько дней ко мне в Сиэтл. У группы была свободная ночь, а в городе играл Oasis. Их дирекция позвонила и пригласила нас на концерт, но никто не хотел идти кроме Кристины. К тому времени Oasis был в полном расстройстве. Братья постоянно дрались, тут и там отменялись концерты. Но мы пришли, и перед началом концерта мы зашли за кулисы и встретились с солистом. Он представился, и я сказал “Привет, Ян”. “Нет, Лайам”. Мы пережили всю “Ян, Лайам” путаницу. Затем мы вышли, чтобы посмотреть концерт. Это было потрясающе, если не считать того, что было просто очевидно, что они ненавидят друг друга. На сцене они были вялыми. Хотя песни и исполнение были хорошими.

В середине программы Кристина выпила пару бутылочек пива и так возбуждалась, что решила сделать мне минет. Мы забрались за кулисы. Большинство две-

рей было закрыто, но я нашел одну открытую. Она находилась под сценой и вела к электрощиту для всего зала. Там были все эти рычаги, выключатели и кнопки. Итак, мы расположились на полу, сняли одежду и начали заниматься сексом. Там была прекрасная атмосфера; мы могли слышать приглушенный звук группы, играющей наверху. В какой-то момент мы слишком расшалились и натолкнулись на рычаг, и неожиданно погас свет. Я подскочил и кинулся к щиту, убежденный что мы отключили звук и свет на целой площадке. Я яростно рванул рычаг, и свет снова включился. Я понял, что мы обесточили только ту комнату, но всего один рычаг отделял нас от того, чтобы концерт вынужденно прекратился из-за секса под сценой.

С Кристиной было весело, наши физические отношения были чудесными, но я не был влюблен в нее, чтобы считать ее своей настоящей девушкой. Несколько месяцев спустя, перед тем как мы вернулись к туру по Европе, я сказал ей, что не могу с ней больше встречаться. Она расстроилась, но Guy O был просто вне себя. “Я не могу поверить, что ты ушел от этой девчонки. Она первая из тех, с кем ты был, была внимательна к тебе. Она дарит тебе цветы. Она любит тебя. Она прекрасна. Она сексуальна. Она умна”. Но если ты этого не чувствуешь, то ты этого действительно не чувствуешь. Когда я порвал с ней, она сказала “О, это действительно хреново. Я надеялась, что эти отношения куда-нибудь приведут, но я понимаю. По крайней мере, у нас был замечательный секс”. Я сказал что-то вроде “Вот это характер!”...

После Западного побережья у нас было несколько недель перед туром по Австралии и Новой Зеландии. Мы начинали в Новой Зеландии, и возвращение туда заставило меня понять, что это то место, где я хочу иметь дом вдали от дома. Каким-то образом я связался с экс-игроком в регби, который стал стареющим, упрямым, потворствующим агентом по недвижимости. В перерыве между концертами он отвез меня посмотреть на фермерский дом, занимающий площадь в 169 акров, с видом на Kai Para Bay, который находился в часе и пятнадцати минутах езды к северо-западу от Окленда. Мы приехали туда в самый чудесный солнечный день. Я влюбился в это место, хотя гавань Kai Para - это самые необитаемые воды, куда приплывают размножаться величественные белые акулы. Это была бурная гавань.

Суть нахождения дома вдали от дома была в том, чтобы купить дом возле чистого, спокойного, приветливого участка воды, где бы я смог плавать и нырять. Понятия не имею, почему я выбрал то место, потому что ничего такого там не было. Но вид гавани был потрясающей, разнообразной, психоделической чашей цветов. И этот агент извел меня намеками на аукцион, который должен проходить во время моего тура в Австралии. “У тебя есть один единственный шанс приобрести его в собственность. Дом уйдет быстро, в нем заинтересовано много людей. Я буду держать тебя в курсе и оформлю заявку для тебя, И т.д. и т.п.”.

Я был на проводе из Австралии, а он был на аукционе. “Миллион долларов. Больше. Больше. Кто-то предлагает 1.7”. Я говорил что-то вроде “Отлично. Предлагай два”. Следующее, что вы узнаете, так это то, что я заплатил за это место вдвое дороже, чем оно стоило. Когда я вернулся, люди начали говорить, что они

не знали, что кто-то хочет его купить, что все эти новозеландские бизнесмены спят друг с другом, но я не знал, правда ли все это.

Мы закончили двухнедельную часть тура, и все кроме меня вернулись в Штаты. Я вернулся в Новую Зеландию, зарегистрировался в трехзвездочном отеле и попытался закрыть это дело, что стоило мне почти миллиона долларов США. Я дожидался фермера, который продал мне то место, чтобы достать денег и переехать на Золотое побережье Австралии, где всегда солнечно. В это время я думал “Почему, черт возьми, эти фермеры оставляют самые прекрасные уголки рая ради переполненного Золотого Побережья, которое похоже на Пляж Майами, только дешевле?” Вскоре я узнал почему. Выяснилось, что я видел дом в один из немногих дней в году, когда там не идут дожди. 300 дней в году деревню буквально заливало. Там господствовала облачная, дождливая, промозглая, бушующая, своеобразная “Англия в плохой день”, погода.

В итоге, фермер выехал, я подписал бумаги и открыл счет в Окленде. Я нанял смотрителя, т.к. люди в Новой Зеландии известны своей привычкой въезжать и занимать пустующую деревенскую собственность. Там сохранился менталитет Дикого Запада. Он должен был следить за собственностью и гарантировать, что никто не вселится в дом и не разграбит имущество.

Пришло время для возвращения домой и для подготовки к европейскому туру. Перед тем как отправиться в Европу, мы играли на первом Tibetan Free Fest в Сан-Франциско. Хотя подбор групп был замечательным и включал Smashing Pumpkins, the Beastie Boys, Foo Fighters, Beck, Bjork, Rage against the Machine, это шоу не оказалось удачным для нас. У нас возникли некоторые проблемы со звуком, но это было стоящее дело, и мы не придали этому большого значения. После была вечеринка, на которой я случайно встретил Ione и попытался извиниться за то, что был таким говнистым парнем, когда мы жили вместе. Я впервые попытался что-то исправить, но было глупо пытаться пойти на контакт в такой обстановке, она имела полное право назвать меня задницей и попросить оставить ее в покое пока.

Когда мы приехали в Европу в последних числах июня, все выглядели оптимистами, частично из-за того, что я не принимал наркотики во время туров. Мы ощущали особую братскую связь друг с другом. Единственной явной проблемой было нежелание Дэйва играть ради музыки, а Фли было нужно именно такое желание. Он скучал по тем временам, когда кто-нибудь мог позвонить ему и сказать “Приходи ко мне домой, давай поиграем немного”. Дэйв не был таким. Ему было свойственно “Почему я должен приходить и играть с тобой? Разве мы должны написать песню?”. Трещина становилась все больше. Но с другой стороны, Дэйв и Чед стали очень близки.

Мы начали тур с Будапешта. Все восторгались Прагой, но для меня Будапешт был намного более интересным городом, более экзотическим и диким, совсем недавно вырвавшимся из коммунистической хватки. В Праге мы выступали в маленьком клубе. Он был переполнен, а я собрался сделать сальто. Я был немного не в себе и приземлился на один из мониторов. Когда я пытался встать, мое тело не слушалось меня. Нам пришлось закончить сет и вынести меня оттуда, т.к. я испытывал мучительную боль. На следующий день я не мог даже пошевелиться.

Я видел вокруг себя нескольких специалистов, но казалось, что никто из них не мог определить, что я сделал со своей спиной. Поэтому они привязали к моей спине растяжки, и следующие несколько концертов я провел практически полностью без движения.

Я был полностью недееспособен, я даже не мог сидеть прямо, такой сильной была боль. В каждом городе, в который мы приезжали, я умолял нашего менеджера, Тони Селинджера, найти кого-нибудь, остеопата, хиропрактика, шамана, кого-нибудь, кто мог бы мне помочь. Я был прикован к постели, пока мне не нужно было выходить на сцену. Именно в тот момент я вспомнил совет, который мне дала Кэрол Бруг, моя школьная учительница по актерскому мастерству. Она играла Питера Пена на Бродвее, когда подхватила ужасный желудочный вирус, но она подвязала пеленку и страдала от диареи все представление, потому что, чтобы не случилось, шоу должно продолжаться.

Мы выступали в Бельгии, когда Тони привел полного, слащавого, горластого парня, который ввалился в мою дверь, говоря что-то по-фламандски. Он оказался остеопатом. Я подумал “Господи, еще один шарлатан, который даже не собирается что-либо сделать”. Он осмотрел меня, поставил на ноги и обошел вокруг, затем он сказал мне лечь в кровать. Этот парень, похожий на шар для боулинга, продолжил работу надо мной. Он поднял мою ногу и налег на нее всем своим весом, и оп, все в моей спине с треском встало на место. Это было, как будто из сломанной куклы я превратился в совершенно новую. Оказалось, что я сместил свой крестец.

Я был здоров, и теперь наши выступления проходили на ура. Франция была потрясающей, затем мы поехали в Англию, где мы играли на стадионе Wembley. Это был лучший концерт, который мы играли с Дэйвом. Guy O был там, т.к. он взял на себя обязанность устроить мою личную жизнь. Весной он присутствовал на вечеринке на яхте в Лос-А. и встретил девушку из Лондона. Он заверил меня, что она в точности мой тип. Итак, он отразил нападки других парней на яхте и взял ее номер для меня. После Wembley show он познакомил меня с этой девушкой по имени Ракель. Он был прав: она сразу же меня покорила. Я решил снять комнату в отеле и зависнуть в Лондоне, несмотря на то, что остальные отправились домой.

Следующей ночью мы вышли с Ракель поужинать, а затем гуляли по парку. Внезапно мы начали зажигать и это получило продолжение. Мы вернулись в ее квартиру и занялись любовью, она была потрясающей, как и обещал Guy O, и несколько особенной девушкой. Мы находились в любовном экстазе, когда она сказала мне “Я должна сказать тебе, что это просто фантастика, потому что последний человек, с которым я занималась сексом, это твоя бывшая подруга Ione”. Кстати, ты мне понравился намного больше”. Из трех миллионов девушек в мире, я занялся сексом именно с той, с которой была Ione. Ироническим в этой ситуации было то, что когда я впервые встретил Jaime, она являлась частью мирка Beastie Boy благодаря своему парню. Пока она крутилась возле них, она встретила Adam'a и Ione, которые были тогда женаты. И как только Adam вышел из комнаты, она устремилась к Jaime со страстным поцелуем. Оказалось, что к тому времени Adam и Ione жили каждый своей жизнью, но я нашел занимательным, что

мы с Ione предпочитаем одинаковый тип женщин. Я остался с Ракель еще на несколько дней, но пришло время возвращаться домой.

Также настало время для очередного наркотического кутежа. Рано или поздно это должно было случиться, потому что я не заботился о себе. Я думаю, что интимная связь с девушкой, с которой я не собирался завязывать серьезные отношения, послужила этому началом. В моем распоряжении было немного времени, и я был один в доме, который превратился во дворец для “ширяний”. Это продолжалось две недели, затем я поехал в Cabo San Lucas, чтобы как обычно проспаться дня три, отказываться от наркотиков, объедаться и плавать. Один и тот же отель, та же комната и та же программа “Northern Exposure” по кабельному.

Когда я вернулся из Cabo, Луи забрал меня в аэропорту и нянчился со мной. После возвращения я пробыл в его доме несколько дней, когда зазвонил телефон. Это была моя тетушка Мики, одна из самых любимых, вторая старшая из четырех сестер по материнской линии. Она была в истерике, повторяя снова и снова “Steve умер. Steve умер”. Я предположил, что умер ее сын, т.к. и ее сына, и ее внука звали Steve. Я спросил ее, какой именно Steve, а она всхлипнула “Steve твоей матери”. Внезапно частичка меня, находящаяся в Мичигане испарились. Он был парнем, который сплотил нашу семью и дал нам любящий дом, он был внимательным, заботливым, трудолюбивым, честным, выносливым человеком. Он вырастил Джули и Дженни, собак, кошек и лошадь, моя мама любила его, им было так хорошо вместе. Я подумал “О черт! Мой отчет в 51 год заработал чертов сердечный приступ в саду в 2 часа дня”.

Я благодарил Бога, что не узнал эту новость, сидя в комнате мотеля где-то в городе, покуривая крэк из трубки, сделанной из фольги. Я снова был чист, с еще одной попыткой за пазухой. Оказалось, что я был единственным с ясной головой; все остальные были уничтожены, ошеломлены и потрепаны. Состоялась огромная погребальная церемония, церковь доверху была забита жителями Гранд Рапидс, которые пришли попрощаться со Стивом и высказать свое уважение к этому необыкновенному горожанину. Моя семья поручила мне сказать речь. Не составило никакого труда написать о парне вроде него. Для такого ребенка как я, который все время присматривал за своей матерью, Стив, появившийся на горизонте, был большим облегчением. Это было что-то вроде “Ладно, теперь я снова могу становиться мальчишкой и мне не придется больше волноваться о матери, чувствующей свою вину”. Это был запоминающийся момент: видеть церковь, заполненную сотнями и сотнями людей, и все мы испытывали любовь и признательность по отношению к этому человеку.

Вернувшись в Лос-А., как-то я сидел дома и удостоился одного из тех периодических сумасшедших звонков Линди. Он звонил из своей квартиры/офиса в Студио Сити; покуривая Merits, он рассказал мне, что Molson Beer предлагает нам 1 миллион долларов за концерт на Северном полюсе для победителей каких-то соревнований. Они также собирались использовать наше имя и музыку несколько месяцев, чтобы продвинуть товар в Канаде. Это не было первое подобное предложение от большой корпорации. Спустя год после “Under the bridge”, McDonald's предложили целую рекламную кампанию по продаже гамбургеров с использова-

нием этой музыки. Они предлагали 2 миллиона, но мы не хотели, чтобы наша группа ассоциировалась с ними.

Предложение Molson было интересным потому что 1) они бы не использовали наши изображения, и 2) это была только радио-кампания в Канаде. По существу, наше музыка крутилась было много раз в день. Я думаю, что в нашей деятельности это было время, когда наша неприкосновенность была не такой священной, как сейчас; плюс, мы все хотели побывать на Северном Полюсе. Molson сделали заманчивое предложение. Нам предоставлялся личный самолет и приличное жилье. Концерт был примерно для сотни человек, нас бы доставили туда и обратно, нам пришлось бы лететь на край земли и увидеть Aurora Borealis. Мы взвесили все “за” и “против” и согласились.

Мы прилетели в Монреаль и пересели там на самолет побольше, чтобы пролететь еще восемь часов на север. Мы прибыли в пункт назначения, где единственным местом для обитания оказался заброшенный учебный барак для новобранцев, который в честь кита-единорога называли Narwhal. Здесь не было города, только горстка коренных жителей, которые обитали здесь с давних времен. Мы прибыли за день до концерта, поэтому успели немного покататься на снегоходах, также нам показали Северный полюс с борта вертолета. Нас изумила красота бело-голубого пейзажа бесплодной земли. Предполагалось провести концерт на палубе русского ледокола, но даже несмотря на то, что было 1 сентября, снаружи было морозно с порывами ветра до 50 узлов, поэтому площадку перенесли в товарный склад.

Мы гордимся тем, что мы профессионалы. Когда мы играем, мы выкладываемся полностью. Но было что-то в самой атмосфере, что не позволило сделать нормальное шоу, где ты выходишь на сцену и расшибаешься в лепешку. Мы вышли на площадку, и я посмотрел на ту сотню людей, которые поднялись со своих мест, все они были одеты в свою забавную маленькую одежду и держали в руках бутылки с надписью Molson, и все это напомнило мне плохую офисную вечеринку. Я взял микрофон, заиграла музыка, пришло время петь, но я не мог перестать смеяться. Абсурдная природа шоу-бизнеса захлестнула меня, и я не мог взять себя в руки. В конце концов, я собрался, но между песнями я возвращался на 13 лет назад и вспоминал наши комические сценки, насмехался над публикой, веселиться с публикой. По крайней мере подшучивания было столько же, сколько и музыки. Я не знаю, как долго мы играли, но я был рад, когда все это закончилось. Той же ночью мы прилетели домой, увидели Aurora Borealis, другие замысловатые цвета и скопления облаков, казалось, что мы были с миссией на Марсе.

Когда мы вернулись в Лос-А., я отправился “на Марс” со своей личной миссией, в чумовые загулы, которые поглотят следующие несколько месяцев. Я срывался на неделю, и хотя идея употребления становилась для меня невыносимой и я хотел остановиться, я не мог, что является книжным определением зависимости. Все это дерьмо случилось бы со мной за время моих ходок. Во время одного из кутежей, у меня закончились наркотики в 4:30 утра. В то время я не пользовался банкоматом; когда мне нужны были деньги, я шел в банк и снимал большую сумму с кредитки или заходил в офис American Express, где я мог снять 10 000 долла-

ров за раз. Но в тот момент у меня не было ни денег, ни порошка, и мне ужасно хотелось принять.

Что у меня в действительности было, так это прекрасный белый Стратокайстер с автографами Rolling Stones. Томми Моттола подарил мне его, когда я пытался заключить контракт с Sony/Epic. Я рассудил, что в центре за эту гитару я смогу получить, по крайней мере, дозу на пару сотен. Итак, я отправился на тускло освещенные аллеи, где люди продают свой товар, но я застал только одного парня, работающего в такое позднее время.

“Что я могу получить за это?” спросил я, предлагая гитару.

Он пожал плечами “Ничего!”

“Нет, нет, ты не понимаешь!” настаивал я “Эта гитара с автографами Rolling Stones”.

“Деньги, сеньор, деньги (исп.)” повторял он. Он был новичком из-за границы, и очевидно он не мог говорить по-английски и ничего не смыслил в Rolling Stones.

“Но она ценная” протестовал я.

Наконец, он предложил мне самую жалкую дозу героина, которую я когда-либо видел.

“Нет, больше” умолял я, но он дал понять, что или это, или ничего. Я был таким разбитым, что обменял подписанную гитару на наркотики, которые доставят удовольствие только на 10 минут.

Во время таких заходов меня поддерживал Боб Тиммонс, который постоянно пытался уговорить меня снова лечь в Exodus. Также я чувствовал любовь от моей новой подруги, от этой беловолосой коммунистки-хиппи по имени Глория Скот. Впервые я увидел Глорию, когда она произносила речь на собрании в Голливуде, во время моей первой попытки трезвости в 80-х. Тогда она сказала, что всю свою жизнь была ковбойшей-наркоманкой, ворующей таблетки и обманывающей. Также она рассказывала о 60-х и Алене Гинсберге.

К тому времени она была “чиста” уже почти 10 лет. Я думал “Эта дамочка лучшая из всех, кого я встречал. Она вульгарна и не пытается быть слащавой, говоря ”Да пошел ты, если тебе не нравится то, что я говорю, ублюдок, потому что я была там“. Она говорила, что ее высшей силой был Руйл Янг. Впоследствии она говорила ”Я живу в однокомнатном доме в пригороде Венеции с 1967. Я имела дело с Джимом Моррисоном еще до того, как ты начал гадить в свои ползунки. Единственное, что есть у меня в доме, так это постеры Чегивары, Нейла Янга и постер Red Hot Chili Peppers с носками на членах.“ После собрания я подошел к ней и сказал, что для меня честь находиться на ее стене рядом с Нейлом. Мы стали хорошими друзьями, как гарольд и Моуди, без любовной истории.

Когда я начал сдавать позиции, отчаялся и попытался изолироваться, я перестал отвечать на звонки. Время от времени я проверял почту и находил там открытку с изображением индейца-воина. На обратной стороне Глория писала “Никогда не сдавайся. Ты боец и ты победишь то, против чего восстал. Я верю в тебя. Я никогда тебя не забуду, но и ты не забывай себя.” Я прочитал это, сидя на кухне, и подумал “Есть человек, который верит, что я выиграю эту битву”.

Приблизительно в это же время мне приснилось, что я еду в 4:30 утра, в этот мрачный час, когда солнце еще и не думает показываться. Утро было пасмурным и дождливым, а я проезжал перекресток Мелроуз и Сан Винсент. Улицы были пусты, я ехал очень быстро, скрепя тормозами на поворотах, очевидно спеша куда-то с неистовым рвением. Должно быть, я хотел принять дозу, потому что я несся так, как будто моя жизнь зависела от этого. Было очень жутко, темно и дождливо, и я был в машине один, я все ехал и ехал, но внезапно из ниоткуда появилась рука, оп!, схватила за руль и начала драться со мной за управление машиной. Я пытался рассмотреть, что за человек сидит рядом, но он сидел сгорбившись, а шляпа скрывала его лицо, поэтому я не смог узнать дьявольского человека. Мы продолжали двигаться, и мне стало страшно оттого, что я увидел. Когда мы проезжали фонарь, свет прояснил лицо незваного гостя. И это был я. Пугливая ухмылка появилась на моем лице, я держал руль, повторяя “Я сделаю тебя. Я сделаю тебя. Я сделаю тебя.”

Ближе к концу октября я лег в Exodus снова, на этот раз смилившись с этим. В тот день мне позвонил Боб Форест.

“Как дела?” спросил он.

Я чувствовал себя как гангстер в одной из этих “копы-и-воры” погонь. Я собираюсь убраться из этого места” пошутил я. Я дразнил его, будучи по характеру человеком, который играет вне сцены, пытается относиться несерьезно к трудностям и игнорирует то положение, в котором оказался.

Боб сказал “О, правда? Это звучит бредово. Ты уверен, что все в порядке?”

“Да, я собираюсь остаться здесь и посмотреть, что получится”

В ту ночь я остался. На следующее утро я проснулся и получил позыв. Он просил выйти и снова ширнуться. Поэтому я схватил все мои вещи и сказал пока медсестре Кетти, которая была единственным нормальным человеком в клинике. Все остальные были трюкачами.

Я вышел в коридор, и женщина, курирующая то крыло здания, остановила меня на полпути и стала напротив. “И куда ты собрался?” сказала она.

“Вы знаете куда, я просто не готов пройти реабилитацию сейчас, поэтому я ухожу” ответил я.

“Ты не можешь уйти”, сказала она категорично. “Мы не позволим тебе уйти”.

“Я хочу посмотреть, как вы меня остановите” сказал я и сделал несколько шагов к выходу. Но она бросилась ко мне.

“Нет, мы закрываем двери. Мы собираемся доставить тебя в твою комнату.” пригрозила она.

“Закрываете двери? Тогда я выброшу свою сраную кровать через окно и уйду, когда захочу. И ты, дамочка, ничего не сможешь сделать” О чем она говорила? Клиника не была закрытой. Я был там добровольно и мог уйти, когда бы мне этого захотелось. Или я только так думал.

“На этот раз у меня действительно есть что сказать”

Мне хотелось провалиться. Внутри меня звучал серьезный голос. Мне нужно было достать немного денег, взять такси и подождать пока я договорюсь с Флако на углу. Затем мне была нужна комната в мотеле. У меня были важные

планы. Но все это вылетело в окно, когда она нажала кнопку. Внезапно появилось несколько огромных ребят, подходящих ко мне из каждого угла. Они схватили меня как маленькую тряпичную куклу и потащили по коридору.

“Эй, что здесь происходит? Парни, пустите меня. У меня есть важные дела.” Я громко возмущался, но они проигнорировали меня и протащили меня через несколько электронных, похожих на тюремные, дверей в отдельную комнату, известную как психокамера. Это было оно. Заключение. В камере-тюрьме для чокнутых, из которой не убежать. Я требовал объяснений “Что происходит, черт возьми?”

“Теперь ты под замком. Ты будешь здесь следующие 72 часа, пока мы будем за тобой наблюдать”, сказал один из бегемотов.

Он мог также сказать 72 года. Для меня 72 часа было недопустимо. Если бы он сказал 10 минут, я бы мог с этим смириться. Но у меня были нетерпящие дела снаружи. “О, нет. Нет, нет, нет. Свяжитесь с моим адвокатом. Я требую разговора с адвокатом”, кричал я.

“Придурок, заткнись. Кто-то должен придти и заполнить форму, ты получишь комнату и можешь возмущаться” сказал мой мучитель.

Я осмотрел коридор. И никто не выходил оттуда. Помещение было закрыто плотно, как барабан. Но за то время, что я стоял в коридоре, я увидел несколько чокнутых пташек, которым удалось попасть в корпус из дворика через скользкие двери из пуленепробиваемого стекла. Я выглянул во двор и увидел “голую” кирпичную стену, приблизительно в 18 футов высотой. У меня не было никакой возможности взобраться на нее без специальных приспособлений. Затем я увидел баскетбольное кольцо в восьми шагах от стены.

И я увидел свое спасение. Эти болваны оставили меня дожидаться старшую сестру, но в тот же момент подошел доктор. В кармане у него были ручки и стетоскоп, он читал диаграмму. Также огромная связка ключей болталась на его ремне.

“Простите, доктор. Я только что снаружи, я оставил там свои сигареты. Можете ли вы пропустить меня в дворик, чтобы их забрать?”

“Я не могу открывать двери. Для этого есть охрана” пробормотал он.

“Я знаю. Но если вы откроете эту дверь, я выйду на минутку на охраняемую площадь и покурю”. Я использовал все возможные техники убеждения, и они работали. Он открыл дверь, я поблагодарил его. Когда он отвернулся, я бросился на верхушку баскетбольного кольца, стал на заднюю панель, наклонился так далеко, как смог, и прыгнул, зацепившись пальцами за край стены. Еще один дюйм, и я бы впечатался в стену и проломил череп. Я подбросил себя наверх и спрыгнул. Я был свободен.

Я поплелся вниз по тротуару и прошел почти два квартала, прежде чем остановиться и подумать о своих следующих действиях. За мной никто не приходил, и я сделал вывод, что они счастливы избавиться от меня, потому что я поднял такой шум. Затем я осмотрелся и понял, что я стою прямо перед дверями моего банка. Какая удача. Я мог взять кое-какие наличные и начать мое интересное путешествие.

Я никогда не видел эту служащую лечебницы, которая в тот момент обналичивала чек в банке. Но она уставилась на меня, когда я шел к рабочему столу менеджера.

Он поднял глаза “Энтони Кидис! какая радость. Чем я могу помочь?”

“Я случайно оказался по соседству и мне нужно немного денег. И, может, вы вызовете мне такси?”

“С превеликим удовольствием”, сказал он “Проходите, садитесь”

Он вызвал такси, я сказал ему, что мне нужны пару тысяч долларов, и все шло хорошо. Я сидел там, в центральной части банка, и думал “Алилуя! Через 45 минут я поднимусь так же высоко, как самолет”, когда внезапно мои радары начали подавать знаки. Я поднял глаза и увидел тех же громил-ублюдков, которые пристали ко мне в коридоре лечебницы, они шли на меня из всех углов банка. Затем я выглянул в большое стеклянное окно и увидел полицейских, окруживших здание, и медсестер, санитаров и моего друга Гарольда, который работал в лечебнице.

Я поклялся, что этим парням придется погоняться за мной. Как только я выберусь на улицу, ни один из этих сосунков не схватит меня, включая и копов. Я запрыгну на крышу автобуса. Я захвачу машину. Я сяду в лодку. Я скроюсь в кустах. Они не собирались хватать меня. Поэтому я спрыгнул со стула и принялся бежать через банк, снося все на своем пути. Я проскочил через дверь, которая вела в офисную часть банка, но как только я вошел в холл, другие охранники ринулись ко мне.

“Эй, сюда нельзя” Я побежал в другую сторону, но еще больше парней двигались мне навстречу. Мне было некуда идти, поэтому я подумал “К черту” и пошел навстречу этим парням. Мне удалось сбить с ног несколько охранников и даже выбраться на улицу, но я сдался, когда один из охранников лечебницы блокировал меня и схватил с такой силой, что моя печень была готова выскользнуть через пятки. В тот момент я был маленькой слабой сукой.

“Легче, приятель, легче”, сказал я. “Почему это вас, ублюдков, так заботит? Позвольте мне просто уйти”.

“Нет. Если уж ты выбрался из заключения, мы ответственны за все твои действия” сказал он мне. Он также рассказал мне о служащей лечебницы, которая увидела меня в банке и посчитала странным то, что я сидел здесь с менеджером, когда я должен был быть в палате. Когда я вернулся из самовольной отлучки, все было так, будто я сбежал из тюрьмы, имелся мой словесный портрет, и все копы района искали меня.

Они надели на меня наручники, усадили в полицейскую машину и отвезли обратно в клинику, где я узнал, что меня посадили под 72 часовой арест, потому что Боб Форест тревожился из-за нашего с ним разговора. Он позвонил Линди, и они вдолбили себе в голову, что я склонен к суициду, поэтому они попытались взять меня под присмотр. Лечебница могла бы проигнорировать их, но они, возможно, подумали, что им не нужен еще один случай с Куртом Кобейном. Вся ситуация была довольно нелепой. Я никогда ни слова не говорил о том, чтобы покончить с собой. Я никогда не говорил, что у меня есть оружие. Все, что я сказал голосом гангстера Jimmy Cagney, так это “О, если бы у меня был пистолет, я бы

прямо сейчас вышиб свои мозги из этого заведения”. Лунатик Боб, затем Король Преувеличения, Слухов и Лжи, заставил круг замкнуться.

И я оказался в заключении. Когда я снова туда попал, я сразу же направился к телефону и позвонил Eric'y Greenspan. “Мне нужно, чтобы чертов адвокат пришел сюда и вытащил меня. Я не думаю о суициде. Заберите меня из лечебницы”.

Eric пообещал помочь, но сказал, что это займет некоторое время. В это время мне отвели комнату и круглосуточный надзор у двери. Я даже пытался проверять потолочные вентиляционные лазы, потому что моя жизнь с каждой секундой становилась все более странной и безобразной. На следующий день пришла медсестра и сказала, что я буду освобожден, как только доктор подпишет бумаги. Спустя несколько часов она снова пришла в палату. Я уже подсчитывал, сколько доз героина я бы приобрел, когда она сказала “Есть люди, которые хотят повидаться с тобой перед тем, как ты уйдешь”

“Ой, это просто невозможно. Мне уже пора уходить!”

В комнату вошел Боб Тиммонс, сопровождаемый парой моих друзей и моей бедной матерью, которая прилетела из Мичигана. Я был недоволен, что кто-то позвонил моей матери, и ей пришлось лететь из Мичигана, чтобы разбираться с моими проблемами. Мне устроили засаду с полностью спланированным вмешательством, и я был совершенно беспомощным парнем. Все, что произносилось мной, было или ложью, или манипуляцией. Все, что я говорил, цепляло, так что я мог психологически доминировать в этой сцене и освободиться, чтобы пойти ширнуться.

“Эй, все хорошо. Я готов исправиться, я просто не хочу лежать в клинике. Я уже проходил через это. И, конечно же, я собираюсь пойти и заняться самолечением, и все такое”. Я убедил их, что собираюсь выйти оттуда и поработать над собой. Я не собирался делать ничего такого, но я сказал им то, что они хотели услышать, только чтобы выйти из лечебницы.

Мы ушли из лечебницы, и большинство из нас пошли отмечать мое новое начало, которое не было ни новым, ни началом. Все ели, но я только клевал и размазывал еду по тарелке.

“Отлично, теперь мне нужно идти домой и сделать ”дневник выздоравливающего“, затем я собираюсь встретиться с мамой и улететь с ней завтра домой, вернуться к истокам и поработать над лечением”. “Правда? ты собираешься? Почему бы мне не пойти с тобой?” предложил мой друг Chris. Я настоял на том, что пойду один.

Я свалил, взял свой мотоцикл, немного денег, прихватил наркотики и зарегистрировался в The Bonaventure Hotel, в большом, современном, сказочном отеле в центре Лос-Анджелеса. Прошла неделя с того момента, как я принимал в последний раз, поэтому я отхватил кусок не по зубам. Сразу после дозы меня круто вставило, и плохая идея засветилась над моей головой. Я вернулся к мотоциклу и поехал к дилеру Chevy, чтобы купить новую машину. Логика была в том, что если даже только что мне удалось обмануть моих надзирателей, мне все равно нужна машина, чтобы бесцельно ездить и выздоравливать.

Я приехал в представительство в тот момент, как они закрывались “Подождите! Подождите! Мне нужна машина. Дайте мне лучший большой черный Chevy, который у вас есть”

Все они смотрели скептически на сумасшедшего парня под кайфом, который пришел с улицы, но затем я вытащил мою карту Amex, они проверили ее и их отношение изменилось. Они продали мне милый Chevy Tahoe и были очень счастливы последовать за мной в The Bonaventure, и доставить ее.

Следующим утром я решил, что пришло время покорить дорогу, поэтому я оставил свой мотоцикл на стоянке отеля, забрался в новенький Chevy SUV и направился на восток. Я думал о том, чтобы отправиться в Колорадо или Дакоту, но я смог добраться только до восточного Л.А. Я чувствовал себя совсем плохо. Итак, я зарегистрировался в мотеле, и принимал, принимал и принимал, и понимал, что предпринимать длинные поездки не такая уж хорошая идея.

Я вернулся в Beverly Hills, поселился в отеле на Robertson и использовал все наркотики. Дело было в том, что я уже даже не получал кайфа. Я просто не мог уснуть, я был незащищенным, пустым, одиноким, уставшим, злым, запутавшимся и пугающимся мысли о том, что мне придется иметь дело с беспорядком, который я натворил. Я решил, что, возможно, мне стоит вернуться в Мичиган с мамой. Я позвонил в ее отель, но она уехала из города этим утром, взбешенная, что я соврал ей. Я сел в свой новый Tahoe и отправился в аэропорт. Я нашел телефон и позвонил Линди, чтобы извиниться. Когда я был в Exodus, яростно пытаюсь выбраться из закрытой камеры, я позвонил Линди и обматерил его.

Я прилетел в Мичиган и остановился в мамином загородном доме, пытаюсь взять себя в руки еще раз. Это было новое дно для меня. Я был определен в “психокамеру”, убежал, меня схватили, постороннее вмешательство, скрылся от надзирателей, облажался, купил машину, думая проехать всю страну, вогнал наркотики в мой организм и даже не получил кайфа, и теперь я снова был на кушетке моей матери, дрожа от новой ломки.

Я чувствовал себя настолько плохо, что моя мама была вынуждена справляться с еще одним эмоциональным наплывом. Менее чем 2 месяца назад она похоронила своего спутника и теперь она боролась с маленьким слабым пугалом. Но матери никогда не унывают, и она смотрела на все со светлой стороны: я был жив и готов бороться еще раз. Я благодарен за то, что мы поехали в дом дедушки Стива на большой ужин ко дню Благодарения. Я положил себе немного индейки, которая стала первым блюдом за долгое время. Эй, если я могу ширяться, курить крэк и глотать таблетки, я могу съесть и чертову тарелку индейки и не волноваться об этом.

13. "Ничто"

Фли называет 1997 год Годом Ничего, потому что Red Hot Chili Peppers отыграли всего один концерт на каком-то июльском фестивале. И даже на том шоу треть его пришлось отменить из-за тайфуна. Но для меня 1997-ой был годом, полным приключений и несчастных случаев, прорывов и множества упадков. Это был ещё один год моего, перевёрнутого вверх ногами, существования а-ля Джекил и Хайд (Jekyll and Hyde). Хотя год начался с достаточно позитивной ноты. Я был в Новой Зеландии, занимался своим новым домом. Я помню, как был в Окленде накануне Нового года и видел безумные тусовки на улицах, где люди принимали кокаин и пили шампанское. Всё это казалось мне ужасным, я был рад, что не находился в том месте. Суть дела была в том, что, вероятно, в такой маленькой стране, как Новая Зеландия не было кокаина достаточного, чтобы удовлетворить меня на какое-либо время.

В тот момент у меня не было никаких обязательств перед группой. One Hot Minute плохо продавался, особенно в сравнении с Blood Sugar, поэтому мы сократили наш концертный тур. Поскольку я уже находился в Новой Зеландии, я планировал взять месячный отпуск и исследовать Индию. Я на неделю поехал в Путтапарти, а потом в Нью-Дели. Но главным моментом всей моей поездки был спонтанный заезд в Дхарамсала, чтобы увидеть Далай Ламу.

Я доехал на поезде до Ришикеша, а потом нанял водителя, чтобы проехать через Гималайи. Дхарамсала, казалось, находился в другом мире, вырезанный из гор, с дорогами из грязи и деревянными тротуарами, как старый город из вестерна. Я арендовал комнату, а потом вышел в город. Я поел в восхитительном вегетарианском ресторане, а затем обнаружил два магазина и купил несколько национальных накидок. Город был наполнен лысыми монахами, одетыми в шафрановые робы.

На следующее утро я проснулся и отправился к храму Далай Ламы. Я нашёл офис и обратился к одному монаху, который работал там.

“Не могли бы вы передать Далай Ламе, что здесь Энтони Кидис? Я знаю, что, скорее всего, он занят, но я бы хотел поприветствовать его”, - сказал я.

Все люди в офисе начали истерично смеяться. “Сэр, вы понимаете, что вы сейчас сказали? - ответил один из них, - Половина людей на планете Земля хочет поприветствовать Далай Ламу. Почему вы думаете, что можете просто прийти сюда и увидеть его? Его расписание забито на три года вперёд”.

Он всё говорил и рассказывал мне обо всех важных проблемах, которыми занимался Далай Лама, и том, что он был самым занятым человеком на планете.

“О'кей, я понимаю. Просто оставьте ему записку с приветствием от Энтони Кидиса. Я просто хотел немного пообщаться”, - сказал я.

Они пообещали всё ему передать и снова стали смеяться. Я ушёл в небольшом унынии, думая: “Ну, вот. Я прошёл долгий путь, чтобы встретить Волшебни-

ка Оз, но, наверное, мне это не удастся. Такова жизнь”. Дорога обратно в отель заняла всего пять минут, и когда я вернулся, девушка за столом в приёмной выглядела взволнованной.

“О, Мистер Кидис. Пройдите сюда прямо сейчас. Вам пришло послание из офиса Далай Ламы. Это удивительно. Они настаивают на том, чтобы вы были там завтра утром в восемь часов”.

Я бодро проснулся ранним утром следующего дня и направился в офис.

“Всё пройдет так”, - наставляли они меня, - “Сначала вы пройдёте через металлоискатель. Затем вам придётся оставить здесь свой рюкзак. Нам нужно следовать всем этим мерам безопасности, потому что мы постоянно получаем смертельные угрозы от китайцев. Потом вы встанете в углу внутреннего двора, где в сопровождении охраны Далай Лама будет проходить в свой класс. Проходя там, он, возможно, помашет вам рукой. Но не особо рассчитывайте на это, хотя вероятность существует”.

Я покорно прошёл через металлоискатель и сдал свой рюкзак и фотоаппарат. Я занял своё назначенное место в углу, успокоился и стал созерцать происходящее. Внезапно появился Далай Лама с отрядом охранников, окружающим его. Он поднял взгляд и увидел меня, его глаза загорелись, и его лицо растянулось в широкой улыбке. Он свернул со своей дорожки и подошёл прямо ко мне. Я был в шоке, надеялся хотя бы на то, что он мне подмигнёт, а он буквально подбежал ко мне.

Он взял меня за руку двумя ладонями и посмотрел мне в глаза: “Энтони, добро пожаловать в Индию. Что побудило тебя проделать весь этот путь сюда?”

- Я просто хотел посмотреть страну, - сказал я.

- Индия удивительное место, не правда ли? Расскажите мне о вашей поездке. Чем вы здесь занимались?

Я кратко описал ему свой маршрут.

- Всё это восхитительно, эти запахи и цвета везде, куда бы вы ни шли, не так ли? Где ваш фотоаппарат? Нам с вами нужно сфотографироваться.

- Они всё забрали, когда я вошёл, - сказал я.

- Ради Бога, пойдите и принесите его фотоаппарат, - закричал одному из своих помощников, - О чём вы думаете? Ему нужен фотоаппарат.

Помощник вернулся с моим маленьким не очень хорошим одноразовым фотоаппаратом.

Далай Лама улыбнулся: “Давайте сфотографируемся”. Всё время, что мы разговаривали, он не отпускал мою руку. Это было очень тонкое чувство. Первое время я не замечал этого, но он определённо посылал мне часть своей энергии.

Помощник сфотографировал нас.

“О'кей, а теперь сфотографируй нас в полный рост”, - проинструктировал он.

Мы ещё немного прогулялись, а потом он подарил мне подписанную копию своей последней книги. Также он вручил мне несколько старых тибетских монет и белый шелковый шарф, который благословил.

- Огромное спасибо, что позволили вас навестить, - сказал я, - Если я могу как-нибудь помочь вашему делу, дайте мне знать.

- Да, вы можете кое-что сделать. Если Адам Йоч (Adam Yauch) из Beastie Boys когда-нибудь пригласит вас сыграть на фестивале в пользу Тибета, согласитесь, пожалуйста.

- Если Адам позвонит, мы обязательно будем на сцене, - пообещал я.

- Знаете, я бы хотел остаться и поболтать, но мои старшие тибетские ученики ждут, - сказал он, - Мне нужно идти преподавать им продвинутый курс. Конечно, вы приглашены. Вы не поймёте ни единого слова, но я думаю, что просто присутствие будет для вас приятным опытом. Я попрошу приготовить вам место впереди, чтобы вы могли наблюдать за происходящим.

А потом он ушёл.

“Это так странно, - сказал один из помощников, - Я не могу поверить, что он из всех людей пригласил именно вас на продвинутую Тантру. Чтобы попасть туда, нужно учиться пятьдесят лет”.

Я направился в класс под открытым небом, и меня посадили перед всем происходящим. Класс был наполнен этими сумасшедшими монахами в головных уборах, похожих на римские. Они все медитировали и издавали звуки. Далай Лама сидел на возвышенной платформе, а помощник рядом с ним много говорил и читал. Они начали проходить вокруг серебряного кубка, заполненного протухшим молоком яка. Все старшие монахи сделали по большому обильному глотку этого варева, и подумал: “О, да, дайте и мне немного этого протухшего молока яка”. Один монах передал мне кубок, и я глотнул, но я не был готов к этому. Я думал, что смогу вытерпеть немного этого дерьма со странным вкусом, но это было намного сложнее. Это и было причиной тому, что к этому курсу нужно было готовиться пятьдесят лет. Я покинул класс в первый перерыв, впечатлённый упорством этих монахов. До того, как я уехал в Новую Зеландию и Индию, я предложил Луису (Louis) вместе с Шерри (Sherry) переехать ко мне, потому что Шерри ждала ребёнка. Я думал, что будет хорошо впустить энергию и теплоту семейной жизни в мой относительно необжитой дом. Поэтому, возвращаясь домой, я возвращался к ним и малышке Кэш (Cash). Кэш была удивительный ребёнком, и у нас царила милая семейная атмосфера, мы жарили попкорн и вместе смотрели фильмы.

Но это было задолго до того, как я снова начал принимать наркотики. Когда это началось, мои друзья не понимали этого. Они все думали: “О, теперь после встречи с Далай Ламой он никогда не употребит наркотики снова”. Но всё было совсем не так. Мне не нужно было проделывать весь этот путь в Индию за духовным просвещением. Бытовая, каждодневная духовность обычной жизни была прямо передо мной, она была в каждом укромном уголке и трещине, я мог бы её найти, но принял решение игнорировать.

Я начал ошиваться по мотелям на окраине города, уходя в шести или семидневные загулы. Единственным неудобством теперь было то, что дома у меня была целая семья, которая нервно ждала моего возвращения. В один из таких загулов я крадучись вернулся домой в пять утра, чтобы не разбудить Кэш. Я хотел проскользнуть к себе в спальню, поспать пару дней и оставить все последствия волнения людей на как можно более далёкое будущее, но я увидел, что Шерри сделала для меня маленькую святыню. Она взяла одну из моих фотографий с Да-

лай Ламой и вставила её в маленькую милую гибкую рамку, а рядом поставила миску попкорна. Это практически разбило мне сердце.

В другой раз, когда я тихо вернулся домой поздней ночью, я открыл дверь своей комнаты, и небольшой парень приподнялся на кровати и сказал: “О, Боже, пожалуйста, о, о!”. Это был отец Луиса, который спал в моей постели в моё отсутствие. Мне пришлось вернуться, потому что мне нужно было ещё немного денег, чтобы продолжить мой загул. Когда я взял деньги и начал уходить, Шерри была вне себя.

“Всё. Хватит, сволочь. Ты пойдёшь в реабилитационную клинику. Это сумасшествие”, - сказала она. Я согласился сесть на мотоцикл и поехать в Воздействие, далёкую клинику в Пасадене. Пасадена производит впечатление безопасного, спокойного, обжитого рая, где когда-то зародилась слава Beach Boys. Но Северная Пасадена, где находилась клиника Воздействие, была резким, жёстким образом гетто. Воздействие была известна как последнее место, куда бы вы хотели попасть. Сюда попадали все, кто прошёл через реабилитационные клиники всех тюрем. Это было решительное, бескомпромиссное место, работающее по принципу “стань трезвым или умри”.

Я был в тридцать четвёртой палате и разделял её с тремя другими парнями. На этот раз меня определили на полный, двадцати восьмидневный курс, и я начал бороться со своими демонами. Несмотря на всю работу, которую я проделал там, проблема заключалась в том, что я никогда не хотел постоянно оставаться чистым. Я по миллиметру продвигался вперёд и заставлял себя не хотеть кайфа, но моё желание принять наркотики всё ещё оставалось большей частью моего сознания. Каждый день я проводил, по крайней мере, два часа, думая о том, чтобы уйти, достать немного денег, принять наркотики и потом повторить это снова.

Было ещё хуже, когда я посещал выездные собрания. Так как клиника Воздействие работала по системе качественных достижений, чем больше достижений у вас есть, тем больше льгот вы накопите. Одной из таких льгот было право посещать собрания вне здания клиники. Всякий раз, когда мы набивались в эти маленькие автобусы и ехали на собрания, я смотрел из окна на самые захудалые бары самых захудалых районов и мечтал о том, чтобы войти туда и выпить с завсегдатаями этих кабаков. Что угодно, чтобы вернуться обратно на свою колею.

Когда я, наконец, обосновался там, обычный распорядок дня не был таким уж плохим. Ты просыпаешься, молишься, наводишь порядок в комнате, чтобы не получить негативных отзывов и не заработать дополнительную домашнюю работу. Мои соседи по комнате просто очаровывали меня. Я ужасно сочувствовал парню из Флориды, который был героиновым наркоманом: я видел, что он боролся, но его шансы на восстановление были плохи, притом, что его жена страдала той же зависимостью. Многие другие люди находились уже на третьем своём лечении, и им грозил серьёзный тюремный срок в том случае, если они не справятся со своими проблемами.

После уборки комнаты ты спускаешься в кафетерий, где было довольно весело. Вся еда была жирной, крахмальной и сахарной, самое плохое, что можно себе представить. Но это было сделано, что вернуть вашему телу немного веса. Все

буквально налетали на еду. Там был огромный выбор десертов в любое время дня, включая завтрак. Я не ел там мясо, но постоянно уплетал сладости.

Мой обычный день в клинике Воздействие отличался от других пациентов. По какой-то причине со мной не обращались как с обычным человеком. Все получали работу, косили лужайки или мыли пол, а я меня направляли в продвинутый класс предотвращения рецидива, который отнимал много времени и был довольно интенсивным. В ходе этого курса каждому из нас давали день или два на то, чтобы нарисовать большой календарь последних восьми лет жизни на огромной классной доске. Затем мы рассматривали подробнее главные события и даты, когда случались наши рецидивы, вспоминали, что этому предшествовало, и что было после них. Я был на этих занятиях с двадцатью другими хроническими наркоманами-рецидивистами, и они начали указывать на очевидный факт - всякий раз, когда я заканчивал отношения с какой-либо женщиной, это ускоряло рецидив. Я понимал, что у меня была проблема, что-то в самом процессе ранения чьих-то чувств приближало меня к срыву. Это действительно проявилось после того, как я расстался с Джэйми (Jaime) и начал встречаться с множеством разных девушек. Всё происходило по схеме: встречаться с девушкой месяц, расстаться, наркотический рецидив.

Я пробыл в клинике Воздействие весь прописанный мне срок и проделал всю работу в классе рецидива, включая заполнение бесконечных анкетных листов, что было психологически полезно. Когда ты касаешься листа бумаги ручкой, ты видишь ту сторону своей личной правды, которая не проявляет себя в разговоре или в мыслях. Я любил эти психологические упражнения, потому что на них присутствовала молодая сексуальная девушка, которая недавно начала работать в клинике Воздействие. Я проводил много времени в её офисе. Мы проходили тесты Роршаха (Rorschach), выходили, сидели в тени, я смотрел на чернильные пятна и приводил свои сексуальные ассоциации. Мы оба флиртовали друг с другом. Не было смысла в проведении серьёзной психотерапии, так как меня выписывали меньше чем через четыре недели, поэтому было просто приятно проводить время вместе.

Я выписался из клиники Воздействие и был полностью восстановлен. Я выздоровел и был настроен довольно оптимистично и счастливо относительно моей жизни и группы. Линди (Lyndy) подписал нас на летний тур, поэтому моей целью было приведение себя в нужную для концертов форму. Одним воскресным утром той весной я ехал на мотоцикле на моё любимое собрание, которое проходило в беседке в парке на пересечении Третьего проспекта и улицы Гарднер. Я ехал на приличной скорости, потому мне это нравилось, у меня никогда не было неудач на моём мотоцикле. Я изучил дорожные условия, проверил места возможных пересечений дороги и предположил, что машины могут в неподходящий момент выехать с побочных дорог или стоянок. Я всегда был на чеку и подготавливал себя к таким случаям.

Всё это было в моих мыслях в то время, когда я летел по Гарднер, узкому переулку с машинами, припаркованными по обеим сторонам дороги. Буквально в какое-то мгновение какая-то машина выехала со стоянки и начала делать поворот на сто восемьдесят градусов, фактически пересекая всю улицу. Обычно всегда

есть запасной вариант, даже если он предполагает выезд на тротуар, но тогда не было никакого выхода; этот идиот заблокировал всю улицу, и было абсолютно некуда свернуть. Я использовал оба тормоза, но машина была слишком близко. Столкновение было таким быстрым и сильным, настолько, что мотоцикл проткнул машину. Я слетел с него и упал прямо туда, где водительская дверь соединялась с салоном машины.

Удивительно, что я врезался в машину, совершил кувырок вперёд и приземлился на ноги по другую сторону от машины. Я сохранил равновесие и продолжил бежать, я подумал, что случилось чудо, со мной было всё в порядке. Так я думал до того момента, когда посмотрел на свою руку, это больше не была рука. Кисть была вбита в предплечье, тогда оно у меня было огромное и выпуклое, а кисти не было вообще.

“О, Боже, - подумал я, - Это на самом деле выглядит не так, как нужно”.

Не останавливаясь, чтобы рассмотреть, насколько тяжёлым было моё ранение, я без стука вбежал в ближайший дом. Я сделал пару шагов в гостиную, думая, что сейчас схвачу телефон и позвоню в скорую помощь, но тогда изначальный болевой шок прошёл, и самая худшая боль в моей жизни встряхнула моё тело. Не было времени звать на помощь, я развернулся и побежал обратно на улицу, там я остановил машину, в которых, как оказалось, ехали две женщины, которых я знал. Они ехали на то же собрание, что и я.

Водитель машины, в которую я врезался, хотел выяснить информацию о страховке, но я проигнорировал его и прыгнул на заднее сиденье. Мы мигом приехали в госпиталь Кедр-Синай. Позднее я узнал, что на кисти больше нервных клеток, чем на любой другой части тела, это и объясняло острую боль, но в тот момент я чувствовал, будто мою руку погрузили бутылку с горячей лавой. Я был уверен в том, что уже никогда не верну себе руку.

Через пять минут я уже был в госпитале, и меня отвезли в отделение срочной хирургии. Надежда была только на удачу и удивительного специалиста по рукам доктор Кулбер (Kulber). Но сначала нужно было подготовить меня к операции, что предполагало введение мне большой дозы морфина. Я ничего не почувствовал. Я повернулся к медсестре и сказал: “К сожалению, спустя целую жизнь неправильного поведения, я выработал очень высокий уровень сопротивления веществам, которые содержат наркотики. Вам, вероятно, нужно продолжить и смело дать мне двойную дозу морфина”. Ещё один укол. Ничего. Это даже ни на сколько не уменьшило боль. Этот процесс всё продолжался и продолжался. В итоге, они дали мне семь доз морфина, и только после этого я почувствовал некоторое облегчение.

Боль ушла, и медсёстры начали казаться мне очень привлекательными. Следующий факт, который я помню, это то, что моя рука была на юбке медсестры, а я флиртовал с женщиной врачом. Я был долбаным пациентом из ада, который принял большую дозу морфина, чем кто-либо другой за всю историю госпиталя Кедр-Синай.

Доктору Кулберу понадобилось пять часов, чтобы реконструировать мою руку из этой расплющенной массы костей и ткани. После нескольких дней в госпитале на меня надели специальный гипс, который закрывал всю мою руку до

плеча. Только когда я вернулся домой, я осознал, насколько мы зависимы от наших рук. Даже такая обычная вещь, как потереться, становится проблемой. Мне пришлось тренировать свою левую руку, чтобы делать ей то, что никогда не делал. Я не мог писать, не мог открыть дверь или окно; одеться и завязать шнурки было практически невозможно. По какой-то причине всё это на самом деле не очень расстраивало меня. Я ненавидел то, что мне некомфортно спать, я не мог терпеть мучительную боль, но я знал, что скоро снова смогу пользоваться своей рукой. Так начались многие, многие месяцы терапии для моей руки. Мне повезло, что я нашёл доктора Дорза, специалиста из Бербанка, чья практика заключалась в восстановлении рук. У него был уникальный способ проведения терапии. Вас отводили в комнату с двадцатью другими людьми, у которых были серьёзные травмы рук, и все помогали друг другу. Когда ты видишь людей с худшими травмами, чем твоя, ты благодаришь Бога и решаешь, что справишься с этим. Лечение заняло девять месяцев, но я восстановил большую часть силы этой травмированной руки. Нам пришлось отменить выступления в Аляске и на Гавайях, из-за моего несчастного случая, но потом позвонил Линди и спросил, могли ли мы сыграть на фестивале у горы Фудзияма в конце июля. Мы были хедлайнерами и должны были заработать много денег за один этот концерт, а мы не работали весь тот год. К тому времени мой гипс был снят до локтя, и я понял, что с перевязанной рукой я вполне мог играть. Была только она загвоздка. Когда мы въехали в отель, мы узнали, что огромный тайфун идёт прямо на нас с юга. Предполагалось, что он придёт в нашу местность как раз в то время, когда мы будем на сцене. Утром перед нашим концертом начались дожди. Но у склонов этой горы было восемьдесят тысяч японцев, поэтому мы не имели права не играть. Начали выступать группы, открывавшие концерт, и всё время мы следили за прогнозами погоды, которые наперебой твердили, что здоровяк подходит всё ближе и ближе.

Наконец, пришло время играть. Мы посмотрели на зрителей, все были насквозь промокшими и продрогли до косточек. Уносили людей с приступами гипотермии. Но никто не уходил добровольно. Поэтому мы начали играть, там был небольшой навес, но недостаточный для того, чтобы защитить сцену от дождя с ветром, который был повсюду. Энергия этой бури заводила каждого из нас, и мы начали свой сет. Чед выдавал мощный бит, и Дэйв был готов вступить. За последнее время это был первый раз, когда я был чист несколько месяцев подряд, поэтому я чувствовал себя великолепно. Чем сильнее мы играли, тем сильнее становился ветер. Я помню, как в один момент находился в передней части сцены у микрофона, и ветер был настолько мощным, что я наклонился по направлению к нему, и он меня держал. Потом порывы ветра стали ещё сильнее, и всё начало слетать со сцены. Оборудование всё ещё работало, и мы продолжали играть до тех пор, пока не сверкнула молния. Мы сыграли около восьми песен нашего выступления и к тому времени выполнили свои договорные и моральные обязательства, поэтому мы спасли наши жизни.

Август 1997 года прошёл практически без событий. Я вернулся в Лос-А. и всё ещё жил со своей маленькой расширенной семьёй. Но когда наступил сентябрь, у меня проснулись старые знакомые потребности, и я решил, что пришло время купить немного наркотиков и употребить их всего за один день. Ничто мне

не мешало, потому что Jane's Addiction были в осеннем туре по случаю своего возвращения, и Фли решил выступить в роли их бас-гитариста. Это значило, что у Фли и Дэйва были свои собственные отдельные дела на несколько месяцев, и у меня в руках была куча времени.

Из уважения к малышке Кэш я решил принять наркотики в машине, чтобы не приносить эту энергетику в дом. Я взял всё, что нужно, и поехал в сторону Голливуда, но я был слишком нетерпелив, поэтому свернул в переулок и зажёг косяк. После нескольких затяжек мне снесло крышу, и я решил въехать в какой-нибудь отель, чтобы продолжить свою вакханалию.

Я нашёл забавный милый отель на пересечении Пико и Беверли и подумал, что это вполне сойдёт на одну ночь. Я подошёл к стойке в холе, и работник отеля загорелся: “Мистер Кидис! Эта большая честь для нас, принимать вас в нашем отеле”. Одна ночь вылилась в две, а потом три. В один момент мне даже понадобилось поехать на окраину города, чтобы пополнить свои запасы. Я проспал целый день, проснулся и заказал целую кучу четвертьфунтовых бургеров. Затем весь цикл повторился снова.

День за днём проходил в наркотическом кайфе. Каждый день я звонил в приёмную и говорил, что мои планы изменились, и я останусь, по крайней мере, ещё на сутки. Наркотики, наркотики, наркотики, сон, сон, сон. Проснуться болезненным, измученным, грустным, угнетённым, деморализованным, повреждённым, одиноким, разрушенным; попросить сделать уборку в комнате и немного посмотреть телевизор. Это продолжалось несколько недель. Однажды ночью около одиннадцати я проснулся и обнаружил, что серьёзно подсел на героин. Я немного поел, посмотрел на себя в зеркало и сказал: “Господи, ты просто разбит, братишка. Тебе лучше прямо сейчас спрятаться под горой кокаина и героина”.

Я проверил свои карманы. У меня было немного мелочи, но я не волновался, потому что знал, дома в кармане пиджака у меня было около пяти тысяч. Этого хватит ещё на неделю. Фактически, весь мой шкаф был наполнен снаряжением для принятия наркотиков. Там были куртки с наркотиками, куртки с косяками, куртки со шприцами, куртки с деньгами, куртки со сделанными на полароиде эротическими фотографиями, целая гамма вещей. Мне нужно было быстро пробраться в дом, подбежать к своему шкафу, схватить деньги и разобраться с Шерри и Луисом. Я был одержимым безумцем, поэтому планировал сказать им, чтобы они отвалили, занимались своими делами, а я стану лучше тогда, когда стану. А если нет, то это та цена, которую я придётся заплатить.

Я подъехал к дому, нажал кнопку открытия гаражной двери, заехал внутрь и был охвачен сильнейшим шоком. Гараж был пуст. Не было моих мотоциклов, моей доски для сёрфинга, сумасшедшего зеркала на стене, стеллажа, всё исчезло. Весь бетон был отполирован и безупречно чист. Моё сердце начало бешено биться, и я пытался найти всему этому объяснение. Может быть, они хотели покрасить его, и поэтому всё вынесли. Или, может быть, гараж залило, что-нибудь в этом роде. Но не было похоже на то, что кто-то делал тут уборку. Всё просто исчезло.

Я поднялся по лестнице, резко открыл дверь ключом и приготовился к схватке с Шерри и Луисом. Я вошёл прямо в сумеречную зону, но это был не сон. В доме не было ничего. Ни мебели, ни картин, ни плакатов, ни серебра, ни чайни-

ков и кастрюль, ни тарелок, ни чашек, ни всяких мелочей, ни безделушек, ни разных старых вещей, ни телевизора, ни люстры, ни туалетной бумаги, ни зубной щётки. Это был словно вакуум, Бог спустился и вытянул всё из моего дома.

Я думал, если первый этаж выглядит так, то, что будет, когда я поднимусь на второй, и в шкафе не окажется вещей, и моя куртка с пятью тысячами пропала. Я вбежал по лестнице в спальню. Пусто! Нет кровати. Нет занавесок! Нет стола! Нет подушек! Нет ничего. Побежал в гардероб, просто на всякий случай. Ничего. В доме не было никого и ничего. Нельзя даже немного преувеличить значения слова ничего. Не было ни напёрстка.

Я не помнил того, что несколькими неделями ранее я между делом говорил с риэлтором и сказал ему, что думаю о продаже дома. Я не сказал ему о том, что принял столько героина в этом доме, что даже кровать была под кайфом. Риэлтор сказал, что продажа дома займёт около года. Но он нашёл заинтересованного покупателя, поэтому этот засранец продал мой дом за неделю, и всё моё имущество было собрано и хранилось на складе.

Я был в панике. Была полночь, а у меня была ломка, и не было денег. Вся моя жизнь зависела от того, достану ли я деньги. Я поехал обратно в отель и вспомнил, что в Европе кто-то из нашей команды постоянно брал деньги в долг в приёмной отеля в счёт будущей оплаты номера. В моём отеле в приёмной в ту ночь работала новая девушка. Я попросил у неё пятьсот долларов.

“О, я работаю здесь только два дня. Мне не знакома эта процедура. Вы можете подождать до завтра, когда придёт менеджер?” - сказала она.

“Нет, я не могу, - сказал я, - Фактически, бла, бла, бла, вот, вот, вот, так, так и так. Я всё время так делаю”. Я навешал ей лапши на уши, получил деньги, вышел из отеля и поехал в Олимпик, ночной бильярдный клуб.

Моё пребывание в отеле продолжилось. Я пошёл в офис Американ Экспресс и взял ещё денег, это значило, что у меня будут наркотики. К тому времени я был ходячим скелетом с грязными, мёртвыми, отрешёнными глазами. Я лежал на кровати, смотрел местные новости и увидел репортаж о воссоединительном туре Jane's Addiction. Я почувствовал себя ужасно оттого, что мои друзья где-то играли музыку, а я был один в номере отеля и разрушал себя.

Но я не мог остановиться. Я менял отели и поддерживал свой загул вплоть до своего тридцать пятого дня рождения, когда я поступил на лечение в восстановительную клинику в Вентуре, которая называлась Шаги. Там они взглянули на мои руки и поняли, что я употреблял героин вот уже несколько лет подряд.

“Ни о чём не волнуйтесь. Вы пройдёте четырёхдневный курс мегадетоксикации. Мы будем будить вас, чтобы вы поели, но остальное время вы будете спать. Через неделю вы будете очищены от какой-либо физической зависимости”, - сказали мне.

“Отлично. Где мне расписаться?” - обрадовался я.

Я начал самое насыщенное лечение от наркозависимости, какое только было в моей жизни: клонидиновые пластыри, хлоргидрат, валиум, препараты, расслабляющие мышцы. Мои конечности всё время были ватными, я лежал в постели и не мог контролировать ни руки, ни ноги, как пластилин. После трёх дней сна и еды, я проснулся и подумал: “Я хочу принять наркотики”.

Я всё ещё был измучен детоксикацией и находился, наверное, в сотне миль от окраины города. Моя главная проблема заключалась в том, что я не мог ходить. По закону, они не могли силой удерживать меня в клинике, но они бы ни за что не отдали мне ключи от моей машины. Я встал и с трудом удерживал в комнате равновесие, но мог строить схемы и планы.

“Хорошо, офис, в котором сидит работник клиники, находится в конце коридора, - подумал я, - Если по пути в офис я буду держаться за стену, а когда войду туда, обопрусь о дверной косяк, то, возможно, они подумают, что со мной всё в порядке”. Я прошёл по коридору, держась за стену, вошёл в офис, заставил себя выпрямиться, поблагодарил их за всё и потребовал дать мне ключи. Немного поспорив, они уступили. Но тогда, мне нужно было дождаться момента, когда никто бы на меня не смотрел, чтобы я смог использовать стену в своём нормальном ритме ходьбы.

Всё сработало. Я остановился у банка, взял столько наличности, сколько смог и за рекордное время добрался до окраины города. Я принял наркотики, поселился в мотеле и всю ночь вводил в своё тело столько героина, сколько мог. У меня родился новый великолепный план. Я поеду в Биг Сёр, что намного дальше от Лос.-А., чем Вентура, найду отель и окончательно избавлюсь от героина. Я примчался туда и поселился в отеле Вентура Инн. В первую ночь я принял весь героин, который привёз с собой, чтобы постепенно от него избавиться, просто смёл его весь, как свинья. Так снова началось мучительное испытание избавления от героина. К счастью, когда не было наркотиков, я мог есть, но у меня начался ужасный бессонный период физической и эмоциональной боли. Я начал проходить через нужное мне очищение от героина, подобное которому я не испытывал довольно давно. Я разжигал камин, и мне становилось слишком жарко, я открывал окно и замерзал до смерти. Я не мог накрыть ноги одеялом, потому что оно казалось усыпанным булавками и иголками. Даже подушка причиняла боль шее. После первого дня, администрация отеля отказалась посылать наверх обслуживание номеров, поэтому я был вынужден спуститься вниз в ресторан, либо идти на рынок мимо холма. Все эти прогулки и свежий воздух начали возвращать меня к жизни. Пока я был там, я позвонил своему приятелю детства Джозефу Уолтерсу (Joseph Walters), который жил в Пало Элто и испытывал дикие трудности со своей безумной невестой. Он приехал, мы общались и сочувствовали друг другу несколько дней.

Каким-то образом я узнал, что Jane's Addicton должны были играть в Сан-Франциско, поэтому Джо отвёз меня туда, а потом вернулся домой.

Гай О (Guy O) приехал в город на эти концерты, поэтому мы пошли вместе. Я был в восторге, потому что снова начинал чувствовать себя человеком; плюс, я должен был скоро увидеть своих братьев. Я отправился за сцену, увидел Фли и был очень счастлив встрече, но он не выглядел собой. Он был по-другому одет, его глаза были накрашены, он сменил свою натуру “Фли” на натуру “Jane's Addiction”, я этого не понимал. Я думал, он и в другой группе останется тем же Фли, а не абсолютно новой личностью. Он казался странно отдалённым. Я не знаю, злился ли он на меня за то, что я был ничтожеством, или сам был на своей странной волне. Но я принял то, что он был таким.

Затем в комнату вошёл Дэйв. Я всегда был счастлив увидеть его. Он поприветствовал меня, сказал, что рад меня видеть, и что он сейчас вернётся и поговорит со мной. Но он был под кайфом и тусовался с какой-то девушкой, они пошли принять ещё наркотиков и больше возвращались. Было очень захватывающе смотреть этот концерт, несмотря на то, что было действительно странно видеть Фли в этой группе. Той ночью я пошёл домой с Гаем О, чувствуя себя отделённым от Фли и Дэйва, что было очень иронично, учитывая то, что я не так давно сам отделил себя от них на долгие месяцы. Я понял, что это именно то, что происходит, когда долго с кем-то не разговариваешь, а потом приходишь и ощущаешь, что всё по-другому.

Я надеялся, что эта новая ситуация подойдёт и мне. Тот факт, что ситуация вокруг меня решительно изменилась, а моё поведение осталось неизменным, начало отрицательно сказываться на мне. Я помню один острый момент, когда у меня ещё был дом на голливудских холмах. Я ночью ехал по Бичвуд и принимал наркотики в машине. Я подъехал к знаку стоп, и машина, полная двадцатилетних парней, подъехала и встала рядом со мной. Они посмотрели на меня и крикнули: “Эй, Энтони!” Я был так разбит, что “Эй, Энтони” было последним, что я хотел слышать от фанатов. Я попытался проигнорировать их, но бросил взгляд в их машину. Один из них уставился на меня и сказал: “Это не он”. И они уехали. Конечно, это не мог быть я, потому что Энтони никогда не выглядел как долбаный призрак.

Становилось хуже и хуже. В другой раз, когда я опять разъезжал по мотелям, я остановился на углу на окраине города, и какой-то отчаянный парень сел ко мне машину и сказал, что знает, где можно найти немного наркоты. Он делал это для того, чтобы почувствовать то, что он давал мне шанс получить то, что я хотел. Но мне было всё равно, и мы поехали. В итоге, мы заехали на стоянку одного из тех мотелей с дешёвыми шлюхами на бульваре Сансет. Парень пошёл искать дилера, а я остался ждать в своём фургоне, в этот момент какая-то семья вышла из машины и направилась в свой номер. Должно быть, у них были некоторые финансовые трудности, поэтому они и остановились в таком мотеле. Я обернулся, посмотрел на их машину и увидел на бампере наклейку Chili Peppers. Затем я посмотрел на детей, у них были футболки Chili Peppers. Я был смущён, мне было ужасно стыдно. Я сжался на своём сиденье и опустил заслонку от солнца. Тут была семья, которая гордилась тем, что носит цвета Red Hot, а я был в том же мотеле и пытался купить немного наркотиков у какого-то коварного дилера. Кошмар.

Я на самом деле пытался оставаться чистым, поэтому в конце 1997 года переехал к Гаю О. Но на то рождество я поехал домой, и Блэки познакомил меня с великолепной, красивой девушкой, живущей по соседству. Мы провели вместе несколько отличных недель, но ко времени, когда мне нужно было уезжать из Грэнд Рэпидс, я знал, что мой перерыв закончится. Естественно, в подтверждение моих диаграмм рецидива в клинике Воздействие, несколько недель спустя - и за две недели до того, как мы должны были ехать на Гавайи, чтобы записывать новый альбом - я снова пустился в пушечный, неуправляемый загул.

Я разработал ещё один смешной план. Я решил, что буду принимать наркотики дни напролёт, а затем поеду на Гавайи за неделю до приезда группы, чтобы

ко времени начала записи у меня за плечами была неделя отдыха и выздоровления. Я приплёлся в аэропорт и один полетел на Гавайи. Я поселился в шикарном многоэтажном отеле в Вайкики, у меня оставалось немного наркотиков. Я говорил себе: “О'кей, я приму оставшиеся наркотики, а потом завяжу с этим, и бах, мне станет лучше, здесь, на Гавайях”. Но когда наркотики закончились, я подумал: “О, нет, я пока не готов бросить всё и встретиться лицом к лицу с реальностью”. Я начал ходить по стрип-барам в поисках дилеров. Когда ты втянут в такую наркозависимость, ты теряешь все грани разумного. Позднее той ночью, когда я вкалывал себе наркотики, я преднамеренно сломал иглу на последнем шприце, потому что думал, что взорвусь, если введу в своё тело ещё больше наркотиков. Спустя десять минут, я уже принимал кокаин, это было ужасной идеей. В моём бредовом токсичном состоянии я пытался починить иглу. Но она была изогнута и плохо вводилась, но вены требовали наркотиков, поэтому я вставил иглу в вену и надеялся на лучшее. Но случилось худшее. Игла слетела со шприца и осталась в вене. Я схватил её и держал в ужасе оттого, что игла может пройти по моим венам и проткнуть клапан в моём сердце.

Я был под кайфом, и кровь сочилась из моей руки, теперь мне нужно было схватить иглу через кожу и вытолкнуть её наружу, чтобы не дать ей пуститься по моему кровотоку. Мне удалось достать её, но следующая проблема заключалась в том, что у меня не осталось героина, чтобы усилить кокаиновый эффект. В итоге, я выпил всё содержимое своего минибара. Виски, водка, скотч, вино, одно за другим, я опустошил эти маленькие бутылки и, наконец, упал без сознания. Всегда после этого ты просыпаешься с неприятными воспоминаниями, неприятным телом, и твой дух уменьшен до груды грязного пепла где-то у тебя в заднице. Нужно слиться с музыкой, которая наполняет весь этот прекрасный остров, но нет сил, даже посмотреть в окно. Я оставил занавески задёрнутыми, не вставал с кровати и вызвал в номер обслуживание. Я съёживался от мысли, что каждый день приближает меня ко времени, когда я должен буду сесть на маленький самолёт, полететь в Кауай и увидеть своих друзей, музыкантов моей группы, близких мне людей.

День отъезда пришёл. Я завязал с наркотиками, встал за полтора часа до отлёта, принял душ и побрился. Я вышел в свет первый раз за неделю, всё было таким светлым и ярким, но я справился с этим и сел в самолёт. Я добрался до нашего съёмного дома, и все были там, но наши души были рассоединены. И Дэйв, и я последние недели выбирались из глубокой бездны. Мы оба были чисты, по крайней мере, тогда, и проводили большую часть времени, бегая и поглощая тонны еды. Но, к сожалению, мы очень мало играли. С моим эмоциональным состоянием тоже было не всё в порядке. Я был чист, но моё сердце было разбито, и я не чувствовал себя собой. Нам позвонил наш старый друг Бил Стобо (Bill Stobaugh) и сказал, что Галюциногений, человек, который был моим наставником в графических планах домов, и который позволил мне жить с ним, умер в процессе операции на сердце. Фли улетел на похороны, а я отпросился и не поехал.

Когда мы вернулись со своего непродуктивного пребывания на Гавайях, мы получили ещё одну порцию плохих новостей. Наш менеджер, Линди, решил уйти. Его жена недавно умерла, но он встретил другую женщину, и она убедила его из-

бавиться от этой частицы анархии и уволиться. Похоже, мы двигались назад по коверной линии, и я думаю, что ни она, ни он не видели в нас особого будущего. Его на самом деле не видели и все остальные, включая самих членов группы.

Вернувшись в Лос.-А. Дэйв начинает вместе с Чедом работать над сольным альбомом и снова возвращается к наркотикам. Я оставался чистым со времени пребывания на Гавайях. Когда я пришёл на вечеринку к девушке Дэйва, и он взял пиво, я был удивлён. Он настолько беспечно относился ко всему этому. Мы оба были в одной и той же ситуации, когда один слишком много, а тысячи не достаточно. Мы не могли умеренно употреблять наркотики, и он удостоверился в этом через некоторое время.

Мы вернулись к репетициям и опустились до отвратительной маленькой студии в Голливуде, прямо неподалёку от Аллеи Трансвеститов. Дэйв принимал наркотики, а я нет, и это добавляло напряжённости и без того напряжённой ситуации. Дэйв приходил на репетиции в огромным солнечных очках и больших безумных гибких шляпах эпохи ренессанса. Мы называли их “кокаиновыми шляпами”, потому что нужно было быть хотя бы под кокаиновым кайфом, чтобы даже задуматься о ношении такой шляпы. Дэйв опаздывал, и было невозможно общаться с ним. Когда на нём была “кокаиновая шляпа”, у него был свой план, который заключался в том, чтобы принять наркотики.

Мы пытались играть, но никуда не двигались. Лицо Фли было наполнено разочарованием, а Чед говорил: “Этот чувак на своей волне. Что тут говорить?”. Я чувствовал, что мы должны поговорить с Дэйвом и как-нибудь помочь ему. Бывало, он приходил, забирал меня из отелей и вёз в восстановительные клиники; теперь была моя очередь, поговорить с ним о выздоровлении, чтобы мы могли продолжать дальше.

Мы немного поговорили. Дэйв сидел на усилителе, и разговор всей группы перерос в ссору между нами двумя, что было странно, потому что все мы говорили: “Эй, ты принимаешь наркотики во время репетиций, так дело не пойдёт. Давай поговорим о том, чтобы ты снова завязал с этим”. Он не хотел слушать нас, только посылал всех подальше. Когда он послал меня, я ответил: “Что? Да пошёл ты сам!”. Это не в точности те слова, которые тогда прозвучали, но такова была энергетика, начинавшая накапливаться вокруг нас. Чед и Фли отступили, Дэйв поднялся, чтобы ударить меня, но, когда попытался встать, пошатнулся назад и упал за усилитель, на котором сидел. Это было смешно, но вместе с этим и грустно.

Группа снова оказалась в застое, и я решил поехать в Тайланд. Несколько лет назад мне поставили диагноз гепатит С, даже притом, что у меня не было симптомов, эта болезнь могла проявиться, не будь я бдительным. Я взял с собой травы для очистки печени, много плавал, молился и медитировал, чтобы мое тело стало здоровым. Это действовало. Три недели спустя анализ не обнаружил в моём организме вируса гепатита.

К тому времени был уже апрель. Фли и я решили, что таким образом ничего не получалось, нам нужно было уволить Дэйва. Фли начал говорить с ним, и Дэйв был очень расстроен, а я продолжил разговор. Он был ужасен, потому что Дэйв

был под сильным кайфом. Даже притом, что он знал, что для группы не было другого выхода, озвучивание этой реальности окончательно вывело его.

“Да пошли вы! Как вы можете так со мной поступить, вы, сволочи?” - кричал он.

“Чувак, в такой ситуации группы и так уже нет, - отвечал я, - Когда ты последний раз приходил? Ты записываешь сольный альбом, тебя нет из-за наркотиков. Ты и так не вкладываешься в группу”. Конечно, Чед оставался полностью нейтральным, потому что находился в середине процесса создания того альбома с Дэйвом.

Тем временем, Фли сам походил через свои трудности со здоровьем, боролся с Epstein-Barr, решал проблемы со своей девушкой и с группой. Он был как генерал, который сражался на слишком многих фронтах. Он был действительно подавлен, и вдобавок ко всему, он ещё пытался создать сольный альбом. Поэтому я не был удивлён, когда Фли сказал, что хочет уйти.

“Я думаю, что уже не могу этим заниматься, - сказал он мне. Я знал, что этот момент наступит. Это было так очевидно; группа просто стояла на месте.”

“Я знаю, - ответил я, - Я полагал, что ты скажешь именно это. Я тебя отлично понимаю”.

Затем Фли просто ошарашил меня: “Единственный способ продолжать дальше, это вернуть Джона в группу”.

Это вызвало во мне ответную реакцию: “Почему это вдруг Джон захочет вернуться и играть с нами снова? - спросил я Фли, - Ему наплевать на меня, и всё это время ему было наплевать на всё, что происходит вокруг”.

“У меня есть забавное чувство, что он, возможно, на грани возвращения, своего собственного возвращения в реальный мир”, - сказал мне Фли.

“Это было бы прекрасным чудом”, - подумал я. А вторым чудом было бы то, если бы он хотя бы подумал о том, чтобы снова с нами играть. “Ты с ума сошёл. Джон не будет играть в нашей группе. Мне кажется, нет и малейшей возможности, но если есть, то я открыт для этого”, - сказал я Фли.

Мы с Джоном особо не общались с тех пор, как он ушёл из группы, исключая странные и незапланированные моменты, когда мы сталкивались друг с другом. Даже в такие мгновения, вы могли бы подумать, что нас разделяет много злости, негодования и неприязни, граничащей с ненавистью. Но всякий раз, когда я видел его, ничего такого не было видно.

После ухода Джона я впервые увидел его только через несколько лет. Я слышал все эти ужасающие истории о спуске Джона в наркотический ад. Я знал, что Джонни Депп (Johnny Depp) и Гибби Хэйнс (Gibby Haynes), вокалист Butthole Surfers, даже сняли фильм, запечатлевший запущенное состояние жизни Джона. Если вы смотрели этот фильм, вы знаете, что это был дом человека, у которого в жизни не было абсолютно никаких интересов кроме употребления наркотиков и рисования.

Я также слышал, что Джон давал журналистам интервью, в которых расхваливал героин. Он даже принимал героин во время интервью. Мне было неинтересны эти статьи и этот фильм. В то время я не слушал его сольные альбомы. Я не мог одобрить его образ жизни, потому что, казалось, он убивает себя. Было много

людей, которые прославляли это, хотели поучаствовать и получить бесплатные наркотики. Конечно, его картины и песни, которые он писал, были отличными, но мне не казалось правильным, потворствовать упадку этого эксцентричного человека. Этот парень был моим лучшим другом, а сейчас его зубы выпадали. Я не относился к этому так, как порой относились другие люди: “О, он гений, всё в порядке”. Мне было всё равно, были он гением или долбанным идиотом, он просто сгнивал, и наблюдать за этим было отнюдь не весело.

Я знал, что он уже давно рисует, вдохновлённый Баском и Да Винчи. И когда я услышал о том, что у него будет выставка в Галерее Ноль на бульваре Мелроуз, я решил заглянуть туда за день до события и посмотреть на картины. Я тихо зашёл и осмотрелся, Джон был там, он сам развешивал композиции своих картин. Мы оба были немного поражены. Его волосы были пострижены. Он был под кокаиновым кайфом и курил сигареты Голуа, а у него под глазами были большие чёрные круги. Он был ужасно худым, просто скелет в жилетке, ничего кроме костей, но в нём было много энергии от различных средств и химикатов, поэтому не казалось, что он упадёт в обморок от слабости. Вместо слов “да пошёл ты, я тебя ненавижу, ты сволочь”, мы были счастливы увидеть друг друга. Его картины были тревожными, но красивыми. Было странно, потому что я думал, мы сознательно хотели недолюбливать друг друга больше, чем действительно могли.

В следующий раз, когда я увидел его, он немного ухудшился. Все волновались за его руки, которые все гноились, потому что он никогда не узнавал, как правильно делать укол. Обычно он просто тыкал, ударял и надеялся на лучшее. В итоге, в декабре 1995 года он начал лечиться в восстановительной клинике Бегство, месте, которое я также часто посещал. Это способствовало больше его физическому, а не духовному здоровью. Доктора были всерьёз обеспокоены тем, что у него может развиться гангрена, и он потеряет руку, если не прочистит и не будет ухаживать за своими руками, а он отказывался это делать.

Я позвонил ему и спросил, могу ли я его навестить. Он был не против и попросил меня принести ему немного сигарет и сэндвич пастрами с большим количеством горчицы. Я приехал, он съел сэндвич, а я попытался уговорить его прочистить руки. И снова наше общение было добрым, любящим и заботливым. Это абсолютно противоречило предположения людей, окружавших нас, которые думали, что всё будет по-другому, особенно учитывая прошлую путаницу между нами. Тогда я сам ещё не осознавал, насколько нездоровой была моя собственная динамика отношений с ним до того, как он ушёл из группы. Я никогда не понимал, каким чувствительным он был, и как я мог его ранить. Я не знал, что все шутки, удары, приколы, конфузы и сарказм действительно ранили его чувства и оказали на него длительное влияние.

Уже после ухода Джона Фли сказал мне: “Ты хотя бы имеешь представление, сколько боли ты причинил Джону?”

“О чём ты говоришь? Он и я, мы были лучшими друзьями, мы проводили каждый момент вместе. Мы вместе играли в бильярд, кадрили девушек, ели вместе Lucky Charms. Мы были не разлей вода”, - ответил я.

“Нет, ты много раз ранил чувства Джона, - сказал Фли, - потому что он был для тебя примером, а ты был так жесток с ним”. Это был первый раз, когда я хотя бы узнал, что моя любовь к нему, в итоге, стала для него трудным опытом.

Когда Джон покинул группу, я обижался на него за то, что он поступил не как друг и отказался от нашего музыкального братства. Но всё время, что он был вне группы и проходил через свои мучения, я постоянно молился за него. Из своих собраний я узнал, что одна из причин того, что алкоголики напиваются, заключается в том, что они копят обиды внутри. Один из методов избавления от обид, которому они учат, рекомендует молиться, чтобы он или она получили то, что бы ты сам хотел иметь в жизни: быть любимым, быть успешным, быть здоровым, быть богатым, быть замечательным, быть счастливым, жить со светом и любовью вселенной. Это парадокс, но это действует. Ты сидишь и молишься, чтобы человек, которого ты терпеть не можешь, получил всё, что ты сам хочешь для себя. В один прекрасный день ты понимаешь: “Я уже не отношусь плохо к этому человеку”.

Это было частью причины того, что я молился за Джона. Другой частью было то, что я не хотел, чтобы он умер грустной и несчастной смертью, поэтому я молился за него почти каждый день. Я сидел и говорил: “Кто бы ни был рядом со мной, кто бы ни улавливал эту мысль из моей головы, пожалуйста, присмотрите за Джоном Фрусчанте, потому он нуждается в этом”.

В январе 1998 года Боб Форест (Bob Forest) убедил Джона пойти лечиться в Лос Энсинос, ту самую клинику, работающую старыми методами, в которой тогда находился В. Си. Филдс (W. C. Fields). Джон в то время уже отказался от героина, он курил крэк и пил. Я пошёл навестить его. Казалось, ему нравилось быть там, но как-то по-особенному. Наши беседы были редкими и необычными. Время от времени мы обсуждали песни Nirvana или картины Да Винчи.

В один из моих визитов у нас была одна из таких минималистичных бесед, как вдруг Джон спрыгнул с кровати и взлетел в отличном прыжке а-ля Джеймс Браун (James Brown), образца приблизительно 1968 года. Потом он встал с кровати и снова сел. Я не знаю, что подвигло его на это, но, казалось, он чувствовал свои силы и давал знать, что в нём был огонь, дающий ему энергию взлететь в прыжке Джеймса Брауна, в случае необходимости.

Я был открыт возможности возвращения Джона в группу, даже притом, что это казалось мне весьма отдалённым. После того, как Джон выписался из Лос Энсинос в начале февраля, он снял маленькую квартиру в Сильвер Лэйк. Однажды в апреле, Фли приехал туда, и они вместе послушали записи. А затем Фли неожиданно спросил: “Что ты думаешь о том, чтобы вернуться и играть в группе снова?”

Джон заплакал и сказал: “Ничего в мире не сделает меня счастливее”. Они оба заплакали и крепко обнялись. Затем Фли поехал в Камбоджу, что дало Джону и мне развеять дым и поговорить о проблемах, которые были у нас в прошлом. Мы пошли на Фармерс Маркет, одно из моих любимых мест в Лос.-А., присели и съели вместе немного лососевых тако. Я начал разговор первым: “У тебя есть какая-нибудь проблема в отношениях со мной сейчас?”

“Нет, вообще-то нет, - ответил он, - А у тебя? Ты злишься на меня за что-нибудь?”

“Я думал, что злюсь, но сейчас нет. Я думал, мы должны всё это обсудить, но меня уже больше ничего, связанное с этим, не беспокоит”, - признался я.

“Меня тоже”, - согласился Джон.

Фли ожидал получить сообщение о некоем продолжавшемся весь день обсуждении прошлой враждебности, но никто из нас даже не думал об этом. Главная проблема заключалась в том, что у Джона даже не было собственной гитары. Поэтому мы пошли в Гитарный Центр, и я купил ему отличный старый Стратокастер 1962 года.

Джон был в восторге от идеи возвращения в группу, но он также и боялся, потому что не играл на гитаре очень долгое время. Мы решили сделать его возвращение сдержанным, ничего не имело значения, кроме музыки. Нам было наплевать на контракты на запись альбомов, на то, что наш менеджер ушёл от нас, и на нашу звукозаписывающую компанию, которая потеряла в нас интерес. Ничего из этого не имело значения. Мы просто хотели пойти в гараж и поиграть вместе.

Фли жил в невероятном средиземноморском супердоме в Лос Фелиз, старом здании, известном тем, что там жили многие музыканты, такие как Боб Дилан (Bob Dylan) и Лу Рид (Lou Reed). Мы собрались в гараже Фли, часть которого он переделал в место для репетиций. Чед поставил свои барабаны в углу. У Фли было выражение лица, которое говорило: “О'кей, никаких больших ожиданий. Давайте просто играть музыку”. Мы подключили маленькую и не очень хорошую звуковую систему. Джон выглядел неуверенно, но он включил свою гитару, и мы начали играть. И это были снова мы. Я думаю, что, наверное, я был один, кто так думал, но мне казалось, комната наполнилась небесной музыкой. И целью этой музыки было только увидеть, как всё зазвучит, когда мы снова заиграем вместе.

Для меня этот момент определил то, что будут представлять собой следующие шесть лет нашей совместной жизни. В этот момент, я понял, что всё отлично, что магия между нами вот-вот возникнет снова. Внезапно мы все опять могли слышать, слушать и вместо того, чтобы быть пойманными нашими трудностями и невзгодами, мы снова могли стать участниками нашего великолепного вселенского оркестра.

"Добро пожаловать в Californication"

Несмотря на мой восторг по поводу нашего воссоединения, требовалось достаточно времени, чтобы найти свою волну. Джон был в неважной форме, и духовно, и физически. Я тоже был похож на грудку ржавого мусора, но медленно и уверенно дела шли всё лучше и лучше. В доме у Фли царилась радость. У него были две собаки: мастифф по имени Марсианка и боевой боксёр Лэйкер. Каждый день мы готовили на кухне чай, играли с собаками, а потом шли в гараж и работали. Фли сделал из места для репетиций некое подобие звукозаписывающей студии, поэтому после наших джемов я оставался наедине с новыми записями, чтобы заняться текстами. Хотя Джон скажет вам, что у него ушли годы на то, чтобы восстановить свои силы, мне нравилось то, как Джон играл, когда у него не было никаких технических возможностей. Он опустил строй на гитаре и разработал невероятный минималистский стиль. Каждый день он играл что-то абсолютно захватывающее. У меня был блокнот, заполненный стихами, из которых я очень хотел сделать песни, поэтому кроме репетиций я проводил время с Джоном в его квартире в Сильвер Лэйк. В типичном стиле Джона, там вообще не было мебели, только разные записи, разбирающийся стол, кровать и блэндэр. Он переживал гладкий период своей жизни, поэтому на стенах был гладкий материал, но, кроме того, в квартире, конечно же, были и холодильник и плита. Создавалось впечатление, что там жил Джексон Полок. Мы сидели и курили, курили и работали. Было великолепно то, что один из лучших музыкантов нашего времени был снова телепатически связан со мной. Он давал мне послушать сложный, странный инструментальный музыкальный отрывок, который он записывал всю ночь. А я говорил: "О да, я точно знаю, что я должен здесь сделать". Джон выглядел серьёзно потрепанным жизнью. Он был сбит с ног, но, я думаю, облака развеялись, он увидел всё, через что прошёл и подумал: "Чёрт возьми. Я не могу поверить, что я жив. Я больше не собираюсь так рисковать". Он очень долго не возвращался, и люди, не скрывая, могли сказать ему о том, какой он замечательный. Всегда приятно находиться рядом с кем-то, кто настолько талантлив и с такой страстью относится к жизни и к музыке, и чьё эго ещё не было раздуто другими людьми.

Все отлично проводили время. Всё было так, как будто нам было нечего терять и нечего находить. Нам было всё равно; мы делали музыку ради того, чтобы делать музыку. По сравнению с успехом Blood Sugar, One Hot Minute нельзя было даже поставить рядом, поэтому люди потеряли веру в нас. В индустрии звукозаписи у всех было ощущение, что время нашей группы прошло. Но чем больше мы играли, тем больше сочиняли того, во что верили, и что хотели донести до людей.

Когда мы начали репетировать, погода была очень жаркой, поэтому мы оставляли двери гаража открытыми. Спустя несколько недель работы, я встретил Гвен Стэфани (Gwen Stefani) из No doubt. Она жила по соседству с Фли, через ущелье на противоположной горе. "Я слышу, как вы, парни, каждый день играете, - сказала она, - приходят мои друзья, мы садимся и слушаем. Звучит просто от-

лично!” Было приятно услышать такой комплимент, но я слегка смутился, потому что мы думали, что находились в своём личном мирке, где работали над своими недостатками.

В начале июня мы сделали перерыв в репетициях, чтобы сыграть наш первый после возвращения Джона концерт. Я пообещал Далай Ламе, что мы согласимся на участие в концерте, если нам позвонит Адам Йоч (Adam Yauch), так и произошло. Тибетский Фестиваль Свободы проходил в два дня на стадионе Джона Ф. Кеннеди в Вашингтоне, Округ Колумбия. В вечер накануне этого события мы сыграли концерт-сюрприз в клубе 9:30, просто чтобы проверить свои силы. Пришёл день концерта, всю местность охватила гроза, и в середине фестиваля молния ударила прямо в девушку, что привело к эвакуации всего стадиона и отмене оставшихся выступлений.

В тот вечер состоялось техническое собрание. Менеджмент The Beastie Boys очевидно не рассчитывали на то, что мы хотели выступить во второй день, потому что организаторы сказали, что в связи со вчерашней грозой, выступления некоторых групп придётся отменить. Мы должны были играть последними, поэтому наше выступление также отменили. Я не мог в это поверить. Мы проделали весь этот путь из Калифорнии и были настроены на то, чтобы сыграть наше первое шоу с вернувшимся Джоном перед девяноста тысячами зрителей. К счастью, в тот день концерт должны были закрывать Pearl Jam. Эдди Веддер (Eddie Vedder) проникся нашей проблемой и пригрозил организаторам, что не выйдет на сцену, если нам не дадут часть выделенного для них времени. Это была удивительная поддержка с их стороны, и мы никогда не забываем об этом.

Было ещё светло, когда мы собрались за сценой. Мы образовали круг за сценой в окружении ящиков для усилителей, склонили свои головы и вместе обнялись. Потом мы вышли и отлично отыграли. Зрители на сто процентов поддерживали нас. Это был такой радостный момент, мы были вновь на сцене с Джоном.

На следующий день я обнаружил, что все забыли о бедной девочке, которую ударила молния, поэтому пошёл навестить её в больнице. Она была в кровати, но не спала и показала мне все свои ожоги. Самые сильные были на тех местах, где она носила что-то металлическое, браслет, застёжки бюстгалтера. Но ироничным было то, что в момент удара молнией она говорила по мобильному телефону (наверное, поэтому молния ударила именно в неё), а её фамилия была Сэлфон (Celfon - созвучно с английским переводом слова “мобильный телефон”).

Мы вернулись в Лос.-А., новые песни были быстрыми и жёсткими. Все кроме одной. Это была первая песня, над которой мы с Джоном работали ещё до того, как собрались в гараже Фли. Она называлась Californication. Я написал текст во время своей очищающей поездки в Таиланд, когда мысль о возвращении Джона в группу была ещё абсолютно невообразимой. Когда я плыл в лодке по Андаманскому морю, мелодия крутилась у меня в голове, одна из таких простых мелодических структур, которые так и просят впустить в них слова. Одной из вещей, которые удивили меня в моей поездке по экзотическим местам, таким как морская цыганская деревня в Таиланде и базары Индонезии, была степень проникновения американской культуры во все эти места. Можно было даже встретить футболки с символикой концертов Red Hot Chili Peppers. Однажды я был в Оукленде и встре-

тил на улице безумную женщину, которая говорила что-то о том, что в Китае есть психические шпионы (psychic spies). Эта фраза застряла у меня в голове, и когда я вернулся домой, я начал без остановки писать. Получившиеся стихи стали моими любимыми из всего, что я написал за прошлый год.

Я показал Джону Californication, ему понравились стихи, и он начал писать музыку. Но по какой-то причине, хотя и получалась отличная песня, мы всё же не находили нужный вариант. Мы попробовали десять разных аранжировок и десять разных припевов, но ничего не выходило. Все другие песни просто струились из нас. Спустя несколько недель работы, кто-то начал играть очень необычный для нас рифф, который звучал очень непохоже на то, что мы делали до этого. Как только я услышал его, я понял, что это будет нашей новой песней.

Примерно в то время на психологических собраниях я встретил молодую маму. Она жила в YWCA со своей маленькой дочкой и безуспешно пыталась очиститься от наркотиков. Красота, печаль, трагедия и слава отношений этих матери и дочери, смешанные воедино, вылились в основу этой музыки.

Из **Porcelain**:

Porcelain

*Do you carry the moon in your womb? Someone said that you're fading too soon.
Drifting and floating, and fading away little lune. All day. Little lune*

Porcelain

*Are you wasting away in your skin? Are you missing the love of your kin?
Nodding and melting and fading away*

К концу июня мы сделали около двенадцати песен. Scar Tissue - это ещё одна песня, при которой ваша голова раскрывается и открытый космос впускает в неё все свои элементы. Рик Рубин (Rick Rubin) и я много говорили о сарказме. Рик прочитал где-то, что это вредная форма юмора, которая духовно принижает своих последователей. Раньше мы были настоящими саркастичными засранцами, поэтому сейчас поклялись попробовать быть смешными без использования сарказма как опоры. Я думаю, что кроме этого я думал ещё и о Дэйве Наварро (Dave Navarro), который был Королём Сарказма, быстрее и острее любого среднего хищника.

Все эти идеи витали в воздухе, когда Джон начал играть этот гитарный рифф, я сразу понял, о чём будет эта песня. Это была игривая, жизнерадостная, похожая на птицу феникс, восставшую из пепла, мелодия. Я выбежал со своим карманным записывающим магнитофоном и этой мелодией, играющей на фоне, и начал петь весь припев этой песни. Я никогда не забуду, как смотрел в небо над гаражом, по направлению к парку Гриффит, а там летали птицы, отдалённо похожие на чаек, как у Джонатана Ливингстона (Jonathan Livingston). Я думал так же как эти птицы, чувствовал себя вечно одиноким.

Из **Scar Tissue**:

*Scar tissue that I wish you saw
Sarcastic Mr. Know-it-all
Close your eyes and I'll kiss you 'cause with the birds I'll share this lonely view
With the birds I'll share this lonely view*

*Push me up against the wall
Young Kentucky girl in a push-up bra
Fallin' all over myself
To lick your heart and taste your health 'cause*

*With the birds I'll share this lonely view
Blood loss in a bathroom stall
Southern girl with a scarlet drawl
Wave goodbye to Ma and Pa 'cause with the birds I'll share this lonely view*

Мы закончили ещё одну песню, которая называлась Emit Remmus. На её написание меня частично вдохновила дружба с Мэлани Чисхолм (Melanie Chisholm) из Spice Girls. В то время Spice Girls были просто феноменальным явлением, особенно среди молодых девочек, таких как дочка Фли Клара (Clara). Даже когда я ездил в Новую Зеландию, все девочки там знали тексты песен Spice Girls и их танцевальные движения. Они делали вполне хорошие поп песни, особенно если их исполняли пять разноцветных куколок.

Той весной мне позвонила Нэнси Бэрри (Nancy Barry), которая управляла звукозаписывающей компанией Virgin. Она сказала мне, что Spice Girls собирались прилететь в Лос.-А., и обе Мэлани хотели погулять, развлечься и сделать несколько татуировок. Я был специалистом в области веселья и татуировок, поэтому меня попросили показать им лучшие места в Голливуде. Я договорился со своим другом, чтобы тот не закрывал тату-студию после рабочего дня, и я смог привести их туда. Я подружился с Мэл Си Спорти (Mel C Sporty), и мы продолжали общаться долгие месяцы. Было замечательно, потому что я смог привести Клару на концерт и за кулисы, чтобы она смогла встретиться с этими удивительными персонажами, которым поклонялась весь прошлый год.

Далее перейдём сразу к сентябрю и десятому дню рождения Клары. Фли на протяжении месяцев спорил с ней по поводу музыки, которая должна звучать в их доме. Он хотел слушать Колтрейна (Coltrane), а Клара без остановок крутила Spice Girls. И Фли решил провернуть один трюк на дне её рождения. Он намекнул Кларе на то, что сами Spice Girls могут появиться на празднике. И, конечно, ими стали мы.

Сходства были очевидны. Фли был Бэби Спайс (Baby Spice). Джон был Спорти Спайс (Sporty Spice). Крис Уоррен (Chris Warren), наш барабанный техник, был назначен Скери Спайс (Scary Spice), а я был Пош Спайс (Posh Spice). Слава Богу, Джинджер Спайс (Ginger Spice) уже не было в группе, и нам не пришлось искать актёра на её роль. С помощью ассистента Фли, Шерри Уэстридж (Sherry Westridge), мы получили нужные вещи, парики, и нам сделали правиль-

ный макияж. Каждый из нас изучил личность и язык тела своей Spice Girl, а также их танцевальные движения. У нас даже было несколько репетиций.

Пришёл день праздника, к Кларе пришёл целый клан её десятилетних друзей, каждый из которых жил и умирал по Spice Girls. Все шептались о том, что, возможно, Spice Girls, приедут, потому что Клара виделась с ними на их концерте. Итак, пришло время сюрприза, и мы все были в спальне Фли, дорабатывая последние детали наших нарядов. А все девочки были в гостиной этажом ниже. Заиграла музыка, и маленькие девочки, все словно сошли с ума, крича: “О, Господи”, когда мы спускались вниз по лестнице, и они уловили блеск этих невероятных костюмов. Затем что-то медленно начало проясняться в маленьких головках. “Погодите секунду, это не Spice Girls. Это вообще не девушки, а мужчины, одетые в Spice Girls. Фуууууууууууу!”

Мы спускались вниз, ни на йоту не отклоняясь от своих ролей, и делали отличное шоу. Скери Спайс была просто феноменальна, у Бэби Спайс Фли ужасно сияла щель в зубах, а Джон абсолютно точно скопировал Спорти, работая над персонажем утром, днём и вечером, пока не достиг идеала. Изобразить Пош было легко; она была просто отстранённой, стройной, самовлюблённой девушкой, обожающей покупки. Мы исполняли наши маленькие вокальные соло и танцевали. На мне была очень короткая юбка, потому что Пош носит действительно короткие юбки, но я забыл о том, что я был мужчиной перед детьми. Я не думаю, что кто-либо из них смог оправиться от увиденного, потому что мы не побрили свои ноги.

Теперь, когда стало ясно, что наша четвёрка снова жизнеспособна, пришло время найти менеджмент. Два месяца назад нам было всё равно, есть ли у нас менеджер, потому что ничего не происходило, просто мы с большей, чем когда-либо страстью относились к музыке, которую делали. Несколькими годами ранее Рик Рубин расхваливал достоинства фирмы Q-Прайм Менеджмент. Ей управлял дуэт Питера Менша (Peter Mensch) и Клиффа Бернштайна (Cliff Bernstein), и, по мнению Рика, они были ярчайшими менеджерами в рок-бизнесе, без исключения.

Эти двое ребят прилетели из Нью-Йорка, чтобы встретиться с нами в гостиной Фли. Клифф выглядел намного старше своих лет, потому что его волосы и длинная борода а-ля Волшебник Мерлин были полностью белыми. Он был маленький, тонкий, целеустремлённый и выглядел мистически. Его очки придавали ему супер умный вид. Он был ходячим мозговым центром, органичный человек-компьютер с конкурентной натурой, которая противоречила его внешнему виду. Питер, напротив, был грубой, громкой, неприятной горой мускулов, он был нахальным и отталкивал от себя. Он тоже был очень умным, но в причудливой форме, очень своеобразной. Эти парни были из Нью-Йорка. Они всегда были в музыкальном бизнесе и работали с такими разнообразными исполнителями, как Metallica (кого они продюсировали с самого начала карьеры), AC/DC, Madonna, Courtney Love, the Smashing Pumpkins, Def Leppard и Shania Twain. Уровень профессионализма Клиффа и Питера существенно отличался от того, с которым мы сталкивались до этого. Прошедший год, конечно, не был годом нашего величия, но мы отлично чувствовали, что с возвращением Джона в группу, дела пошли хорошо. У Фли был целый список разных вопросов, например: “Наши записи будут

в ротациях на радио?” Питер отвечал на это, вскрикивая: “Даже не думайте, что мы такие менеджеры, которые будут заботиться о ваших сахарных задницах. Если вы будете в туре где-то в Аляске и забудете свою зимнюю куртку, не звоните, чтобы мы экстренно доставили её вам, а лучше смиритесь с тем, что вам придётся замёрзнуть до смерти”.

Я думал: “О'кей, надо не забыть куртку, когда мы поедem в Аляску”.

В то же время, я был уверен, что они лизали задницу Мадонне, если она просила их об этом; может быть поэтому они и утверждали обратное. Но в комнате была особая химия, мы понравились друг другу и заключили с ними контракт.

Со всей этой новизной мы подумали, что, возможно, пришло время найти нового продюсера. Каждый раз при записи альбома, независимо от того, как хорошо было работать с предыдущим, и, учитывая то, что все знают, что в итоге будут работать с тем же, приходит день, когда кто-то спрашивает: “Будем работать с новым продюсером?” Также мы чувствовали тогда относительно Рика Рубина. Мы рассматривали разные варианты. Мы уже три раза просили Брайана Ино (Brian Eno) продюсировать нас, но он всегда отказывал. Мы попросили его ещё раз, хотя знали, что “нет” было неизбежным. Мы и не догадывались, что он оказывает нам хорошую услугу, постоянно отказывая.

Мы даже думали о Дэвиде Боуи (David Bowie), который хотел поработать с нами, но в итоге прислал вежливое сообщение о том, что у него было слишком много других обязательств, чтобы заняться другим проектом. Другой причиной, почему мы неохотно хотели снова работать с Риком Рибином, было то, что он постоянно занимается шестью проектами одновременно при этом, являясь главным управляющим своей собственной звукозаписывающей компании. Мы думали, что должны найти того, кто занимался бы только нашим проектом. В ходе этого процесса мы связались с Дэниэлом Лануа (Daniel Lanois), который переделал старый кинотеатр в Окснарде (Калифорния) в чудесную, подобную старым, студию звукозаписи. Лануа не мог продюсировать нас, потому что занимался U2, но любезно предложил нам воспользоваться его студией и записать демо-версии одиннадцати песен, которые мы к тому времени сочинили. Мы пришли, настроили оборудование и записали все песни подряд, всё в один день. Это была проникновенная, живая демо-запись, мало чем отличавшаяся от самой первой нашей демо-записи, которую мы записали.

Прошло несколько недель, и мы поговорили с Риком. Он освободил время в своём графике, поэтому мы решили снова работать с ним. Мы как будто пришли в чувства и осознали: “Зачем мы возимся со всеми остальными вариантами?” На следующий день мне позвонил Дэниэл Лануа. “Я послушал ту демо-запись, которую вы сделали на студии, - сказал он, - я передумал, мне было бы интересно поработать с вами, парни. Эти песни реально привлекли моё внимание. Я долгое время не слышал ничего подобного”.

Я искренне оценил его добрые слова, хотя и сказал, что мы уже нашли нужного человека. Несмотря на это, было приятно, что наши собственные ощущения по поводу этих песен, подтвердил такой человек.

До того, как мы начали работать с Риком, парни из Q-Прайм решили устроить для нас незапланированный тур по неизвестным местам в Калифорнии, про-

сто чтобы восстановить концертные силы. Мы играли на самодельной сцене за домом какого-то парня в Чинно, в старом зале во Фресно и в каком-то родео-баре в Рино. Мы даже не распродавали полностью все билеты, пока не приехали в Санта-Барбару. Я помню, что думал: “В апреле дела шли хорошо, а в июне билеты совсем не покупают, но, по крайней мере, мы есть друг у друга”. Мы были полны энтузиазма, красок, можно было почувствовать, что назревало что-то удивительное, но мы всё ещё не могли достичь идеала.

Тем летом я всё ещё жил в доме Гайя Озири (Guy Oseary) и каждый день ходил в гараж Фли. Однажды в августе я внезапно решил снова принять наркотики. Я не срывался со времен пребывания на Гавайях и был чист уже полгода. Но в один день я просто сел на мотоцикл, поехал на окраину города и проделал всё снова. В этом не было смысла, я не получил удовольствия, и проснувшись, чувствовал себя огромной гориллой весом в восемьсот фунтов. Я очнулся в номере отеля и знал, что не должен никому об этом рассказывать. Был конец недели, я собрался и исправно ходил на репетиции всю следующую неделю.

Через неделю я снова повторил всё, только в этот раз не смог повернуть всё с такой же лёгкостью. В итоге, я оказался в отеле в Сан-Диего, в одиночестве и депрессии. Я не знал, что делать, у меня даже не было сил, чтобы уехать оттуда. Вдруг я услышал стук в дверь. Кто, чёрт возьми, это мог быть? Я посмотрел в глазок, там были Джон, Фли и Чед.

Я открыл дверь, и они вошли.

“Мне, правда, жаль”, - сказал я. “Не волнуйся об этом, - сказал Фли, - ты абсолютно разбит. Давай просто пойдём домой, и продолжим работать”. Он был спокойным и не осуждал всё происходящее.

“Энтони, извини меня за всё, что тебе когда-то пришлось пережить из-за меня, - сказал Джон, - я был засранцем. Но, несмотря на всё это, тебе больше нельзя втягиваться во всё это”.

Мы сели в разноцветный клоунский Мерседес Фли, который лишь усиливал нелепость всего, что меня окружало, и отправились на север, обратно в Лос.-А.. Они говорили мне, что нам предстояло записать альбом, но все очень легко к этому относились, и это отношение сбросило огромный камень с моих плеч. Мы остановились, чтобы поесть немного мексиканской кухни, к тому времени мы все уже смеялись, бросались едой и веселились. Когда мы вернулись в Лос.-А., Фли предложил мне пожить у него, на первом этаже в его большой восьмиугольной спальне с коврами леопардовой расцветки. Я переехал, и это был действительно мирный и продуктивный двухмесячный период. Всё это время я только читал, писал, ходил на репетиции группы и проводил время с Кларой, Фли и собаками. Я избавился от всех посторонних сложностей, которые доставляла ночная жизнь, девушки и вечеринки, я просто был в форме и хорошо поработал.

Однажды дома у Фли у меня вдруг появилось желание срезать все свои волосы. У меня тринадцать лет были волосы примерно до пояса, но я ни на секунду не усомнился в своём решении, когда пошёл к своему другу, чтобы срезать всё это. Но всё таки я сохранил волосы и отправил их отцу в Мичиган. У нас с ним была такая солидарность по поводу сохранения волос ещё с начала семидесятых. В вечер, когда я постригся, я пришёл домой поздно, и Фли уже спал. На следую-

щее утро я пошёл в кухню в пижаме. Фли уставился на меня небывало огромными глазами, а потом начал дико смеяться: “О, Боже, я снова в Фэйрфэкс, а нам по шестнадцать лет. Посмотри на себя!”

К тому времени мы переехали из гаража Фли на репетиционную базу Свинг Хаус в Кауенге. Рик Рубин начал приходить к нам, лежал на диване, слушал, как мы играем, и всё время что-то записывал. Мы начали сочинять огромное количество сырого материала: части, куски, песни, половины песен, бриджи, припевы, куплеты, вступления, концовки и сбивки. И снова мы записывали все идеи мелом на доску. Дела с этим альбомом шли так хорошо, что в середине Октября Гай О (Guy O) и я решили поехать в Нью-Йорк. Мы пошли на ланч в Бальтазар в Сохо с ещё двумя друзьями. Когда мы рассаживались, я заметил, что одна девушка, работавшая там, пристально на меня посмотрела. Тогда я был абсолютно одинок и очень открыт тому, что вселенная посылает мне друга, а эта девушка убила меня одним взглядом. Мы сидели за столом, и другие парни не пропускали ни одну юбку, а я заиклился на этой блондинке. В следующий момент эта девушка, которая не была официанткой, медленно и вальяжно, как на модном показе, прошла мимо нашего столика.

“Это та девушка, о которой я вам говорил”, - сказал я остальным, но они не обратили абсолютно никакого внимания. Принесли еду, но мне нужно было поговорить с ней. Я зашёл за барную стойку в служебное помещение, подошёл прямо к ней и сказал: “Привет, меня зовут Энтони”. Прошло лишь пять секунд нашего разговора, как вдруг парень за соседним столиком, которого я видел один раз в восстановительной клинике, когда он навещал своего брата, подбежал, обнял меня и начал рассказывать мне обо всём, чем занимался последние несколько лет. А тем временем, моя девочка ускользала.

“Чувак, сделай мне одолжение. Успокойся и садись на место. Я скоро подойду к тебе”, - сказал я. Наконец, он ушёл. “Что ты делаешь после работы?” - спросил я девушку.

“Проводить время с тобой не входит в мои планы”, - сказала она.

“Как насчёт завтра после работы?” - настаивал я.

Она согласилась. Весь остаток дня я провёл в абсолютном восторге. Я выбросил всех остальных представительниц женского пола из головы и был просто сражён. Той ночью Гай О хотел подцепить девушек, но я отказался: “Нет, не могу, я уже встретил одну”. Потому что остальная часть его поездки была, в общем, испорчена, потому что теперь я был моногамен.

Плохо было то, что через два дня я уезжал, поэтому у меня был один день, чтобы между нами что-то произошло. Я встретил её после работы, и мы пошли поесть суши в близлежащем ресторане. Мне действительно нравилась Йоханна. У неё были кристально-голубые глаза, она выглядела как волшебная фея, была в точности моего роста и обладала сильным чувством собственного достоинства. Плюс, у неё был бешеный стиль, она была крутая и немного сумасшедшая. Когда я смотрел в её глаза, я видел неуловимый дух чего-то, что я уже любил. Я решил, что эта девушка могла бы стать моей.

Мы поели суши, а она немного выпила, но меня это не беспокоило. Потом покурили и прогулялись по Сохо. Я попытался тонко предложить ей провести ночь в моём номере в отеле.

“Ну, в принципе я, согласна, но я не буду трахаться с тобой или что-то ещё”, - сказала Йоханна. Меня это устраивало, и мы пошли в отель, но вдруг остановились у светофора и начали целоваться. Поцелуй был отличным. Это был страстный, развратный, связывающий двух людей поцелуй, и она отлично целовалась.

В моём номере, мы разговаривали часами, узнавая друг друга. Я прочёл ей некоторые вещи из моей книги со стихами, включая плотную песню *Quixotic elixir*. Мы слушали музыку, между нами было много физического контакта, мы были раздеты и трогали друг друга, но она не шутила, когда сказала, что не будет трахаться со мной. На самом деле она дала понять, что, если мы продолжим, то она хотела бы увидеть результаты моего теста на СПИД. Всё это только радовало меня, потому что, кто бы захотел влюбиться в девушку, которая готова переспать с первым встречным? Ещё одним плюсом было то, что она не была фанаткой нашей группы. Ей было двадцать три, она была родом из провинциального городка в штате Нью-Йорк, а в юности представляла собой классическую провинциалку, торчащую от рэйва и экстази.

Следующим утром я полетел домой. Я снова переехал к Гаю О, и разговаривал с Йоханной по мобильному телефону по крайней мере три раза в день. Гай начал организовывать мой тридцать шестой день рождения, а за день до этого спросил меня, хотел ли я пригласить каких-нибудь девушек. Я сказал ему, что кроме Шерри (Sherry) и моей подруги Мэри Форсберг (Mary Forsberg), я хотел бы пригласить только друзей мужского пола и парней из группы.

“Ты уверен? Я могу пригласить кучу горячих девочек”, - предлагал он.

“Единственная девушка, которая мне интересна, это Йоханна. Думаю, я скорее бы сел в самолёт и полетел бы в Нью-Йорк на день, чем устраивал вечеринку, - сказал я, - почему я встречаюсь с девушкой, которая в миллионе милях от меня?”

Наступило первое ноября, и мы собрались в одном причудливом месте на бульваре Беверли. Были сдвинуты несколько столов, и вокруг царила праздничная атмосфера. Я отлично проводил время на своём дне рождения и чувствовал себя хорошо оттого, что уже несколько месяцев не принимал наркотики. Мы обедали и разговаривали, и я посмотрел на Гая, у которого было странное выражение на лице. А когда я повернул голову направо, я увидел, как Йоханна входила в ресторан с ассистентом Гая О. Без моего ведома Гай привёз её на выходные. Йоханна была одета во всё облегающее и в свою нью-йоркскую меховую куртку, её губы и глаза были накрашены, а светлые волосы, голубые глаза и яркая улыбка просто ослепляли меня. Чед, мистер Прикол, повернулся к Гаю и прошептал: “Ты что, привел ему проститутку?”

В первую очередь я взял её за руку и отвёл её в сторону от стола. Я чувствовал, чтобы наладить контакт, нам нужно было несколько минут побыть наедине, без особого внимания сидящих за столом. Как только обед закончился, я отвёз её к Гаю О, собрал свои вещи, и мы сняли номер в Шато Мармон, где я жил несколько месяцев во время записи альбома. Мы провели действительно хорошую

ночь. Йоханна выпила бутылку красного вина и приняла ванну, где я сделал несколько милых фотографий, зеленоватая вода красиво контрастировала с её бледной кожей. Но между нами не было никаких сексуальных отношений. Если бы я знал, что Гай привезёт её, результаты теста на СПИД были бы уже у меня в кармане. Она осталась на два дня, и мы не расставались ни на минуту, узнавая друг друга всё лучше.

Она улетела, и я снова приступил к написанию песен. Я был абсолютно охвачен этой девушкой, и многое из того, что я писал тогда, было вдохновлено этим фактом. У меня был абсолютно новое чувство, которым я наслаждался. Но чем больше я её узнавал, тем больше понимал, что она сама по себе была беспокойной девушкой, которая, несмотря на это, поддерживала спокойствие, мир и надёжность вокруг меня.

Это проявилось, когда в декабре она приехала навестить меня. Даже при том, что я по-прежнему был чист, я не работал над собственным улучшением. Я не занимался программой двенадцати шагов и почти не ходил на собрания. Я был тем, кого называют “непьющий алкоголик”, кто-то, кто раздражителен, беспокоен, недоволен и, хотя технически чист, страдает от тех же самых ужасных симптомов алкоголика. Я всё ещё был одержимым, сосредоточенным на себе, эгоистичным козлом, вместо того, чтобы инстинктивно жить с любовью и заботой. Если бы я работал над своей чистотой, я бы много писал о себе. Это помогает понять своё поведение и начать действовать, чтобы всё не повторилось снова. Я был слишком занят написанием песен, репетициями и записью, чтобы работать над этим, это было неправильно. Единственный шанс, почувствовать пользу этой программы, это поставить работу над чистотой на первый план, и тогда всё в твоей жизни встанет на своё место.

Я был немного растерян, испытывал внутренний дискомфорт, хотя делал много работы в группе. А рядом была эта девушка, которая мне слишком нравилась, поэтому в отношениях я был слишком властным и неуверенным, вместо того, чтобы просто дать событиям развиваться самим. Я пытался слишком много манипулировать, и ситуация становилась напряжённой.

Первую ошибку я совершил, когда потащил её на этот бессмысленный голливудский фестиваль “Огонь и ледяной шар”. Это был показ мод под тентом, наполненным кинозвёздами и пафосом. Не самое лучшее место, куда можно пойти с девушкой, которую не так близко знаешь. Было некомфортно и неуклюже, Голливуд в его глупейшем проявлении, не самое лучшее свидание.

Мы встретились с Гаем О. В ту же минуту, что мы сели в лимузин, Йоханна начала разбираться в минибаре и пить водку рюмку за рюмкой. “Она нервничает, - подумал я, - она не знает этих людей и хочет расслабиться”. Но я заметил, что она без явного удовольствия пила все эти напитки. Мы пришли на вечеринку, и я не чувствовал себя расслабленным. Парни флиртовали с ней, я ревновал, и мне всё это не нравилось. Мы начали отдаляться друг от друга, и в итоге пошли на более маленькую вечеринку с Мадонной и какими-то актёрами на верхний этаж высокого здания на бульваре Сансет.

Там Йоханна начала заказывать тройные коктейли Космополитэн, выпивая их один за другим. К тому времени она перестала разговаривать со мной, потому

что думала, что я настоящий засранец. По мере того, как она опустошала эти напитки, я думал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Я встал и начал прогуливаться по месту вечеринки. А когда я оглянулся посмотреть на стол, её уже не было. Затем я осмотрел комнату и увидел Джека Николсона (Jack Nicholson) и Йохану, сидящую у него на коленях. Они передавали друг другу косяк. Это было абсолютно неприятное зрелище.

Внезапно меня охватил хаос, я очень хотел помочь одной девушке, которая думала, что заработает сердечный приступ, от огромного количества принятого кокаина. Я сказал ей просто пойти домой, выспаться, и всё будет хорошо. Потом я встретил модель, которая крутила роман с Джэйми (Jamie) в ту самую ночь в Нью-Йорке, когда я и познакомился с ней. Она стала виться вокруг меня, и я подумал: “О'кей, что-то может получиться. Мы оба можем играть в эту игру”. Мы сели на диван, и через несколько минут девушка сказала: “Могу я сегодня прийти к тебе в отель, или ты хочешь прийти ко мне домой?”

“Давай пойдём к тебе”, - сказал я. И даже когда эти слова вылетали из моего рта, моё сердце переживало миллион смертей. Я оглянулся и увидел Йохану, сидящую на полу с очень пьяным Хоакином Фениксом (Joaquin Phoenix). Хуже уже ничего нельзя было представить. Через несколько секунд Хоакин подошёл ко мне.

“Я никак не могу понять, что с этой девушкой, - сказал он, - я постоянно спрашиваю её, хочет ли она уйти отсюда, но всё, что она говорит: ”Я пришла сюда с Энтони“. У тебя самого сейчас, похоже, другие планы. Я просто хочу узнать, что со всем этим делать”.

“Она большая девочка и может сама решать, - ответил я, - если она чего-либо захочет, не сдерживай себя. У меня с ней больше нет ничего общего”.

Всё превратилось в ситуацию из мексиканского сериала. Я не хотел уходить с другой девушкой, а Йоханна на самом деле тоже не хотела уходить с кем-то другим. Но к тому времени она уже совсем не стояла на ногах. Поэтому я перекинул её через плечо и отнёс в машину. Я был готов к серьёзному разговору, посмотрел на неё, но она полностью отключилась.

Мне нужно было отнести её в номер. Я уложил её на диван и задернул шторы, она уснула как ребёнок. Тем временем я был словно в эмоциональной мясорубке. Я лёг в кровать, но мой измученный разум не мог успокоиться. Я не спал всю ночь, а только представлял, как Джек Николсон курит косяк с моей девушкой. Отвратительно.

Она проснулась более свежей, чем я. Мы поговорили и решили, что оба были идиотами и в ту ночь проявили ужасную незрелость. Та неделя показала, что только маленький атомный взрыв мог пустить под откос наши отношения. Ведь если мы смогли пережить ту первую ночь, когда она вела себя ужасно, а я просто был засранцем, то легко можем выдержать любой шторм.

Наша группа начала записывать альбом, сессии записи проходили хорошо, и мы взяли рождественский отпуск. Я съездил домой в Мичиган, а потом вернулся в Лос.-А. В канун 1999 года Фли, Джон и я пошли на вечеринку в усадьбу Плэйбоя. На самом деле это было не совсем нашей атмосферой. Было странно находиться в мире миллиона фальшивых грудей. На том этапе карьеры мы не хотели походить на Чарли Шина (Charlie Sheen) или Фрэда Дёрста (Fred Durst). Плюс,

я скучал по Йо. Мы планировали созвониться при наступлении Нового года, но когда я позвонил, что в её голосе звучало неправильно. Она была на пароме в нью-йоркской гавани. Это был человек, который показал мне настоящую любовь, и я делал то же самое, между нами была очевидная духовная связь, но по телефону с ней что-то было не так. Это беспокоило меня.

День рождения Йоханны был в начале января. Так как с записью всё было в порядке, я решил сделать ей сюрприз и приехать в Нью-Йорк. Она жила в Бруклине с сестрой и парнем, у которого в губах было столько пирсинга, что он вполне мог сойти за застёжку-молнию. Я прилетел в Нью-Йорк и въехал в отель Мерсер. Я так хотел сделать ей сюрприз, что ели сдерживался от того, чтобы поехать в Бруклин раньше времени. Чтобы убедиться, дома ли она, я сказал ей, что заказал для неё экзотическое растение, и его доставят к ней домой в тот самый день.

Наконец, я прыгнул в такси поехал в Бруклин. Чем дальше я ехал, тем темнее становились районы. Когда мы приехали, оказалось, что она жила в подвальной квартире в достаточно неблагоприятном районе. Я постучал в дверь, весь в волнении, она открыла мне абсолютно разбитая и в ужасном похмелье. Она чувствовала себя плохо и выглядела также, и, конечно, не светила от радости по случаю моего незапланированного приезда. Она впустила меня и снова легла в кровать, я бросился к ней. Мы занялись любовью, но это было отнюдь не волшебным ощущением.

Потом мы вместе пошли в душ. Я посмотрел вниз, увидел её руки, и моё сердце содрогнулось. У неё были сумасшедшие чёрно-синие следы от уколов. Я знал, что она пила и раньше была рэйвером, но я ничего не знал о том, что она употребляла кокаин и от случая к случаю не отказывалась от героина. Я был опустошён, не потому что разочаровался в ней, а оттого, что понял, что человек, в которого я влюблён, больной наркоман. И её душа, возможно, обречена на несчастную жизнь, состоящую из поиска наркотиков и постоянного разбитого состояния. Йоханна увидела выражение моих глаз и была опечалена тем, что её раскрыли. Она прекрасно понимала, что никакой парень с трезвым рассудком не станет встречаться с девушкой, которая сидела на кокаине.

Я был один на один со своими чувствами. Всё было прекрасно понятно. Я точно знал, что именно чувствовал, я не был запутан, омрачён или поставлен в тупик. Я понимал, что ни одно из моих чувств не ослабло, но, возможно, мне придётся потерять того, кого я по-настоящему люблю. Я не хотел убегать от Йоханны, но знал, что наркотическая зависимость была настолько сильной, что я должен был, если понадобится, отпустить от себя человека, в которого совсем недавно влюбился.

Мы пошли прогуляться по Бруклину, и остановились выпить кофе. В тот день ей исполнилось двадцать четыре, и она выглядела очень нездорово с впалыми налитыми кровью глазами и болезненной бледностью.

“Значит между нами всё кончено?” - спросила она меня.

“Я так не думаю, - ответил я, - я всё ещё люблю тебя. Я не знаю, возможно ли нам быть вместе, но я не брошу тебя из-за этого”.

Я думаю, она была тронута этими словами. Затем мы поехали на Манхэттэн, и я подарил ей некоторые подарки. Следующей ночью мне нужно было лететь

домой. Когда я уезжал, я пожелал ей удачи и сказал, что надеюсь, она найдёт способ разобраться со своей проблемой. Я вернулся в Голливуд работать. Ничего не говоря мне, Йоханна начала ходить на собрания и постепенно очищаться.

А в студии дела шли хорошо, но одна песня, очень важная для меня, была менее важна для остальных. Это была Californication. Всякий раз, когда я предлагал её, все говорили: “Мы записали двадцать пять других песен. Нам не нужна ещё одна”.

“Нет, нам нужна именно эта, - убеждал я, - это основа всего альбома. Это лучшие стихи, которые я написал за последнее время. Нужно её записать”. Я не отступал. Я продолжал говорить Джону, что нужно её закончить. Тем временем, время записи подходило к концу, у нас оставалось всего несколько дней на запись основных треков. В последние минуты записи Джон ворвался в студию с новой гитарой за тридцать тысяч долларов, полуакустической White Falcon. Он сказал: “Есть! Я доделал Californication!” Он сел и сыграл эту невероятно редкую, но одновременно с этим запоминающуюся комбинацию нот. Это отличалось от нашего подхода к песням, и я не ощущал в ней вокальной мелодии. Затем он начал петь, и это было пределом моих высоких частот, но я справился. Он показал песню Фли и Чеду, мы сыграли её пару раз и записали. Осознание того, что эта песня не попала в мусорную корзину, как Quixotic elixir и некоторые другие, с которыми у меня были связаны большие надежды, дарило сильное чувство облегчения и вознаграждения.

Californication:

*Psychic spies from China
Try to steal your mind's elation
Little girls from Sweden
Dream of silver screen quotations*

*And if you want these kind of dreams
It's Californication
It's the edge of the world
And all of Western civilization*

*The sun may rise in the East
At least it settles in the final location
It's understood that Hollywood
Sells Californication*

*Pay your surgeon very well to break the spell of aging
Celebrity skin is this your chin or is that war you're waging
Firstborn unicorn hard core soft porn
Dream of Californication, dream of Californication*

Marry me girl be my fairy to the world

*Be my very own constellation
A teenage bride with a baby inside
Getting high on information*

*And buy me a star on the boulevard
It's Californication
Space may be the final frontier
But it's made in a Hollywood basement*

*Cobain can you hear the spheres
Singing songs off station to station
And Alderon's not far away
It's Californication*

*Born and raised by those who praise control of population
Everybody's been there and I don't mean on vacation
Firstborn unicorn hard core soft porn
Dream of Californkation, dream of Californication*

*Destruction leads to a very rough road but it also breeds creation
And earthquakes are to a girl's guitar they're just another good vibration
And tidal waves couldn't save the world from Californication
Pay your surgeon very well to break the spell of aging
Sicker than the rest there is no test but this is what you're craving
Firstborn unicorn hard core soft porn
Dream of Californication, dream of Californication*

Одной из причин, почему я всё-таки смог спеть Californication, было то, что брал вокальные уроки у удивительного преподавателя Рона Андерсона (Ron Anderson). В разное время я пробовал заниматься со многими учителями вокала. Перед Mother's milk, меня учила вокалу сумасшедшая блондинка из Австрии, которая была известна тем, что работала с Экселем Роузом (Axl Rose) перед альбомом Appetite for destruction. Весь её метод заключался в том, чтобы стоять на одном месте и определённым образом нажимать на свой живот. Это мне не очень нравилось, потому что я постоянно прыгал и бегал по сцене.

В период Blood Sugar, я взял несколько уроков у преподавателя Майкла Джексона (Michael Jackson), но он мне не понравился, и я бросил после двух занятий. Для One Hot Minute я занимался с приятным парнем, который играл на пианино и пел в барах за чаевые. Я не знаю, улучшил ли я свои вокальные возможности, но было очень весело. Вместо пения гамм, мы брали одну из сотен его книг с нотами и пели песни Beatles. Затем я нашёл Рона Андерсона, который был классическим преподавателем и обладал оперным голосом. Было отнюдь не весело, сидеть и петь гаммы, но я ощущал мгновенные результаты и гораздо лучше контролировал свой голос. Я работал с ним каждый день, во время записи альбома, который мы, в конечном счёте, назвали Californication. Моей самой большой

ошибкой было то, что я не продолжил работать в его стиле, поэтому часто терял голос, когда был в туре. Это достигло своего предела, когда мы приехали в Нью-Йорк. Поэтому Рону тоже пришлось прилететь и работать со мной весь день, в итоге, я чувствовал себя вполне хорошо для концерта. Он посоветовал мне строгий режим разогревающих упражнений для голоса, которые я неукоснительно делаю и по сей день.

Мы все были по-хорошему взволнованы, когда закончили работу над альбомом. Мы чувствовали себя лесом, сгоревшим дотла, но в котором из пепла выросли новые деревья. Фли всё ещё находился в своём эмоциональном водовороте, но Джон, я и даже Чед также прошли через свои трудности, поэтому между всеми нами была реальная связь. Нас действительно объединяло то, что работа была успешно завершена. Пройдя через всё это, мы многое осознали по-новому. Не нужно быть такой же сухой, какой ты был раньше, не нужно быть таким же ужасным эгоистом, не нужно думать, что мир тебе что-то должен, не нужно быть парнем, который постоянно думает: “дайте мне моё?” Это так называемое “моё” состоит в том, что я жив, у меня есть возможность делать музыку с теми людьми, с которыми я обожаю это делать. Одной из самых удивительных особенностей той эпохи в жизни группы, было то, что мы относились ко всему с таким же энтузиазмом, с каким начинали играть, если не больше. И когда мы начали запись, нам очень сильно помогал этот энтузиазм.

Мы свели альбом, люди начали приходить, чтобы послушать его, и мы были очень рады их реакции. На домашнем фронте дела также шли хорошо. Я постоянно ездил в Нью-Йорк навещать Йоханну, которая теперь была Чистой Девочкой. Она захотела вернуться к учёбе, поэтому я устроил её в Институт Технологии Моды, и она хорошо справлялась. Её глаза снова светились, и в наших отношениях всё было замечательно. Единственная неприятная ситуация, в которую попала группа, случилась, когда мы дали послушать готовый альбом нашим менеджерам. Клифф и Питер прилетели в Лос.-А., пришли в студию, послушали, и их абсолютно не впечатлило, мы не могли поверить в это. Мы поставили им Scar tissue, Otherside и Californication, а они сидели и говорили: “О'кей. С этой мы могли бы поработать. Не знаю, как насчёт другой. Это не самое лучшее, но мы могли бы попробовать выжать максимум”. Они всё ещё ведут себя так, всё ещё недооценивают вещи. Нам показалось почти смешным, что они пользуются плодами нашего труда с такой сдержанной реакцией. Мы не волновались об этом. Мы верили в этот альбом, любили его и хотели донести его до людей, но то, как его примут, было менее важно для нас, чем то, что мы просто были довольны тем, что сделали.

Клифф решил, что лучше будет начать со Scar tissue, выпустить сингл и снять первый клип. Мы решили сделать небольшой тур, чтобы заявить о выходе альбоме. Так он был выпущен в июне, мой друг Крис Рок (Chris Rock) предложил нам сыграть концерты на выпускных балах в окрестных школах. Это навело меня на воспоминания о своей учебе средней школе и том, как здорово было смотреть на группы, которые приезжали поиграть. Поэтому мы решили устроить несколько бесплатных концертов для учеников средних школ. Мы ощущали важность концертов больше, чем когда-либо, поэтому решили предложить ученикам написать

эссе, о том, как сделать школу лучшим, более безопасным и весёлым местом, чтобы они не боялись ходить в школу. Если ты писал эссе, то получал бесплатный билет на концерт. Мы начали концерты в мае, и они были просто волшебными, потому что были маленькими, и на них приходили ребята, которые очень хотели прийти и потратили время на написание сочинений. От них исходило столько любви, о лучшем приеме мы и не мечтали. Мы узнали, что альбом достаточно популярен в Европе, когда в июне поехали туда на серию пресс-конференций. Когда мы были в Италии, мы с Джоном ехали на заднем сидении Мерседеса, с открытыми окнами. Двое итальянских парней на скутере подъехали прямо к нам. Они заглянули в машину и начали кричать: “Эй, калифорникейшн, калифорникейшн!”, а затем начали петь Scar tissue. Альбом вышел пять дней назад. Куда бы мы не пошли, в каждом магазине играл наш альбом. Италия загорелась. Постепенно рейтинги продаж от небольших выросли до такого уровня, что в том году в Италии наш альбом покупали больше, чем другие. Как получается так, что вся страна влюбляется в вас за один день? В июле мы отыграли несколько огромных шоу. За недолгое время с момента выхода альбома, он успел наделать в мире много шума. Наш альбом принимало большее количество людей и гораздо теплее, чем мы ожидали. В ходе нашего тура нам предложили закрывать Вудсток '99. Это было отлично, потому что за день до выступления мы играли ещё один концерт под открытым небом на улице Юнж в Торонто. Это концерт должен был быть не очень людным, но получилось так, что на него собрался весь город. Огромное количество людей заполнило улицу, каждое здание и крышу. Это ещё раз доказывало, что мир с нами, и мы снова пробудили фанатов Red Hot от их долговременного сна. Они все оторвались от своих дел, чтобы отрываться с нами, слушая наш альбом.

На следующий день мы поехали на Вудсток. Мы планировали прилететь, пересесть на автобус, добраться до места концерта за час до выступления, сконцентрироваться, отыграть и как можно быстрее смотаться до того, как начнётся массовое перемещение людей. До того, как мы приехали туда, нам сообщили, что этот фестиваль не был очень хорошо организован, и толпа выходила из-под контроля. Когда мы добрались до этой старой военной базы на окраине Нью-Йорка, стало ясно, что всё происходящее уже не имело ничего общего с Вудстоком. Это не было символом мира и любви, а олицетворяло жадность и пользовательское отношение ко всему. Маленький голубь с цветком в клюве говорил: “Насколько много денег мы можем содрать с этих ребят за футболки, чтобы это сошло нам с рук?”

Мы пришли за кулисы и сразу же предались нашим ритуалам: физическим упражнениям, растяжке, медитации, разминке пальцев и вокальным упражнениям. Было около семи, а значит, нам предстояло выйти на сцену залитую красками яркого и драматичного провинциального нью-йоркского заката. Никто не сообщил нам, что люди в толпе подвергались нападениям, изнасилованиям и чему-либо в этом роде. Нам казалось, это просто ещё один большой рок-фестиваль, без особых проявлений зла.

Наше священное время подготовки прервала сестра Джимми Хендрикса (Jimi Hendrix), которая очень попросила нас сыграть песню её брата. Казалось, что звёздный трибьют Хендриксу прошёл неудачно, и она с ужасом думала о том, что

Вудсток забудет его. Мы уже давно не играли песен Хендрикса, поэтому сначала хотели отказаться. Но она продолжала говорить, насколько это важно для неё, и за десять минут до выхода на сцену мы решили сыграть Fire.

Я повторил текст, а Джон подобрал аккорды. Прямо перед самым выходом на сцену Фли подошёл ко мне и сказал: “Я хочу отыграть концерт голым. Что ты думаешь об этом?”

- Если это то, чего ты хочешь, то даже и не сомневайся. Давай, брат, иди и сделай это, - ответил я.

Тогда быть голым казалось ему естественным, и никто не считал это ненормальным. Мы отыграли энергичный и динамичный концерт.

Когда наступил вечер, мы увидели этот гигантский столб огня среди зрителей. Мы были на сотнях фестивалей, где разжигались костры, поэтому это не выглядело чем-то необычным. Когда мы вышли на бис, мы начали играть Fire, не потому что вокруг бушевали пожары, а в одолжение бедной сестре Джимми. Мы отлично сыграли эту песню. Затем мы ушли со сцены, приехали в аэропорт, сели на самолёт, приземлились в Манхэттэне и поселились в нашем здешнем втором доме, отеле Мерсер. Была только полночь, а все вокруг уже шумели о бунтах, беспорядках и пожарах развернувшихся на Вудстоке. Было так странно, потому что нам это казалось нормальным рок-н-рольным шоу.

Но на следующее утро во всех газетах и на радио мы подверглись жёсткой критике за то, что подстрекали толпу, играя Fire. Мы игнорировали эти нелепые обвинения, но промоутеры фестиваля на самом деле были засранцами и не создали дружественную атмосферу. Мы должны были уделить этому большее внимание и не быть настолько изолированными от ситуации, в которую попали фанаты. Я думаю, было безответственным просто выйти, сыграть и уйти, не обращая внимания на некоторые детали, сопровождавшие шоу.

Теперь пришло время лететь с концертами в Европу. Менеджмент Q-Прайм идеологически основывался на турах. Основой их философии было то, что, выпустив альбом, было необходимо десять раз объехать мир, чтобы поддержать его успех. Мы привыкли ездить, но не так много. Чем дольше ты в группе, чем чаще ездил в туры, тем сложнее сказать: “Я поеду в тур на два года, буду каждую ночь спать в новой постели, буду проводить время в автобусах, поездах, машинах, такси, приезжая, уезжая, туда, сюда, без нормальной еды, сна, не видя своих близких”. У Фли была маленькая дочь, что ещё более усложняло ситуацию. Но Q-Прайм были настроены на это, и мы давно не путешествовали, поэтому мы больше хотели отправиться в тур, чем когда-либо в прошлом или будущем.

Мы начали с бесплатного концерта в Москве четырнадцатого августа 1999 года. Как часть пробуждения российской гласности, они организовали канал MTV, и мы должны были выступить на огромном концерте в честь его открытия. Первой проблемой было то, что пришлось успокаивать Джона, который думал, что нас могут похитить. Наряду с Колумбией Россия стала мировой столицей похищений. После того, как нам гарантировали личную безопасность и предоставили охрану, мы согласились выступить.

Вы, наверное, думаете, что Москвой, самым большим городом России, отлично управляют, пусть даже и в военном стиле, но это было не так. Не было аб-

солютно никакого порядка, и беспорядки были нормой. Копы, военные, персонал аэропорта, все хотели заполучить наши рубли. Это был первый раз в России для каждого из нас, и мы действительно чувствовали себя там немного небезопасно. Мы остановились в отеле Кемпински, безвкусном, позолоченном, мраморном оазисе среди поразительно бедной экономики. Всё в Москве было серым, серым, серым. Небо было серым, здания были серыми, улицы были серыми, кусты были серыми. Тяжёлое облако сталинской серьёзности душило это место.

Нам понадобилось несколько дней, чтобы расслабиться и посмотреть город. За день до концерта, по какому-то ужасному удару судьбы, моя спина ужасно болела, искривлялась, скручивалась, её ломило и резало. Я встретился с физиотерапевтом, но это не помогло. Из окна отеля я мог видеть огромную сцену, которую они построили, меня ужасала перспектива играть перед всей Россией и MTV с больной спиной.

В день концерта Красная площадь была настолько заполнена русскими зрителями, что нам понадобился полицейский эскорт, чтобы добраться до сцены. Ко времени нашего выхода спина всё ещё беспокоила меня, хотя было лучше, чем вчера. Несмотря на это, я смог выпрямиться и спеть все песни. Никакого драйва, у меня не было возможности петь и танцевать в своей манере, но мы выступили так хорошо, как только могли. Затем мы уехали из России, и по пути в аэропорт полиция то и дело пыталась заполучить наши деньги. Финальной каплей неуважения было то, что из Чеда вытрясли абсолютно все его деньги перед посадкой на самолёт.

Мне никогда особо не нравилась Австрия, в основном из-за того, что люди, которых я там встречал, были высокомерными и напыщенными. Но когда вышли из самолёта в Вене после недели, проведённой в России, это было похоже на ощущения ребёнка, впервые попавшего в Диснейлэнд. Вышло солнце, развеялись тучи, можно было чувствовать аромат цветов, на верхушках гор лежал снег, это был просто рай. Несмотря на это, в оставшейся части европейского тура я не был на пике формы. Очень сложно поддерживать близкие отношения, когда ты в Европе, а твоя девушка в Америке, и вы оба относительно недавно очистились и не успели ещё уладить проблемы, связанные с самоконтролем, ревностью, ненадёжностью и зависимостью. Было много эмоциональных кризисов.

Было трудно отсутствовать целый месяц, и быть так далеко, что разница во времени становилась огромным препятствием. Ты хочешь общаться, но нет возможности, а дни идут. Ты злишься, пытаешься звонить ей, не застаёшь её, а когда, наконец, дозваниваешься, то узнаёшь, что она занималась какой-то глупостью вместо того, чтобы ждать твоего звонка, но она перебивает тебя и становится подозрительной: “Чей это женский голос там на фоне?” “О, это моя массажистка, друг или кто-то ещё, неважно”, - отвечаешь ты. Я плохо вёл такие разговоры, и Йоханна не лучше, мы оба были одинаково упрямы. Эти ситуации всегда требовали долгого урегулирования, и мы ждали, пока я не вернусь домой.

С группой мы отдали абсолютно все силы нашему туру. Йоханна окончила институт, и мы решили, что ей лучше переехать в Лос.-А., а значило то, что мне нужно было найти место для жилья. Я всегда мечтал о великолепном старом здании в Западном Голливуде, которое называлось Колониальным Домом и распола-

галось в двух шагах от Шато Мармон. Когда Дженнифер Лопес (Jennifer Lopez) выехала из пентхауса, я тут же занял его. Йоханна переехала в Лос.-А. в 1999 году. Она могла пользоваться моим отличным новым Кадиллаком Эспланадэ, оплатила все свои расходы, но у неё не было работы, и было мало знакомых, а я в ближайшее время должен был снова уезжать в Европу.

По пути в Европу, мы заехали в Нью-Йорк, чтобы сыграть для победителей радио конкурса в рамках программы Окна в мир в Мировом Торговом Центре. Шоу было очень живым и энергичным, но звуковая аппаратура была ужасающая". Я слышал только барабаны и гитару, на протяжении всего концерта вокала абсолютно не было слышно. В итоге я постоянно кричал и сорвал голос, что было очень некстати.

Мы полетели в Финляндию и начали колесить по Европе. Когда мы добрались до Испании, Йоханна решила присоединиться к нам в последнюю неделю тура. Я любил эту девушку, был счастлив видеть её, счастлив, что она была в моей кровати, в моих руках, но с ней, так же как и со мной, было сложно общаться дни напролёт. Она так и смогла понять то, что большинство наших фанатов были девушками, и по какой-то причине винила во всём меня. Случалось, что после концертов, на которых она присутствовала, нам нужно было дойти от стадиона до машины, и люди постоянно в восторге подбегали ко мне. Часто это были девушки, они кричали: "Я люблю тебя, я люблю тебя, я хочу быть с тобой, пожалуйста, обними меня". Я не видел причины, по которой должен был плохо относиться к этим людям и объяснять им: "У меня есть девушка, вы не должны выражать мне такие чувства". Их безумные желания всего лишь иллюзия. Я только и говорил: "Большое спасибо, привет, пока, хранит вас Бог, наслаждайтесь вечером, удачи". И если со мной было Йоханна, она говорила: "Нет, ты не должен позволять этим девушкам подходить к тебе и говорить такие вещи. Они должны знать, что я твоя девушка".

Между мной и Йо был этот исторический антагонизм. Мы противоречили друг другу, и когда были вместе и когда были порознь. Так было потому, что мы оба хотели друг от друга постоянной любви и внимания, а это эгоистично и плохо для отношений. Мы были в эмоциональном безумии, и это лучшее, чего мы могли добиться в то время.

Мы играли в Барселоне, и Чед познакомился с одной барселонской красоткой, которая была очень милой. Она пришла за сцену, и когда Чед представил её, я встал, по-европейски поприветствовал её поцелуем, предложил ей присесть и чего-нибудь перекусить. Это, конечно, привело в бешенство Йоханну.

Когда девушка уходила, я посмотрел на неё и сказал: "Пока, красотка".

"'Красотка'? Ты только что назвал её 'красоткой'? - завелась Йоханна, - а, теперь она твоя 'красотка'?"

Несмотря на то, что она отвратительно себя вела, я был рядом с ней, потому что на следующий день я тоже мог сказать: "Ты сказала 'пока, красавчик' этому парню?"

Ко времени нашего приезда в Мадрид, всё слетело с катушек. Мы начали ещё один бесполезный и упрямый спор, что-то похожее на фильм "Я люблю Люси", но без счастливого конца. Мы остановились в красивом номере люкс мадрид-

ского отеля, безумно влюблённые друг в друга, у нас был весёлый и успешный тур по Испании, но мы всё-таки начали ссориться из-за глупейшей вещи на земле. И мы продолжили этот спор в лифте, когда спускались, в вестибюле и в автобусе, который вёз нас к самолёту.

К сожалению, это не закончилось и в Лиссабоне. Затем мы прилетели домой и начали ссориться там. Мне очень нравилось жить в этом крутом пентхаусе с ней, но это никогда не было лёгкой прогулкой. Мы оба долгое время были ужасными долбаными наркоманами, потому никак не могли вырасти из своего детского поведения. Нам, должно быть, нравился драматизм и постоянная суматоха ссор и примирений, повторявшихся снова и снова. Это было просто безумие.

Я знал, что очень люблю эту девушку. Мне не были интересны другие. Единственным моим интересом было наблюдать, как она идёт на поправку, и заботиться о ней, что, в итоге, обернулось одной из проблем. Я заботился о ней слишком много, и она постоянно думала: “О, хорошо. Энтони сделает это для меня”. Я платил за всё, что ей было нужно, я пытался найти ей работу, я пробовал найти ей подругу, спонсора, всегда делал всё для неё. Но когда она стала всегда ждать такого отношения, я сказал: “К чёрту всё. Не ожидай от меня всего на свете. Заработай себе место под солнцем, заработай уважение, просто занимайся тем, чем можешь”. Она была в ужасном положении, потому что, вероятно, обижалась на меня за то, что я дал ей всё, а потом объяснил, что она должна сама добиться чего-то в жизни. Это была взаимно проигрышная ситуация, я тяжело переживал всё это.

Каждый день я финансировал её начинающий модельный бизнес, и это стало проблемным этапом её самоутверждения. Когда я увидел её творения, я подумал: “Эти вещи просто удивительные. У неё сумасшедший стиль”. Я созвонился со своими менеджерами в Нью-Йорке и сказал: “Мне нужны координаты всех ведущих магазинов одежды”. Но Йоханна никогда не была довольной, благодарной, и ей было некомфортно. Она всегда ходила по краю и была чем-то недовольна. В то время я также не находил себе места в жизни. Я так долго был вне своего нормального жизненного цикла, что не знал, как реагировать на обычные жизненные ситуации, сохраняя чистоту разума.

В тот период также были и радостные моменты. Наша сексуальная жизнь начиналась довольно медленно, но со временем она приобрела духовную притягательность, когда мы, наконец, изучили тела друг друга. У неё была такая особая сексуальность, с какой я раньше не сталкивался. Не было сомнения, что мы любили друг друга, но мы оба были взрывоопасными личностями.

В тот год в Рождество мы посетили и моих и её родителей. Это был раз, когда мои родители увидели её. Забавно, все мои друзья мужского пола боялись Блэки (Blackie). Когда они познакомились с ним, то пытались пожать ему руку, а он просто смотрел им на руки и уходил. Но он никогда не вёл себя так с моими девушками. Он всегда был удивительно добрым и дружелюбным с любой девушкой, которую я встречал в жизни. Он с нетерпением ждал встречи с Йоханной, чтобы вместе посмотреть семейный альбом с фотографиями. Но Йо была не самой милой из людей. Несмотря на то, что она была такой внутри, она не дарит это тепло никому. Это проявилось в её отношениях с моей мамой. Мама была

очень рада, что у меня был любимый человек, но она не могла быть уверенной в том, что Йоханна любила и хорошо относилась к ней и ко всей нашей семье, потому что Йо никогда не показывала свои эмоции.

Я благодарен тому Рождеству за многое. Альбом продолжал феноменально продаваться. Очень часто мне звонила Гейл (Gail) из Q-Прайм и говорила: “У Californication такая-то позиция в этой стране, и всё ещё в десятке в той”. Я прыгал, вопя и крича от радости. К сожалению, моя личная жизнь не так процветала как профессиональная. Что касается последнего, здесь мы были на коне. Кроме рекордных продаж, мы ещё и отлично играли. Мы научились вдыхать жизнь в эти новые песни и вступили в более эмоционально и духовно насыщенное измерение, чем когда-либо.

Постоянная эволюция Джона была словно фильм, который было очень интересно смотреть. Когда мы начали работать над Californication, он был стеснительным и отчуждённым на сцене, никогда откровенно не проявляя эмоции. Но со временем он превратился в парня, которому всё было мало: “Давайте начнём концерт с моего десятиминутного соло”. Он делал это не из нарциссизма, а от любви к музыке и желания общаться с духами, невидимыми и теми, что жили в людях, пришедших, чтобы соприкоснуться с музыкой и любовью. Было великолепно наблюдать, как он распускает свои крылья.

Мы вступили в миллениум на концерте в Форуме в нашем родном городе. Форум всегда навевал на нас хорошие воспоминания. В давние времена мы с Фли незаметно пробирались в Форум посмотреть на Queen. А не так давно, когда мы стали работать с Warner Bros., нам, как фанатам Lakers, очень повезло, потому что как-то у Мо оказалось четыре билета на лучшие места. После Blood Sugar мы были на первом месте по получению бесплатных билетов во всей компании Warner. Фли, я и двое наших друзей всегда имели лучшие места очень близко к площадке.

Однажды мы уже играли в Форуме с Дэйвом Наварро, это был один из самых лучших концертов в Америке, которые мы играли с ним. Всегда очень сложно выступить хорошо в своём родном городе. Всегда хочется сделать всё как можно лучше, кроме этого появляется волнение по поводу билетов для семьи и друзей. Поэтому всё может развиваться в двух направлениях. Вместо того чтобы делать то, умеешь лучше всего, то есть выходить на сцену и отрываться, ты можешь слишком запутаться во всех этих посторонних проблемах и желаниях сделать шоу лучшим в мире. В итоге можно просто облажаться. Но можешь и поймать свою волну, растряссти свой город как никогда сильно.

Этот концерт был где-то посередине. Мы выступили хорошо, но не прекрасно. Было отлично, что моя сестра Джули (Julie) и её муж Стив (Steve) приехали, чтобы встретить Новый год со мной. Тот наш концерт запомнился ещё и тем, что именно тогда сердце Джона Фрусцианте (John Frusciante) пронзила стрела Купидона, посланная Миллой Йовович (Milla Jovovich), которая репетировала со своей группой рядом с нами в Свинг Хаусе. В тот вечер она пришла на наш концерт в свадебном платье и полностью околдовала Джона.

После новогоднего шоу у нас было несколько дней отдыха, а потом из красивой, солнечной Калифорнии в мрачный, холодный, серый Токио, Япония. Это был наш первый концерт в Японии после возвращения Джона в группу, и мы хо-

тели дать им совершенно новые ощущения, потому что это было последнее место, где играл Джон перед уходом из группы. Но наши японские концерты прошли не очень хорошо, и мы были не в лучшей форме. Одной из проблем было то, что к тому времени у меня хронически болела голень. Всякий раз, когда я был на сцене и двигался, то тихо издавал звуки: “У, у, а, а”.

После Японии у нас была неделя отдыха перед поездкой в Австралию и Новую Зеландию. Все отдыхали по-разному. Я хотел встретиться с Йоханной на Бали. Я с нетерпением ждал нашей встречи, особенно после трудностей в Японии. Я никогда не забуду, как я был счастлив, когда вышел из аэропорта, и она поприветствовала меня. В её волосах был большой цветок, и она прибавила несколько фунтов, что мне понравилось, потому что она отлично выглядела, когда формы были крупными и рельефными, а не истощавшими.

Мы жили в милом отеле, построенном в утёсе, с которого открывался чудесный вид на океан. Каждый номер был отдельной постройкой с каменным бассейном. По всей кровати и немного в ванной были раскиданы лепестки роз. В тот день у нас с Йо был лучший секс, которым мы когда-либо занимались. Затем мы покурили и поехали вглубь острова, в его самую красивую часть. Вы представляете Бали древним, отдалённым местом, но на самом деле это людное и переполненное машинами место с загрязнённым воздухом. Должно быть, город набили несколькими сотнями тысяч людей, но внутренняя его часть представляла собой огромные горы и джунгли. Мы занимались захватывающим рафтингом на реке, пересекающей остров на две половины.

Затем пришло время играть на фестивале Big Day Out, австралийском ответе Лоллапалузе. Январь, безусловно, самое лучшее время в Австралии, потому что здесь лето, и вся страна предаётся веселью. Мы начали тур в Оклэнде, Новая Зеландия. Мы были в особенном восторге, потому что на афише вместе с нами были Nine inch nails, а мы все очень любили их. Мы также играли с Foo fighters, и во время тура очень подружились с ними.

Единственной проблемой оставалась моя больная голень. Даже после недельного отдыха боль не ослабевала. Кости моей голени подвергались мелким продольным трещинам, потому что мышцы и сухожилия были раздуты до такой степени, что ослабляли кости. Ходить было больно, прыгать ещё больше. Но я должен был выйти и выступить лучше, чем когда-либо, несмотря на то, что ноги ужасно болели. За два дня до концерта я встретился с доктором.

“Док, у меня болит голень. Дайте мне, пожалуйста, мышечное успокоительное или что-нибудь, что не повлияет на мою голову, и я смогу выступить”, - попросил я. Он предложил адвил, но я сказал, что пробовал его, и мне не помогло.

“Есть одно ненаркотическое обезболивающее ультрэм, - сказал он, - оно широко применяется спортсменами, которым нужно выступать в таких условиях, как и вам. Примите одну таблетку днём и одну прямо перед концертом”.

За день до первого шоу, я принял ультрэм, и о, чудо, я чувствовал себя довольно одурманенным. Не так, когда я могу сказать точно, что я под кайфом, но клянусь, я чувствовал себя одурманенным хотя бы немного. Это не мог быть ультрэм, потому что он был ненаркотическим, поэтому я решил, что мне просто хорошо. Я принял ещё одну перед концертом, и ого, мои ноги вообще не болели.

Мы отыграли концерт, и это был сумасшедшее веселье, пятьдесят тысяч киви (так называют жителей Австралии, прим. перевод.) прыгали в унисон. Они знали слова всех песен, даже новых, и это было невероятное ощущение. Джон блистал со своей гитарой, Чед был оркестром взрывающихся орудий, Фли представлял собой сгусток первобытной племенной энергии, а я отлично чувствовал себя как вокалист и фронтмен. И не было никакой боли! Я был готов целовать землю.

Всё было хорошо, а когда мы вернулись в отель, я занялся сексом с Йоханной, и случилось что-то необычное. Мы трахались и трахались, а я никак не мог кончить. У меня с этим никогда не было проблем. Позже я догадался, что это могло быть из-за ультрэма, но как он мог повлиять на то, что я не мог кончить? Это, возможно, был прославленный ненаркотический адвил, который я принимал раньше. В принципе, это не имело смысла.

Я думал, это удивительно, что я могу ослабить боль ненаркотическим средством, после которого я ещё и отлично себя чувствовал. Часть меня прислушивалась к голосу в моей голове, который говорил: “О'кей, тебе нужно принять ультрэм в три, а сейчас полдень, так, может быть, ты примешь его немного раньше срока”. В середине тура мне нужно было снова получить рецепт. Доктор сказал мне, что ультрэм не содержит никаких наркотических веществ, и я не был под кайфом. Это была просто иллюзия искусственного удовольствия, которое я так любил.

Мы сыграли в Оклэнде и отправились на Золотой Берег Австралии. Мы открывали фестиваль на Олимпийском стадионе в Сиднее. Физически, я был в отличной форме. Мои ноги не беспокоили меня, я занимался каждый день, бегал, плавал и делал растяжки. У меня с Йоханной был фантастический секс. Мне нравилось всё, что происходило вокруг. Но потом я начал замечать, что Фли не испытывал такой же эйфории и радости жизни от путешествий, музыки, людей, неба. Он совсем не был на этой небесной волне.

Во всю эру Californication у Фли было много личного дерьма в отношениях с его девушкой. Я знал, что он был огорчён, болен, подавлен, что мучился из-за всего этого. Но я также знал, что он сам загнал себя в эти проблемы. Бывает, мы долгие годы создаём вокруг себя невыносимую атмосферу, пока не находим больше сил в ней находиться; это совсем не проделки злой судьбы, свалившиеся ему на голову, он сам создал их. Он просто зарывался в свою печаль. Он был подавлен, но должен был ценить ту огромную любовь, которую мы с Джоном дарили ему. Мы поддерживали его, были рядом. Ситуация была не такой, как в период Mother's milk, когда Джон и я сдружились и оставили его в одиночестве. А Фли порой может быть примадонной, особенно это проявилось раньше, когда мы играли с Дэйвом. Тогда Фли был готов немедленно уйти из группы.

Да, кстати, всё то негативное, что я когда-либо говорю о Фли, вызвано тем, что он мой брат, и я его люблю. На самом деле, это забавно, доставать и спорить друг с другом. Каждый из этих парней, Фли, Джон, Чед, соединяет меня с Богом, и я никогда не сделаю ничего, чтобы изменить кого-либо из них или тот опыт, который был в наших отношениях. Каждый из них подарил мне любовь, музыку и ту жизнь, о которой я только могу мечтать. Но в то же время, я не могу не смеять-

ся над всеми нашими недостатками. Я не превращаю отношения в шутку, чтобы поднимать себя в своих же глазах; просто так происходит оттого, что мы все такие чудаки.

Фли продолжал страдать и эмоционально, и физически. Он чувствовал себя убитым, иссушенным, разобранным на части и рассредоточенным. Когда мы приехали в Мельбурн, мы устроили собрание группы. Питер Мэнш должен был рассказать нам о предстоящем американском туре. Мы думали, что европейский тур был насыщенным, но после того, как Питер объявил, сколько концертом намечено в штатах, я был в приятном шоке от их огромного количества и был готов отправиться в путь. Но Фли просто сломался и объяснил, что он не сможет насладиться этим опытом. По его взгляду можно было определить, что он был на пределе.

Он даже предложил разделить тур на сегменты: три недели концертов, десять дней отдыха и так далее. Это было действительно революционная идея, которая сводила к минимуму возможность заработать какие-то деньги, потому что в течение этих десяти дней нужно было продолжать платить всей нашей команде зарплату. Нужно было содержать все автобусы, грузовики, а это требовало таких же затрат, исключением были только отели, потому что в туре на всё нужны деньги.

Мы осознали, что предстоящий тур не был средством получения максимального количества денег; цель была хорошо повеселиться, получить от всего удовлетворение и остаться здоровыми. Мы приняли это расписание и, ради Фли, точно придерживаемся его и сейчас.

Фли также предложил другую важную идею. Мы уже долгое время занимались благотворительностью, и однажды, когда мы были на выходных в австралийском доме Фли, мы поговорили о том, чтобы взять часть наших доходов и создать что-то вроде благотворительной организации. Мы решили взять пять процентов нашей прибыли от туров и раздать их. Просто отдать их лучшим благотворительным фондам, какие мы только могли найти, были ли это исследования раковых опухолей, детские больницы или музыкальные программы, всё, что угодно. Это довольно большой процент дохода, потому что половина всегда уходит на расходы во время туров, ещё двадцать процентов идут менеджерам, пять - юристу и пять - бухгалтерам.

Мы рассказали об этом Джону и Чед, и они согласились, что идея была отличной. Это привело к огромным положительным изменениям, потому что теперь мы получали удовольствие оттого, что помогали всем этим людям. Это поразительно приятное чувство, быть полезным. Дети посылают нам свои фотографии и письма с благодарностями, в которых говорят, как много значит для них то, что мы помогли им с медицинским обслуживанием, игровой площадкой или музыкальными инструментами. Это было одно из самых лучших решений, которые мы когда-либо принимали все вместе. Но вскоре эта эйфория исчезла, и мы снова вернулись к обычным, мирским проблемам. В Австралии мы с Йоханной снова начали ссориться. Мы гуляли по великолепному старому району Мельбурна и вдруг стали ругаться. Это была ядовитая ссора; мы кричали друг на друга, она подначивала меня, а я хватал её, и это было хорошим средством уладить ситуацию. Но многие люди проходили мимо и думали, что это ссора двух супругов. Я

не знаю кто, как они считали, был неправ, но люди останавливались и спрашивали, не нужна ли ей помощь.

Это предел нашего с ней терпения. Не было никакого физического вреда, но между нами было такое напряжение, что все останавливались и спрашивали: “С вами всё в порядке?” Я помню, как думал, что это очень весело и забавно, потому что мне тайно нравилось, когда она меня била. Она большая сильная девочка, и да хранит вас Бог, если она в драке будет использовать ноги, тогда вам просто не выжить.

После Big Day Out, мы с Йоханной вернулись в Лос.-А. и въехали в наше новое жилище. Прошла неделя после возвращения и меня пригласили на игру всех звёзд НБА (NBA-национальная баскетбольная ассоциация), которая в том году проходила в Сан-Франциско. Люди из НБА предложили обеспечить нам проживание в отеле, машину, билеты на игру и все удобства. Рассчитывая провести милый романтический уикэнд, мы отправились туда. Отель, куда нас поселили, не был таким уж хорошим, но мы за него не платили, и он находился в интересном районе. К сожалению, игра не была захватывающей, так что после неё мы поехали обратно в центр города и нашли ресторан. Мы отлично общались, сидя за столом на верхнем этаже, держась за руки и наслаждаясь обществом друг друга. А потом мы совершили огромную ошибку.

Вспоминать прошлые периоды принятия наркотиков, плохая идея для двух наркоманов. Когда я встретил Йоханну, она много пила, но я никогда не видел её на наркотиках. А она знала меня только чистым. Постепенно тема о наркотиках стала главной в разговоре.

- Боже, я не могу представить, как ты занимаешься всем этим, это кажется таким нехарактерным для тебя, - сказала Йоханна, - ты настолько далёк от этой разрушительной энергии.

- Поверь мне, это именно то, чем я раньше занимался, - сказал я и поведал ей несколько особо убойных историй, которые уже описывал здесь. Она рассказала несколько своих, и мы начали понимать, насколько в этом были похожи.

Не помню, кто первым предложил это, но кто-то сказал: “Можешь представить, как мы принимаем наркотики вместе?”

- На минуту это покажется весёлым, но потом станет просто ужасным, - сказал я.

- Да, но в эту минуту нам будет действительно весело, - продолжала Йо.

- Минуту будет весело, - согласился я.

- А что, если мы сделаем это? - предложила она, - что, если мы сделаем это в эти выходные, а потом поедem домой?

- Это безумно, но очень интересно, - сказал я.

- Ты серьёзно? - спросила она.

- Нет, не серьёзно, но теперь, когда ты сказала об этом, я начал подумывать об этом, - признал я.

- Я на самом деле не очень намеревалась сделать это, пока ты не рассказал о своих мыслях, но теперь я действительно готова, - сказала она.

- Хочешь пойти и принять наркотики? - спросил я.

- Да, давай сделаем это, - ответила она.

- Ты уверена? Потому что после этого, всё уже не будет так, как раньше, - предупредил я.

- О, с нами всё будет в порядке. Пойдём, - сказала она. Мы ушли из ресторана на встречу с восьмьсот фунтовой гориллой, имя которой наркотики.

Мы с Йоханной (Yohanna) направились прямо на улицу Хэйт. Я даже не пытался маскироваться; просто старался держаться вне поля зрения всех белых ребят на улице. Мы нашли чернокожего дилера, у которого был кокаин, но не было героина, и подумали, что решим эту проблему позже. На пути обратно в отель, мы зашли в магазин спиртного, купили трубки, бутылку водки и бутылку клюквенного сока. Йоханна настояла на том, что ей нужен алкоголь. Если она отрывалась, то отрывалась на полную катушку. Бедный ребёнок, она не знала, во что себя втягивала. Мы, словно собаки Павлова, пускали слюни при мысли о том, что скоро будем под кайфом.

Вероятно, отчасти, моя заинтересованность в этом кайфе была вызвана тем, что Ультрам, фактически, являлся синтетическим наркотиком длительного действия. Несколько месяцев спустя, Луи (Louie) прочитал в прилагающейся к нему врачебной инструкции, что Ультрам не при каких условиях нельзя прописывать людям, ранее сидевшим на героине, потому что он вызывает острую жажду наркотиков. Я думаю, тот идиотский доктор из Новой Зеландии даже не читал эти правила.

Мы с Йоханной вошли в комнату и начали без остановки курить и пить, впервые увидев друг друга в состоянии получения кайфа со всеми сопутствующими наркоманскими штучками. Около пяти утра у нас закончился кокаин. Мы были не в состоянии снова идти на улицу, и у меня родилась гениальная идея. Я взял справочник Жёлтые Страницы и позвонил в службу эскорта, насколько мне было известно, у большинства девушек оттуда были связи с наркодилерами. Я нанял одну из них и попросил её найти нам наркотики. На этот раз Йоханна спокойно отнеслась к тому, что я разговаривал с другой особой противоположного пола. Девушка отправилась в Беркли, и, казалось, это длилось целую вечность. Наконец, она вернулась и принесла двадцать таблеток Валиума, немного кокаина, немного кристального метадрина, но никакого героина. Мы приняли кокаин, затем Валиум и полностью вырубались.

Всё же мы были вместе, поэтому просыпаться мне было не так ужасно, как в прошлом. Нас немного трясло, мы лежали в постели и задавали себе вопрос: "И о чём мы только думали? Это была очень плохая идея". Мы поели, попили, посмотрели, лёжа в постели, фильм и попытались забыть обо всём. Но вдруг внутренний голос говорил нам: "Эй, вы же уже всё испортили. Какой теперь смысл останавливаться?" Я вышел, купил шприцы, и мы приняли спидбол. Конечно, этого было мало, и Йоханна где-то на улицах нашла одноглазого водителя, который продал ей немного героина. Как ужасно с моей стороны было позволить своей девушке выходить на улицы Сан-Франциско в поисках наркотиков.

К тому времени мы уже должны были выезжать из отеля, но когда я сказал, что нам нужно остаться ещё на несколько дней, нас переселили в комнату побольше. Я взял телефон и снова провернул трюк с эскорт услугами. На этот раз

девушка была отлично знакома с миром наркотиков и принесла нам всё, что нужно, включая пакет чистого порошкового кокаина. Моё тело уже в какой-то степени привыкло к кокаину; оно помнило случаи, когда приходили мысли: “О, да, вот как сердце переключается на пятую передачу”. Я начал вводить себе огромные дозы и нормально это переносил.

Йоханна приняла меньше, но что-то решительно пошло не так. Она за свою жизнь делала это миллион раз, но именно, в этот ей стало плохо. Она прилегла, стала резко бледнеть, полился пот, её начало неистово трясти, осложнилось дыхание. Она была уверена, что умирает. Это был самый страшный момент за весь мой наркоманский стаж. Даже страшнее чем тот, когда я вошёл в гостиную Хиллела (Hillel) и увидел Ким (Kim), с синим лицом лежащую в кресле. Я так сильно любил Йо, что приходил в ужас при мысли о том, что с ней могло что-то случиться.

Перед тем, как звонить 911, я помолился: “О'кей, вселенная, у нас проблема. Девушка, которую я люблю, возможно, сейчас умирает здесь на кровати. Окажи мне большую услугу, сделать так, чтобы она не умерла”. Она потеряла сознание и лежала в постели как маленькая замороженная рыбка. Но пока я разговаривал с 911, она снова начала дышать, встала и сказала, что чувствует себя нормально. Я сказал, что у нас ложная тревога и повесил трубку.

Затем зазвонил телефон. Это был администратор отеля. “Это вы только что звонили 911?” - спросил он.

“Я? 911? Нет. Вы ошиблись комнатой. Сигналы, вероятно, пересеклись”.

Администратор засомневалась, но я не собирался признаваться, что звонил.

Повесив трубку, я снова вернулся к наркотикам. Из-за своего почти смертельного опыта, Йо категорически запретила себе их употреблять и пошла в спальню, чтобы попытаться привести себя в порядок. Я остался в гостиной наедине со столом, заваленным кокаином, таблетками, героином, шприцами и трубками. Вдруг, бум, бум, бум, кто-то постучал в дверь.

Я накинул на стол одеяло и открыл дверь. Это были люди из департамента полиции Сан-Франциско. Не скорая помощь, не спасатели, копы.

- Сэр, нам позвонили из 911 и сказали, что у кого-то в этой комнате передозировка героина. По закону в этой ситуации мы обязаны осмотреть помещение, - сказал коп. Они вели себя довольно прилично вместо того, чтобы просто сбить меня с ног и ворваться в комнату.

- Я не знаю, о каком звонке вы говорите, - ответил я, - здесь только я и моя девушка, мы оба в порядке.

Не сложно было догадаться, что я вру. Да ещё и под кайфом.

- Хорошо, тогда нам нужно увидеть эту девушку, - продолжил коп.

Я позвал Йоханну, она выглядела достаточно хорошо, чтобы они ничего не заподозрили. Затем копы ушли, она вернулась в постель, а продолжил принимать наркотики. Но вдруг снова, бам, бам, бам, стук в дверь. Я опять накрыл стол. На этот раз это был департамент шерифов.

- Нам сообщили, что в 911 поступил звонок о возможной передозировке, - сказал шериф.

- Нет, нет, только что здесь была полиция. Мы со всем разобрались, - ответил я.

Шериф узнал меня и ушёл, даже извинившись за беспокойство. Но я был измотан. Йоханне было нехорошо, копы продолжали приходить, работники отеля, очевидно, знали, что два наркомана отрывались у них на верхнем этаже. Вся ситуация становилась хуже и хуже.

Утром мы немного поели в ресторане, а потом полетели обратно в Лос-А. Мы оба выглядели развалинами. Но мне было этого мало. Как только мы приземлились, я решил поехать на окраину, чтобы купить много наркотиков, а затем попросил Йоханну отвезти меня в мотель и поехать домой. Это был запущенный мотель на Элварато.

- Будь осторожен, не навреди себе. Я скоро буду дома, - сказала она.

- Прости меня, Йо, но я сделаю, то, что хочу, - ответил я.

Она ушла, а я начал принимать наркотики, улетаю куда-то далеко-далеко. Но, бах, бах, бах. Снова стук в дверь. Мои нервы уже были напряжены в ожидании крэка, и я категорически не хотел никаких вторжений в свой маленький безумный мир. Затем я услышал голос.

- А.К., это я. Впусти.

Это была Йоханна.

- Я передумала, я хочу наркотиков, - сказала она.

Она проехала несколько кварталов, но потом сдалась, припарковалась в каком-то ужасно страшном районе и с платиново-белыми волосами на высоких каблуках и в длинной винтажной куртке пошла пешком обратно в мотель.

Наш загул продолжался несколько дней. В конце концов, мы поехали домой и взяли с собой наркотики. Теперь наше любовное гнездышко было загрязнено негативной энергией крэка и героина. Но мы не могли усмирить своё демоническое поведение. Единственным радостным моментом во всём этом опыте был тот, когда мы прекратили курить кокаин и принимать героин, а лежали в постели с обыкновенными сигаретами в руках и смотрели фильмы до шести утра.

Конечно, у нас были эти милые, вызванные героином, разговоры о том, как сильно мы любим друг друга. Я помню, как в один из таких моментов говорил Йоханне, что хочу быть с ней до конца наших жизней. Я также хотел быть уверенным в том, что после смерти наши души останутся вместе. Такое вот сумасшествие.

Чаще всего мы смотрели фильм, и она засыпала в середине, поэтому я досматривал его один. Однажды это был фильм "Меньше нуля" (Less than zero), в коротком эпизоде которого снимались Chili Peppers, играли Fight like a brave. Я не видел его раньше, и меня поразила удивительная игра Роберта Дауни младшего (Robert Downey Jr.), его роль идеально отражала его собственную жизнь. В ней также было много общего с моей судьбой. Его персонаж трогательно вернул меня назад в 80-е. Я снова опустился на отметку ниже нуля. Что же меня ожидает, смерть в кабриолете по дороге в пустыню?

У меня родился новый план. Мы с Йо поедём на Гавайи и хорошо там отдохнём. Мы отлично проведём время на прекрасном острове Оаху. Мы заселились в отель с видом на пляж Уайкики и ели восхитительные жареные рёбрышки

на закате (я снова начал есть мясо). Но затем мы решили продолжить наш загул. На Гавайях нельзя было достать героин на улице, поэтому я потащил свою возлюбленную в стрип бары Уайкики, где мы могли его принять. На всякий случай мы также решили сделать фальшивый рецепт, а Йоханна симулировала зубную боль, чтобы нам выдали кодеин.

В стрип клубах мы без проблем наладили контакты с людьми. Все стриптизёрши хотели тусоваться и вместе с нами принимать кокаин, а дилеры отчаянно хотели продать мне свой товар: “Чувак, я твою музыку слушаю со времён средней школы”. Мы регулярно ходили в клубы, покупали наркотики, возвращались в отель и до изнеможения накачивались ими. Затем мы просыпались и говорили: “Давай остановимся. Давай поплаваем в океане, съедим что-нибудь хорошее и восстановим своё здоровье”. Но к одиннадцати часам той же ночи мы уже искали наркотики. Я был ужасным подстрекателем. Йоханна же всегда умоляла меня остановиться и снова очиститься.

Спустя десять дней этого цикла, мы вернулись в Лос.-А. Приехав, мы тут же приняли наркотики у себя дома. Йо всем сердцем хотела очиститься, но мне было сложнее бросить. К сожалению, то, что мы употребляли наркотики вместе, определённо оказало влияние на наши отношения. Наша беззаботно чистая любовь была заражена и не могла выздороветь от налета нашей наркотической зависимости.

От продолжения этой наркотической гонки меня останавливало только то, что 23 марта 2000 года я должен был быть в самолёте, чтобы начать первую часть нашего американского тура в поддержку Californication. Я попросил Луи достать мне нужные средства для ускоренного лечения моей интоксикации - снотворное, лекарства для расслабления мышц и многое другое. Я был настолько слаб, не знаю, как я только смог отыграть то первое шоу в Миннеаполисе. У меня не получилось полностью восстановиться, но я и не провалил всё. В этом туре мы впервые стали использовать два автобуса для группы. В одном ехали Джон и Фли, а в другом были мы с Чэдом. Мы начали наше путешествие и через несколько дней я стал чувствовать себя гораздо лучше.

Где-то спустя неделю, ко мне приехала Йоханна, это было хорошо, потому что нам, вероятно, нужно было быть вместе, чтобы поддерживать трезвое состояние. Но она была какой-то другой. Несмотря на то, что наше решение о наркотиках было согласованным, она реагировала на всё слишком раздражительно. Однажды мы вызвали такси и поехали провести время за городом недалеко от отеля, но когда мы захотели вернуться, началась гроза, и невозможно было найти ни одной машины. Йоханна была в ярости, сетуя на погоду и сервис такси. В итоге, она рванулась, сломя голову, в проливной дождь. Казалось, она думала, что погода хочет сломить её. Или это была моя вина. С ней было сложно общаться, но она, очевидно, страдала от боли, вызванной отсутствием в организме наркотиков.

К первому апреля, благодаря постоянному потоотделению и упражнениям, я снова чувствовал себя на миллион долларов. В этом туре мы работали как часы, постоянно куда-то ехали по шоссе, даже не понимая, где мы. Той весной мы побывали в Небраске, Айове, Миссури, Оклахоме, Арканзасе и Техасе. Мы с Чэдом всё ещё находились в одном автобусе, поэтому обстановка у нас была не особо

весёлая, но идеально подходила для расслабления, чтения и разговоров с Йоханной по телефону.

В тот период жизни я был моногамен и определил для себя, что вести такой образ жизни в туре имеет много общего с путешествиями без наркотиков. Когда ты чист, тебя не трогают ни наркотики, ни дилеры, ни люди под кайфом, ни вечеринки. Ты практически ощущаешь защитное поле вокруг себя, и всё это даже не проникает в поле твоего зрения. Это же можно сказать и о женщинах. Я не поддавался соблазну. Если посмотреть на ситуацию объективно, то меня окружало много девушек, но я был недоступен их чарам. Я помню, как сидел в нашем сопровождающем автобусе с кучей девушек, которые определённо хотели поразвлечься. Это видно по тому, как они одеты, по тому, как они трясут перед тобой своей грудью и как сидят рядом с тобой. Они говорят: “Эй, ты же в городе. Давай веселиться”. Но я отвечал: “О'кей, всем спокойной ночи. Было приятно провести с вами время. Мне нужно позвонить своей девушке”.

В конце июня, группе сделали предложение, от которого мы не могли отказаться: сыграть для Пола Аллена (Paul Allen), одного из создателей Майкрософта, на открытии его Музея Рок'н'ролла в Сиэтле. Аллен нанял Фрэнка Гери (Frank Gehry), чтобы тот спроектировал дизайн этого удивительного нового здания. Мне это напоминало пивную банку стофутовой высоты, которую Гери смял и сделал фигуру женщины, а затем выстроил из неё здание. Оно было сексуальным, плавные металлические крепления, больше похоже на скульптуру, чем на здание.

В тот день мы неважно отыграли из-за какой-то технической путаницы, поэтому чтобы спасти это событие, мы вышли на бис в носках. Я испытывал ностальгические чувства, раздеваясь с Джоном. Мы не выходили на сцену в носках с ним со времён Mother's Milk. После этого в музее была вечеринка. Чэд первым решил испытать один из этих интерактивных экспонатов, но, оказалось, что он был сломан. Чэд же был весь вечер немного пьян, и до сих пор хранитель музея уверен в том, что Red Hot Chili Peppers напились и разрушили всё вокруг, хотя, конечно, мы этого не делали.

Ещё одним выступлением вне тура был благотворительный концерт для детей, который организовали Pearl Jam в Сиэтле в конце июня. Перед следующей частью тура был небольшой перерыв, я полностью потерял рассудок и ушёл в недельный наркотический загул. Никакое событие в наших планах не мешало этому, у меня было время, и я так и не начал работать над своим выздоровлением. Я тусовался, возвращался домой, даже и не думая о лечении. 27 июня пришло время отправляться в четвёртую часть тура, а я снова был худым и слабым.

Я продержался без наркотиков следующие три этапа тура. Мы закончили американскую его часть, я завершил свою работу, и пришло время снова копать себе могилу. Единственным обязательным событием были награды канала VH1 в ноябре, поэтому за несколько дней до шоу я прекратил принимать наркотики, два дня принимал Ультрам (то средство, которое вернуло меня к наркотикам) для лечения интоксикации и как-то еле-еле пережил этот концерт.

Йоханна с пониманием отнеслась к моей борьбе, но, слава Богу, она не собиралась сама идти этой дорогой, что говорило о её духовном пробуждении и стремлении к здравомыслию. Замечательно, что она не последовала за мной, по-

тому что часто люди уходят вдвоём, а возвращается только один. Или не возвращаются оба.

В начале декабря Йоханне нужно было возвращаться к её бизнесу в Нью-Йорке, что явилось для меня абсолютным бедствием. Ни работы, ни девушки, никаких важных дел - я просто с ума сходил. Декабрь выдался довольно уродливый, потому что двадцать дней подряд я продолжал говорить себе: "Я буду делать это только сегодня, а завтра точно брошу". Йоханна вернулась ко мне, и ей приходилось жить рядом с таким маньяком. Это было тяжёлым испытанием; я просто не мог опомниться. В один момент я ушёл из дома и нашёл новый мотель Рай на бульваре Сансет. Его фасад был увешан фиолетовыми неоновыми огнями, что делало его удивительно привлекательным таким вот примитивным способом.

Но снова отряды приступили к действиям. Луи и Боб Форест начали разыскивать меня во всех местах, где я обычно бывал. Ироничным было то, что Боб жил за пол квартала от мотеля Рай, поэтому в одну из своих разведывательных миссий они проехали мимо, и бинго! Они заметили мой мотоцикл. Мозг наркомана очень странно устроен. Позднее, Боб сказал мне, что, увидев припаркованный мотоцикл, тут же позавидовал его владельцу. Ведь он, Боб, миллион раз проезжал мимо этого мотеля и думал: "Я бы так хотел вселиться сюда и пару дней просто накачиваться спидболом". Он уже долгие годы не принимал наркотики и жил с прекрасной девушкой, которая любила его. Он не лгал, не воровал, не был несчастным безумцем. Он был продуктивным, участливым, любящим и полезным членом общества, но когда он проезжал мимо, мысли уходили в другое направление: "Если бы я только мог въехать сюда. Этот фиолетовый свет такой манящий".

Когда Луи постучал в дверь, я понял, что меня снова нашли. Я попросил у него полчаса, и он сказал, что будет ждать на парковке. Я прикончил весь героин и пришёл туда, готовый ко всему, что только мог услышать в такой ситуации. Я очень удивился, увидев там Джона в его чёрном Мерседесе. Он был таким любящим и внимательным.

"Мы едем домой к Луи поговорить", - сказал он. Я сел на мотоцикл, и мы караваном поехали к дому Луи и Шерри (Sherry). К тому времени я употребил все свои наркотики и был готов к тому, чтобы закончить это. Я был под таким кайфом, что не особо удивлялся происходящему. Я хотел извиниться перед Йоханной, но она и слушать меня не хотела. Это был один из редких случаев, когда я действительно заслуживал такого к себе отношения.

Я провёл ночь у Луи, потому что они боялись, что я снова сорвусь. Я не очень-то любил принимать таблетки от интоксикации, но всё-таки попросил Луи позвонить докторам, чтобы те прописали мне какие-нибудь средства. Я не хотел трястись и страдать от боли в мышцах и бессонницы. В моих планах было съездить к маме на Рождество, а потом отправиться на остров Святого Варфоломея в Карибском море, чтобы восстановиться. Наш следующий концерт должен был быть на фестивале в Рио, но до 21 января оставалось ещё много времени. Я беззаботно мечтал о том, что поеду в тёплые края, восстановлюсь там, а потом вернусь к работе и буду выполнять все профессиональные обязательства. Но на самом деле мне не становилось лучше, и я был не в состоянии выполнять свои профессиональные обязательства. Ты не можешь просто начать, бросить и быть уверенным,

что всё о'кей, потому что настанет день, когда у тебя не получится остановиться. Каждый рецидив ужасен, но этот был самым долгим из всех. И мысли о том, сколько эмоциональных мучений я причиняю Йо, тяжёлым грузом нависали надо мной, хотя я и пытался их игнорировать.

Наши отношения были неустойчивыми. Немного разнообразия и драматизма может быть только полезным и интересным для отношений, когда ты в любой момент ссоры можешь сказать: “Это ничего не значит. Я тебя люблю, и давай забудем об этом”. У нас этого быть не могло. Я очень хотел, чтобы наши отношения развивались в лучшую сторону, хотел меньше драмы, но мы так никогда и не пришли к этому. Быть рядом с Йоханной было сложно. Я любил её больше, чем всех моих прошлых девушек, но с ней также было сложнее всего найти общий язык. Если бы я приложил столько же усилий в других отношениях, я бы уже был женат и с пятью детьми.

Йоханна была слишком раздражена, чтобы поехать со мной в Мичиган. Меня это устраивало, потому что в ближайшие пару дней я всё ещё оставался безумным и потерянным существом под влиянием таблеток от интоксикации. Но моя мама была счастлива, что я приехал домой, и мне очень нравилось тусоваться с моей сестрой Дженни (Jenny) и её парнем Кевином (Kevin). К вечеру 23 декабря у меня закончилось снотворное и мышечные успокоительные. Меня это пугало, потому что без этих средств я не мог нормально спать.

На следующий вечер был Сочельник. Это может прозвучать как фраза из Диккенса, но именно тогда для меня наступил момент ясности относительно моей зависимости. Но это было не впервые. Много лет назад, когда я ещё жил в здании почты на Голливудском бульваре, несколько дней я употреблял кокаин и, пребывая в некоем туманном состоянии, вышел в холл. Там было огромное окно от пола до потолка, я посмотрел в него и увидел часть неба над Голливудом. Первый раз в жизни в моей голове прозвучал голос: “Ты не можешь управлять своей жизнью. Твои действия продиктованы наркотиками. Ты бросил руль и идёшь туда, куда мир наркотиков ведёт тебя”.

Ситуация никогда не менялась. Это чувство процветало внутри меня, и не важно, насколько сильно я любил свою девушку, группу, друзей или семью, когда эта песня сирен “Иди и получи кайф” начинала играть у меня в голове, я тут же срывался.

Наступил Сочельник, я был разбит, не имея ни капли лекарств внутри себя. Я решил поехать в Грэнд Рэпидс на собрание в центр лечения наркоманов. Перед тем, как войти в здание, я остановился и поразмыслил над вариантами. Я мог развернуться и поехать в гетто. Я знал нужный угол, я видел дилеров, мне ничего не стоило пойти туда и за считанные минуты достать героин и получить кайф. Или я мог войти в эти двери и повернуть свою жизнь в сторону силы, которая была выше меня, начать выбираться из леса своей зависимости.

Я понимал, что делаю, где нахожусь, и не хотел больше подчиняться этой энергии. Сдаться высшей силе всегда проще, у меня было много опытов по всему миру, когда я имел дело с силой, намного величественней себя.

Я пришёл на собрание и, представившись новичком, получил тёплый приём. Я всерьёз занялся своим выздоровлением, как тогда, первого августа 1988, когда я

лѐг в свою первую лечебницу. Я полностью отдался восстановлению, никаких ожиданий лучшего момента, никаких “ну, а если мне что-то не понравится”, никаких лазеек. 24 декабря 2000 - день, когда я навсегда перестал употреблять наркотики, это настоящий праздник, что между тем очень необычно. Большинство наркоманов накачиваются все праздники напролѐт, а уже после Нового Года окончательно бросают.

За день до этого я позвонил Йоханне и пригласил её приехать на Рождество, а потом вместе полететь на остров Святого Варфоломея. Она согласилась, несмотря на то, что всё ещё злилась на меня. Она приземлилась в Грэнд Рэпидс, и я поехал в аэропорт забрать её. Мне не только было стыдно за то, что я сделал и причинил ей, но я также был неуверен во всѐм происходящем на данный момент из-за своей полной разбитости. Она была дико раздражена. Мы не смогли даже выйти из аэропорта, не загнав себя в тупик разбирательств. Мы не ругались, но очень злились друг на друга. В итоге, мы пришли в зал ожидания и сели на две противоположные скамейки.

- Ты вообще уверена, что хотела приехать сюда? - спросил я.

- Нет, не уверена, и была бы счастлива сесть на следующий же самолѐт и улететь обратно домой, - ответила она.

- Ну, улетай.

- Улечу.

- Отлично, возьми свой билет, договорись с девушкой на паспортном контроле, и прощай.

Мы сидели там час, постоянно меняя решения. Но я бы ни за что не позволил бы ей сесть на самолѐт и улететь. Я и не думаю, что она бы сделала это, но просто мы так себя вели. Вдобавок ко всему этому абсурду, я случайно принял большую дозу Ниацина, перепутав его с очищающей печень травой, и моѐ лицо было свекольно-красного цвета. Наконец, мы прекратили заниматься глупостями и пошли домой. Мы провели несколько дней в Мичигане, пытаясь вновь наладить нормальные отношения, но это было сложно. Между нами было много напряжения и нерешѐнных вопросов. Хотя я был рядом, когда она употребляла наркотики, прощал её, и мы двигались дальше, она всё же говорила мне: “О'кей, ты, больной засранец, теперь ты хочешь очиститься, так пусть тогда обоим будет хорошо”. Она всё ещё была настроена против меня.

Мы полетели на остров Святого Варфоломея, где нам предстояло добираться до места на корабле в компании ещё десяти человек. Сейчас я бы никому не посоветовал поступать также, особенно если ты находишься не в лучшей форме. На острове дела тоже пошли не очень хорошо. У меня в сознании произошли изменения, и теперь я хотел двигаться в позитивном направлении, ценя ту энергию, которую источаю, но Йоханна постоянно была всем раздражена. Однажды я что-то не то съел или какие-то остаточные токсины выходили из меня; я чувствовал себя отвратительно и прилѐг на кровать в нашей каюте. В этот день все собирались на день сойти на сушу и погулять, но я не мог встать с постели, не мог есть, поэтому попросил Йоханну побыть рядом, остаться со мной и вместе посмотреть фильмы, лёжа в кровати.

“Нет, я хочу пойти и провести время с остальными пассажирами”, - сказала она и ушла.

Для меня ещё раз настал момент ясности: “Мне всё равно, через какие странности мы прошли. Я старался всегда хорошо относиться к ней. Я, как только мог, заботился о ней, но она не может позаботиться обо мне, когда я нуждаюсь в этом. Она не способна дарить свои эмоции другому человеку и не может быть моей девушкой”. Я принял решение положить всему этому конец. Но я не хотел злить её или портить отдых, поэтому не сказал ей об этом, просто дал понять, что не был счастлив. Я также хотел, чтобы она разрушила все мои сомнения.

В канун Нового Года мы пошли на вечеринку, проходившую на яхте, там Йоханна всю ночь парила мне мозг. В интерьере лодки была картина Баска, я стоял и наслаждался ей, как вдруг две девушки подошли ко мне. Они были плоховато одеты, как-то по-домашнему, и стали флиртовать со мной. Мне это было совершенно неинтересно, так что я где-то с минуту немного подтрунивал над ними, ничего особенного. Но Йоханна видела это и напала на меня, как только они ушли. “Почему ты флиртовал с теми девушками?”

“Я рассматривал картину, и эти две распутные девки просто подошли и оторвали меня от этого, поэтому я просто отшутился, и они пошли своей дорогой. Это не флирт”, - объяснил я.

Но не тут то было. Она не разговаривала со мной весь остаток ночи. Мы были под звёздами на прекрасном острове, а она всё не прекращала свой воображаемый бой. Это только подкрепило моё решение.

На следующий день мы полетели домой. Было тяжело, потому я любил её до безумия, и меня расстраивала мысль о предстоящем одиночестве. Плюс, меня абсолютно не интересовали другие девушки. Но я не мирился с постоянными недовольствами. Поэтому я повернулся к ней и сказал: “Йо, между нами всё конечно. Так не может продолжаться. Я больше не хочу этого, тебе придётся уехать”.

Она вообще не хотела хоть как-то обсудить ситуацию. Её просто интересовало то, где она будет жить. Я предложил ей переехать к её спонсору, и когда мы прилетели в Лос.-А., она так и сделала.

Меня пугала перспектива начинать всё заново без этой девушки, которой я посвятил свою жизнь. Но я также испытал облегчение оттого, что мне не нужно было больше ходить на цыпочках по яичной скорлупе и бояться всякий раз, когда какая-то девушка подходила ко мне поговорить. И хотя Йоханна знала, что я никогда не изменял ей, мне приходилось долго расплачиваться, если я любезно говорил с другой девушкой.

Вернувшись, я посвятил себя выздоровлению, начал посещать собрания, открываться людям. Я уже полторы недели не принимал наркотики, когда мне позвонили и сказали, что один мой друг, который до этого был чист, снова вышел на улице, потерял жильё, надежду, был беспомощным и всякий раз проигрывал в своей борьбе со сложившейся ситуацией. Все безуспешно пытались связаться с ним, и я позвонил и оставил ему сообщение на мобильном телефоне: “Эй, жизнь полна веселья, а ты всё это упускаешь. Возвращайся и позвони мне”. Он перезвонил на следующий же день, я взял его с собой на собрание, и мы вместе стали освобождаться от наркотиков. Ему показалось, что мой голос был таким счастли-

вым и свежим, будто я уже не первый год чист. Он был в шоке, когда узнал, что за плечами у меня было всего две недели.

Я отдал Йоханне нашу машину, поэтому купил себе новую. Затем я выехал из нашей квартиры. Любое место, где вы долгое время жили со своей девушкой, наполнено разнообразной, не всегда положительной энергией. Мне повезло, и я снял самый клёвый дом в мире. Это был старый дом Дика Ван Паттена (Dick Van Patten) высоко на Голливудских холмах, это был дом-мастерская, первая постройка, появившаяся на холмах очень давно в безумных 20-х. Там жил человек, который следил за пожарами, потому что из дома открывался широкий вид от ущелья Кауэнга до Долины, от окраины Лос.-А. прямо до океана. Это самая восхитительная панорама. А всё место было прекрасным, освежающим и отлично подходило для того, чтобы начать новую жизнь.

У меня был новый дом, новая машина, но не было девушки. С той недели, когда я переехал, мои очистившиеся друзья решили собираться каждую среду и проводить время вместе. Поначалу мы встречались в Муссо и Франк'с, отличном старом ресторане на Голливудском бульваре, в когда погода улучшилась, переехали в кафе Джозеф'с. Мы сидели на свежем воздухе и разговаривали о баскетболе, музыке, политике, девушках и жизни без наркотиков. Затем мы все шли на проходящее неподалёку собрание. К нам присоединялись Пит Уайс (Pete Weiss) и Дик Руд (Dick Rude). Фли также приходил к нам в кафе, но не посещал занятия. Эта группа среды стала важной частью моего стремления к чистоте. Когда наступал конец недели, и мной мог овладеть соблазн получить кайф, я вспоминал: "Нет, в среду я должен быть в Джозеф'с. Эти парни рассчитывают на меня".

Наши собрания проходили на пересечении улиц Юкка и Гоуэр, на них присутствовала эклектичная смесь бездомных людей, трансвеститов и голливудских безумцев. Я взял на себя обязательство расставлять перед собраниями стулья, поэтому приезжал на полчаса раньше. Я занимался этим в течение года, что также помогало мне оставаться чистым, потому что, если бы я сорвался и принял наркотики, то кто бы тогда готовил место к собранию?

Та первая неделя в январе 2001 была также ознаменована другим обновлением в моей жизни. Ещё в ноябре, на моём дне рождения Гай О (Guy O), который любит делать неожиданные сюрпризы, услышал, что я говорил о своём желании завести себе на долгое время собаку. Он знал, что мне нравятся родезийские риджбэки. В тот день я пришёл домой и увидел на своём пороге маленький красный фургон с сидящим внутри игрушечным животным и фотографией самого красивого в мире родезийского риджбэка. На прикреплённой к нему записке было написано: "Твой щенок будет у тебя в первую неделю января".

Гай отыскал лучших в Калифорнии заводчиков, живших в маленьком горном городке Джулиан, в часе езды вглубь материка от Сан-Диего. Мы с Диком Рудом поехали туда за моей собакой. Я одним из последних в очереди за щенками, но хозяева оставили для меня первого в помёте, самого большого и сильного самца. Он был рождён на первой неделе ноября и, прожив тут уже пару месяцев, привык к женщине, которая управляла фермой. Когда я вошёл, мой пёс посмотрел

на меня так, будто думал: “О нет, что ты здесь делаешь? Я живу с этой женщиной и надеюсь, ты не думаешь, что заберёшь меня отсюда”.

Он настолько боялся покинуть свой безопасный дом и эту большую, любящую женщину, которая заботилась о нём, что выглядел просто разбитым. Я взял его на руки и сказал: “Чувак, мы переезжаем в Голливуд. Теперь ты мой друг”. Дик отвёз меня домой, а я всю дорогу держал щенка на коленях. Я пытался успокоить его, но он был так напуган этим большим широким миром, с которым он сталкивался, особенно, когда мы выехали на заполненное машинами шоссе 405.

Мы вместе приехали домой, и теперь мне предстояло пройти через большое испытание, обучить его всему с нуля. Риджбек самая вольнолюбивая порода, и мне было порой нелегко тренировать его. Я обучил его ходить в туалет в дозволенных местах, поумерил его лай, также три раза серьёзно наказывал его на заднем дворе. Воспитание этого сумасшедшего щенка требовало постоянных усилий, но мы отлично проводили время, играли на траве у дома, вместе нюхали цветы, гонялись за насекомыми и играли палками. Я назвал его Бастер (Buster), в честь Бастера Китона (Buster Keaton), одного из моих самых любимых комиков.

Где-то в середине января я встретил новую девушку. У меня было не то настроение и состояние, чтобы охотиться за женщинами, но однажды вечером я вместе с Гаем пошёл в клуб и в противоположном конце комнаты увидел эту удивительно прекрасную девушку. Очередь парней выстроилась, чтобы поговорить с ней, но я просто прорвался к ней, забрал её и усадил рядом с собой на диван. Та очередь простояла всю ночь, так и не получив ни секунды на разговор с ней, особенно после того, как она сказала, что мечтала встретиться и провести время со мной. Её звали Кэмми (Cammie). Она была актрисой и жила в доме в Каньоне Лорэл вместе с моделью с обложки Playboy, которая была лесбиянкой, и с Пэрис Хилтон (Paris Hilton). Она была замечательной, красивой, умной и весёлой. Начав много времени проводить у меня дома, она вскоре стала моей девушкой.

Примерно через месяц, одним воскресным утром я отправился на собрание в западный Голливуд. Позднее я должен был встретиться на ленч с Кэмми. Но на собрании я случайно увидел Йоханну. Я не встречал её коло месяца, а последний раз, когда мы общались, был отнюдь не самым приятным. Тогда я поехал в дом её друга, чтобы навестить её. Я знал, что у неё не было работы, поэтому в качестве дружеского жеста я предложил ей немного денег. Довольно неплохую дружескую сумму денег (мне никто никогда не давал такую просто так) для того, чтобы она смогла оплатить аренду, другие свои счета и, возможно, купить небольшую машину.

- Я думаю, мне лучше встретиться с юристом, - сказала она.

- Зачем?

- Мне кажется, так я смогу получить больше денег, - ответила она.

- О чём ты говоришь, получить больше денег? Это подарок. Между нами никогда не было тесной связи. Ты не вкладывалась в отношения. Я всегда помогал тебе, а ты никогда не делала этого взамен, - сказал я.

- Мой друг сказал, что я могу достать немного денег, если найму юриста, - объяснила она.

Я был разбит. В итоге, мне пришлось иметь дело с каким-то юристом, который предложил мне дать ей определённую сумму денег, но я сказал, чтобы он забыл об этом. Это было отвратительная, дерьмовая попытка надавить на того, кто хотел помочь. Она руководствовалась безумным аргументом, вроде: “Я выехала и оставила тебе дом”.

“Что? Ты спала на кушетке в чёртовом гетто. Я отправил тебя учиться, а потом ты переехала со своей кушетки прямо в пентхаус”. Я не поддавался её провокации. Но Йоханна казалась напуганной и запутавшейся, поэтому я простил её и продолжил жить своей жизнью.

Или я просто так думал. Я был очень рад видеть её на собрании и в перерыве, когда все вышли из комнаты, рванул к ней, сел рядом и начал целовать её в щёку. Это была импульсивная реакция, вызванная тем, что я увидел её, её улыбку, глаза и гладкие белые щёки. Мы стали целоваться, обниматься и разговаривать, а через пять минут я уже целовал её в губы.

Все закрытые шлюзы внезапно разом открылись. У меня была новая девушка, моя жизнь изменилась, а эта девушка была частью прошлого. Но сейчас мы были вместе и планировали увидеться позже этим же днём.

Меня переполняли чувства. Я поехал прямо к дому Кэмми, потому что не хотел ей врать или оставлять её в неведении.

“Мне действительно очень, очень жаль, но, чёрт возьми, кое-что абсолютно неожиданное случилось со мной сегодня. Это связано с моей прошлой девушкой. Думаю, мы вновь начнём встречаться, поэтому нам с тобой нужно расстаться”, - сказал я.

Тем вечером мы с Йоханной встретились на праздновании одного года без наркотиков её друга в Эль Чоло, мексиканском ресторане в западной части города. Мне казалось, что я влюбился, и это моё первое свидание с девушкой. Я вёл себя лучшим образом, и каждый её взгляд заставлял моё сердце биться быстрее от счастья. Происходило что-то необычное: я не только снова влюбился в эту девушку, но вся жизнь будто опять началась сначала. Мы оба чувствовали это, и Йоханна переехала жить ко мне. В моём доме было три этажа, и я перенёс все свои вещи на самый верх, предложив ей разместить свои на первом этаже, где была большая спальня, ванная и огромные туалеты с гардеробными. Здесь было намного лучше, чем наверху. Но рай был не вечен. Она тут же начала жаловаться: “Почему мой гардероб должен быть внизу? Почему не наверху?” Не было никакой разницы. Дайте ей целый континент, она захочет всё полушарие.

Но главное то, что наша любовь была в самом расцвете. В марте 2001 группа начала работать над новым альбомом. В том же месяце я организовал семейную поездку на Гавайи. Я взял на Кауаи маму, обеих сестёр, их мужей и своего восхитительного племянника Джексона (Jackson). Я хотел, чтобы и Йо тоже поехала, но она была занята на работе. Мои чувства к ней вдохновили меня на написание песни *Body of water*, которая была посвящена её духу, внутренней энергии, которая всегда очаровывала меня.

В марте нас потрясли трагические известия. У одной из моих лучших друзей и наставников Глории Скотт (Gloria Scott) был обнаружен рак лёгкого. Вокруг неё тут же собрались друзья, которые пытались найти любой способ лечения,

чтобы помочь ей, но сильно не хватало денег, а у неё их и вовсе не было. Поэтому мы сыграли для неё благотворительный концерт (а также во благо изучения болезни Хантингтона, несчастья, поразившего семью бывшей девушки Фли) и собрали нужные деньги. Так как Глория всегда в шутку называла Нила Янга (Neil Young) своей высшей силой, я позвонил ему и, рассчитывая на безумный счастливый случай, спросил, может ли он принять участие в концерте.

“Скажи мне, когда, и я приеду вместе с Crazy Horse”, - сказал он.

К вечеру концерта состояние Глории ухудшилось, но она смогла приехать на концерт, и я с огромным восторгом представил её Нилу. Знакомство этих двух людей было действительно магическим моментом.

Мы сняли для Глории маленький домик прямо над водой на пляже Венеции, потому что она всегда душой была с океаном, но тридцать лет прожила в городской черте. Мы наняли медсестру и оплатили лечение, но доктора нашли рак слишком поздно. Я успел приехать в госпиталь и сказать болезненные слова: “Я знаю, то ты умираешь, поэтому просто хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя”. Она не хотела умирать в больнице, поэтому её отвезли обратно в дом на пляже, где она и угасла.

Из Venice queen:

*And now it's time for you to go
You taught me most of what I know
Where would I be without you Glo
G-L-O-R-I-A*

*Is love my friend, my friend, my friend
I see you standing by the sea
The waves you made will always be
A kiss goodbye before you leave
G-L-O-R-I-A*

Is love my friend, my friend, my friend

перевод:

*Теперь тебе пора уходить
Ты научила меня большинству из того, что я знаю
Где я буду без тебя, Гло
Г-Л-О-Р-И-Я*

*Это любовь, мой друг, мой друг
Я видел, как ты стоишь у моря
Твои волны останутся здесь навсегда
Поцелуй на прощание до того, как ты уйдёшь
Г-Л-О-Р-И-Я*

Это любовь, мой друг, мой друг

Процесс создания *By the way*, нашего следующего альбома, кардинально отличался от *Californication*. Джон снова стал собой и наполнился уверенностью. Мы сделали всё, как и прежде. Вернувшись в Свинг Хаус, четыре парня собрались в комнате с гитарами, барабанами, микрофонами и часами играли каждый день. Мы понемногу начали находить магию, музыку, какие-то рифы, ритмы, джемы и грувы. Мы записывали всё это, что-то добавляли, выделяли, включали треки и добавляли к ним мелодии. Я тут же начал писать слова, слушая и вдохновляясь тем, что играли парни.

Всё это время я также пытался наладить отношения с Йоханной. Она запустила свою линию одежды, была продуктивна и креативна, но мы не могли существовать друг с другом как единое целое. Мы даже ходили к семейному психологу, практичной, умной женщине без каких-либо предубеждений, которая дала пару рекомендаций. Но из этого ничего не вышло; необходимые перемены не происходили.

Однажды тем летом мы едва не расстались. Йоханна переехала в спальню на первый этаж, на время, пока не найдёт себе жильё. Я не собирался снова выгонять её. Но, конечно, это привело к ночным визитам друг к другу. Запретный плод наших связей в спальне на первом этаже на разбросанной одежде некоторое время делал чудеса в нашей сексуальной жизни. Но, в итоге, мы всё же расстались, и я снял для неё небольшое бунгало на Беверли Хиллз. Я позволил ей пользоваться машиной, пока не истечёт срок аренды, а после она вернула её мне без дверных ручек, стерео и даже без ковриков. Это было символично для наших отношений. Я хотел помочь ей, а она возвратила мне её в разрушенном состоянии, сказав, что страховка покроет расходы.

Даже после того, как она выехала из моего дома, наша связь продолжалась. Раньше я возвращался к наркотикам, теперь их место заняла Йоханна. После Рождества 2001 мы снова отправились на остров Святого Варфоломея и сняли домик на пляже. В один из дней она захотела научиться сёрфингу, мы прошли около четверти мили пешком, пока не обнаружили обрыв, но волны там были величиной с дом, слишком большие, чтобы учиться на них. Мы оказались в опасной зоне, где волны накатывали прямо на нас, и, задержав дыхание, ждали, пока они не утихнут. Наконец, мы начали кататься, но в водовороте ремешок на доске Йоханны порвался, я подплыл к ней и дал свою. Мы вместе выбрались на берег. Но в замешательстве от бушующих волн мы совершили ошибку, возвращаясь через коралловые рифы вместо того, чтобы выбрать канал. Нам повезло, что мы остались живы, но, с другой стороны, нам пришлось идти через эти рифы, которые были покрыты моллюсками и морскими ежами. Даже маленькой волны хватило бы, чтобы сбить нас с ног, которые были исколоты камнями и причиняющими огромный дискомфорт иглами морских ежей, которые было очень сложно удалить.

Йоханна начала истерично кричать на меня, как будто это я хотел, чтобы её искололи ежи. Следующие два дня я провёл в поисках докторов и в разъездах по аптекам, пытаясь хоть чем-то помочь ей, но она не успокаивалась. Она очень пло-

хо относилась ко мне во время всей нашей поездки, и я снова осознал, что эта девушка не для меня.

Мы всё ещё были на острове, когда я дошёл до предела. “Йо, ты должна поехать домой, - сказал я ей, - я не хочу сидеть тут и слушать твои крики. Я сделал всё, что мог, чтобы тебе понравилось это путешествие, хотел впустить тебя в свою жизнь, но быть рядом с тобой невыносимо”. Я отправил её домой, и мы снова расстались. В следующем же году вновь случился рецидив. Я возвращался к ней, потому что скучал по её дружбе, но это всегда заканчивалось одинаково, никакого прогресса. Наши отношения длились четыре года, и всё это время её одинаково сильно бесили всякие несущественные мелочи. Она лежала в кровати, вскипая от какой-то ссоры, которая не стоила и выеденного яйца. Я извинялся и говорил: “Давай забудем об этом, я виноват. Я люблю тебя, забочусь о тебе, хочу, чтобы ты была счастлива. Давай наслаждаться нашей любовью и жизнью”. Но она не прекращала, не хотела идти счастливым путём.

Даже все наши проблемы с Йоханной не могли вернуть меня к наркотикам. Мои собрания за завтраком по средам были обязательными, всем нам нравилось быть полезными друг другу. Мы помогали людям, приводили их на собрания, находили новых людей в наш особенный круг, чтобы они могли увидеть, что жизнь без наркотиков не означает отсутствие вечеринок. У нас были новые, нормальные вечеринки. Но момент ясности это ещё не всё; такое случалось со мной и раньше. Его должны сопровождать усиленные ежедневные упражнения. Это банальная аксиома, но практика действительно основа совершенства. Если ты хочешь стать сильным пловцом или опытным музыкантом, то нужно практиковаться. То же самое и с трезвостью, но только тут ставки выше. Если ты не следуешь своей программе каждый день, то ставишь себя в положение, когда ты в любой момент можешь слететь с орбиты.

У меня процесс выздоровления вызывал восторг. Мне нравилось ходить на собрания, нравилось слушать других людей. Некоторые выступавшие всё же были скучными старыми пустословами, но некоторые были настоящими ангелами. На одном из собраний я увидел большого мексиканского транссексуала в женской одежде, который рассказывал свою историю жизни. Она шутила, пела и, источая положительную энергию, говорила о том, как важно быть полезным. Когда она ушла я понял, что видел ангела. То же самое чувство посещало меня, когда я смотрел на ковбоев из Монтаны, проповедников с юга, всех этих людей, которые были на пороге смерти, а сейчас несут послание света, любви и выздоровления. Собрания - это смесь различных форм: свободного семинара, лекции и общественной деятельности. Иногда на них даже можно было повстречать сексуальных девушек. Все люди тут забавные, творческие и весёлые. Как сказано в книге: “Мы не из мрачной компании”.

Все те годы, когда я метался из стороны в сторону, я врал себе: “Это всего лишь рецидив, ты не навсегда возвращаешься к наркотикам. Это временная ситуация”. Но я всегда делал это дольше, чем планировал. Я мог снова бросить, но это всегда было для чего-то, а не из-за того, что я пересилил зависимость. Просто что-то где-то хотело, чтобы я жил, помогал другим и был частью создания чего-то прекрасного.

Я много раз принимал решения бросить наркотики, но никогда не следовал ежедневным правилам построения пути к своему духовному пробуждению. Я думаю, каждый, кто тщательно прорабатывает все шаги, ходит на собрания, источает любовь и заботу обязательно останется чистым. Но если кто-то поступает так, как я в прошлом, сомневается, выбирает, думает: “Я буду делать это всего несколько дней, и всё. Я буду следовать этим предписаниям, а этим нет. Я буду иногда отвечать на звонки, но порой буду слишком занят”, обречён на провал. Нельзя вкладываться в программу на семь десятых и ожидать семь десятых пользы; ты не получишь ничего, пока полностью не отдашься делу.

Я думаю, гениальность этой программы состоит также в понимании того, что нельзя проповедовать чистоту и делать праведников из алкоголиков. Важно, что каждый заботился о себе и своих делах, так программа становится привлекательной, а не навязываемой. Когда ты говоришь: “Эй, вот, чем нужно заниматься с алкоголиком или наркоманом”, в итоге, ничего не получается. Если же ты просто делаешь то, что нужно, то кто-то посмотрит и подумает: “Этого парня раньше тошнило прямо на штаны, а теперь он, похоже, наслаждается жизнью”. В мире нет ни одного алкоголика, который бы хотел, чтобы ему говорили, что делать. Алкоголиков иногда описывают как эгоманьяков с комплексами неполноценности. Или, грубее, как кусок дерьма, вращающийся в круговороте вселенной.

Но это ещё не конец, потому что есть способ решить проблему. Чувствуешь себя дерьмом? Заканчивай думать только о себе, иди и сделай что-нибудь для других. Вуаля, ты больше не чувствуешь себя дерьмом. Ты в замешательстве и сводишь себя с ума? Иди и позвони другому парню, который уже три дня трезв и не знает, чем заняться. Ты тут же освобождаешься от собственной боли, когда выходишь из состояния сосредоточенности только на себе самом. Секрет сохранения трезвости в том, чтобы постоянно помогать другому алкоголику. Это как бесконечное движение. Все эти люди бескорыстно передали тебе всё, что когда-то получили сами, и теперь уже тебе пришло время отдавать это другим. Это постоянный источник энергии, как подзарядка батареи, только без загрязнения токсичными отходами.

Причина такого успеха программы заключается в том, что алкоголики сами помогают другим алкоголикам. Я никогда не встречал Норми (так мы на своём жаргоне называем человека, у которого нет проблем с наркотиками или алкоголем), который мог хотя бы задуматься, каково это быть алкоголиком. Норми всегда говорят: “Ты всегда можешь принять таблетку и больше не захочешь принимать героин”. Это фундаментальное непонимание проблемы алкоголизма и наркозависимости. Это не просто физическая аллергия, это навязчивые идеи и болезни духа. Тут присутствуют три составляющие. И если частично это болезнь духа, то есть и лекарство для духа.

Когда я говорю о духовности, я не имею в виду молитвы или чтение книг по восточной философии. Для меня это расставить стулья для собрания, найти какого-нибудь алкоголика и привести его сюда через весь город. Жить духовно значит, хотеть признать то, что знаешь далеко не всё, и что ты в чём-то ошибался. Это составление списка людей, которым ты причинил вред, эмоциональный, фи-

зический или финансовый, чтобы затем оглянуться назад и искупить свою вину. Вот, в чём заключается духовность. Это не просто пустое воздушное понятие.

Мой друг Боб Форрест (Bob Forrest) духовный человек. Он не ходит в церковь, не разговаривает о Боге, не посещает благотворительные мероприятия по выходным, но может часами сидеть и говорить с парнем-заключённым, который не в состоянии бросить курить крэк. Это вылечивает Боба от его духовной болезни, потому что он хочет делать что-то не для себя, а для другого человека. Делая это, он не ожидает получить что-то для себя, но косвенно, конечно, получает.

В песне Otherside с альбома Californication я написал: “Сколько, сколько я ещё буду скользить/Отделись от меня/Я не верю, не верю, что это плохо”. Я не верю, что наркозависимость имеет исключительно отрицательные черты. Это действительно тёмный, тяжёлый и разрушительный опыт, но променял бы я его на жизнь нормального человека? Чёрт возьми, нет. Это было отвратительно, и ничто не ранит так сильно, но я бы ни на минуту не усомнился в своём выборе. Всё дело в том, чтобы ценить каждую эмоцию в спектре чувств и жить для неё. Я не пытался сам создавать эти ощущения, но нашёл способ охватывать их все. Несмотря на то, что я уже прожил его и четыре года чист, я не пытаюсь забыть о своём прошлом опыте, потому что в моём положении могу сотням страдающих людей. Все рецидивы и возвращения, кажущиеся ненужными дополнениями к уже вымученному опыту, в итоге, станут значимыми. Я могу встретить человека, который раньше был чист, но не в состоянии снова бросить, и сказать ему: “Я был в таком же положении, годами делал это, качался из стороны в сторону, но теперь...”

Однажды вечером я вместе с Гаем О пошёл на курс каббалы, урок был о четырёх аспектах человеческого эго, которые символизируют огонь, вода, воздух и земля. Вода означает чрезмерное желание удовольствия, я водный знак, и в этом вся моя жизнь. Я хотел ощущать наслаждение до безумия. Это так и называется getting high (получить кайф или дословно, подняться высоко), потому что ты хочешь познать высший божественный уровень. Ты хочешь дотронуться до небес, почувствовать славу и эйфорию, но достижение этого требует усилий. Это нельзя купить, достать это на каком-нибудь углу, украсть, ввести в себя или запихать в задницу, нужно это заработать. Когда я был тинэйджером и принимал спидбол, я не думал: “Я хочу познать Бога”. Но глубоко внутри себя, возможно, я и хотел этого. Может быть, я и хотел узнать, что значит весь этот свет, но пытался сократить путь. В этом вся история моей жизни, даже в детстве в Мичигане я возвращался из школы через соседский задний двор и перелезал через забор. Не важно, был ли я искусан собакой, рвал штаны о сук или натыкался глазом на ветку дерева, по которой переползал, главным было сократить путь. Всю свою жизнь я сокращал, и, в итоге, потерялся.

Сейчас всё хорошо. Мы с Бастером живём в отличном доме. Меня окружают удивительные, готовые прийти на помощь друзья. А когда приходит время ехать в тур, я оказываюсь в кругу других любящих людей. Одна из моих самых близких друзей Сат Хари (Sat Hari). Она вошла в мой мир в мае 2000 года, когда Фли взял её в тур для проведения внутривенного лечения озоном. Сат Хари медсестра, американский сикх, милая, защищённая от внешнего мира молодая де-

вушка в тюрбане. Она выглядит как женская версия Фли, улыбка с такими же щёлками между зубов, такая же форма лица, такой же цвет глаз, такой же маленький короткий нос. Она источает материнскую любовь, тепло, заботу, скромность, словно глубокий вдох свежего воздуха и женской энергии. Я не имею в виду сексуальную энергию, по крайней мере, не для меня. Мне она как сестра, мать, заботливый друг и врач одновременно.

Вся наша группа и команда сопровождения буквально влюбилась в Сат Хари, она стала матерью-самкой для всей нашей стаи. Все исповедовались ей, днями и ночами раскрывая перед ней свои самые глубокие, тёмные и потаённые секреты. Но и мы также влияли на неё. Она была подконтрольным и подчиняющимся сикхом, которой говорили, что можно делать, а что нет, с кем можно говорить, а с кем нет. Мы познакомили её с новым миром свободно мыслящих людей, которые просто танцевали и наслаждались жизнью. Она расцвела как личность и вышла из своей раковины. В туре *By the Way* она жила в одном автобусе вместе со мной и Джоном, это был уютный кокон счастью на колёсах.

Мы передавали эту энергетику всем аренам, на которых играли. После нескольких первых туров мы также поняли, что все закулисные помещения больше похожи на холодные могилы с флуоресцентным светом, где не хотелось проводить и двух минут. Поэтому на тур *Califonication* мы наняли женщину по имени Лиза Блум (*Lisa Bloom*), которая умело украшала эти комнаты. Она раскладывала там коврики, развешивала гобелены, гасила флуоресцентное освещение, приносила стерео систему, а стол накрывала свежими фруктами, овощами, орехами, заваривала чай.

Мы тусовались там перед концертом, и Джон, который стал нашим официальным ди-джем, выбирал музыку. Они с Фли брали гитары и разогревались, а я распевался. Затем я готовил всем чай и писал сетлист. Сат Хари приходила и давала нам озон, а потом мы растягивались на полу и немного медитировали. Мы сохраняем все эти основополагающие ритуалы, которые развиваются и становятся всё лучше и лучше.

Перед выходом на сцену мы собираемся в круг души. Забавно как он эволюционировал с годами. Когда мы были нахальной молодой группой голливудских парней, мы собирались в круг и шлёпали друг друга по лицу перед выходом. Это, как следует, разогревало нас. Сейчас мы собираемся, берём друг друга за руки и медитируем вместе, вдумываясь в то, зачем мы здесь, и что нам необходимо, чтобы быть вместе. Кто-то может вставить фразу “Давайте посвятим этот концерт Гипперу (*Girper*)” или “Там, снаружи гроза, давайте насладимся этим”. Иногда Фли говорит эти слова поддержки. Иногда я могу пошутить или придумать какую-нибудь рифму. С недавних пор, Джон стал говорить больше остальных в нашем круге. Чэд обычно отмалчивается, но он всегда внимательно слушает.

Все эти ритуалы дают мне опору. Но, как бы иронично это не прозвучало, меня также постоянно поддерживает моя одержимость наркотиками. Забавно, в эти первые пять с половиной лет моей трезвости у меня никогда не возникало желания принять наркотики. Бесконтрольная зависимость, которая управляла мой с одиннадцати лет, впервые бесследно исчезла. Это было настоящее чудо. Когда вышел из своей первой реабилитационной клиники, идея пойти и снова принять

наркотики казалась мне чуждой. Я мог сидеть и смотреть в упор на гору кокаина, она ничего не значила для меня; а ещё месяц назад я был, трясся и истекал потом от физической реакции. Обычно такие трусливые негодяи снова возвращаются к наркотиками через употребление прописанных им болеутоляющих.

Когда у меня случались рецидивы, я не видел для себя шансов, снова освободиться от своей зависимости. Это может показаться трагическим проклятием, но я вижу в этом и светлую сторону: теперь мне нужно усиленно работать над своей трезвостью. Раньше, когда я освобождался от этой одержимости, я мало работал над собой. Теперь мне нужно быть ещё более дающим, прилежным и участливым человеком, потому что не проходит и недели без того, чтобы я снова подумал о принятии наркотиков.

В первый год моей трезвости, весь 2001, желание получить кайф посещало меня каждый день. Особенно в конце года, когда Йохана выехала, оно было таким сильным, что я не мог спать. Однажды ночью я вплотную приблизился к тому, чтобы сделать это снова. Я был дома один, на небе была полная луна. Я писал песни для *By the Way*, всё шло хорошо, я ощущал вдохновение. Я вышел прогуляться, ночь была ясной, и можно было увидеть очаровательные огни окраинных районов города.

Я был готов бросить всё ещё раз, собрал маленький выходной рюкзак с вещами и оставил записку своему ассистенту, чтобы тот присмотрел за Бастером. Я взял ключи от машины и вышел из дома. Но на крыльце я остановился, посмотрел на луну, на город, затем на машину, на свой рюкзак и подумал: “Я не могу. Я не должен снова пускать всё под откос”, и вернулся в дом.

В прошлом эти колёса были в движении: забыть обо всём, наводнения, землетрясения, голод, нашествия саранчи, ничто не остановило бы меня на моём отвратительном пути. Но сейчас я доказал самому себе, что могу жить со своей одержимостью, пока она полностью не уйдёт. Я принял тот факт, что регулярно думал о наркотиках, что мог смотреть рекламу пива, где с запотевшей бутылки слетает пробка, и хотеть его выпить (но сдерживать себя от этого).

Меня обрадовало то, что на второй год моя тяга сократилась вдвое, и ещё вдвое в третий. Я всё ещё немного избит и измучен, но по большому счёту, мне не на что жаловаться. Спустя все эти годы, когда я многим злоупотреблял, врезался в деревья на скорости восемьдесят миль в час, прыгал с домов, переживал передозировки и инфекции печени, я чувствую себя лучше, чем десять лет назад. Возможно, у меня остались какие-то старые раны, но это ничего, я всё ещё прогрессирую. И когда меня всё-таки посещают мысли вроде: “Чувак, чёртов номер в motelе с наркотиками на пару тысяч долларов приведут тебя в порядок”, я просто смотрю на свою собаку и вспоминаю, что Бастер никогда не видел меня под кайфом.